
Лидия Григорян

СТО ПЕРВАЯ ВЕСНА

Нижний Новгород
Издательство «Кварц»
2015

Благодарим за финансовую поддержку издания книги Агаси Алековича Алесяна, Геннадия Тевановича Амирджаняна, Айка Грачиковича Будурияна, Валерия Павловича Григоряна, Самвела Кимовича Казаряна, Левона Рудольфовича Маргаряна, Александра Мамиконовича Меликсетяна, Артура Мануковича Хачатряна, Вруйра Вагаршаковича Худагуляна.

*На обложке – картина художника О. Мазманяна «Последняя весна».
В оформлении книги использованы работы художников
О. Мазманяна и В. Подпомогова.*

Григорян Л.С.

Г 83 Сто первая весна. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 440 с.: илл.
ISBN 978-5-906698-16-2

Книга «Сто первая весна» приурочена к столетию Геноцида армян – величайшего преступления XX века против человечества, совершенного в османской Турции. Авторы историй и эссе – жители Нижнего Новгорода – друзья армянского народа и армяне-нижегородцы, являющиеся прямыми и косвенными потомками армян, прошедших ад Геноцида. Среди авторов – представители всех слоев населения, люди разного возраста, разных профессий и рангов. В итоге из разных по содержанию, но единых по тематике историй получилась целостная картина прожитых нацией ста лет – века парадоксов и взросления, века, приведшего нас к сто первой весне.

ББК 63.3(5Арм)

ISBN 978-5-906698-16-2

© Григорян Л.С., 2015
© Издательство «Кварц», 2015

ИСКРЕННО БЛАГОДАРЮ

Британский литературный критик Доктор Джонсон как-то сказал, что человеку приходится перелистать половину библиотеки, чтобы написать одну книгу, и точно так же автору «Сто первой весны» пришлось пропустить сквозь себя сотни историй, чтобы развернуть в полном объеме картину описываемых событий.

И как подчас был близок провал затеянного! И как туманно виделся маяк в этой одиссее памяти, и скрипели борта корабля, и рвались цепи событий, соединяющие прошлое с настоящим... Но что, скажите мне, в действительности поддерживает корпус корабля, как не киль и мачты его? Точно так же наш корабль держали на плаву авторы историй данной книги, духовный пастырь ААЦ «Сурб Аменапркич» отец Себеос и Совет Нижегородской армянской общины – именно они не давали сбиться повествованию с основного направления. Искренне благодарю всех за понимание и доверие, за неоценимую поддержку!

Благодарю также семью художника Оганеса Мазманяна, Артура Мануковича Хачатряна, Агаси Алековича Алесяна, Левона Рудольфовича Маргаряна и Александра Мамиконовича Меликсетяна за предоставленную возможность сфотографировать картины художника Мазманяна из их личных коллекций.

Лидия Григорян

Дорогой читатель!

Книга, которую вы открыли, является документальным свидетельством трагедии армянского народа и подтверждением гнусного злодеяния, организованного правительством Османской империи в 1915 году.

Уже сто лет наш народ призывает государства и страны осудить Геноцид на законодательном уровне и тем самым взывает к бдительности человечества. Если бы не равнодушные мировой общественности, не повторилось бы истребление целых народов по этническому признаку, которое имело место в Холокосте, Камбодже, Руанде, на Ближнем Востоке...

Данное издание увидело свет в рамках мероприятий, которые Российская и Ново-Нахичеванская епархия проводит к 100-летней годовщине Геноцида армян. Книга создана благодаря творческим усилиям Лидии Григорян, долгое время скрупулезно собиравшей фактический материал, который проливает свет на события описываемого периода.

Издание предназначено не только для армянского, но и для русскоязычного читателя, который желает узнать правду о судьбе братского армянского народа. Именно братского, ведь на протяжении веков жизнь Армении и России протекала в едином ареале, и потому наши духовные идеалы, окрепшие в долгом совместном пути, так близки.

Приветствуя выход книги, призванной рассказать правду о страшном преступлении против человечности, шлем наше благословение всем тем, кто трудился над ее созданием, и возносим молитву Всевышнему Господу, прося даровать им неиссякаемую жажду служения истине и справедливости.

Архиепископ Езрас Нерсисян
Глава Российской и Ново-Нахичеванской епархии
Армянской Апостольской Церкви,
Патриарший Экзарх в России

Генетический код нашей памяти

В преддверии столетней годовщины Геноцида армян – одной из величайших трагедий в истории армянского народа и всего человечества – можно проследить два доминирующих противоположных ожидания – у армян и у турок.

Для нас, армян, важным и судьбоносным является сохранение и передача памяти поколения, пережившего и помнящего ужасы Геноцида. Эти воспоминания невольно стали генетическим кодом памяти и самосохранения армянского народа. Для каждого армянина память о Геноциде должна стать не простым воспоминанием, а священным напутствием на продолжение справедливой борьбы, конечной целью которой должно стать возвращение нашей Родины.

Другая сторона – турецкое политическое руководство и большинство турок – очень надеется, что с завершением памятных мероприятий армяне всего мира перестанут бороться за восстановление исторической справедливости и для турок начнется период спокойной и безоблачной жизни.

Никогда!

Никогда и ни при каких условиях мы не имеем права дать сидящим в Анкаре и Стамбуле господам возможность хоть на секунду подумать, будто мы готовы предать забвению

это преступление. Мы должны напоминать не только им, но и всему человечеству об этом клейме на лице турецкой государственности до тех пор, пока потомки совершивших Геноцид не опомнятся, не осудят злодеяния своих предков и не начнут думать и предпринимать шаги к устранению последствий этого преступления. Мы не должны испытывать никаких иллюзий: союзники Турции не выступят против ее интересов. Более того, появится много советников и «доброжелателей», которые будут стараться наставить нас «на путь истинный» и начнут разглагольствовать о важности примирения и прощения. На эти цели уже выделены значительные средства.

Для нас ясно одно: пока Турция разговаривает с Арменией языком угроз и продолжает держать границу под замком, для нас сохранение памяти о Геноциде и требование устранения его последствий является борьбой за выживание и обеспечение собственной безопасности.

Я приветствую инициаторов данного проекта, который будет весомым вкладом в дело сохранения нашей общей памяти. Уверен, что воспоминания и оценки потомков армян, переживших Геноцид, вошедшие в книгу «Сто первая весна», станут новым импульсом для молодого поколения в постижении истории и осознании себя в орбите достойной армянской идентичности.

Гайк Демоян,
доктор исторических наук,
директор Музея-института Геноцида армян

СТО ПЕРВАЯ ВЕСНА

Век парадоксов и взросления (вместо предисловия)

В одной из своих книг я уже писала, что мне было всего пятнадцать лет, когда я впервые узнала о Геноциде своего народа. Сначала это было непонимание и шок, затем депрессия, из которой я выходила с большим трудом. Наша семья тогда жила в городе Грозном, далеко от Армении, которую мы, внуки Христофора (Хосрова) Торосяна, не видели, но знали обо всём, что там происходило, ибо дед мой выписывал газету «Советакан Аястан»¹.

На протяжении всей своей сознательной жизни я искала ответы на многие вопросы, касающиеся Геноцида и многих других сторон нашей истории. Несмотря на наличие множества серьезных научных трудов по Армянскому вопросу, мне казалось, что книг о Геноциде для рядового читателя или же читателя не армянского происхождения у нас нет. Все каталоги, сборники свидетельств с картинками и фотографиями кровавого уничтожения армян для меня были слишком тяжки, они меня пугали даже тогда, когда я стала уже взрослой, – там жила только смерть и не было ни единой щелочки, чтобы увидеть просвет.

В годы моей молодости освещение истории Геноцида армян всегда было крайне политизированным. Советские авторы, поверхностно освещая деяния Османской империи, замалчивали примеры антиармянской деятельности большевиков, а труды европейских авторов нам были недоступны, но и они, как я поняла потом, старались умалчивать о неблагоприятных деяниях американских, британских, французских и немецких политиков и дипломатов по отношению к христианским народам Османской империи. Я очень рада, что многие авторы этой книги нелестно отзываются о молчании армянских советских авторов на тему Геноцида, поэтому о них я не буду вспоминать отдельно. Что же касается турецких писателей, историков, политиков, то они как прилагали все усилия для

¹ Советская Армения.

отрицания самого факта Геноцида армян и оправдания организаторов «депортаций», так и продолжают это делать. Но разве покаяние нужно убийце не больше? Тем более что именно признание факта Геноцида армян лишит многие европейские страны повода совать нос во внутренние дела Турции, как это было с давних времён по сегодняшний день. Но, несмотря на то что элита Турции упорно повторяет, что Геноцид армян – это армянский вымысел, я верю, что процесс международного признания и осуждения Геноцида армян в Османской империи необратим.

Но тут я вспоминаю себя в пятнадцать лет и понимаю, перед каким психологическим ударом стоит турецкий народ, который столько лет обманывали, искажая всю турецкую историю.

Для каждого человека память о своих предках священна, особенно если это память о несправедливо убитых родных и близких. Мой бедный дед, он так мечтал вернуться в свой Тарон, выпить глоточек холодной, вкусной воды из родника, поставить один общий хачкар на кладбище в память целого уничтоженного рода из 47 человек, чтобы было где поставить свечку и помолиться за души мучеников! Мой бедный, выживший чудом дед!

Я до сих дней прислушиваюсь к советам деда, которого давно уже нет в живых, но со мной – его любовь к Богу и народу, его любовь к родине и армянской культуре, его вера в светлое будущее народа.

Как только дед получал газету «Советакан Аястан», он начинал готовиться к обзору, так как через день-другой у нас дома собирались армяне, человек 20–30, – послушать родину, как говорили они. А пока, расстилая по столу газету, дед читал, что-то шептал, качал головой, вздыхал – иногда грустно, а иногда весело, – прихлопывая ладонями. А потом просил:

– А ну-ка возьми этот текст в красный квадрат и поставь цифру один, а этот текст – в синий квадрат и поставь цифру два.

При этом он ещё умудрялся рассказывать мне и сидящей за шитьём бабушке интересные новости. Так мы узнали, что сам академик Мкртич Гегамович Нерсисян написал статью о национальном герое и патриоте Андранике.

– Молодец, – восхищался дед, – смотри, не побоялся! Вот послушайте...

И мы с бабушкой слушали статью и радовались вместе с ним. Наконец, газета прочитана, тексты пронумерованы, и вот собираются соседи, рассаживаются даже на полу, и дед начинает знакомить всех с новостями родины. За окном холод, снег, а в нашем большом зале сидят армяне и, затаив дыхание, слушают. Это сегодня я, взрослый и состоявшийся человек, понимаю, сколько драматизма и безысходности было в той сцене! Но в то же время какая тяга к печатному слову, какая горькая любовь к родине, к своим корням и жажда, болезненная жажда быть со своим народом хотя бы в таком варианте, который предлагал им мой дед.

Признаюсь, мир ещё не видел такого сурового критика. Когда он понял, что писать стихи для меня – не просто баловство (прозу я стала писать только с 2000 года), он стал вникать в каждую мысль и каждое слово. В основу будущего произведения, говорил он, надо брать искреннюю любовь к Богу и своему народу. Затем надо добавить к этому национальную гордость и темперамент. А так как ты родилась и живёшь в России, надо щедро подмешать к этому вареву уважение, преданность и знание истории России, затем вовремя подкинуть сюда свои вечные армянские проблемы, всё это перемешать так, чтобы у твоего создания появилось дыхание, цельность и нерв твоего народа – армянского народа.

Интересный рецепт писания, но он пока оправдывает себя. К сожалению, а может быть, так оно и правильной, из меня не вышел чисто армянский писатель. Я пишу на русском языке, пишу и о России, и об Армении, хотя почти всегда думаю по-армянски, люблю по-армянски, верю по-армянски, чувствую по-армянски. Бывает, что даже в русскоязычном романе я внутренним слухом слышу и чувствую армянский колорит, что для меня очень важно, ведь это наследство досталось мне от предков.

Первопричину моего решения сделать книгу из историй о наших предках нужно искать там, в далёком детстве, где я впервые познала обиду и недетскую ярость за Геноцид своего народа, впервые почувствовала, какой горькой бывает любовь к родине и к своим корням.

Авторы книги «Сто первая весна» – это россияне, друзья армянского народа и сами армяне-нижегородцы, являющиеся прямыми и косвенными потомками армян, прошедших ад Геноцида. Их истории – это не только рассказы об изгнанном со своих земель армянском народе, но ещё и осознание себя как нации; оценка своих достижений и критика своих поступков; восхищение героизмом соотечественников и неожиданно искренние откровения. В книге зафиксированы многие известные нам факты о трагических событиях в Османской империи 1894–1923 годов. Но самое главное, события эти анализируются не с точки зрения учёных, а с точки зрения простого человека, нашего современника. Я постаралась охватить все слои населения, людей разных возрастов, разных профессий и рангов. За полтора года поисков, чтения писем и историй, перевода их на русский язык, встреч и бесед с теми, кто не решился сам записать свою историю, было собрано более 300 рассказов. К сожалению, отбора не удалось избежать – не все воспоминания вошли в книгу. В итоге из разных по содержанию, но единых по тематике историй получилась целостная картина прожитых нацией ста лет – века парадоксов и взросления, века, приведшего нас к сто первой весне.

Общепонятная память зафиксировала весь трагизм пройденного пути, мы извлекли из всего этого уроки, обрели единство и силу – пора устремляться вперёд. Пора перешагнуть через себя, освободиться от статуса униженных и оскорбленных, взглянуть на себя со стороны и подумать о том, что сто первая весна будет такой, какой сделаем ее мы сами. Мы вправе строить свой дом таким, каким хотим его видеть.

Ли́дия Григо́рян

Автор-составитель взял на себя право и обязанность не искажать имена и факты в предоставленных историях, но дополнять их доказательствами в виде документальных вставок, взятых из мировых научных и исторических источников. В «Приложении» даны объяснения слов, выделенных в тексте жирным шрифтом.

Силвард АКОПЯН,
бухгалтер, 55 лет

ПРИШЁЛ ЗУЛУМ

Мой дед был из города **Алашкерта Западной Армении** – города, который всю жизнь будоражил его память, заставлял тосковать и горевать. Помню из моего детства, что у нас был старый, непонятно от кого доставшийся патефон. Подходить к нему могли только отец и я, чтобы поставить для деда пластинку с песней о журавле. В песне автор просил птицу отнести его любовь и приветствия в города потерянной родины – **Муш, Ван и Алашкерт**. Не помню, в чьём исполнении была песня, но она трогала взрослых, а в особенности деда. Он по несколько раз в день просил: «Силвард-джан, поставь, внученька, мою песню, что-то душе плохо». И я, украдкой гримасничая, ибо песня мне порядком надоела, ставила в очередной раз пластинку. Потом отец купил магнитофон, а патефон ушёл на заслуженный отдых. Накрученные коричневой блестящей лентой кассеты пели голосом Розы Армен, Азнавура, Аракси Гюльзадян, Ованеса Бадаляна. Дед слушал мало, но много вздыхал, а потом вдруг запевал свою песню сам. За неделю до кончины деду приснилась родина, где он провёл всего тринадцать лет своей жизни. Несколько дней он был ра-

достным и всё рассказывал и рассказывал о родных местах, да так, словно был там вчера, а потом вдруг сник, вспомнил, как пришёл Зулум² в облике курдов-гамидеев, выкравших его старшую сестру Заре и красавицу-невестку Анаит, жену старшего брата. «Потом всё и началось», – говорил он вполголоса и замолкал надолго. Я же удивлялась, мол, что он мог тогда запомнить в свои тринадцать?

Восприятие родины для него было святым чувством, и он почему-то верил, что когда-нибудь вернётся в свой Алашкерт.

Через неделю после этого его сна, 20 апреля 1973 года, мне исполнилось тринадцать лет. Отец по просьбе бабушки вытащил патефон из кладовки. Дед почтительно, будто на старого друга, глядел на крутящуюся пластинку и слушал свою песню. Поздравляя меня с днём рождения, дед сказал, что когда-то ему тоже было тринадцать счастливых лет, за которыми пошли чёрные дни. «Дай Бог тебе, дитя, не видеть и не слышать поступи Зулума. Отомсти за всех нас – будь счастливой!»

...Я не люблю свой день рождения. В этот день умер мой дед Геворг. Он умер во сне. Он лежал так естественно, что даже бабушка, вставшая рано утром, ничего не поняла. Мы долго горевали о деде. С его смертью наш дом не только опустел, но и осиротел: создалось ощущение, что вместе с ним ушёл дух родины, который всегда присутствовал в наших сердцах из рассказов деда. За один день мы потеряли и родину, и деда...

Вот такая у меня история. Не знаю, подойдёт ли мой рассказ для книги, но больше я ничего не знаю. Вот попросила своих внуков найти данные о родине моего деда. Наверное, поздно спохватилась. Но раньше мы как-то старались молчать на эту тему. Признаюсь, что это было неправильно.

² Зулум (арм.) – бедствие.

Агаси Алекян,
президент группы компаний «Автобан»,
председатель Нижегородской армянской общины

ВРЕМЯ БЫСТРОТЕЧНО

Время быстротечно – сегодня я без сомнений могу утверждать это! Будто вчера я, еще маленький мальчик, устремляя взгляд к солнцу, шурил глаза от его лучей, а мыслями переносился в будущее, в котором мечтал сделать что-то, что улучшит жизнь в моем дворе, в моей стране...

Я родился в селе Гарни Абовянского района, где очень отчетливо прослеживалась родовая преемственность традиций и нравов. Помню, мой дед по материнской линии Акоп Хачатурович часто брал меня с собой на прогулку. Маршрут был зачастую одним и тем же: мы спускались к ущелью реки Азат, и время становилось пленником наших занимательных бесед! Дед говорил, что вода хранит и передает историю народа, а находясь у реки, он чувствует особую свободу. Он был очень жизнерадостным человеком, пожалуй, одним из редких людей, которые замечают и чувствуют в каждой мелочи вселенскую радость. Лишь спустя годы, когда я стал чуть старше, понял, что приводило его к воде снова и снова...

24 апреля 1915 года он ребенком вместе со своими родными братом, сестрой и семьей дяди (родного брата отца) спасался от смерти, переходя реку Аракс. Его отца Хачатура Григоряна настигла страшная смерть прямо на глазах детей, а мать была взята в плен, и о судьбе ее с тех пор никто ничего не слышал. Чтобы детей как сирот не отправили на усыновление за границу, дядя отдавал их на время в приюты, поэтому отец моей матери свое детство провел в скитаниях из одного приюта в другой.

Размышляя об этом сегодня, сложно представить, как можно перенести такие потрясения в столь юном возрасте и при этом сохранить веру и любовь к жизни!

Быстротечно время! И приходит пора, когда можно проследить связующую нить от прошлого к будущему, определив ее словом «теперь». Теперь я часть многомиллионной диаспоры, разбросанной по разным уголкам планеты! Теперь я россиянин! Знал ли я, что свяжу свою жизнь с этой землей? Безусловно, нет! Но ведь там, где пути друзей пролегают рядом, мир на какой-то момент может показаться домом! Так разные страны в разное время становились гаванью для миллионов армян, волею судьбы вынужденных покинуть родную колыбель. Стоит отметить тот факт, что где бы ни жили армяне, они созидали во благо этого государства, во благо мировой культуры! Так мир узнал Уильяма Сарояна, Шарля Азнавура, Арама Хачатуряна, Анри Верноя, Артема Микояна, Павла Лисициана и многих других. Эти имена сегодня являются брендами, символами армянского гена! Являются свидетельством того, что армянский народ трудолюбив, остроумен, талантлив и мужественно со смирением будет нести свой крест до конца!

Болезненная привязанность к проблеме признания имевшего место быть Геноцида армян в Османской Турции мировым политическим сообществом и современным турецким государством является ахиллесовой пятой нашего народа! Сегодня мы направляем всю свою энергию, мысли, средства, чтобы доказать миру то, что является аксиомой! В поисках исторической справедливости мы забываем о том, что человеческая бытность неизменна, что людские пороки переносятся из одного века в другой! Что во все времена, какие бы уроки мы ни извлекали из истории, найдутся жаждущие развязывать войны и сеять вражду! Не значит ли это, что в поисках правды мы забываем о себе в реалиях настоящего времени и таким образом идем на поводу у игры, затеянной еще век назад?

Тонкая психологическая грань отделяет позицию жертвы от позиции хозяина положения! Кто определяет нашу величину сегодня? И почему мы так любим говорить об Армении как о нашей гордости лишь в прошедшем времени, лишая себя шанса верить в самих себя и действовать? Мы сильны и сейчас, без сомнения! У нас есть независимое государство – то, о чем некогда мечтали наши предки, и двенадцать миллионов армян являются адвокатами наших интересов на земном шаре.

Полагаю, нам необходимо делать ставку на себя. Общими усилиями разработать стратегию, которая будет доступна как дипломату, так и простому обывателю. Нам нужна идеология, в которой люди разного социального уровня смогут быть на равных условиях одинаково полезны Родине. Приоритетными направлениями для армян должны быть образование и духовно-нравственное воспитание. Отрадно, что благодаря множеству донорских проектов в самой Армении сегодня действуют инновационные образовательные центры, которые позволят воспитать новое поколение, отвечающее по своим знаниям и характеру современным мировым реалиям! Сегодня армянские общины, являясь частью того или иного государства, должны отдавать себе отчет в том, что они ответственны за судьбу этого государства, и должны созидать во благо страны, ставшей для них домом, для своих потомков, во имя доброго имени нашей исторической Родины! Как нижегородцы мы должны быть частью гражданского общества этого региона, частью России! И такая модель, на мой взгляд, переносима на любого армянина, связавшего свою жизнь с той или иной страной! Лучшее проявление патриотизма для нас и наших детей сегодня – это быть достойными людьми общества: законопослушными гражданами, высококвалифицированными и преданными своему делу специалистами, отзывчивыми соседями, верными друзьями, и самое главное, примером в сохранении семейных традиций и ценностей, ведь семья – основа культуры любого этноса! Я убежден, что, следуя этому принципу, мы будем лучшими послами доброй воли армянского государства, сможем высоко держать планку чести и достоинства армянского народа!

Ушедший 2014 год был очень насыщенным и символическим для Нижегородской армянской общины. Мы отметили 20-летие со дня основания организации, и лучшим подарком на наш юбилей стала торжественная церемония освящения армянского храма с символическим названием «Сурб Аменап-рич» (Христа Спасителя). Мы мечтали об этом с первого дня существования общины и гордимся этой победой!

Мы занимаемся масштабными благотворительными проектами как внутри региона, так и в Республике Армения: под нашим патронажем находятся школы с углубленным изучени-

ем русского языка в Армении, на базе национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского действует Центр арменоведения, недавно признанный одним из ведущих центров в данной области в мире. Наш ансамбль армянского народного танца «Наири» является достоянием общенности, его творчество вдохновляет и радует не только армян, но и представителей всех народов, проживающих с нами под одной крышей. Мы стараемся сохранить армянский язык, литературу и считаем очень важным существование воскресной армянской школы, позволяющей изучать родной язык как детям, так и взрослым! Наконец, мы способствуем сохранению и укреплению многовековой российско-армянской дружбы, давно уже названной братским союзом! Активное сотрудничество в области культурной дипломатии осуществляется между Нижегородской городской и областной администрациями и мэрией Еревана и правительством Армении! Наша молодежь сегодня вовлечена в нижегородские молодежные проекты и всячески способствует межнациональному миру и согласию в студенческой сфере. Двадцать лет – это тот возраст, в котором человек начинает отчетливее понимать ориентиры и способен планировать для себя более масштабные открытия, так же устроена и работа организации. Уже на этом этапе мы прошли достаточно тернистый путь и планируем покорять новые вершины!

Безусловно, трагические времена порождали настоящих героев. И если бы не потрясения и угрозы, возникшие в те или иные времена перед армянским народом, вряд ли мы знали бы Монте Мелконяна, Вардана Мамиконяна, предка нашего Гайка и многих других. Но кто они, герои нашего времени? Гарегин Нжде говорил: «Нельзя быть одновременно плохим человеком, но хорошим армянином, нельзя быть несовершенным человеком, но совершенным армянином». Героями нашего времени станут порядочные, образованные благочестивые армяне, посвящающие свои мысли и силы усилению армянского государства!

Миру известно множество случаев, когда безнадежно больные люди исцелялись, и это называли чудом. Этим чудом было не что иное, как вера и желание подняться на ноги и

жить! Лучшее, что мы можем сделать для полутора миллионов погибших, но не предавших свою веру армян, – это жить, созидать и благоденствовать! Сегодня я отец пятерых детей, и моему младшему сыну примерно столько, сколько было мне, когда я ловил солнечные блики, мечтательно представляя мирное будущее! Я и сейчас верю в расцвет, лишь нужно действовать! А вы верите?

Нарине МНАЦАКАНЯН (ДАВТЯН),
педагог, 37 лет

ПАМЯТЬ ПОВЯЗАЛА НАС ВСЕХ

В нашей жизни есть отрезки времени, которые не забываются. Они вживаются в нас густым дыханием, становясь частью нашей души, разума. Это бывает, когда случается что-то сверхъестественное, когда не сразу веришь происходящему. Это дыхание может быть как хорошим, так и плохим. Хорошее легко носить в себе, оно придаёт нам энергию. А вот что делать, когда к сердцу чернущей пиявкой присасывается ненависть? Ведь это тоже въедается в тебя, да так, что рвёт на мелкие частички из непониманий, обид, самобичевания и, поверьте, безмерной боли за свою нацию. Историю своих предков я всю жизнь ношу в себе. Её ведь и не расскажешь, – эту историю трудно выслушать, она ранит и оставляет за собой шлейф непониманий и какого-то снисхождения к твоей нации. Так мне кажется. И вот, наконец, представился случай поделиться воспоминаниями деда. Я обязательно должна это сделать, во имя памяти наших предков. Сожалею, что нет моего деда в живых, он бы рассказал эту историю по-своему – вспоминая всё до мелочей. Закрываю глаза и слышу голос деда...

Слушайте...

Мой дед Мурад Хачатурович Давтян родился в 1901 году в **Западной Армении** в селе Храпшар, что в Мушской области, в семье варпета³ Хачатура и Анны. Мурад был первенцем, затем родились его брат Ованес и две сестры Зозан и Берсапен. О **Муше**, похожем на рай, Мурад рассказывал так красочно, что мы, его дети и внуки, замирая, слушали эти рассказы. Мы знали наизусть, что в тех краях, откуда дед родом, с неба сыплется манная крупа, леса там полны дичи и орехов разных сортов, земля плодоносна, вода вкусная и холодная, а небо высокое и голубое, как голубоглазое, родное сердцу озеро Ван.

– Несправедливо, что всё это отнято у нас, – говорил он. – Почему? Мы что, не так жили на своей земле? Мы не чтим законы и правила своего древнего края? Разве может кто-то любить так, как мы, недоступные горы **Сасуна**, изумрудные раздолья нашего Муша? О, мой Храпшар, мой дом, моя родина! Что случилось с моей страной, кто живёт на моей земле? Вах, Аствац!⁴

Под стоны деда наши ручонки украдкой вытирали слёзы, а наши детские умы со взрослой скорбью жалели, что мы никогда не видели Муша.

В Храпшаре веками бок о бок жили армяне, курды, ассирийцы и турки. Жили дружно, как добрые давние соседи, хорошо знавшие друг друга, приходившие на помощь в беде, разделявшие друг с другом радость. Притеснения христиан со стороны турок были всегда, но переносились они с тем пониманием, что жил христианский народ под властью Османской империи и должен был подчиняться султану и его законам беспрекословно. Каждое утро над селом поднимался дым тонириров, пекли хлеб, из хлебов выгоняли отары овец и стада крупного рогатого скота на зелёные луга. Село Храпшар было добротным и богатым. Мурад жил в очень большой семье. Главой семьи был Нато, его дед, у которого было семеро сыновей. Один из этих сыновей был отец Мурада – Хачатур. Все сыновья были женаты, у всех были свои

³ Варпет (*арм.*) – мастер какого-то определенного ремесла.

⁴ О Господи (*арм.*).

комнаты, и была одна большая зала, где собиралась семья на обед. Хозяйство и доход семьи были общими. Двадцать два малыша от года до пяти было в семье и двенадцать подростков от семи до семнадцати лет. Из их семьи выдвинулась целая плеяда фидаи, отряды которых перед 1910 годом были распущены, но многие мужчины стали участниками национально-освободительного движения армян Западной Армении, мечтая о свободной, независимой стране. Конец 1914 года был тревожным, в турецкую армию забрали многих армянских юношей, в том числе и из семьи Давтян. Вести шли недобрые. То тут, то там **гамидеи** и турецкие отряды стали вновь притеснять христиан. В их селе тоже стали появляться люди, похожие на военных. Приедут, походят, поднимут налоги и уедут. Тревожно начался 1915 год. Однажды в полночь в дверь семьи Давтян громко постучали. Вошли военные и спокойно объяснили, что всех мужчин забирают на работы для проведения водопровода. Как закончатся работы, все вернутся домой. Мужчины, в том числе и юноши старше пятнадцати лет, оделись (12 человек) и вышли за военными. Женщины заплакали, не поверив в сказанное, но дед Нато прикрикнул, и все молча разошлись по комнатам. На следующий день стало ясно, что собрали мужчин только из христианских семей. Курдов и турок не тронули. Время шло, а мужчины не возвращались. Во всех христианских семьях остались старики, женщины и дети. Мурада тогда не забрали, потому что он был чересчур щуплым ребенком – никто и подумать не мог, что ему шел четырнадцатый год. Был у деда Нато хороший друг, турок, в администрации села, так он на все вопросы о мужчинах отвечал:

– Вернутся, Нато, это ведь не игла в стогу сена, чтобы потеряться, 250 мужчин из села увели, шутка ли!

Но однажды он же, хмуря брови, пришёл к ним домой и, смущаясь, повесил на двери дощечку с надписью на турецком языке: «К этому дому не подходить». На вопросительный взгляд Нато он сказал: «Так, на всякий случай». Это было уже ранней весной. Однажды женщины семьи, как всегда, встали рано, разожгли тонир, чтобы испечь хлеб и приготовить завтрак. Одной из невесток всю ночь было плохо, она долж-

на была скоро родить. Она присела, чтобы покормить проснувшегося годовалого ребёнка, и тут с улицы послышались крики, дверь их дома распахнулась, и в дом ввалились турецкие жандармы. Он были похожи на диких зверей. Глаза их были наполнены ненавистью, а их слова были похожи на рычание. Женщины от страха впали в оцепенение, дед Нато застыл в непонимании. Вдруг закричал и забился в страхе ребёнок. Один из турок выхватил его из рук матери и, ударив кулаком по голове, бросил в пылающий тонир. Мать ребёнка, потеряв сознание, упала к ногам жандармов. Её стали избивать, а потом полоснули чем-то острым по животу, убив и мать, и новую жизнь... Очнувшийся Нато бросился на жандармов, но что мог сделать бедный старик! Его отшвырнули к стене... Всех выгнали во двор, а потом сюда же согнали и соседей-христиан. Закрыли в сарае и поставили сторожить курда Хало, наказав тому, что если они, жандармы, не вернуться, то надо будет сжечь неверных, а дом забрать себе. Сердца у всех сдавило тоской, и не было возможности из нее выбраться. Тоска и страх делали своё дело. Многие уже обессилели и только повторяли: «Умереть бы скорей, умереть бы скорей...» Разум не подчинялся людям, ибо происходящее с ними было безумием, и это безумие творили люди, рядом с которыми они жили веками. К вечеру, когда в селе прекратились крики и вопли о помощи, дверь сарая открылась, и курд, который сторожил их, приложив палец к губам, сделал шаг за порог. Жена Нато, Анна, вышла вперёд, прикрыв собой детей.

– Сестра, – сказал курд Хало, – я не раз бывал у вас дома и делил с твоим мужем хлеб и соль, я не могу сделать вам плохое, столько лет соседями были. – Он горестно покачал головой. – Я вас прошу, как можно тише покиньте сейчас же село, пока солдаты добычу обмывают да победу над вами празднуют. Кто знает, что на ум им придёт через час.

Нато подошёл к Хало и положил ему руку на плечо.

– Спасибо, сосед. А как же ты, как за наш побег отвечать будешь?

– Ничего, я тоже на время исчезну, а там, глядишь, оставят село в покое. Не такое переживали.

– Нам бы невестку похоронить, – вздохнул Нато. – Как можно так, Хало? Разве они люди? – Он затрясся в беззвучном плаче. Хало тоже вытер кулаком слёзы.

– Сделаю, Нато, похороню. Иди, спасай детей.

Пока они говорили, из двери дома показались женщины, в руках у них были узлы с едой и вещами. Нато по привычке закрыл дверь на замок, положив ключ под камень у двери. Ещё раз оглянулись на дом. Женщины запричитали, но Хало стал подгонять людей, и все двинулись в неизвестность. Когда наступило утро, люди были далеко от села. Таких, как они, беженцев в пути оказалось много. Днём люди старались прятаться, а ночью выбирались на дорогу и снова шли. Сил было немного, а голод и жажда, вечные спутники отверженных, высасывали то малое из тел, что еще согревало в них жизнь. Многие остались лежать на дороге, хотя ещё могли идти. Они не верили в спасение. Мужчин среди беженцев почти не было, нести измученных детей приходилось женщинам. Сколько они так шли, неизвестно, но однажды ночью их окружил конный турецкий отряд, который проводил «чистку брошенных армянами территорий». Они собирали беглецов и гнали их вон из Турции. Перепуганные зловещими криками и свистом плетей люди металась по кругу, пытаясь найти лазейку, чтобы спастись. Они налетали в темноте друг на друга, падали, бедные дети цеплялись за матерей, зарывались головами в их юбки. Сначала все это забавляло турецких солдат, они чувствовали свою значимость и силу. Ведь жизнь этих проклятых армян теперь зависела от них. Потом нытьё им надоело, и они безжалостно стали убивать плачущих. Оставшихся в живых погнали в темноту. С этого момента жизнь людей превратилась в сущий ад, они стали гибнуть как мухи. В дороге потери не обошли и большую семью Давтян. Многие отстали, в суматохе были убиты Нато и его жена Анна. Вскоре стали гибнуть малыши. У них не было сил даже плакать. Людям стала безразлична смерть, они садились на землю и, повернувшись лицом к своим краям, тупо смотрели вдаль. А потом раздавались выстрелы. Мурад, его брат и сестры старались не отставать от матери. Но всё же, поранив о камень

ногу, Мурад отстал. Он не мог идти, солнце напекло голову, казалось, он вдыхал и выдыхал огонь. Нубар, оглянувшись на него, крикнула:

– Сыннок, прошу тебя, не отставай. Вся моя надежда – это ты.

Турецкий солдат взмахнул плетью, просвистев, она ударила Нубар по глазам. Та вскрикнула и схватилась за лицо, потекла кровь. Переборов боль и стиснув зубы, она молчала, боясь за своих детей, уже вцепившихся в её подол. Глаз у неё вытек. Вскоре колонна беженцев вышла к реке Мурат (Арацани). Людей осталось совсем мало. По разговорам стало понятно, что турки возвращаются, бросив их, истощённых, умирать у реки. Последний разогрев всех плётками, они ускакали прочь. Люди, а в основном это были подростки девяти – двенадцати лет, остались лежать на берегу реки. О том, чтобы переплыть реку, не было и речи, люди так ослабли, что не могли даже двигаться.

– Господи, – простонала Нубар, – сзади меч турка, впереди воды реки, что нам делать, когда же ты придёшь нам на помощь?!

И тут появился отряд всадников. На турок они не были похожи. Высокий, красивый командир приказал накормить людей. Он говорил на армянском языке, и все успокоились. Женщины плакали и старались поцеловать ему руку, но он запретил это делать. Как оказалось потом, это был **Андраник**. Он собрал всех мальчиков и сказал им, что они должны быть сильными и должны обязательно выжить, потому что они завтрашние защитники родины, которая в беде. Наверное, вид у детей был страшный, потому что солдаты со слезами смотрели на них. Потом людей посадили на коней и переправили через реку. Отряду надо было следовать дальше, поэтому, раздав продукты и указав дорогу, по которой надо было идти беженцам, отряд ускакал. Люди, благословляя всадников, долго смотрели им вслед. Дорога привела в Эчмиадзин, который был переполнен больными беженцами. Они были всюду: одетые в лохмотья, с разбитыми окровавленными ногами, многие подхватили чесотку и другие инфекционные болезни. Люди, прошедшие ужасы скитальчества и дошедшие до **Восточной Армении**, умирали под

стенами родного Эчмиадзинского монастыря и храмов Сурб Гаяне и Сурб Рипсиме. Умирали без стоны и плача, умирали, удовлетворённые уже тем, что будут похоронены. Умерла и одна из сестёр Мурада, а вторую предложили сдать в американский приют. Мама Мурада понимала, что если дочь попадёт в американский приют, они её больше не увидят, но если оставят с собой под открытым небом, она погибнет. Со слезами на глазах она отдала дочь в приют.

– Живи, родная, только живи, – прошептала она вслед дочери и потеряла сознание. От некогда громадной семьи, не знавшей голода и болезней, остались слепая на один глаз Нубар, Мурад и его брат с большими болячками на голове. Как его лечить и что делать, никто не знал. Все чего-то ждали. И вот появился мужчина в белом костюме, а за ним ещё двое с большой тетрадь в руках.

– Ованес Туманян, это **Туманян**, – шептались вокруг. Он медленно передвигался между беженцами, которым не было видно конца. Никто ничего не просил, все с надеждой в глазах смотрели на умное, полное грусти лицо Туманяна.

– Потерпите, – просил он, – мы постараемся всем помочь.

Вскоре всех беженцев стали расселять по районам Восточной Армении. Мурад с братом и матерью оказались в селе Алапар Разданской области. Местные жители, чтобы как-то обеспечить существование беженцев, предложили им работы по хозяйству в обмен на жильё и еду.

Прошли годы, и Мурад женился на девушке из семьи, где они с матерью работали. Девушку звали Берсапе, как его старшую сестру. Отец девушки был согласен на этот брак. Мурад вырос красивым, статным и трудолюбивым юношей. Оказалось, что семья, с которой породнился Мурад, была также из Западной Армении, но они уехали из тех мест намного раньше Геноцида. Женившись, Мурад уехал с семьёй в село Гюмуш (Каренис), одно из ближайших сел города Чаренцаван. Здесь он обустроился, завел хозяйство. Женился и его брат Ованес. С этого времени у Мурада наладилась жизнь, и если бы не воспоминания о прошлых испытаниях и погибших, его жизнь можно было бы назвать счастливой. Они с женой создали большую дружную семью. У них роди-

лось десять детей (семеро сыновей и три дочери). Сыновей он назвал именами своих дядей и отца. Оба неграмотные, работая не покладая рук, они постарались, чтобы все дети получили высшее образование. Нубар как могла помогала молодым, но в 1952 году она ослепла окончательно, после этого прожила ещё пятнадцать слепых, но спокойных лет. Мурад благоговел перед матерью, вместе с женой и детьми он ухаживал за ней и помогал во всём. Женив и отделив всех детей, Мурад стал жить с младшим сыном Варданом Давтяном и невесткой Асей Варданян. У Мурада с Берсапе была долгая, спокойная, счастливая старость. Дом был полон внуков, приходили в гости дети со своими семьями, шум и смех раздавались то здесь, то там. Мурад иногда уходил в себя, а затем, очнувшись, дрогнувшим голосом тихо говорил: «Всё так же, как было когда-то».

У Вардана и Аси родилось четверо детей, из которых самая младшая – это я, Нарине Давтян. Бабушка Берсапе умерла в 1983 году, а дедушка Мурад в 1992-м – ему шёл девяносто первый год. Они похоронены на кладбище села Каренис. Как-то перед смертью дед Мурад сказал, что в нём живёт желание миллиона армян вернуться на свою родину, вытащить ключ из-под камня, зайти в дом, а потом только умереть, чтобы быть похороненным там, у себя. Буквально недавно с родины деда Мурада родные привезли землю и смешали с землёй их могил. Боль и трепетная любовь к земле предков передалась нам, его детям и внукам. Мой отец очень переживает, что не смог отвезти отца на его родину. В годы жизни деда это было невозможно сделать, дороги открылись после перестройки. Время ожиданий в целый век всех армян сделало родственниками. Память о прошлом повязала нас всех одной цепью, тяжелой и холодной, которую мы никак не можем сбросить. Очень хочется, чтобы потомки тех турок, кто хотел, чтобы армяне исчезли с лица земли, знали: мы сегодня сильны как никогда, ибо мы – рассеянные по всему миру Геноцидом – звенья одной и той же цепи. Эти сто лет сделали нас сильными и твердыми. Мы уже не беженцы-сироты, мы – люди, имеющие достоинство, деловое самосознание... Но в душе мы всё равно чувствуем себя изгнанниками. Вот почему мы требуем

справедливого решения Армянского вопроса, так больше не должно продолжаться. Ведь это большой груз для обоих народов – и армян, и турок. Мы должны исправить ошибки одних и исполнить чаяния других...

Манушак АБРААМЯН,
социальный работник, 65 лет

НАШИ ДЕТИ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ПРАВДУ

Быть армянином, а главное, армянином не на своей земле – трудно. Правда, в отличие от своих предков из **Западной Армении**, которые жили на своей земле, но под османским игом, наша жизнь – рай. Мы хоть знаем, что наша крохотная родина, одна десятая частичка, оставшаяся от всей Армении, независима и свободна, как свободны и её граждане во всём мире. У нас, армян, живущих на чужбине, проблема, на мой взгляд, вот в чём: мы со своими патриархально-традиционными понятиями о воспитании, браке, семье, обществе принадлежим сразу к двум нациям, к двум цивилизациям – к той, в которой живём, и к той, которой являемся. Старшее поколение, уважая народ, среди которого живёт, без особых усилий опирается во всех понятиях на армянские корни, традиции и обычаи, чего уже не скажешь о молодых: они свободнее и проще относятся к жизни, считая традиции и обычаи вчерашним днём. Порой эта свобода переходит границы, и тогда невольно задаёшься вопросом: а как смогли обойти эти проблемы наши предки в Западной Армении, находясь в окружении людей другой культуры и вероисповедания? Приходится согла-

ситься, что в истории армянского народа существует интересный феномен: несмотря на то что Армения несколько веков находилась под игом, армяне сохранили свою веру, семейные традиции, национальные обычаи, я уж не говорю о том, что, несмотря ни на что, они не сломались духовно. При каждом новом ударе и гнёте со стороны завоевателей наши умные предки, не нарушая законодательства чужого государства, направляли весь свой жизненный потенциал на развитие более выгодных путей для сохранения нации: торговлю, коммерцию, строительство, образование и обучение ремеслам. Но при всём этом они оставались истинными армянами, храня веру, культуру, язык, традиции – что трудно сказать о многих из нас. При малейших недостатках в воспитании своих детей мы всё сваливаем на нехватку времени, на жизненные трудности, на перегруженность работой, на улицу, откуда дети впитывают дурные привычки и так далее. Всё это, простите, отговорки.

Мой дед, выходец из **Тарона**, всю свою жизнь вспоминал родину, погибших родных, рассказывал нам о своих краях, об истории, о Геноциде и депортации исконного населения из исторических районов Западной Армении, где армяне жили около трёх тысяч лет. Он очень пострадал от последствий Геноцида, его сознание было отравлено перенесёнными ужасами, но он старался жить нормальной жизнью и никогда не руководствовался фанатизмом. Он нас не воспитывал, не учил, не делал замечаний и назиданий – он рассказывал, делился болью и любовью ко всему армянскому, что в конце концов стало нашей болью, нашей любовью, частью нашей памяти. А что делаем мы?! Мы, боясь причинить боль своим детям и внукам, предаём всё забвению, а потом жалуемся, что наши дети не патриоты. Мы почти не говорим со своими дочерьми о скромности и невинности – потому что это уже немодно, а потом удивляемся их поведению. Я не призываю армян воспитывать детей в духе ненависти и мщения, в духе старомодных традиций и обычаев. Нет. Но наши дети должны знать о достоинстве и чести армянских девушек, которые выбирали смерть, но не поругание чести, они должны знать правду о своих предках, своём народе,

правильно судить историю. Они не должны жить с чувствами ущербности и незащищённости, с чувством отсталости и старомодности, они должны ходить с высоко поднятой головой, с чувством гордости за свою нацию. У меня семеро внуков. Старшему двадцать, младшему пять лет. Каждому я рассказываю нашу историю в соответствии с их возрастом. И вот недавно мой старший внук сразил меня, сказав, что прочитал в Интернете речь премьер-министра Турции Эрдогана о «событиях 1915 года», мол, в **Первой мировой войне** погибли не только армяне, но и миллион турок. Да как ему не стыдно за такое сравнение! Если столько турок и погибло в той войне, они погибли как солдаты, защищавшие свою Османскую империю. Не сумев победить в мировой войне, турки всё зло направили на армян, объявили джихад против армянского мирного населения, сочинив, что все беды от армян. Неужели беззащитные, беременные армянские женщины, девушки, невооружённые мужчины и старики, подростки и младенцы были воинами, погибшими на поле брани? Мировая история не знает столь ужасной смерти целой нации. Турки не заботились о прикрытии своих действий. Армяне подвергались не только насильственной депортации. В Трапезунде женщин и детей топили в Чёрном море, в Муше орда курдов, переходя от дома к дому, убивала целые армянские семьи топорами... Нет сил описывать все зверства турок Османской империи. Просто оторопь берёт, что после ста лет постоянных доказательств Геноцида человек, представляющий государственную власть в Турции, может пороть такую чушь! Армяне – наивный и доверчивый народ, но не настолько, чтобы позволить кому-либо вешать такую лапшу нашей молодёжи на уши. И поэтому я хочу обратиться ко всем армянам: пришло время не только осуждать Турцию, но и требовать, чтобы турки сами признали правду, которая им нужнее, чем нам.

Есть такое мудрое изречение: «Если в прошлое стрелять из ружья, оно может выстрелить в ответ из пушки». Это изречение очень актуально в отношении наших «мудрых» соседей.

Арту́р ХАЧАТ́РЯ́Н,

руководитель Торговой компании «Волговятснаб», 50 лет

О ТЕМЕ ГЕНОЦИДА

Если случайно в моём присутствии поднимается тема Геноцида, я стараюсь её обойти или же остаюсь в роли слушателя. Не оттого, что мне нечего сказать или вспомнить, просто я считаю, что вопрос Геноцида решится только на государственном уровне, а не в дебатах людей, по факту далеких от политической власти. Как по мне, вершить судьбы человечества, разбирая очередную политическую тему за чашкой кофе, есть признак скорее дурного тона, но никак не благодетельства для нашего народа.

Все мы знаем, что помимо понесённых нацией людских потерь, помимо громадного ущерба, нанесенного армянской культуре, Геноцид ещё отравил жизнь нескольким поколениям армянского народа. Народа, который от сознания своей невиновности, попранной справедливости в тысячный раз обречен переживать безмерную боль за страшные потери, за разрушенные жизни. Но это не означает, что мы должны по старинке ахать и охать. Современный мир абсолютно другой, и подходить к решениям национальных вопросов и требований со старыми методами неприемлемо. Здесь нужна серьёзная и последовательная работа на высшем международном уровне в рамках международного права.

Я ничего не имею против этой книги. Дай Бог, чтобы автор смог выдержать политическую корректность и создать мост между нашими сердцами, душами, мыслями, гармонично выстроить наш общий подход и ожидания в вопросе Геноцида. Книга эта нужна, так как будет составлена не из документов очевидцев резни, не из фотографий злодеяний, а из нашего отношения к этой трагической дате, из точек зрения, обращённых на наше собственное «Я», из историй о родных,

рассказанных третьим и четвёртым «послегеноцидными» поколениями. Мысль, что надо освобождаться от роли «униженных и оскорблённых» и идти дальше с новыми задачами и планами во имя национальных идей, думается мне, правильна. Общепародная память не должна фиксировать только трагические моменты нашей истории и делать эту трагедию чуть ли не главным столпом и стержнем памяти. Можно ведь вспомнить, как армяне боролись, несмотря ни на что. Почему об этом так мало говорят? У нас много важнейших событий в истории, много имён, которые ни в коем случае нельзя отодвигать на второй план. Каких орлов, каких воинов-героев, известных всему миру, рождала армянская нация! Назвать всех просто невозможно, ибо для этого нужна целая книга, но попробую назвать несколько людей, отличившихся именно в то время на военном поприще. Валериан Григорьевич Мадатов, генерал-лейтенант, в 1826 году в персидско-русской войне разбил персов при Шамхоре, занял Шушу. Василий Бибиков – генерал, ведущий родословную от Ашхар-Бека. Михаил Лорис-Меликов, известнейшая фигура высших инстанций власти России конца XIX века: в годы Русско-турецкой войны был командиром всего Закавказского корпуса, затем министром внутренних дел при царе Александре II. Как не вспомнить Аргутинских-Долгоруких! Широко известен Моисей Аргутинский, генерал-майор, обладатель двух орденов Святого Георгия, орденов Анны, Белого Орла, Александра Невского. Аршак Артемьевич Тер-Гукасов – генерал-лейтенант, Иван Давидович Лазарев – генерал-адъютант... И многие, многие другие герои армянского происхождения, прославившие нацию.

Как можно не писать и не рассказывать о народном герое генерале Российской империи **Андранике Озаяне**. Родом из Сасуна, он хорошо знал беды и нужды армян. И с раннего возраста он уже участвовал в армянском гайдукском движении, развернувшимся в **Западной Армении**. Во время 1-й **Балканской войны** формировал вместе с **Гарегинем Нжде** отряд из добровольцев-армян, действовавший в составе болгарских войск. Андраник получил от болгарского правительства высшую государственную награду – «Золотой Крест за отвагу»,

серебряные кресты III и IV степеней и был произведён в офицеры. В начале Первой мировой войны был назначен командиром 1-го отряда армянских добровольцев, который в составе русских войск Кавказского фронта отличился в боях при взятии **Вана, Битлиса, Муша**.

Их, наших народных героев, которыми надо гордиться и громогласно говорить о них, великое множество, как велико и количество наград, полученных ими. Но ведь главная награда – это народная память. Нам надо учиться на их примерах, учиться в первую очередь преданности своей родине. Проходя через испытания, они вырывались из них более жизнеспособными и смелыми. Многие армянские литераторы, поэты, учёные, финансовые деятели XIX–XX веков сделали бы честь любой стране своим талантом. Богато одарённый народ, оказавший Турции больше услуг, чем сами турки, – в торговле, промышленности, науке и искусстве, в книгопечатании, образовании и здравоохранении, – исчез из истории на глазах ослепшего мира. Они погибли во имя своей религии, своего народа, во имя обретения хотя бы автономии на своей исконно исторической земле. И об этом не надо забывать. Наша культура держится на таких патриотах и на простом крестьянском народе.

Предки моих родителей из Муша. Отцовский род был очень большим. Насколько я знаю по рассказам старших, многие мужчины были фидаинами. Моего прадеда называли Хачатур Зоравар⁵, защитник народа, но, к сожалению, в той мясорубке под названием Геноцид спаслись только мой дед Захар со своей мамой и дядя. Их спасли соседи-курды. А ведь тогда за спасение армян самих курдов и турок убивали без суда и следствия. Соседям удалось вывести моих предков к границе Восточной Армении, где они потом обосновались в городе Талин и селе Мастара. Смелость и добродушие многих мусульман дали тогда возможность выжить не одному армянину.

В 1929 году родители моего отца умерли, они с младшими братом и сестрой стали сиротами. Младших забрал дядя, а

⁵ Зоравар (арм.) – полководец.

шестилетний Манук попал в Американский приют в городе Гюмри. Из Гюмри приют переехал в Тбилиси, а оттуда – в Баку. После интерната в свои неполные восемнадцать он в 1941 году ушел на фронт. Отец участвовал в обороне Севастополя, был в плену, но бежал и воевал до победы.

Предки моей мамы из села с интересным названием Цртик, что означает «кривая», наподобие здешней речки, называемой Пьяна. Из огромного маминога рода спаслись только четверо. И их тоже одно время прятали курды. В те времена на ночь расстилали на полу ковры и прямо на них раскладывали постели, днем же все прятали. Таким образом, моих родных днём заворачивали в ковры и ставили в угол дома и только через некоторое время вывели к реке Аракс. А ещё запало в память то, что мамину бабушку всю дорогу до границы несли на спине, несмотря на то что она умоляла не мучиться с ней и оставить. Об этом сложно говорить, даже сейчас сложно, несмотря на прошедшее время.

Даже в то кровопролитное время люди смогли сохранить такие качества, как милосердие, любовь, помощь, преданность и смелость. И нам, армянам, важно не только сохранить историю народа в памяти, но, главное, правильно передать сохранённое в памяти дальше – своим детям, живущим в России, Канаде, Сирии, Бельгии и т. д. Главное – всё сделать правильно. Не нужно бояться интеграции в другую народность с сохранением своей этнической самобытности, в нашем случае – в общественную жизнь российской нации. Не люблю слово «обрусеть». Важно понимать, что принятие, изучение, внедрение в культуру другого народа ни в коей мере не препятствуют сохранению армянской идентичности, фундаментом которой для армянина всегда было христианство. Немаловажная функция в сохранении нас как нации, как народа возложена не только на церковь, но и на армянскую элиту, которая сегодня, к сожалению, не в состоянии выработать целостную систему объединения народа, взаимодействия с другими цивилизациями и способствовать процветанию и укреплению нашей родины – Армении. Нас всё время уносит в решение личных планов, а не общих. Мне иногда кажется, что мы тратим время впустую: бегаем, решаем какие-то во-

просы, работаем с утра до ночи, а в глубине души нас мучает чувство, будто что-то упущено, что-то недоделано. Наверное, я сумбурно рассказываю...

Кстати, о наших героях. Хочется вспомнить еще одного соотечественника – Александра Ивановича Манташева (Манташяна), крупнейшего российского нефтяного магната 1900-х годов. С двенадцатью единомышленниками он основал в Тбилиси «Армянское благотворительное общество на Кавказе». Он выделил 300 тысяч рублей на строительство нового здания Нерсесяновской духовной академии. На то время это была значительная сумма. В 1910 году на пожертвованные им Святому Эчмиадзину деньги было построено нынешнее здание ризницы Католикоса всех армян. Александр Иванович финансировал отправку пятидесяти талантливых молодых армян на учебу в лучшие высшие учебные заведения России и Европы, среди них был основоположник армянской классической музыки Комитас.

К чему я его вспомнил? Мне в память врезались его слова, которыми, я думаю, уместно закончить мой рассказ. Так вот, однажды Александр Иванович Манташев обратился к армянским предпринимателям: «Армянские купцы! Много-страдальная Армения – вот пристанище вашей славы, вашего бессмертия. Вот тот дом Божий, где добрая память о вас во всем своем блеске будет сохранена перед Богом и человечеством. В иных же музеях вас ждут презрение и забвение».

Сильно сказано, правда? Сильно и правильно!

Александр КОРНИЛОВ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

НЕСКОЛЬКО ДИСКУССИОННЫХ МОМЕНТОВ

Тема, которая обозначена составителями книги «Сто первая весна», представляется весьма обширной, сложной и очень глубокой не только в смысле историческом, но и в смысле духовном и, если хотите, экзистенциальном. Тем не менее как русский исследователь и православный по вере человек позволю себе обратить внимание на несколько важных с моей точки зрения дискуссионных моментов.

Геноцид армян имел место, и Россия официально признала этот факт. Признала на уровне государства. Зададим вопрос: в какой мере народ Российской Федерации, прежде всего русский народ, составляющий ядро российской цивилизации, принял этот ужасный исторический факт? И если принял (признал), то насколько глубоко это признание пронизало его нынешнюю жизнь? Думаю, что вопрос риторический. Большинство русских людей не знают всей глубины той чаши человеческой трагедии, которую испили армяне в период 1915–1922 годов. Соглашаясь с данным утверждением, мы понимаем, что по этой причине помогать армянам в преодолении последствий Геноцида готова малая часть русских. Не надо забывать, что русский народ сам испил чашу мучений XX века, лишившись миллионов жизней в войнах и репрессиях. По масштабам потерь – это самый настоящий Геноцид. Русские знают, что такое скорбь смерти и какую боль она способна причинить. В русском милосердии и справедливости никто никогда не сомневался. Невольно вспоминаются слова

Бенджамина Франклина, американского просветителя и государственного деятеля: «Счастье для русских людей – это ощущать себя частью великого Единения и соучаствовать в деле создания справедливого мироустройства на Земле».

Но при всей русской солидарности в вопросе Геноцида, при всём нашем стремлении к справедливости российским армянам давно пора понять, что ни одно государство мира не акцентирует всё свое внимание на вопросах и проблемах конкретной общины или локальной группы. Ведь это, согласитесь, парадоксально, что в России, официально признавшей факт Геноцида армян, все закончилось лишь признанием. И если в других странах, будь то США, Франция, Германия, да мало ли их еще, действуют музеи Геноцида армян, построенные мемориальные комплексы, а в Венесуэле, где проживает, насколько я знаю, всего три тысячи армян, построен аналог Цицернакаберда, то в России, с многочисленной и богатой общиной армян, нет ни мемориалов, ни музеев. Но виновата ли в этом сама Россия?

Как по мне, так вопрос вовсе не в России, а в самой армянской диаспоре. Представители руководства диаспоры должны сами добиваться от официальных властей соответствующего внимания к их проблемам. За них самих никто этого не делает. Мец егерн вошел в сознание всего армянского народа очень глубоко. По разным причинам с течением времени у армян возникла мечта. Мечта о том, что справедливость восторжествует, виновные в организации и осуществлении Геноцида будут непременно наказаны, народу будут возвращены земли, похищенная собственность, будут выплачены компенсации (репарации).

Число стран, признавших Геноцид, растет. Однако мы видим, что целый ряд зарубежных политиков используют тему Геноцида в своих целях, «вращая» вопрос в удобной себе плоскости. Армянский вопрос до сих пор используется рядом государств как эффективное средство оказания политического давления на Турцию. Интересы армянской стороны при этом просто игнорируются. В сложившейся ситуации признание совершенных в прошлом ошибок и покаяние выгодны в первую очередь самой Турции, ибо тем самым она не только

улучшит отношения с Арменией и армянской диаспорой, но и лишит третьи страны одного из самых старых рычагов давления на себя. Но всё пока в тупике. А время идёт, мечта не исполняется, ожидания не реализуются.

Пишу это к тому, что армяне не должны уповать только на тему плача и скорби. Нельзя уповать только на преодоление последствий Геноцида: вот нам вернут, заплатят, и мы заживем. Те международные отношения, что регулируют сей мир, настолько циничны, что уповать следует только на самих себя.

В Элладской Церкви есть один прославленный святой. Это преподобный Паисий Святогорец (Езнипидес), долгое время подвизавшийся на Святой Горе Афон. Преподобный Паисий стал одним из духовных магнитов, притягивавших к себе многих чад Церкви, ищущих утешения. Одной из тем, которые обсуждал святой Паисий, была судьба Турции. И преподобный Паисий говорил, что придет время, когда на Ближнем Востоке начнется кровавая война. Война, в которой примут участие Россия, Греция, Армения, Китай и иные, завершится территориальным разделом Турции. Причем в разделе Турции примут участие те самые европейские державы, представители которых сейчас улыбаются турецким лидерам. И ведь многие греки верят этим словам.

Иными словами, мир по-прежнему циничен, он «во зле лежит», и многие вопросы решаются (или не решаются, а скорее усугубляются) за счет крови народов. Из этого следует, что Республика Армения вместе со Спюрком призвана развивать свою собственную парадигму успеха, а не ждать только помощи международного сообщества и великих держав.

Еще один важный аспект темы Геноцида. Армянское общественное мнение, мягко говоря, очень критически относится к тому, что делает Турция и во внутренней, и во внешней политике. Одной из поражающих стрел является требование к Турции официально признать Геноцид. Что здесь мы видим: требование признать факт Геноцида или признать ответственность за Геноцид? Однако мы должны понимать, что кемалистская Турция и Османская империя – разные субъекты. А с точки зрения исторической, нынешние турки не совершали преступлений 1915 года. Они и заявляют, что не виноваты в

том, что делали их предки. Скажут: а как же Германия? А с Германией в 1945 году возникла другая ситуация. Это была только что побежденная нацистская Германия, лидеры и представители которой совершили чудовищные преступления. Именно они и встали перед судом, но не их потомки во втором, а то и третьем поколении. В поисках путей разрешения столетнего вопроса нужно брать во внимание и то, что в современной Турции живет совершенно иное поколение, для которого выход Армении к морю исключен. Ведь Севрский договор – это посягательство на территориальную целостность их страны.

Возвращаясь к теме единства армян, необходимо обратить внимание на духовное измерение армянского мира. У каждого из нас за спиной многовековая история, вера, с которой жили наши предки, традиции и культура, которые мы стараемся чтить и уважать. Для русских, например, духовным идеалом всегда была Святая Русь. Обратите внимание: не империя, не огромная территория, а Святая Русь. Вот это и есть духовный (в отличие от геополитического) идеал русского человека. Святая Русь – это жизнь по евангельским заповедям, это небожители, просиявшие подвигами на земле Российской. Жизнь русского народа, за редким исключением, была направлена на то, чтобы стремиться к такому идеалу. Говоря языком духовных терминов, говоря языком Псалтири Давидовой, народ поднимался на гору Господню, падал, спотыкался, исправлял себя через покаяние и опять поднимался в движении на гору Господню. «Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою и не клятся лестию искреннему своему» (Пс. 23, 3–4). В этом состоит духовное предназначение народа. И у армян благодаря Армянской Церкви есть такое предназначение: стараться жить по заповедям Христовым и преобразовать вместе с Творцом окружающую действительность и уповать на справедливость.

Елизавета ЛИГАНОВА,
школьница, 14 лет

ВОЙНЫ ПРИДУМАЛИ АЛЧНЫЕ ЛЮДИ

Я учусь в восьмом классе школы № 100 Ленинского района Нижнего Новгорода. В нашем классе учатся дети разных национальностей и вероисповеданий, но мы никогда не задумывались, что мы разные или же отличаемся чем-то друг от друга. Нам вместе комфортно и хорошо, возможно, это ещё зависит и от взрослых, например, ни учителя нашей школы, ни родители никогда не делали на этом акцента.

Мою подругу зовут Кристина, она армянка. Дружим мы с первого класса, часто ходим друг к другу в гости – мне интересно быть у них в семье, ей – у нас. Мы многому учимся друг у друга. Мне нравятся армянские блюда, песни, танцы, а Кристине нравится, как готовит моя бабушка, нравятся стихи русских поэтов. Одним словом, мы дополняем друг друга. К чему я всё это веду? А к тому, чтобы через эту книгу спросить у взрослых: почему они не могут дружить так же, как и мы, дети разных наций? Почему идут войны, почему убивают друг друга? Зачем тогда рождаться, если на этой земле не гарантирована жизнь? Кто мне ответит? Есть ли такой умный взрослый, чтобы успокоить наши детские души и сказать – всё будет хорошо, войн и вражды не будет, учитесь, работайте, создайте и радуйтесь жизни!

Когда Кристина сказала, что её бабушка (Лидия Григорян) пишет книгу о Геноциде, я очень удивилась и спросила: о каком Геноциде, зачем это ей? Тогда она ответила, что сто лет назад был Геноцид армян, что убили полтора миллиона человек. Их убивали и гнали в пустыни с родных земель, где они родились и жили, говорили на родном языке и пели армян-

ские песни, строили школы и церкви, радовались рождению детей, а потом провожали этих детей в школу... и вдруг всё оборвалось. Я хотела представить всё это, но не смогла, не получилось. Дома я стала искать в Интернете данные об этом кровавом событии – их было очень много: рассказов, очерков, статей. Я не смогла долго читать об этом, было очень страшно и тоскливо, и почему-то стало жалко Крестину. Я понимала, что это было давно и не с ней, но она ведь тоже была армянкой и это была история её народа. История полная трагических страниц. Я уже не маленькая и понимаю, что в мире много стран, воюющих между собой, но Геноцид – это совсем другое, это когда убивают безоружных, незащищённых дочерей и сыновей, бабушек и дедушек, матерей и отцов. Я долго думала об этом, а потом спросила Крестину: можно и мне принять участие в этой книге? Крестина бабушка разрешила, и я решила написать это письмо:

«Дорогие люди, сделайте так, чтобы больше никогда нигде не было Геноцида. Если люди разных национальностей, то это не значит, что нужно быть врагами. И если даже у каждого своя вера и свой Бог, невозможно, чтобы Боги желали людям войны и гибели. Войны придумали алчные люди. И я, как Саманта Смит (американская девочка – посол доброй воли, посетившая СССР в 1983 году), хочу сказать всем людям: Бог создал Землю, чтобы мы все вместе жили в мире и не воевали. Против Геноцида должны выступить люди всех наций, а не только армяне, потому что это дело всего мира...»

Ася ГЕВОРГЯН,
педагог, 63 года

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В местечке Хой Мушского гавара жил один древний армянский род Тер-Геворгянов. Это были умные, миролюбивые и мужественные люди. Жили дружно, стараясь и в беде, и в радости быть вместе. Приставка «Тер» к их фамилии Геворгян прибавилась потому, что один из их родичей был в прошлом священником в армянской церкви села Хой. Все члены их большой семьи были преданы своей вере и наизусть знали все христианские традиции и молитвы; их род ещё называли в селе родом священнослужителей, а один из старцев их рода втайне от турок проводил крещения и венчания своих односельчан.

Был в этом благородном роду высокий, широкоплечий юноша по имени Ходедан, выделявшийся среди родных своей гордой осанкой. Не было человека, который не любил бы скромного Ходедана. А каким он был певцом! Красивый, звучный голос ему достался в наследство от предка-священника.

Весной 1914 года Ходедан вышел из покоев каймакама чернее тучи.

– Слышал, гявур⁶, женишься, причём на первой красавице! Видел, видел бутон, – сказал ему каймакам, смачно издал звук поцелуя, а Ходедан насторожился. – Ты нрав свой не показывай, а лучше слушай меня внимательно, не то всем твоим несдобровать. Первая ночь после свадьбы – моя, надо помочь бутону в розу превратиться, а потом забирай...

Вспыхнул Ходедан, сжал кулаки, но, слава богу, вовремя вспомнил напутствие отца: не терять хладнокровия в любой ситуации.

⁶ Гявур (турецк.) – неверный.

– Можешь идти, – услышал он. – Стоишь тут, глазами сверкаешь. Иди, а я свадьбы твоей ждать буду.

Юноша выскочил из комнаты, боясь, что не сможет сдержаться и набросится на турка.

Дома все окружили Ходедана. Выпроводив детей, юноша всё рассказал взрослым. Возмущению родных не было предела. Отдавать на поругание девушку или же отказаться от неё ни у кого не было в мыслях. Решение было единственным – нужно уходить из села, причем уходить всем. Перейти в Восточную Армению, где, как они слышали, армянам жилось легче.

Подготовка к побегу шла втайне до самого дня свадьбы. С утра отправились за невестой, где гуляли до обеда, а потом гулянье перешло в дом жениха. Когда ушли последние гости, Ходедан, взяв белое платье и фату невесты, вышел из дома в сопровождении своих трёх дядей. Неподалёку от дома каймакама один из его дядей, который был ниже ростом и худее всех, переоделся в свадебное платье, закрыв лицо плотной фатой. Открыв дверь и пропустив вперёд «невесту», каймакам небрежно махнул мужчинам рукой, мол, идите, вы не нужны. Он посадил «Маргариту» на тахту, а сам, потирая от удовольствия руки, повернулся к двери, чтобы закрыть её на ключ, не видя, как над ним взметнулся нож. Смерть его была мгновенной. Уходя из дома каймакама, мужчины заперли дверь на ключ. Дома все были готовы к побегу. К семье Геворгянов присоединилась и семья невесты. Их было больше полусотни человек. Шли всю ночь, несли на себе вещи и уснувших детей. Как только наступило утро, они нашли укромное местечко подальше от дороги и расположились на отдых. К следующему полудню вышли к горному склону. Над дорогой возвышались скалы с видневшимися тут и там пещерами. Дети устали, и взрослые решили выбрать одну из пещер для отдыха. Выбрали ту, из которой была видна дорога. Только устроились, как послышался стук копыт. Вскоре на дороге показался отряд турецких солдат. Лошади шли галопом, всадники зорко оглядывали местность. И как только лошади пронеслись мимо пещеры армян, у жены младшего дяди Ходедана заплакал на руках трёхмесячный малыш. Бедная мать, как ни старалась, не

могла успокоить сына. Последний из всадников остановился и окликнул умчавших вперёд солдат. Плач ребёнка достиг его слуха. Отряд вернулся и закружился под пещерой.

– Дочка, – обратился к женщине свёкор, – я не могу тебе приказать и даже просить, но ты ведь понимаешь, что никто не спасётся, и даже твой малыш.

Все молчали. И вот бедная мать, столько лет мечтавшая о ребёнке, прижала малыша к груди так, что вскоре прервалось его дыхание. Подъехавшие всадники долго кружили у скал. Но тишина стояла мертвая. Пару раз турки пальнули в воздух и усаkali прочь.

Сумерки окутали и дорогу, и души людей, и пещеру, в углу которой раздавались глухие всхлипы убитой горем матери. Никто не мог подойти и забрать у неё из рук мёртвого ребёнка, не хватало духа. Единственная жертва во имя их жизни была непомерно тяжела. Казалось, все окаменели. На следующее утро, когда люди вышли из пещеры на свет, все вздрогнули – волосы несчастной женщины за ночь стали белее снега...

До Восточной Армении дошли с единственной потерей, которая оставила глубокую рану в их душах. Все они поселились в селе Кучак Апаранского района. Единственную драгоценность, которую они сохранили, – древнюю родовую Библию – передали в церковь «Лусахбюр» села Кучак.

Жизнь в российской Армении была намного легче: не надо было бояться за жён и дочерей, не надо было платить налоги. Весть о **Геноциде в Западной Армении**, появление беженцев стали горьким испытанием для всей Восточной Армении. После Октябрьской революции российские войска покинули области Западной Армении, оголив Кавказский фронт. Воспользовавшись этим, младотурки решили захватить Восточную Армению и всё Закавказье. Приближение турецких войск сплотило весь армянский народ. В мае 1918 года Ходедан, его братья и все мужчины их рода стали участниками Баш-Апаранского и Сардарapatского сражений между армянскими регулярными воинскими частями и ополченцами с одной стороны и вторгнувшимися в Восточную Армению турецкими оккупантами – с другой. Турецкие захватчики навязали тогда армянскому народу одновременные сраже-

ния в трех направлениях: Сардарапат – **Сардарапатское сражение**; Апаран – **Баш-Апаранское сражение**; Караклис (Кировакан) – **Караклисское сражение**. Весь народ в едином порыве поднялся на защиту своей независимости, на защиту своей родины. Благодаря одержанной победе 28 мая 1918 года была провозглашена Республика Армения. Но Ходедану не довелось увидеть того победного марша. Он погиб 25 мая в Сардарапатском сражении. А в Баш-Апаранском сражении погибло ещё восемь членов семьи. Род Тер-Геворгиянов дал Армении и армянскому народу хороших и преданных своей вере и родине потомков. Есть в их роду писатели, врачи, педагоги, певцы, но самое главное – это честные, трудолюбивые и мужественные люди, которые в любую минуту могут встать на защиту чести своей семьи и родины, как сделал это Ходедан и другие члены рода.

Александр МЕЛИКСЕТЯН,
руководитель фирмы «Веракангнум», 55 лет

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Сто лет не признают факт геноцида. И не только турки. Зачем себя так ведут, чего боятся, почему по сей день не делают никаких вложений в наши села и города, находящиеся пока на их территории? Необходимость выплаты контрибуции, банковских накоплений армян, за сто лет в турецких банках превратившихся в огромные суммы, возврат земель – вот что не позволяет им признавать свою вину

Почему маленькая нация является врагом номер один, почему насаждается ненависть к армянам, зачем сжигать чучела наши на праздниках и рассказывать детям о кровожадности

армянских фидайнов? Ответ один – Турцию тревожит одно наше имя, наша древняя история, наша культура, наша негибаемая воля, неукротимое стремление к жизни и просто наше существование!

Тысячелетняя история существования Армянского государства охватывала период от VI века до н.э. до V века н.э. со своим апогеем в I веке до н.э., когда Великая Армения при Тигране II Великом простиралась от Средиземного до Каспийского и Черного морей – на протяжении 20 лет. Ко времени потери государственности (428 год) нация уже первой в мире приняла Христианство как государственную религию (в 301 году), а в 405-м создала собственный алфавит, словно страхуясь и готовя себя к самосохранению на протяжении последующих пятнадцати веков – веков выживания, гонений, борьбы.

В 451 году во время Аварайрской битвы против превосходящих в разы войск персов народ дал беспрецедентный отпор врагу, тем самым отбив угрозу полного уничтожения.

С IX по XI век несколько областей Великой Армении самоопределились, в результате чего образовалось Армянское царство Багратидов.

С XI по XIV век образовалось Киликийское Армянское царство, расположенное за пределами территории исторической Армении.

Находясь на перекрестке дорог Азии и Европы, на стыке возникновения двух великих религий, Великая Армения, простиравшаяся от Кавказских гор до верховьев Тигра и Евфрата, подвергалась бесчисленным нашествиям и набегам, претерпела много бед и лишений и потихоньку сходила с исторической карты мира, а получив такой жестокий удар, как Геноцид, должна была разделить судьбу древних народов, канувших в Лету...

Никто не пришел ей на помощь, наблюдали безучастно за тем, что происходит и чем все кончится.

Мои предки родом из Западной Армении. Около двух веков назад обосновались в Лорийской области. В 1920-х годах мой прадед Мелик (на селе его называли Пити Мело) со своей семьей жил в селе Луйсахбюр (Ахбулах), которое расположено прямо в начале Джаджурского тоннеля. Турецкие регулярные войска, пользуясь нестабильной ситуацией в Закавказье, про-

должали вести политику истребления армянского населения. Узнав о приближении войск, двоих самых младших из пяти братьев отправили к родным в село Антарамут (Коллагиран) в Лори. Сардарapatская, Баш-Апаранская и Караклисская битвы остановили и отбросили врага.

Вернувшись в свое село, мой дед Егиш с братом обнаружили погибших родных. Тела старшего брата и привязанного к нему годовалого сына нашли изрубленными в полусгоревшем сарае. Всех жителей, кто не мог сопротивляться, враги вывели на расстрел за пределы села к Джаджурскому ущелью. Мою бабушку Аракси спасла ее мама, прикрыв от пуль своим телом. Ночью она и еще несколько оставшихся в живых людей выбрались из-под тел и вернулись в село. Все это мне лично рассказывали мои дед Егиш и бабушка Аракси.

Вроде все было сделано, чтобы стереть нацию с лица земли: четырьмя годами – «пыль дорожная», пять лет «в пасти волка»... Но все пошло не по сценарию исполнителей и самодовольных «вершителей» судеб малых народов, постоянно оправдывающихся защитой национальных интересов и не замечающих гибели христианских народов.

Вера и Церковь выстояли. Гены предприимчивости и трудолюбия, подпитываемые отточенным юмором, и души предков, поющие Хоровел под звуки дудука и танцующие Кочари плечом к плечу под ритмы дхола и пронзительной зурны, выработали такую позитивную Энергию Сохранения, которую Бог узрел и смилостивился. Руками благословенной России был поднят осколок из пыли бытия – очищен, согрет и защищен. И как гром среди ясного неба – возникло государство Республика Армения.

Воистину воскрес!

Лариса МАЗМАНЯН,
жена художника О.С. Мазманяна

ЕГО ПРЕДКИ БЫЛИ ИЗ ЭРЗУРУМА

Познакомились мы с Оганесом Степановичем Мазманяном в городе Балахне в 1974 году. Я тогда только начала работать в музыкальной школе, а он после окончания Горьковского художественного училища был направлен по распределению молодых специалистов в Детскую художественную школу Балахны. Ища пункт назначения, он прошел мимо художественной школы и зашёл к нам. Честно говоря, я тогда не обратила на него внимания, одно запомнилось – он забавно говорил на русском языке, с необычным акцентом. А через некоторое время мы с ним встретились на творческом вечере у общих друзей. Это была судьба – прожить вместе четверть века.

Он был обаятельным и культурным, скромным и добрым, целеустремлённым и эрудированным, бесконечно разнообразным и сверхтрудопособным художником. Он писал на ходу, сидя, стоя, писал хачкары, храмы, горы, русскую природу. Любил бывать на Покровке, встречаться там с творческими людьми. Эти прогулки с фотографическим кофром через плечо были его жизненной подпиткой. Он не мог жить без общества, не мог без встреч, споров, обсуждений. Я удивлялась тому, как он, стопроцентный армянин, понимал русскую душу, культуру, живопись. Редко можно встретить человека, принадлежащего сразу двум мирам, двум народам. Впитав в себя и армянскую, и русскую культуру, выбрав из них самое лучшее, он подарил нам свои картины, представляющие собой вулкан кипящих чувств и эмоций. Картины, говорящие языком искусства: «Люди, будьте благоразумны, берегите мир, берегите дружбу, берегите любовь!»

Друзья называли его Вано джан, Ахпер джан, Иван джан...

Родные места вдохновляли Оганеса, огромная часть его работ посвящена родному селу, церквям, изумительной природе Кавказа. Уже потом, когда он отвёз меня на свою родину, я поняла, что давало ему энергию и подпитывало его творчество. Неопишуемая для меня, русской, красота Южного Кавказа: яркая, солнечная, бесконечно разнообразная по краскам. Нужно было хоть раз взглянуть на его мир, чтобы понять, откуда в нём такое солнечное мировосприятие. Село Мец Памач (Большой Памач), родина Оганеса, находится в изумительном месте Ахалцихского района Грузии, неподалёку от турецкой границы.

Мой свёкор, Степан Оганесович, царство ему небесное, чисто и грамотно говорил на русском языке. Кроме родного армянского он знал ещё грузинский и турецкий языки. Он рассказывал, что корни их семьи берут свое начало на бывшей территории Западной Армении, в городе Эрзурум. В XIX веке их предки, спасаясь от турецкой резни, перебрались в Грузию, входившую тогда в состав Российской империи. Дед Степана Оганесовича, прадед художника, даже перед смертью с закрытыми глазами в мельчайших подробностях описывал любимый Эрзурум и очень тосковал по своему дому, соседям, саду. По материнской линии в семье были священники, со стороны отца – мастеровые люди.

Мы много времени проводили в Большом Памаче. Наши дети всегда приезжали туда на каникулы, и по сей день они сильно привязаны к родине отца. У Оганеса Степановича много картин, посвящённых селу, воспоминаниям детства. Много работ, входящих в цикл «Армения». В 1988 году он две недели провел в Ленинакане, разбирая завалы многоэтажного дома своей сестры, разыскивая тела погибших зятя и племянницы. Потом долго отходил от трагедии, погружаясь без остатка в работу. У Оганеса была чисто армянская душа. Он мог быть очень добрым и преданным – впечатлительная, честная творческая натура, но в то же время резким и прямолинейным.

Оганес Степанович был блестящим знатоком армянской литературы и истории и патриотом своей Родины.

Оганес Степанович был аполитичным человеком, полностью погружённым в творчество, но когда заходила речь о Геноциде армян, он выражал большое сомнение в возможности и эффективности диалога с Турцией, пока последняя не признает факт Геноцида.

Наира МАЗМАНЯН, дочь художника:

Прожив практически всю взрослую жизнь в России, будучи женат на русской и практически без акцента говоря на русском языке, отец всегда и во всем оставался армянином: носил с собой небольшой томик Евангелия на армянском, на нем же делал записи в дневнике, лучше всех варил кофе и отлично готовил блюда армянской кухни, и, конечно же, выплескивал весь свой национальный колорит в картины.

Отец был очень гостеприимным хозяином, к нему часто приходили ученики, коллеги, друзья, родные. В нашем доме побывало много интересных и выдающихся людей города, в атмосфере дружеской беседы велись творческие споры, звучал любимый папин дудук, обсуждались вопросы искусства.

Будучи очень трудоспособным человеком, он легко мог делать сразу несколько дел, очень много работал и всегда занимался самообразованием – постоянно читал. Телефон в нашем доме никогда не умолкал, к нему обращались с различными вопросами – от советов по искусству и творчеству до помощи в трудной ситуации, и он никогда никому не отказывал.

Тогда я не понимала, а сейчас сильно удивляюсь тому, как много он отдавал себя людям. Писал картины, работал преподавателем, а несколько лет даже директором детской художественной школы, при этом он ещё умудрялся встречаться с друзьями, заниматься общественной работой в армянской общине города.

Армения, её многострадальный народ оставались главной частью его души. Его картины рассказывают об Армении, о ее трагической судьбе. Великий патриот великого народа. Я думаю, будь он сейчас жив, то стоял бы в первых рядах ратующих за справедливость, за признание Геноцида. Да, его нет, но с нами его картины, заслужившие широкое признание куль-

турной общественности не только Нижнего Новгорода, но и США, Франции, Нидерландов, Израиля, Германии, где они содержатся в многочисленных частных собраниях.

Мне очень дорого и близко все его творчество – и русские пейзажи, и армянские строгие храмы. Он был интернациональным человеком, одним из символов армянской толерантности.

Степан МАЗМАНЯН, сын художника:

Когда отец погиб, мне было четырнадцать лет. Помню, что долго болел душой от невозполнимой потери. Мне его очень не хватало. Мало кто знает, что художник Мазманян мог стать футболистом: он несколько лет профессионально занимался футболом, играя в ереванском «Арарате». После серьёзной травмы спортивный этап его жизни закончился, он приехал в Россию и поступил в Горьковское художественное училище сразу на второй курс, окончив его в 1974 году.

Живопись была его второй страстью после футбола. Погрузившись в творчество, папа продолжал работать педагогом, имел высшую квалификационную категорию. Отец – изумительный художник и большой мастер акварельной миниатюры. Его небольшие акварели с видами Нижнего Новгорода украшают многие частные коллекции. Практически все они написаны буквально за считанные минуты во время прогулок по любимым местам старого города и удивительным образом отражают неповторимые мгновения в состоянии природы и настроении мастера.

Весной 1997 года отец работал в мастерской замка города Вольфсбург (Германия), осваивая технику литографии и офорта.

В последние годы перед трагической гибелью он работал преподавателем живописи и рисунка в Нижегородском театральном училище, а также на кафедре валеологии Нижегородской строительной академии. Многие успешные художники-профессионалы считают его своим учителем; огромное количество учеников, что выбрали живопись делом своей жизни, и по сей день с любовью и большой благодарностью вспоминают его.

В скором времени я думаю всерьёз заняться всеми папиными работами – от эскизов до объёмных полотен маслом. Им нужна систематизация, изучение и особый уход, а некоторым даже реставрация. Картины последних лет с падающими церквями поражают меня какой-то внутренней идеей, а может быть, и предчувствием.

Папа похоронен в родном селе Большой Памач, которое безумно любил.

* * *

25 мая 2014 года мы с семьёй были приглашены на торжественную церемонию открытия хачкара в честь российско-армянской дружбы и освящения Армянской Апостольской Церкви «Сурб Аменаприкч». В этот же день в крипте храма состоялась выставка, посвящённая представителям армянского народа, послужившим достойно и России, и Армении. Моё сердце радовалось, потому что на этой выставке были выставлены и работы моего супруга Оганеса Степановича Мазманяна. Я очень благодарна за эту выставку другу нашей семьи, преданному другу моего супруга Левону Маргаряну. Именно ему мы передали и доверили картины Мазманяна для выставки. Иметь армянскую церковь в городе было большой мечтой художника. Я смотрела на радостные лица прихожан, слушала звучание армянской речи, которое ещё не успела забыть, а в голове всё время билась одна и та же мысль: «Как жаль, что Оганес не дожил до этого дня!»

Ирина АНДРЕАСЯН,
предприниматель, 40 лет

МОЯ БАБУШКА САНДУХТ

Так вышло, что в ночь с 23 на 24 апреля 2014 года я оказалась в армянской Апостольской церкви «Сурб Аменапркич»⁷ на молебне за упокой душ погибших во время Геноцида. Там же я встретила с Лидией Григорян. Общая печаль сплотила всех в церкви, и мы казались одной большой семьёй. Под голос нашего священника – отца Себеоса, совершавшего поминальную службу, память трепетала от нахлынувших эмоций, словно трагедия столетней давности произошла вчера. После молебна все вышли во двор, где молодые люди в чёрных майках, на спинах которых была написана кровавая дата «1915», выстроили из чёрных полотен крест. Под тревожные 99 колокольных ударов и гробовое молчание сотен людей они опустили полотна в траурную рамку и составили пылающий крест из 99 горящих лампад. Никто не мог удержать слёз. Почувствовав, что задыхаюсь от наплыва боли, я отошла и присела на лавочку. Ко мне, вытирая слёзы, подседа Лидия.

– И у вас есть погибшие предки? – спросила я.

– Есть, – тихо ответила она и добавила: – А у кого их нет, это наша общая трагедия, но она обязательно должна стать всемирной проблемой.

Я оглянулась: вокруг пылающего в траурной рамке креста, отдавая дань памяти полутора миллионам зверски убитых армян, в молчании стояли люди.

– Расскажите о своём, это поможет утихнуть боли, – попросила Лидия.

И я, совсем не ожидая от себя такого порыва, стала рассказывать о своей бабушке Сандухт.

В тот день муж Сандухт Смбат и старший сын Арам работали в поле. С утра всё валилось из рук, сердце предвещало нехорошее. И тут к ней зашла соседка и сказала, что ходят слухи, будто всех армян переселяют и сегодня к ним тоже придут. Из разговоров мужчин моя бабушка слышала, что в соседних районах творится нечто страшное и невообразимое по отношению к армянам. И что надо уходить в город **Муш**, ибо в окрестностях города страшно, могут и не спастись. Ей казалось, что это просто слухи, и она, оставив малышей на попечение взрослых детей, побежала к мужу в поле, чтобы предупредить его. Но не успела. Спрятавшись в высокой траве и зажав руками рот, чтобы не завопить от ужаса, она увидела, как турки убивают мужа и сына. Сандухт понеслась домой. Не мешкая и не беря ничего из дома, забрала детей и побежала к снохе, чтобы предупредить ее. Они вместе – семеро детей и две молодые женщины – оставили село, которое гудело как пчелиный улей: весть о подходе турок, убивающих всех армян, была у всех на устах. На руках у снохи был годовалый ребёнок, она все время отставала и вскоре упала без сил.

– Беги, уходи, – кричала она золовке, – спасай детей.

Сандухт спрятала детей подальше от села и вернулась помочь снохе. Но то, что она увидела, заставило ее содрогнуться. Младенца посадили на кол, а сошедшая с ума мать то смеялась, то начинала метаться из стороны в сторону вокруг уже умершего ребёнка. Сандухт не знала, откуда взялись у неё силы оставить обезумевшую сноху и вернуться к детям. Они стали пробираться к реке. Голодные и усталые, не доходя до реки, они присели у дороги. И тут Сандухт увидела, как в их сторону едет арба с сидящими людьми. Видя, что места для всех на телеге не хватит, она попросила посадить на арбу хотя бы двоих младших детей, которые уже не могли идти. Зная, что она не поспеет с оставшимися за арбой, моя бабушка наказала детям, чтобы те запомнили на всю жизнь свою фамилию:

– Не забудьте, – повторяла она сыновьям со слезами, – вы Азизяны, вы Азизяны.

Но и на этом она не остановилась. Находчивая бабушка надрезала мальчишкам мочку на одном ухе, чтобы потом по этой примете найти их. Одному из сыновей было пять лет, а друго-

⁷ Всеспасителя (арм.).

му семь. Сколько страданий перенесла Сандухт, чтобы пройти к границе и перейти Аракс с детьми, ведомо только ей и Богу. По воле судьбы они попали в деревню Брнакот Зангезурской области. Добрые люди разрешили ей пожить вместе с детьми в хлеву. На тот момент таких, как они, беженцев было много. Уже потом, когда кошмары кончились, Сандухт много лет искала детей, которых она посадила на арбу, но безрезультатно.

Судьба, разлучившая кровных братьев, удивительна в своих перипетиях, но не менее удивительна она, когда сводит этих братьев в тот миг, когда надежда уже померкла в их сердцах. Прошли годы, и Сандухт стала бабушкой. У её старшего сына Сероба уже было два сына и пять дочерей. И вот однажды младший сын Сероба Рушан поехал в районный центр Сисиан, попал в передрагу, и его забрали в милицию. Сероб поехал вызволять сына и встретился с милиционером, который вдруг спросил:

– А вы случайно не родственник нашего начальника пожарной службы Азизяна? Что-то в ваших лицах есть общее.

Сероб немедленно встретился с этим человеком, расспросил, откуда он и что помнит о своём детстве. Выяснилось, что тот вырос в детском доме, что у него был младший брат, которого усыновили, но связь с ним потерялась. Сероб, увидев на ухе мужчины метку, пригласил Азизяна в гости к Сандухт. Так нашелся один из ее потерянных сыновей. Сероб написал в детский дом, чтобы узнать о судьбе второго брата, но так как никаких записей в те годы не вели, то найти усыновлённого мальчика так и не удалось.

В апреле 1966 года произошло разрушительное землетрясение в Ташкенте, и по телевизору показали выступление первого секретаря компартии Узбекистана. Сандухт, увидев его лицо, близко подошла к телевизору, а когда диктор назвал его фамилию – Азизян, у Сандухт подкосились ноги. В далёкий Узбекистан полетела телеграмма. Вскоре приехал долгожданный гость. Надрезанная мочка его уха стала подтверждением, что это и есть второй потерянный сын. Всё село пришло поздравить Сандухт с радостью, были накрыты столы, звучал дудук, но среди радостных восклицаний тут и там за столом раздавались плач и причитания. Слишком глубока была всеобщая рана, она болела и кровоточила...

Нарине САРДАРЯН,
пенсионерка, 71 год

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

Опрошлых бедах, особенно о Геноциде, моя мама Нора Атамян не любила говорить вслух. Её боль и переживания были загнаны глубоко в сердце. Она не раз говорила, что её прошлое мчится среди призраков и пусть оно канет в бездну, чтобы никогда не повториться. Но всё же она признавала: если разделить её жизнь на этапы, самое счастливое время жизни – это её детство. Мамино детство прошло в **Западной Армении** с родителями и старшей сестрой в большом красивом доме в городе **Трапезунде**, что на берегу Чёрного моря. Её отец был зажиточным коммерсантом. Он занимался выращиванием табака, выпуском турецких сигарет, а ещё на первом этаже дома, в котором проживала вся семья, находился продовольственный магазин.

Моя мама прикрывала глаза и говорила:

– До сих пор чувствую запах табака, выращенного отцом. Разве сейчас табак выращивают! Суший сорняк. А вот тогда за табаком и сигаретами отца приплывали даже из Одессы.

Я была младшенькой, – рассказывала мама, – и отец всюду меня брал с собой. Он очень мечтал о сыне, и моя мама Зофия, не рожавшая долго по состоянию здоровья, рискнула забеременеть, но родилась я. Несмотря на то что родилась дочь, отец никогда больше не говорил о сыне и очень любил нас: меня и Варсик.

Мамин отец, Тигран Атамян, являлся членом городского совета Трапезунда. Весь город знал его. Норе очень нравилось гулять с отцом. Она видела, с каким уважением здоровались прохожие разных наций, называя отца на западный манер – Тикран-паша. Отец владел многими языками: и армянским, и турецким, и курдским; временами даже заговаривал на грече-

ском. Этот язык он знал благодаря своей жене: она была гречанкой. В Трапезунде было много греков, ведь когда-то этот город являлся столицей греческой Трапезундской империи. А как хорошо (по крайней мере, им так казалось) они дружили с соседями-турками! Мама даже помнила, как звали собаку соседей. В сезон все соседи – женщины-турчанки – работали у отца. Он им хорошо платил, вдвое больше, чем другим, и они его боготворили. В 1915-м маме шёл только двенадцатый год, но, как она говорила, пришлось повзрослеть за один день...

На этом мама замолкала и вытирала мокрые глаза. Моего первого сына она попросила назвать Тиграном, в честь своего отца. Муж мой не отказал ей, он её очень уважал. Мама жила с нами, хотя у меня в Армении жили тогда два брата. Мы с ней хорошо понимали друг друга. Укачивая Тигранчика, она часто задумывалась, а потом вдруг вздыхала и говорила: «Вах, айрик джан, им арслан айрик»⁸. В такие моменты я понимала, что она в очередной раз побывала в прошлом. Мне было жалко её, и я однажды сказала, мол, зачем так мучить себя и заново переживать смерть родных. Ведь это было давно. Она грустно посмотрела на меня и, горестно покачав головой, неожиданно поделилась:

– Столько лет прошло, а мерзкое ощущение, что все мы были обречёнными жертвами, не проходит. Закрою глаза – и всё повторяется. Не понимаю, по какому праву можно было так жестоко разрушать человеческие жизни, уничтожать, терзать. Бог мой, как ты это допустил?!

– Мама, – просила я, – пожалей себя, постарайся отойти от всего, забыть.

– Что? – смотрела она на меня осуждающе. – Как забыть? Как ты можешь так говорить, Нара-джан? Это ведь не одна жизнь отнята! У нас отняли всё. Дом, семью, родину, чистое небо, забрали честь и достоинство, превратив в животных, а ты говоришь – забудь! Кем я стану после этого, а? Ну, скажи! Тем животным, в кого меня хотели превратить?! У нас лишь память осталась, а ты и её хочешь затмить, разве я не имею право на память? – Она расплакалась. Я впервые видела маму

⁸ Ах, отец, мой лев-отец (арм.).

такой расстроенной и обиженной на меня. Потом оказалось, что этот день был днём рождения моего деда Тиграна. Стараясь успокоить её, я стала просить у неё прощения.

– Вот видишь, ты словом обидела и прощения просишь, а они нас живыми закапывали, детей у всех на глазах насиловали, новорождённых на мечи насаживали. Эти крики, эти тела матерей, падающих в объятия смерти после кошмарных картин... Как можно с таким грузом греха жить и не каяться?!

Я побледнела после её слов, она впервые говорила так... открыто. Тут проснулся Тигранчик, и выражение лица мамы изменилось.

– Иди ко мне, мой арслан⁹, иди, моя радость. Я знаю, ты будешь таким же справедливым и храбрым, как твой прадед.

Несколько дней я не могла успокоиться. Историю армянского народа я знала по учебникам. Я знала, что мама прошла через Геноцид, но в нашей семье об этом говорилось в общих словах, больше опосредованно, без лишних эмоций и фактов. Однажды, когда муж взял малыша и ушёл гулять в парк, я попросила маму рассказать, что она помнит из своего прошлого:

– Мне кажется, нам надо поговорить. Расскажи мне всё, я ведь твоя дочь, да и потом, я давно взрослая.

На самом деле я хотела, чтобы мама освободилась от скорби и траура, которые она носила столько лет. Я никогда не думала, что от этого нельзя освободиться, как и не думала, что этой болью можно заразиться.

– Что я помню? – словно спрашивая саму себя, повторила мама. – Помню, что в начале того чёрного года, когда пошли слухи, что турки уничтожили всех юношей, призванных на службу в турецкую армию, отец, побледнев, перекрестился и воскликнул: «Горе вам, армянские матери! Юбки наденьте, армянские отцы!» Он очень переживал, потому что сын его брата был призван в армию месяц назад. Помню, как он объявил вдруг, что мы должны уехать. На другой день подруга моей сестры, соседка Эдже, сказала, что её родители очень переживают за нас, потому что всех армян хотят сделать правверными, а кто откажется – того убьют. А ещё она сказала, что её

⁹ Арслан (турецк.) – лев.

отец слышал в центре, будто скоро армянской нации не будет, останутся женщины и дети, которые станут турками. Мы с сестрой были напуганы. Тотчас передали эти слова родителям. В тот же вечер, а это был конец мая, мы решили уплыть из Трапезунда. Но папу вызвали в совет и дали задание: сделать перепись армян. Когда он спросил, зачем это делать, ему сказали, что переписи греков, курдов и турок уже ведутся, что тут странного? Так прошло много дней, а потом пришёл приказ о депортации. Помню, как плакала мама, не зная, что брать в дорогу и как оставлять нажитое добро. Потом пришёл отец и сказал, что всех армянских мужчин арестовали, а его Умут-ага насильно заставил уйти из центра города спасать семью. Он даже предложил ему укрытие в своём доме, но отец отказался. Он до конца упрямо твердил, что не преступник, чтобы прятаться. Ночью мы хотели ускользнуть из города, но везде горели костры, а турки бегали по нашему кварталу и выкрикивали угрозы. Потом стали стучать в наши двери. До этого мама заставила нас надеть жилеты, в которые она вшила золотые монеты... Помню, как нас вытолкали из дома, но отец крикнул зычным голосом, чтобы к женщинам не притрагивались, мол сами пойдём. К нашему удивлению, его послушались, но только на некоторое время. Людей, выгнанных из своих домов, на улице оказалось много – конца толпы не видать. Нас загнали в казармы, похожие на тюрьму, потому что везде были решётки и замки. Люди стояли, сесть не было возможности. Мужчин было мало. В основном плачущие дети и женщины, пытающиеся их успокоить. Под утро открылись ворота, и вошли турецкие жандармы и несколько солдат. Увидев наши измученные лица, они стали ухмыляться, словно победили вооруженное до зубов войско. Нацелившись на толпу, они начали стрелять нам под ноги, кто-то палил в воздух. Проснувшиеся дети испугано заплакали. Все начали роптать. Отец не мог вынести напряжения, он не мог видеть, как над его семьей издеваются, и начал кричать. Один из жандармов, по-моему, сержант, угрюмо поглядывая на нас, отдал приказ опустить винтовки. Они с отцом оказались знакомы. Отец крикнул:

– Ахмед, подонок, посмотри мне в глаза! Не ты ли ещё неделю назад просил меня подождать с долгом, который я списал

тебе просто так? Что мы вам сделали? Почему вы мучаете наших детей, у вас ведь тоже есть дети!

То, что потом случилось, было жутким кошмаром. Один из этих извергов подошёл к решётке и стал мочиться на людей, метаясь струёй мочи в отца.

– Выпусти меня отсюда, я тебе башку снесу, мразь, – прорычал отец.

И тут началось. Турки открыли дверцу. Отец, а за ним другие мужчины, вырвавшись из клетки, попытались наброситься на жандармов, но через пару шагов падали от выстрелов. Не дай Бог никому пережить такого ужаса. Турки стали без разбора всех избивать. Но даже эти удары не могли усмирить раненого отца. От его криков стыла кровь. Ему доставалось больше всех. Казалось, он не чувствовал боли в простреленной руке: отбиваясь от ударов здоровой рукой, он кричал:

– Ахмед, подонок, объясни, а потом убей!

Это был конец. Необъяснимый, обидный и унижительный конец. Моя душа разрывалась на части не от физической боли и не от унижений, а от страданий отца: страданий от того, что он не может защитить свою семью, своих детей. Увидев, как один из солдат схватил молодую женщину и, стаскивая с неё юбку, потащил в угол, я подумала, что лучше б отца убили, чтобы он не видел нашего позора и мучений. От испуга я упала на колени, закрыв лицо руками. Через некоторое время почувствовала, что удары прекратились. В полнейшей тишине, словно во сне, я увидела отца: раскинув руки, он лежал в пыли, прикрыв собой мою старшую сестру. Сначала я подумала, что и она мертва, но нет, мама, плача, перевернула отца, освобождая Варсик, та была невредима. Один из солдат ударил маму в лицо и схватил за руку мою семнадцатилетнюю сестру, но тут, к моему изумлению, Ахмед оттолкнул жандарма, бросив сквозь зубы: «Отстань от них!» Показав нам рукой, чтоб мы присоединились к загнанной в угол толпе женщин и детей, он повернулся к нам спиной.

В отличие от наших полных ужаса глаз глаза турок излучали радость. Довольные и опьянённые своим всесилием и властью, они, наверное, ещё хотели попользоваться всем этим, но лицо Ахмеда, стоящего к нам спиной, видимо, выражало

запрет. Двое жандармов всё же рискнули пойти наперекор Ахмеду, но он приказал всем отойти. Вскоре нас построили и выгнали на дорогу из города. Людей охватило безразличие ко всему окружающему. Видно, смерть мужей и отцов выбила их из колеи. Дорога была трудной. Дети хныкали, цепляясь за матерей. У одной женщины, тащившей двух малышей – одного привязанного к спине, а второго на руках, – вдруг начались судороги в ногах. Едва успев передать детей идущим рядом, она упала. Люди боялись помочь ей и вызвать тем гнев конвоиров, они продолжали идти. Маме моей достался трёхлетний малыш, он всё оглядывался назад и судорожно всхлипывал. «Молчи, детка, молчи», – просила его мама, потом вытащила из кармана широкой юбки кусок хлеба и дала малышу. Тот, сопя, стал есть хлеб. Второго малыша (ему было около годика) подхватила высокая крупная женщина. Позади колонны раздались выстрелы, и мы поняли, что матери этих двух малышей уже нет в живых. Мама, прижав к себе ребёнка, заплакала.

За день люди уставали так, что невозможно было согнуть ноги, чтобы сесть, приходилось валиться на бок. Турки снимали поклажу с обоза, который шёл позади толпы, и бросали нам мешок с едой. Это были куски чёрствого хлеба, сушёный горох или же перловка. Иногда пинками, криками, оскорблениями и даже выстрелами поднимали ночью, заставляя идти. Ночью кричали курды, которые оравами шли за колонной, но, боясь Ахмеда, который пригрозил им винтовкой, близко не подходили. На этой почве у Ахмеда с другими солдатами вышла ссора, ко всему прочему, он после первого дня запретил насилловать женщин, и это тоже вызвало недовольство. Мы все понимали по-турецки и слышали, как Ахмед пригрозил солдатам. Он сказал: «Был приказ депортировать, вот и депортируйте!» Нам показалось, что солдаты что-то затевают против Ахмеда. Однажды мы услышали, как ругается Ахмед – сбежали два жандарма. Но вскоре, дня через три, они появились с несколькими всадниками. Ахмед побледнел, и мы поняли почему. Эти двое сбежали, чтобы пожаловаться властям на Ахмеда, мол, тот на стороне армян. Вскоре на наших глазах Ахмеда расстреляли. Одного из доносчиков поставили главным. Сердце холодело от страшных предчувствий.

– Теперь я знаю, что чувствует грешник в аду, – говорила мама. – Это одиночество и безысходность. Но за какие грехи нас без суда отправили в ад – обманули, растерзали и унизили? Единственный турок, который пытался как-то нас защитить от насилия, был убит своими же солдатами. Я вспомнила наших соседей, свою школьную подругу. Нет, они не могли бы относиться к нам так же, как эти изверги. Разве можно так мастерски носить маску? Прав был мой отец, когда задавал вопрос – за что? До этого он не раз говорил, что армяне для Турции намного полезнее и нужней, чем сами турки, и они не такие дураки, чтобы лишиться своих доходов, убив нас. Но как оказалось, он плохо знал турок.

Казалось, всё рушилось вокруг, люди потеряли контроль над собой. Это был тот момент, когда каждый думал лишь о себе и о своих детях. На поверхность выходила вся сущность души человека: и плохое, и хорошее. Женщины-беженцы могли перегрызть друг другу глотки из-за куска хлеба. Вскоре маме стало плохо. Она попросила Варсик не бросать Арама (так звали мальчика, у которого убили мать). Через два дня мамы не стало, она умерла от истощения, подкармливая своим пайком Арама и нас с сестрой. Варсик с Арамом не расставалась. Она или несла, или же вела ребёнка за руку. Но после того как убили Ахмеда, солдаты издевались над нами как хотели. Теперь курды покупали нас и воровали. Кто противился, убивали на месте. Мы с Варсик старались всё время быть в середине колонны. Но однажды ночью Варсик и Арама украли, как и многих женщин. Так я осталась одна.

Со мной рядом шла высокая пожилая женщина, у которой убили двух сыновей, невесток и внуков. Это была та самая женщина, у которой на руках остался годовалый ребёнок нашей погибшей спутницы, мы с ней назвали его Арменом. Вместе мы дошли до Алеппо. Нас осталось около сотни, а может, меньше. Погибло много... очень много. Удивительно, но ребёнок остался жив. Ребекка, так звали мою спутницу, взяла на себя заботу о нас с Арменом. Чтобы избежать лагеря для беженцев, мы обошли посты и украдкой вошли в город. Мы в Алеппо не жили, мы там нищенствовали. Однажды Ребекка узнала, что группа беженцев хочет за деньги перебраться в Сочи по Чёрному морю,

но у нее не было денег, чтобы заплатить за переправу. Тут я ей и сказала, что в мою грязную и изношенную жилетку вшиты монеты. Она плакала от радости. Так мы спаслись и попали в Сочи, откуда вскоре добрались до Армении.

Мама замолчала и вся ушла в себя, я её больше не спрашивала. Однажды она сказала мне, что ей теперь стало легче. «Я всё боялась рассказывать, – сказала она. – Не знаю, что меня удерживало. Видимо, стыд за то, что с нами так поступили. Как наши армянские мужчины не могли такого предвидеть и защитить народ, я просто не понимаю».

Прошли годы, нет уже в живых мамы, но есть её история. Я давно хотела рассказать ее своим детям, но не знала как. Видимо, моё желание было велико, ибо пришло время поведать о судьбе моих родных со страниц книги. Я молю Бога, чтобы книга была издана, потому что наши дети должны знать правду о своих предках. Они должны знать это не для того, чтобы мстить, а для того, чтобы восторжествовала правда, которая живёт в памяти народа.

Ли́дия САМКОВИЧ-ПОГОСЯН,
почётный председатель общественной организации
«Нижегородская армянская община»

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

24 апреля – трагическая дата в истории нашего народа. В преддверии столетия Геноцида хочется поделиться мыслями, не дающими покоя душе. Возможно, они покажутся «несвоевременными» на фоне нынешней шумной, многократно озвучиваемой темы Геноцида. Но они во мне, и с этим ничего не поделаешь.

Начну издалека.

Родилась я в городе Степанакерте, столице Карабаха, в 1939 году. Карабахских армян пик Геноцида 1915 года напрямую не коснулся, но было немало беженцев, спасшихся от турецкой резни. Об их трагической судьбе рассказывали старики. Мои родители уже в сознательном возрасте воочию были свидетелями последнего этапа Геноцида – погромов и резни в Баку в 1918 году и в Шуше в 1920 году, осуществленных турками-мусаватистами.

В марте 1920 года армянская часть Шуши (этого прекрасного города, который называли маленьким Парижем) была сожжена, а армянское население вырезано.

«Я с ужасом вспоминаю и сегодня ту картину, которую мы увидели в Шуше в мае 1920 года. Красивейший армянский город был разрушен до основания, а в колодцах мы увидели трупы женщин и детей», – сказал Серго Орджоникидзе 21 января 1936 года во время приема в Кремле делегации Азербайджанской ССР.

А вот какой увидел Шушу в 1931 году поэт Осип Мандельштам:

Сорок тысяч мёртвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горах похоронён.
И бесстыдно розовеют
Обнажённые дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

Эти руины довелось увидеть и мне уже в 1951 году, когда мы с сестрой умолили родителей отправить нас в пионерский лагерь в Шушу, возвышавшуюся на горе, недалеко от Степанакерта. Азербайджанская часть города с мечетью была абсолютно цела и заселена азербайджанцами, а армянская сторона – вся в руинах: и прекрасная церковь, и дома, и старинное армянское кладбище с развороченными могильными плитами. И ни одного армянского жителя. Поруганная и разру-

шенная вандалами в 1920 году армянская часть стояла почти полвека как страшный итог Геноцида армян. А когда Гейдар Алиев возглавил ЦК Компартии Азербайджана, руины были снесены, и на их месте построили новые типовые кварталы. Следы разрушений и погромов были стерты полностью. С одной стороны, это принесло облегчение армянам, живущим в Азербайджане: больше не будет мрачных дней в их судьбе. Но... уже в 1988–1990 годах мои родственники в Баку и карабахцы, построившие город химиков Сумгаит и жившие в нем, стали жертвами ужасающих погромов. Оставшиеся в живых покинули любимые города, которым отдали свои силы, знания, талант. Сейчас они разбросаны по всему свету. Родня же, жившая в Карабахе, воевала за независимость Карабаха. Там же воевали мои уже немолодые одноклассники, жившие в Степанакерте, и их повзрослевшие дети. Не всех пощадила вражеская пуля. Кто-то был убит, кто-то ранен. Каждый раз, приходя в церковь, я поминаю их и ставлю свечку. Свечи постепенно тают, а на душе у меня грусть и горечь. И какое-то странное чувство не дает ей покоя. Это и чувство невыполненного долга, и что живём не так, и ощущение какой-то трансформации в национальном сознании, когда речь идет о Геноциде. И чем шумнее и многократнее озвучивается тема Геноцида нашего народа, тем сильнее это тревожное ощущение. Кажется, мы упускаем главное...

На ум приходят строки Даниэля Варужана – поэта, арестованного и убитого в 1915 году: «Однако армянин должен жить, чтобы стать одним из золотых звеньев в главном ряду мирных народов». Это наказ всему народу жить не только физически, но и духовно: творить, созидать, чтобы стать золотым звеном «в главном ряду народов».

Геноцид того или иного народа совершался неоднократно на протяжении всей истории человечества. Вспомним, как были истреблены индейцы на их собственной земле, когда европейцы открыли Америку. Вспомним судьбы многих африканских народов. **Езиды** называют их нынешнее истребление в Ираке исламистами семьдесят третьим по счёту геноцидом езидского народа. А истребление Гитлером нарийских народов: евреев, цыган, славян? Милитаристская

Япония истребила сотни тысяч мирных китайцев, а в 1945 году были сброшены ядерные бомбы на Японию. Ежегодно японцы отмечают День памяти. Не забывая о трагедии, японский народ был нацелен на будущее, приняв девизом жизни изречение: о горе не кричат, а помнят; созидают, ставя перед собой высокие цели, устремленные в будущее и воодушевляющие народ.

Наша трехтысячелетняя история не стала исключением в общемировой истории бед и трагедий. На своих исторических землях была истреблена половина армянского населения в Османской империи, уничтожены изумительные памятники духовной культуры. Мотивы вселенской боли, горя в стихах блестящей плеяды западноармянских поэтов – Даниэля Варужана, Сиаманто, Рубена Севака, родившихся в разные годы, но арестованных и убитых в 1915 году, – никого не могут оставить равнодушными. «Из раны сердца песнь моя взошла», – так писал Рубен Севак. И слово «Геноцид» у нас в крови, «как тяжелая ноша поломанной армян судьбы». Но надо жить, жить вопреки воле палачей.

Спросим себя перед памятью миллионов убиенных наших соотечественников, всё ли мы сделали? Оправдали их надежды, мечты? Воздвигли всеми усилиями нации – духовными, физическими, материальными – самый главный памятник – процветающую страну Армению, пусть составляющую лишь одну десятую часть исторической Армении, но всё-таки своё независимое государство, в котором святы справедливость, братство, достоинство и права гражданина?

Распад СССР, межнациональные конфликты, погромы в Баку и Сумгаите, **Карабахская война**, последовавшая за этим блокада Армении повлекли за собой исход армянского населения. Это понятно. Но почему и сейчас люди уезжают из Армении, мотивируя это не только отсутствием работы, но еще и коррупцией во всех сферах и беззаконием? Почему мы не смогли построить подлинно правовое государство?

Потоки армян устремляются сегодня в другие страны, стремясь любой ценой получить гражданство этих стран. С болью в душе вспоминаю встречу с армянскими семьями в Швеции, где я была этим летом. Пожилой мужчина буквально со сле-

зами на глазах признался, что только здесь он почувствовал уважение к себе как к человеку и гражданину: вежливость, внимание, доброжелательность, верховенство закона везде, на всех уровнях, в какой бы кабинет он ни входил. Ни грубости, ни унижения, ни взяточничества. Признался, что ему снятся родные горы, небо, хотел бы жить и умереть на родной земле, где могилы предков, но...

Рядом с пожилым человеком – стайка молодых, человек шесть-семь, с радостью сообщивших, что скоро получают вид на жительство. Почему мы говорим с гордостью, что наши брат, сын, дочь, дядя, тётя живут в Америке, Аргентине, Англии, Франции, Германии – с гордостью, а не с горечью?

Я понимаю, что блокада Армении продолжается, но дело не только в ней. Можно же жить небогато, скромно, но в праведности и на своей земле. Может, что-то в нас самих не так? Может, в нас преобладает материальное? Я не осуждаю, а мучительно размышляю, хочу понять, какие мы, к чему пришли и как пришли, посмотреть со стороны, всмотреться глубже, тем более на фоне столетней даты Геноцида.

Не могу забыть эпизод, который произошёл лет десять-двенадцать назад, когда я пришла на один из модных в ту пору факультетов университета для выяснения ситуации, связанной с некоторыми студентами-армянами. Пожилая секретарша, еврейка по национальности, сказала: «Как они могут вести себя так недостойно? Ведь они должны не только говорить, что был Геноцид армян, но каждым днём своей жизни подтверждать все самые достойные черты своего народа в память об истреблённых». Я думаю, что она вправе была ставить вопрос таким образом, ибо её народ, переживший гонения, а в двадцатом столетии – и Холокост, смог построить в труднейших условиях государство Израиль, которым гордятся израильтяне и не покидают свою страну.

Печально, но я нередко ощущаю в психологии соотечественников, что сам факт Геноцида они превращают чуть ли не в достоинство, будто это отметина нашей исторической особи, исключительности. Неужели у нас нет других отметин, чтобы о нас знал весь мир? Вот если бы, несмотря на Геноцид и стремление уничтожить нас физически и духовно, мы, воз-

родившись из пепла, построили бы государство Армения, в котором нет коррупции, и каждый армянин с гордостью говорил бы: «Я – гражданин Армении», страны, где царит справедливость, где нет бедных и униженных и, как писал Нжде, «где народ гордится своими лидерами, а лидеры как избранные судьбы следуют задумчиво, полны возвышенных мыслей и бледны от сознания своего священного призвания, наделены готовностью каждую секунду умереть за возглавляемый ими народ» – вот это было бы лучшим памятником и подтверждением национальной чести, нашего достоинства и особенности.

Пусть каждый из нас спросит себя: всё ли он совершает перед лицом недремлющей совести, и в первую очередь – лидеры, как пример для народа? Мы часто говорим о патриотизме, о любви к Родине, говорим с большим, чем кто-либо другой, пафосом: «Айястан, Айястан...», будь это торжественное мероприятие или застолье, читаем пламенно стихи, написанные буквально кровью поэтов. Но... По большей части этот наш патриотизм – словесный, это лжепатриотизм, ибо мы живём совсем по-другому, приземлённо, поражённые бациллой тщеславия, а то и корысти. Приведу цитату, и снова из Нжде: «Посетите наши торжественные мероприятия, убедитесь, что больше всего армянин “клянётся” служить Отчизне, умереть за неё. Психологическая тайна этого явления в том, что армянин-“патриот” хорошо знает, что когда он бьёт себя в грудь, клянётся, это совершенно не обязывает его не только умереть за Родину, но и служить ей бескорыстно». Конечно, не всем быть героями, но в максимализме армянского патриота и мыслителя Нжде есть то, что абсолютно доступно нам всем, – бескорыстное служение на любом поприще. И поменьше пафосных слов. «Любить Родину – значит глубоко чувствовать, размышлять, делать то, что необходимо для могущества и увековечения Рода и Родины. Любить? Любят и рынок, где можно выгадать. Любят деньги, удовольствие, удобства – преходящие и малозначимые различные вещи. А Родина как наивысшая ценность принадлежит к тем священным понятиям, перед которыми ещё и преклоняются. Любовь признаёт только права, а преклонение – обязанности».

Живя с 1962 года в России, а с 1974 года – в Нижнем Новгороде, я наблюдаю за растущей здесь армянской молодёжью, приходящей на наши общинные мероприятия. Я хотела бы знать, какие у неё святыни и в малом, и в большом. Трогают ли их душу строки поэта Петроса Дуряна, ушедшего из жизни в девятнадцать лет? Приведу отрывки из его стихотворения «Моя скорбь», написанного перед смертью:

Я не о том скорблю, что, в жажде сновидений,
Источник дум святых иссякшим я нашёл.
Что прежде времени мой нерасцветший гений
Сломился и поблек под гнётом тяжких зол.
Я не о том скорблю... Нет, родине несчастной,
Все помыслы мои... О ней моя печаль!
Не в силах ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвестно умереть – о, как мне жаль, как жаль!

(Константинополь, 1871 г.)

Любим ли мы так же свою родину? Готовы ли мы ей беззаветно служить? Какие же мы? Задумаемся. Может, не стоит винить то одних, то других: в течение всей нашей истории все на нас нападали, все нас убивали? В конце концов, ведь мы являемся архитекторами нашей политической судьбы, не так ли? Значит, мы не лучшие архитекторы, коль не смогли построить страну, которую не покидают. Может, поэтому на протяжении многих веков мы теряли свою государственность, и дело было не только во врагах? Они ведь были у каждого государства, народа.

Мы потеряли способность оценивать себя критически. Наше гипертрофированное «Я» преобладает над «Мы». У нас часто двойные стандарты. При таком себялюбии не остаётся места ни самоанализу, ни реализации общенациональной идеи, которая возможна лишь тогда, когда общенациональное «мы» доминирует в душе каждого. Даже доброжелательная критика начисто отсутствует в нашей общественной жизни, ибо она не является потребностью каждого из нас. Более того, мы ее отторгаем, воспринимая как унижение нашего «я». Следовательно, мы не ищем истину, ибо считаем себя воплоще-

нием истины. Наверное, за всех нас, на тысячелетия вперёд покаялся перед Богом гениальный Нарекаци, терзаемый сомнениями в праведности своей жизни.

Вот такие у меня мучительные «несвоевременные» мысли. С чувством горечи я ими и поделилась.

Постскриптум.

Заголовок «Несвоевременные мысли» я взяла у Максима Горького. В этой книге, состоящей из его статей, напечатанных в 1917–1918 годах, – раздумья, мысли, осмысление действительности в самые сложные годы общественной и политической жизни России. Надеюсь, он меня простит.

Татьяна СВАДЬБИНА,
доктор философских наук,
профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского

РАНЫ АРМЕНИИ

«Раны Армении...» Говоря о них, нельзя не восхищаться самоотверженностью и созидательной энергией одного из древнейших народов мира.

«Раны Армении» – так назвал свой исторический роман в 1841 году основатель новой армянской литературы Хачатур Абовян, посвятив его освободительной борьбе армянского народа в период русско-иранской войны 1826–1828 годов.

Этот ёмкий эпитет применим, на мой взгляд, ко всей многовековой истории Армении. Штудирюя энциклопедии, открываю для себя (историка по образованию, выпускницы ННГУ им. Н.И. Лобачевского) удивительные факты и подробности из

истории и культуры армянского народа, которые не потеряли своей актуальности и сегодня, на постсоюзном пространстве.

Начнем с истоков.

Страна древних предков армян, населявших северо-восточную часть Малой Азии, в хеттских надписях XVI–XV вв. до н. э. называлась Арматана, а позднее, в XIV–XIII вв. до н. э., – Хайаса; отсюда – под названием урумейцев – жители страны продвинулись в ассирийскую провинцию к юго-западу от озера Ван. Под названием Урме, или Арме, в середине VIII в. до н. э. эта провинция была присоединена к государству Урарту. В древнеперсидских текстах страна именуется как «Армины» (в древнегреческих – «Армения»). Само население называло страну «Хайк», а себя – «Хай». С IV в. до н. э. страна находилась под властью Ахеменидов и Селевкидов.

И вот, наконец, небольшая «передышка» в 700 лет (с III в. до н. э. до IV в. н. э.), когда возникло и развивалось государство «Великая Армения», со столицей Арташат.

Думается, «великой» страна стала не только за счет расширения территории до Сирии, Месопотамии и Киликии, а в первую очередь потому, что в 301 году Армения стала христианским государством (т. е. на 687 лет раньше Киевской Руси). Уже в 303 году был построен собор Эчмиадзин (близ Еревана). Первым католикосом всех армян стал Григорий Паргев; отсюда – церковь григорианская, церковь, сделавшая многое для развития и умножения богатства армянской культуры. (Кстати, возраст самого Еревана – тогда крепости Эребуни – почти 2800 лет. Он – ровесник Вавилона и Ниневии.)

Во-вторых, Армения Великая – ещё и потому, что получила свою письменность (до этого население пользовалось ассирийской клинописью). В 405 году Месроп Маштоц создал армянский алфавит, и написанные на нем древние тексты можно увидеть в Матенадаране (в Ереване) – крупнейшем в мире хранилище десяти тысяч древнейших рукописей и 200 тысяч архивных документов.

А что дальше? Опять «черная полоса» в 1000 лет! Одни завоеватели сменяли других: римлян – киммерийцы, скифов – персы, парфян – арабы, монголо-татар – мамлюки. В следующие 300 лет, в XV–XVIII вв., Армения была разделена между

Ираном и Турцией, но и в этих условиях армянский народ не прекращал вести освободительную борьбу, не без основания рассчитывая на покровительство России.

В 1805–1828 годах Восточная Армения была присоединена к России (Эриванская губерния). Дальше – больше! Одновременно в 1828 году русская армия заняла часть Западной Армении – Карс, Ардаган, Большой Арарат, Баязет, Эрзурум. Но вот незадача! Уже через год по условиям Адрианопольского мирного договора большая часть этой армянской территории перешла к Турции, вследствие чего 150 тысяч армян переселились в Восточную Армению. Успели!..

И вот теперь – самая страшная и трагическая страница в истории армянского народа. К началу Первой мировой войны, в 1914 году, четыре миллиона армян компактно проживали на территории исторической Армении (в пределах Закавказья, Российской империи – 1,5 миллиона из них; в Турции – 2,5 миллиона). В 1915–1916 годах из 2,5 миллиона армян, проживавших в Турции, свыше 1,5 миллиона человек по приказу турецких властей было уничтожено, а более 600 тысяч – насильственно выселено в бесплодные районы Месопотамии. Вследствие **Геноцида армян** вся Западная Армения практически лишилась коренного населения, и армяне расселились по многим странам мира. 300 тысяч человек нашли убежище в Закавказье, в пределах России.

В итоге это привело к полной ликвидации армянского присутствия на большей части исторической родины армянского этноса. И даже сегодня, когда Турции вовсе не угрожает «армянская опасность», турецкие власти все так же последовательно уничтожают следы пребывания армян на территории Западной Армении. Церкви превращаются в мечети или вовсе разрушаются, хачкары пускаются на щебень. Сегодня, спустя 100 лет после массового уничтожения армян Османской империи, вопрос осуждения международным сообществом Геноцида армян по-прежнему остается открытым. Однако в последнее время налицо некоторые сдвиги: резолюции, осуждающие Геноцид армян, приняли Совет Европы, Европарламент, Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Ко-

миссия ООН по военным преступлениям, Всемирный совет церквей, Уругвай, Россия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Швеция, Нидерланды, Швейцария, Польша, Литва, Греция, Словакия, Кипр, Ливан, Уругвай, Аргентина, Венесуэла, Чили, Канада, Ватикан, в США из 50 штатов Геноцид признан 48 штатами.

А дальше – советский (с 1920 г.) период в истории Армении и с 1922 года – союзный (заметим: по договору Советской России с Турцией в 1921 г. за Турцией остались-таки территории включительно по озеро Ван, а значит, «ноющая рана» армян по исторической территории?).

Однако, как было сказано, под «величием Армении» может пониматься преданность вере, гордый и несломленный дух её народа, красота и уникальность её культуры, неповторимость и притягательность её природных ландшафтов.

На весь мир прославили Армению великие мастера музыкального жанра – композиторы Комитас, А. Хачатурян, А. Бабаджанян; исполнители – Г. Гаспарян, П. Лисициан, З. Долуханова, а из эстрадных певцов – Ш. Азнавур и Ж. Татлян.

На десятки языков переведены стихи Г. Эмина, О. Туманяна, книги С. Капутикян и М. Шагинян.

Те, кто был в ереванской картинной галерее, согласятся со мной, что невозможно глаз оторвать от жизнеутверждающих, красочных полотен Мартироса Сарьяна.

Но более всего поражают памятники зодчества, архитектуры, начиная с остатков крепостей Урарту, а также храмы Звартноц (VII в.), Эчмиадзин (IV в.), Гарни (II в. до н. э.), храм Ахтамар (X в.), монастырь в Гегарде (XII в.); храмы на берегах озера Севан (X в.); и повсюду – хачкары («крест-камни») – как напоминание о трудной судьбе армянского народа.

Незаживающей раной для Армении и всех, кто верен многонациональной и советской дружбе, является 7 декабря 1988 года, когда в результате землетрясения погибли более 22 тысяч жителей этой союзной республики и за несколько минут города и поселки превратились в груды камней, провалились в бездну.

Когда вечером Центральное телевидение показало эти кадры, моё сердце словно остановилось: «Нет! Не может быть!

Всего десять лет назад я прогуливалась по этим улицам, кварталам Лениакана (ныне Гюмри), Кировакана (ныне Караклиса), Спитака, Степанавана, Еревана! Там много моих друзей – живы ли они?!» К слову сказать, уже на другой день утром на первом этаже нашего педагогического университета был открыт пункт для сдачи крови пострадавшим в Армении; очередь тянулась весь день от входных дверей. А оба помещения парткома и комитета ВЛКСМ уже к вечеру были до потолка заполнены вещами, игрушками, книгами, лекарствами – всем, что может пригодиться обездоленным взрослым и их детям. И такая картина наблюдалась во всех вузах, на всех предприятиях, школах, больницах – по всей стране. Спасти Армению – её жизнь, её будущее! Не дать ей пропасть, исчезнуть в небытии, ибо человечество осиротеет и обеднеет без этой яркой и бесценной жемчужины!

А потом был декабрь 1991 года – одна общая рана на всех: распад Союза, межнациональные войны, конфликты, издержки рыночной экономики в «лихие девяностые» – и, как следствие, – мигранты, беженцы, переселенцы из бывших союзных республик в Россию.

Армяне, будучи примерными гражданами других государств, максимально интегрированы в общества этих стран, добиваясь успехов в различных областях, но в то же время они остаются истинными армянами, сохраняя свою самобытность как зеницу ока, помня, что у них есть родина Армения. Остаётся сказать этому удивительному народу, что у него задача простая и ясная – помня уроки, заживлять раны и идти дальше.

Павел АКОПЯН,
аспирант ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 26 лет

РЕШАТЬ ТОЛЬКО В ДИАЛОГЕ

*Почему некоторым больше нравится сама проблема
Геноцида армян, чем ее решение?*

Григор Сюни

История увлекала меня всегда. Может быть, именно поэтому я и решил связать с ней всю свою дальнейшую жизнь. Трагическая страница истории моего народа, Геноцид армян в начале прошлого века, прочно отскерилась в моей памяти, превратившись в запутанный клубок проблем. Понимая всю сложность этого вопроса, я всегда старался избегать этой темы при беседах с теми, кто каким-то образом интересовался у меня армянской историей. Могу сказать почему... Дело в том, что сегодня вокруг этой проблемы оказалось уж очень много политики и идеологии. Сфера моих научных интересов лежит в области древней и средневековой армянской истории, и изучением проблемы Геноцида я никогда специально не занимался. Именно поэтому и не могу себе позволить давать оценки этим событиям, а комментировать проблему на уровне обыденных знаний, думаю, не совсем правильно и честно.

XX век по праву можно считать веком геноцидов. Это не значит, что геноцида как явления не существовало в истории и ранее, однако именно в прошлом столетии геноцид происходил слишком часто. Число жертв со стороны разных народов в абсолютном или пропорциональном отношении, безусловно, будет различаться, однако это никоим образом не снижает роли трагедии в жизни каждого из них. Сегодня как в самой Армении, так и за ее пределами ведется активная научно-исследовательская работа по изучению Геноцида армянского на-

рода, особенно это заметно в преддверии 100-летней годовщины трагедии. Считаю себя слабым знатоком этого периода армянской истории, но мне все-таки известно, что существует масса различных точек зрения на эту проблему, в том числе на такие вопросы, как причины массовых убийств армян (как в конце XIX – начале XX вв., так и во время **Первой мировой войны**), количество жертв и т. д.

В этой статье мне бы хотелось познакомить читателя с мнением американского историка армянского происхождения Рональда Григора Сюна, ныне профессора Мичиганского университета. Впервые о нем как об одном из авторитетных исследователей Геноцида за рубежом я узнал год назад от одного из преподавателей Европейского университета Санкт-Петербурга, куда я был командирован для участия в конференции. Скажу честно, личность эта в той беседе меня не сильно привлекла, поскольку проблематика его исследований лежала не в русле моих. Имени Рональда Григора Сюни после встречи я бы не вспомнил, если бы не одно «но»...

Так сложилось, что ни один мой визит в Санкт-Петербург немислим без посещения книжного магазина. Помимо древней и армянской истории я увлекаюсь еще и вопросами исторической, культурной памяти. Медленно шагая по просторным залам книжного супермаркета и с трепетом стараясь найти что-то мне близкое, я наткнулся на сборник статей, посвященный культуре памяти в посткоммунистических обществах. Открыв оглавление, я сразу обратил внимание на статью под заголовком «Диалог о Геноциде: усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны». Я думаю, вы догадываетесь, кто оказался автором этой публикации. Личность Рональда Григора Сюни, как мне удалось узнать позже, достаточно хорошо знакома научному академическому кругу Армении, поскольку некоторые его работы жестко критиковались и критикуются как в Армении, так и некоторыми историками и публицистами диаспоры. Эту статью я прочитал раз, наверное, пять.

Чем же меня все-таки привлекла фигура этого исследователя? Скажу сразу, что не научными взглядами, их я оценивать не могу, это скорее дело тех ученых, кто професси-

онально этим занимается, но о них я все равно упомяну. Привлекло же меня его желание, стремление и призыв к диалогу двух народов. В этом я его полностью поддерживаю, так как убежден, что столкновение противоположных взглядов позволит им (армянам и туркам) более полно и разносторонне понять не только предмет дискуссии, но и приблизиться хоть ненамного к истине. Этот диалог важен еще и тем, что дал бы возможность армянам убедиться, что далеко не все стереотипные представления о турках соответствуют реальности. «Есть и такие турки, кто пытается в очень сложной политической обстановке переосмыслить свою историю, включая историю массовых убийств армян в Османской империи», – пишет в своей статье ученый. Эта фраза Рональда Григора Сюни меня не удивила, поскольку я очень хорошо помню, как мой однокурсник Джумхур, турок по национальности, тоже мне про это говорил.

Основные идеи американского исследователя сводятся к следующему. Сам факт Геноцида армян ученый признает, отдельно подчеркивая, что ничто не может служить оправданием или обоснованием массовых убийств, этого злодейского преступления против человечества (с. 92). Автор отмечает, что причины Геноцида все еще остаются слабо изученными. Просмотрев несколько статей, лично мне удалось найти следующие: расизм турок; их религиозная нетерпимость; зависть к армянам (по экономическим и социальным причинам); пантуранизм и т. д. Позиция Рональда Григора Сюни отличается от вышеперечисленных: он утверждает, что депортации и массовые убийства армян не были запланированы задолго до самих событий, а стали результатом решений, принятых правительством младотурок в момент поражения, когда им представился удобный повод. Прикрываясь военными действиями, испытывая страх перед лицом воображаемой угрозы территориальной целостности империи и обороноспособности страны, которая будто бы исходила со стороны армян – «подрывного элемента», сотрудничавшего с наступающей русской армией, – младотурки решились раз и навсегда покончить с «Армянским вопросом», полностью устранив армян из Восточной Анатолии (с. 88–89). Второе его

положение заключается в том, что **Геноцид армян 1915** года нельзя рассматривать как простое продолжение массовых убийств армян турецкими властями, которые случались и ранее, – это, по мнению Рональда Григора Сюни, была принципиально иная, гораздо более радикальная попытка решения «Армянского вопроса» (с. 80). И, наконец, исследователь отмечает, что Геноцид был вызван не столько ненавистью турок к армянам как к расе или нации, сколько амбициозными планами воссоздания на новом фундаменте Османской империи, которые предполагали пантуранскую экспансию на восток.

Значительная часть этой самой статьи посвящена истории тех семинаров (2000, 2002, 2003 и 2005 гг.), которые были организованы усилиями в первую очередь самого Рональда и его учеников. Примечательно, что пусть и не сразу, но к работе семинаров стали присоединяться не только армянские ученые диаспоры, но и исследователи из самой Армении. Основная цель этих семинаров, судя по ремаркам их авторов, сводилась к попыткам деполитизации проблемы Геноцида и открытой дискуссии, стремлению к диалогу, в ходе которого армянским и турецким историкам удалось бы перейти от взаимных обвинений и отрицания фактов к чему-то более конструктивному (с. 100).

Мне бы хотелось поделиться некоторыми своими мыслями по этому поводу. Прежде всего обращаю еще раз внимание на эпиграф к тексту моего сочинения. Мне очень хочется надеяться на то, что решение таких острых проблем следует искать за рамками сложившихся националистических парадигм, которые мешают понять события тех времен. Я также убежден в том, что разрешить споры вокруг этой проблемы могут только исторические свидетельства и убедительная аргументация, а не голословные обвинения. Вплоть до сегодняшнего дня армянская историография обвиняет всех турок, отводя армянам лишь роль пассивных страдальцев и представляя всю историю Османской империи как путь, с неизбежностью ведущий к этой страшной трагедии. Для большей части армянской элиты признание Геноцида – это первый шаг к тому, чтобы поднять вопрос о «территориальных репарациях». Официальная позиция турецкого государства отрицает

Геноцид и утверждает, что Геноцида не было (все эти смерти произошли в результате гражданской войны, эпидемий и голода). Турки, безусловно, боятся признать преступления, совершенные их предками в прошлом, потому что признать, что основатели современного турецкого государства, которых сегодня почитают как героев, были причастны к содеянному злу, означает поставить под вопрос самые основы легитимности страны (с. 112). Очевидно одно – ни армянам, ни туркам, ни науке в целом не принесет пользы диалог лишь с самими собой или с теми, кто полностью разделяет одну точку зрения.

Нужно ли признать Геноцид армян? Конечно, да. Другого ответа здесь просто быть не может! Нужно ли армянам об этом помнить? Безусловно, да, поскольку эта частица исторической памяти народа является одной из ключевых составляющих идентичности армян. Но эти и другие вопросы следует решать только в диалоге.

Давид СТЕПАНЯН,
рабочий, 58 лет

ОН ОЧЕНЬ ХОТЕЛ ЕСТЬ

Моего отца вырастила тётя. Из всей семьи лишь они двое остались в живых: тридцатичетырехлетняя тётя Рузанна и шестилетний Мелкон, который на всю жизнь запомнил, как сильно он хотел есть на том длинном и жарком пути. Из Амазии до Алеппо они шли шесть месяцев. Чтобы не умереть с голоду, людям приходилось есть траву, коренья и даже грызть камни, которые, как говорили старики, богаты минералами. В дороге у тёти Рузаннны умерло трое детей, а у Мелкона – родители и две сестры. Мужчин и юношей в колонне было мало,

их арестовали и увели ещё до депортации. Многих девочек и мальчиков жандармы отбирали у обессиленных родителей и продавали мусульманам. Были родители, которые сами отдавали детей, только б те жили.

С раннего детства отец завидовал тем детям, у кого была семья: родители, братья, сёстры. Он всегда мечтал о большой семье. В Армении он жил в селе Арджах (Аревик), потом уехал учиться в город Октемберян на автослесаря, да так и остался там после смерти тёти. Вскоре он женился, построил дом в районе Ахпарашен. В 1941 он ушёл на фронт, прошёл всю Великую Отечественную войну и вернулся живым и невредимым. От счастливого брака моих родителей родились восемь детей: четверо до войны и столько же после. Мне запомнились две интересные черты отца. Первое: как он паниковал, если у нас заканчивался лаваш, всегда заставлял нас плотно завтракать, обязательно обедать, а на ночь спрашивал, не голодны ли мы. Видно, голод в дороге депортации так и мучил его всю жизнь. А второй его интересной чертой было то, что он каждое утро кланялся горе Арарат и крестился. Так с детства его научила тётя Рузанна.

Александр САРАТЯН,
инженер, 59 лет

СВОЕГО ОТЦА Я НЕ ЛЮБИЛ

Мой отец, дед и прадед были армянами, но кто я – сказать трудно. Разве может человек принадлежать к нации, о которой ничего не знает и не имеет в ней потребности? Простите, если кого обидел. До последних лет, скажем до сорока, я не знал армянскую историю, культуру и т. д. Религию, не-

смотря на то что я крещён, воспринимаю спокойно, то есть, честно говоря, не фанатик. А армянский язык я и сейчас не знаю. Понимать понимаю, но отвечаю на русском. Ну и к кому мне себя относить?

Мои родители из Сирии. Все родственники, о которых говорили когда-либо дома и с кем разговаривали по телефону, были маминими, значит, отец был сиротой. Я как-то не задавался мыслью о его детстве и родных. Эту тему никто никогда не затрагивал. Мои родители поженились в Сирии, моя мама была коренной жительницей Алеппо, а потом то ли в 1948-м, то ли в 1950-х годах она с отцом приехала в Россию. Скорее всего, они хотели поехать в Армению, но почему-то передумали. В нашем доме я почти не слышал армянскую речь. Родители говорили на арабском языке, на смешанном армяно-турецком, а впоследствии на русском, который, к их удивлению, они быстро выучили. Я родился в 1955 году в Нижнем Новгороде и был очень поздним ребёнком, ибо моему отцу шел сорок четвертый год, мама же была немногим младше. Я – единственный отпрыск своего отца Спартака Саратяна, не любившего вспоминать своего прошлого, в котором он оставил всё: национальность, веру, родителей и всё, что нужно человеку для утверждения собственного достоинства.

Своего отца я не любил. Он мне казался угрюмым и подозрительным. Единственное, что меня связывало с ним, это моё любопытство из-за «интересного» отношения моей мамы к нему. Она дрожала над ним, как над больным ребёнком. Сама покорность и услужливость. Я не понимал, из-за каких таких его качеств мать перед ним так унижается. Однажды, когда отец в очередной раз попал в больницу, я не вытерпел и стал к ней приставать с вопросами. Мать меня в очередной раз приструнила, и я замолк надолго. Удивительно, но меня всегда тянуло к армянам, которых раньше в нашем городе можно было по пальцам пересчитать. Чтобы хоть что-то знать о своих корнях, я начал искать литературу об армянах. Это были рассказы и очерки о Великой Армении, о христианстве, о Геноциде, о Советской Армении и т. д. Истории о Геноциде растревожили меня, я чувствовал внутри себя злость и какой-то конфуз. Со всем не ожидал такого поворота в душе. Даже в один момент

подумал, как стыдно быть армянином, которого так втоптали в грязь. Не зная прошлого своих родных по отцовской линии, я чувствовал провал в мозгу и даже в психике. Мне чего-то недоставало. С этой неопределённостью, которая делала меня каким-то неполноценным в этой жизни, я прожил до тридцати пяти лет. Я уже был женат на русской девушке, у меня росли две дочери, между прочим, первую из них отец назвал Ангин: мать моя объяснила, что так звали её свекровь, которую она никогда не видела. Шёл первый месяц 1990 года. Если честно, я слабо припоминаю, каким образом мы узнали о погромах в Баку, но ясно помню, как отца после этой новости увезли в больницу, где он от инфаркта и умер. Отец ушёл на семьдесят пятом году жизни, так и не объяснив мне, почему мы – армяне по фамилии – стали чужеродными и пустыми оболочками в этом мире. Но одно я знал точно: он получил инфаркт после того, как узнал о многочисленных жертвах армян в Баку, убитых при ужасных обстоятельствах. Когда прошли 40 дней после смерти отца, я посадил маму перед собой и попросил, чтобы она рассказала о его прошлом. Я видел, что она не решается, и нарочно спросил: он что, убийца или какой-то преступник, что вы сбежали из Сирии? Мама взмахнула горестно руками и через какое-то время поддалась моей настырности. «Хоть я и дала слово твоему отцу, – покачала она головой, – но так уж и быть, расскажу. Но моей вины немного, ты сам это просил».

Предки моего отца оказались из Трапезунда. По словам мамы, мой прадед и его брат были из партии Дашнакцутюн и погибли ещё в 1895 году. Все заботы о большой семье пали на Ованеса, то есть моего деда. В 1915 году ему было сорок лет. Его семья состояла из старушки матери, жены Назик, старшего сына Масиса, двух дочерей Ануш и Гаяне и ещё двух сыновей – Сиса и Спартака. В начале лета почти всех родственников моей бабушки Назик турки утопили в море. Каким образом, я не знаю, но мама говорила, таких было много. Армяне несколько раз покидали город из-за резни, но потом возвращались, думая, что всё позади. И каждый раз оказывалось, что далеко не позади.

– Многие покидали город и шли куда глаза глядят, а семья твоего отца до последнего держалась за свою землю, – говори-

ла мама. – Когда начались погромы, твоя прабабушка встала на пороге, думая, что варвары постесняются её седых волос, но не прошло и часа, как её убили, а всё семейство выгнали из дома. Отец приказал домочадцам молчать, не дёргаться и выполнять то, чего хотят жандармы. До этого мужчины их улицы договорились, что если их депортируют, они нападут в дороге на жандармов и освободят всех. Но их разделили на небольшие группы, которые охраняли по пять-шесть жандармов, да плюс вооружённые до зубов курдские налётчики. Через два дня в дороге люди начали роптать от голода и жажды. Самых шумных выводили из строя и на глазах у всех расстреливали. Дальше дело пошло ещё хуже: курды стали выкрадывать мальчиков-подростков. По хозяйству, в основном для работ на скотном дворе, им нужны были пленники. Ещё через некоторое время заплакали от жажды дети, и в их числе двухгодовалый Спартак. Бедная мать никак не могла укачать его, а когда удалось, отдала ребёнка старшей дочери, а сама пошла между людьми по отдыхающей на земле колонне, посмотреть, может, есть у кого вода для ребёнка. Жандармы увидели её и пальцем поманили к себе. Бедная женщина объяснила, что ей надо, но тут её схватили и потащили волоком. Старшая дочь, увидев это, отдала брата средней сестре и помчалась на помощь матери, а за ней и Ованес со старшим сыном. Одним словом, Назик и её дочь Ануш жандармы на глазах у всех стали насиловать, а Ованеса и старшего сына, поставив на колени, заставили смотреть. Когда люди закричали и пошли на жандармов, по ним стали стрелять и многих убили. Ованес всё-таки вырвался и, подняв камень, убил одного из жандармов, но его застрелили. После того как жандармы удовлетворили свою плоть, они убили женщин, а Масиса затолкали в толпу. Так четверо детей сразу осиротели. Масис и Гаяне по очереди несли младшего брата на спине и донесли до Алеппо. Сдав детей в приют, Масис стал подрабатывать тем, что носил по рынку воду. Это был угрюмый, молчаливый подросток; временами он пропадал по нескольку дней, потом снова появлялся в приюте, обнимал детей и беззвучно плакал. Это мне рассказывала уже моя мама, твоя бабушка, – объяснила горестно мать, – она работала в американском

приюте. Когда дети подросли, Масис снял у одной старушки комнату и определил детей учиться. Они очень понравились сердобольной арабке, и она взялась вести хозяйство. Гаяне выросла красавицей и была очень похожа на свою маму, она вышла в восемнадцать лет замуж за моего двоюродного брата, – рассказывала мать, – а Сис окончил медицинское училище и стал работать стоматологом. Спартак любил пилить, колотить, и Масис определил его к хорошим мастерам по обработке дерева. Когда Спартаку исполнилось двадцать и он уже работал самостоятельно, Масис повесился. Он так и не смог забыть прошлое. Затаённый гнев униженного осиротевшего ребёнка остался в нём навсегда. Спартак, привыкший к угрюмости брата и любивший его до безумия, никак не мог понять, почему брат это сделал. Он начал сходить с ума. На похоронах была одна старушка, что когда-то жила бок о бок с их семьёй в Трапезунде, а после ковыляла около и в дороге депортации. Плача по Масису, старушка стала причитать и говорить, что несчастный так и не смог перенести позора, а потом, повернувшись к Спартаку, вдруг добавила: бедная головушка, как же ты будешь с этим жить. Спартак совсем онемел, потому что не мог докопаться до сути и понять, какова его доля вины в смерти брата. И тогда его сестре Гаяне пришлось ему всё рассказать. Увидев лицо Спартака, она стала уговаривать его не принимать всё так близко к сердцу, ведь это было не только с ними, это было со всем народом и он тут ни при чём, виноваты турки. Но впечатлительный Спартак всё принял на свой счёт. Он считал, что если бы он тогда не плакал, то и родители, и сестра, и Масис были бы живы. Мне было тогда всего двенадцать лет, – продолжала мама, – и я очень жалела Спартака. Мы были соседи, и я всё время тормошила его, чтобы он помог мне с уроками. Можно сказать, что тогда я его выходила, ну а потом это стало делом моей жизни. Ну, а дальше ты сам знаешь.

Рассказ мамы не принёс мне облегчения, нет, скорее он посеял во мне семя разочарования, ужаса и непонятную боль. Я сначала даже забыл об отце, мысли мои были заняты Масисом. Как он мог жить с печатью замкнутости в душе, с позорящим и испепеляющим клеймом униженного и втоп-

танного в грязь мужчины? Мой бедный дядя! Затем мысли мои обратились к отцу. И я стал понимать его нежелание говорить о своём прошлом. В нём был не страх ранить мою душу, в нём было чувство куда ужаснее – отречение от самого себя и отречение от своей нации из-за непонимания: за что и почему? А это непонимание приносило ему больше боли и безысходности, чем сам Геноцид. Непонимание, почему так поступили с его нацией, почему на глазах у мира было допущено это преступление, длившееся не год и не два, как могли так поступать с женщинами и детьми, сводило его с ума. Очень страшно жить с таким унижением и опустошением всю жизнь. Мой бедный отец!

Недостающая деталь прошлого вернулась на своё место. То, что было вычеркнуто моими родителями, не успело забыться и кануть в небытие, а, наоборот, узнав те истории, я больше не грезил о покое: я уходил из дома, смотрел на мирно живущих людей, думал о предках, об армянской судьбе. Образовался замкнутый круг, из которого я не мог выбраться. Через десять лет после отца, в 2000 году, я похоронил и маму. Она очень переживала, что я стал замкнутым, как отец, и много плакала. Но я ничем не мог ей помочь. Мне самому было тошно. Прошло ещё четырнадцать лет.

Я считаю себя коренным нижегородцем, россиянином, но с недавних пор меня начало мучить мое невежество в отношении нации, к которой я принадлежу. Все знакомые и друзья у меня русские, но, клянусь, межнациональных вопросов у нас никогда не возникало. С русскими мне комфортно и как-то проще, они мне понятны. Но после долгих размышлений по совету жены я решил пообщаться с армянами, благо в городе уже есть армянская церковь.

Сделал два круга вокруг церкви, постоял у хачкаров, стал вглядываться во входящих во двор армян. Добродушные на вид люди с благоговением крестились, глядя на церковь, собирались кучками, говорили весело на армянском языке. Из пристроя напротив церкви вышел священник. Подошёл к людям, что-то сказал им, видно, благословил, с мужчинами поздоровался за руку, направился к церкви и вдруг остановился против меня, чего я не ожидал. Подал руку, поздоро-

вался. Я ответил ему рукопожатием. Он посмотрел на меня внимательно и вдруг перешёл на русский язык.

– Добро пожаловать к нам в церковь. Вы впервые пришли? Что-то я вас не помню.

– Да, впервые, – ответил я.

– Всё хорошо? Может, есть вопросы?

– Всё нормально, спасибо.

– Благослови вас Бог.

Священник мне очень понравился. Волевое мужественное смуглое лицо – лицо настоящего армянина. Куда уж там я, светлый да бледнолицый! Даже батюшка решил, что я русский. Долго стоял на службе, рассматривал людей. Много молодёжи и детей. Службу не выстоял и вышел. Проходя под аркой, увидел у выхода объявление, что к 100-летию Геноцида готовится книга, которая будет состоять из реальных историй армян-нижегородцев о судьбах их предков, прошедших и зверски убитых во время Геноцида 1915 года. И что автор, чьи данные были указаны, просит откликнуться соотечественников, у кого есть такая история. Подспудно мелькнула мысль, что у автора в душе тоже незаживающая язва, если рискнула пропустить через себя не одну трагическую судьбу. Ещё раз прочитал имя и фамилию автора, и, несмотря на то что они мне ничего не сказали, в душе появилось уважение к этому человеку и какое-то облегчение внутри; почему облегчение – понял потом. Пока ехал в машине домой, решил, что надо написать о нашей семейной трагедии. Я не видел Геноцида, но в итоге я являюсь больным плодом этого преступления.

Постскриптум.

Из уважения к автору признаюсь, что поменял только свою фамилию. Не хочу вопросов и соболезнований со стороны друзей и знакомых.

Мкртич ЕРЕМЯН,
слесарь-механик, 69 лет

КАНУЛИ ВО ТЬМУ МИЛЛИОНЫ МИРОВ

Мою маму звали Мариам. Родилась она в 1905 году в селе Сарыкамыш Карсской области. Случилось это в день церковного праздника Благовещения – отсюда и имя. Надо сказать, что с 1878 года Карсская область принадлежала России. Зимой 1914 года, вторгнувшись на территорию области, турки устроили погромы, но, получив отпор и от армян, и от русской армии, оставили Карс в покое. С 1915 по 1918 год город **Карс**, да и все районы области были переполнены уцелевшими беженцами из **Западной Армении**. Карсская крепость имела хорошо вооруженный русский гарнизон. Поэтому, когда ранней весной 1918 года прошли слухи, что Россия отдаёт Карс Турции, никто этому не поверил. Не поверили слухам и родители Мариам. Когда некоторые армянские семьи с уходом русских войск решили оставить Карс, оба родителя остались и были убиты. Турки, овладев в конце апреля 1918 года Карсом, первым делом набросились на армян. Было убито более десяти тысяч человек. На руках тринадцатилетней Мариам остались два брата: семилетний Торгом и Сергей, которому шел восьмой год. Вместе с беженцами, хлынувшими по направлению к Гюмри (Ленинакан), Мариам решила бежать в Восточную Армению. Скорбь и слёзы от бесчинств турок переполняли армян, покидавших родину, но, как оказалось, и этого было мало: местные мусульмане, зная не понаслышке о богатствах армян и их красивых девушках, преграждали беженцам путь, навязывая мужчинам бои. Это тоже привело к потерям. Сосед Мариам, защищая односельчан, лишился семьи: отца, жены, дочери и сына. Именно с его помощью Мариам удалось дойти с братьями до Гюмри.

Мир не без добрых людей, местные армяне делили с беженцами и кров, и хлеб. Через пять лет Мариам вышла замуж за местного армянина. Семья мужа приняла не только невестку-сироту, но и её братьев. Моя мама родила шестерых сыновей и одну дочь. Армяне, потерявшие во время Геноцида родных и близких, хотели иметь много детей, чтобы как-то возместить человеческие потери. Но разве есть такая сила, которая сможет стереть из памяти народа злодеяние Турции? Разве есть на свете бальзам, который бы заживил наши раны? Конечно, нет! Геноцид имел тяжелые последствия для армянского народа. Из всех областей Западной Армении исчезло армянское население. Канули во тьму миллионы жизней, миллионы миров. А если бы эти люди остались жить? Посчитайте, сколько бы нас стало сегодня!

Сусанна АРУТЮНЯН,
педагог, 64 года

ИХ ВЫРАСТИЛИ ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

Моя бабушка Сирануш была восьмилетним ребёнком, когда её и семилетнюю двоюродную сестру Гюле вместе с большой группой беженцев из **Сасуна** дядя Татос переехал через границу в **Восточную Армению**. До этого сасунцы несколько месяцев держали самооборону, но силы были неравны. Спасаясь от уничтожения, они ушли с родной земли. Выполнив свой долг и оставив дочь Гюле и племянницу Сирануш на попечение односельчан, он вернулся на родину в отряд **Андраника**. Спасшиеся армяне из села Талворик обосновались у подножия горы Алагяз в селе Иринд Талинского района. Сирануш и Гюле, потеряв в Сасуне всех родных, до

последних дней жизни чувствовали себя сиротами. Избежав смерти, которую за свои детские годы видели не раз, они так и не смогли почувствовать себя в Советской Армении как дома. Их мысли, эти крошечные детские мечты витали в родном Сасуне, где погибли их родители, братья и сёстры, тёти и дяди. Им казалось, что кто-то из них остался жив и сейчас живёт там, в Талворике, и ждёт их.

Часто думаю, почему я так мало знаю о жизни предков в Сасуне, и тут же понимаю – бабушка не любила вспоминать картины резни, насилия. Для её детской психики, хоть и есть мнение, что дети легче переносят трагедии и быстро забывают их, Геноцид 1915 года и его последствия стали обременительной, жестокой и мучительной ношей чужого греха, которую они с двоюродной сестрой молча несли сквозь годы. Они так и не смогли высказать свою боль до конца, освободиться от неё. Вынужденно покинув родные места, они, даже став взрослыми, так и не смогли обрести полную внутреннюю свободу, оставаясь между прошлым и настоящим. Их вырастили односельчане, говорившие на сасунском диалекте и тосковавшие по родине, вспоминая до мелочей прошедшие кровавые события и оплакивавшие погибших. Одно лишь утешало сасунцев в Талине – никто не попрекал их тем, что они грязные неверные, никто не заставлял отречься от веры даже в советское время.

Вспоминая рассказы бабушки, тётушки и односельчан-сасунцев, с кем всегда была связь, даже в те годы, когда Сирануш и Гюле вышли замуж и уехали на постоянное место жительства в село Бамбакашат, я постараюсь восстановить отрезок времени, в котором когда-то жили и боролись мои предки.

Семерых братьев из рода Такмаджян в селе Талворик уважали и ценили за справедливость, храбрость и добродушие к людям. Пятеро были женаты, у всех были семьи. Свободолюбивый, гордый и независимый сасунский народ подвергался больше других армян погромам, набегам, разрушениям и убийствам. Туркам нужно было рабское подчинение и принятие ислама. Коварно вытесняя армян с их земель курдскими и езидскими поселенцами, они постепенно навязывали армянам тюркоязычие, свои законы и быт. В результате именно та-

кое отношение турецких властей и заставило сасунцев встать на защиту своей веры и традиций, своих земель и семей. Окружённый ущельями, Талворик находился высоко в горах, и не раз добровольцы отряда самообороны своим внезапным появлением спасали армян, живущих в низине гор, от вражеского окружения. С началом **Первой мировой войны** турки увеличили налоги, стали агрессивней, многих юношей армянского происхождения призвали на службу. В армию были призваны и двое сыновей семьи Такмаджян. От них долго не было вестей. Однажды в селе появился армянин, сбежавший из армии. Он и рассказал, что у всех армян, служивших в их части турецкой армии, отобрали оружие и послали будто бы на работы, но, оказалось, их повели на расстрел. Беглеца спасла случайность. Он от страха упал раньше, чем пуля пробилась ему голову. Когда турки ушли, он, прячась от всех, направился в Сасун. Именно от него Такмаджяны и узнали о смерти двух братьев. Моя прабабушка сошла с ума, но не только от этой злощасливой вести. Курды выкрали и увезли её дочь-красавицу. Татос пробрался ночью в стан курдов и проследил, где находится его сестра. Но тут курды начали кричать и кого-то звать. Татос по их выкрикам понял, что это повесилась его сестра – красавица Сона. Он выхватил кинжал и набросился на ошеломленных его появлением курдов. Убив двоих и ранив третьего, он вскочил на коня и исчез. Дома он попрощался с женщинами и детьми, забрал с собой братьев, двух старших сыновей и увел всех к гайдукам в горы. Наказание за его смелость не заставило себя ждать. Через неделю, когда мужчин в селе было мало, нагрянули турки и расправились со всей оставшейся семьёй. Сирануш и Гюле в это время играли с детьми в соседском дворе. О том, как из дома за волосы вытащили и забили до смерти её бабушку и трёх жён дядей, как безжалостно зарубили ни в чём не повинных четверых детей, как бросили жену Татоса на коня к одному из курдов, они узнали со слов соседей, которые спрятали девочек.

Февраль прошёл в ожидании. Со всех сторон шли вести о погромах и разорениях. Отряды под командованием Петара Манука, Ишхана Шаро, Мшеци Мчо, Ваана Варданяна заняли позиции на важнейших участках обороны. И вот час злодея-

ний наступил: тьма турецких солдат и курдских отрядов пошла к Сасуну. С начала марта по август туркам не удавалось покорить Сасун. Если бы просьбу сасунцев о военной помощи услышали великие государства, их героическая самооборона не завершилась бы трагическим финалом. Гайдукам удалось спасти большую часть мирного населения, уведя их в Восточную Армению. Другая, не вышедшая из окружения часть армян рассеялась по окрестным горам и ущельям, и лишь весной 1916 года, когда русские войска и армянские добровольцы заняли Муш, несколько тысяч сасунцев спустились с гор и были спасены от резни.

Прошли годы, Сирануш и Гюле выросли, создали крепкие семьи. У бабушки Сирануш родились четыре сына и четыре дочери, а у тётушки Гюле – четыре сына и одна дочь. Чтобы вечно жила память о родных, они постарались назвать детей именами героев-сасунцев. Стали искать Татоса, но, к сожалению, след его оборвался в 1926 году. Нашлись очевидцы, рассказавшие о его службе до этого года в отряде армянских добровольцев, которым командовал легендарный Андраник.

Вот такая грустная, а скорее трагическая история о жизни моих предков. Это не уроки истории, на которых можно учиться чему-то. Эти трагические страницы жизни моего народа – открытая, незатягивающаяся рана, несмотря на прошедшее с этого времени столетие. Но, я думаю, какими бы жгучими ни были наши раны, мы должны подходить ко всему благоразумно. Мы устали от непонимания мира, от вражды соседей, но, несмотря на это, должны жить, творить и дерзать.

Екатерина САКАНЯН,
пенсионерка, 75 лет

ОНИ ДУМАЛИ, ЧТО ВЕРНУТСЯ

Я родилась и выросла в Тбилиси. К двенадцати годам мой чуткий детский слух успел насытиться печальными рассказами взрослых о городе **Карсе**. Говорили бабушка с бабушкой, дядя, тётя, которые были старше моего отца, а он сам мало что помнил. Ему во время Геноцида было около семи лет. Их было шестеро детей: три мальчика и столько же девочек. Отец помнил только то, что в Карсе у них было два магазина тканей, куда он любил ходить со взрослыми – по пути ему обязательно покупали сладости; а еще он помнил крепость Карса, которая считалась неприступным гигантом Кавказа. К крепости он просился со старшими братьями, чтобы посмотреть на русских солдат. С 1878 года армянский город Карс входил в состав России, и кроме армянских апостольских церквей в городе были русские православные церкви, казачьи казармы, жило много молокан-старообрядцев, но местное гражданское население все же на 90 процентов было армянским. По данным на 1896 год, в городе проживали 5200 армян, 1490 славян, 1380 турок. Вот таким интернациональным городом был Карс.

Семья Саканян жила, как и многие армяне города, зажиточно, не зная забот. Рассказывали, что уже с началом Первой мировой войны в городе было много армянских беженцев из Западной Армении, где шла депортация и «активная» резня армянского населения. Жители Карса помогали беженцам чем могли, сами не зная, что их скоро постигнет та же участь: в 1918 году русские сдали крепость туркам, и для армян началась адская жизнь. Перед тем как оставить город, российские командиры несколько дней предупреждали христианское население о своем отходе. Армяне города предлагали помощь русскому гарнизону. Многие армянские мужчины из мирно-

го населения решили взять в руки оружие, чтобы отстаивать крепость, но ничего не вышло. Поэтому многие, в том числе и мои предки, набили кувшины нажитыми драгоценностями и закопали в подвале – ведь всё равно вернуться. Но те кувшины с добром так и остались в земле. В конце января 1918 года они перебрались в Александрополь (Гюмри). До последнего дня своей жизни они вспоминали город Гюмри как чрево кошмара. Снег в этом месте был какой-то черный, а город – так и вовсе огромный черный улей из беженцев. Голодные, раздетые, больные, ищущие друг друга, оплакивающие погибших и живущие в страхе, что турки уже идут походом на **Восточную Армению**... И это была правда. В середине мая турки вошли в Александрополь, решив захватить всю Армению. Моя тётя рассказывала, что на окраине города Гюмри тогда стоял действующий русский храм во имя святой мученицы Александры. Вместе с армянской армией обороняли этот участок и русские солдаты, не успевшие уйти. При отступлении они укрылись в своём храме вместе с настоятелем, но турецкие оккупанты заживо сожгли их.

Вместе со всеми Саканяны ушли под прикрытием армянских войск в Араратскую долину. А потом была великая бойня, которую назовут Сардарпатским сражением. После этого мои предки перебрались в Тбилиси. Мне было пятнадцать лет, когда умер Бабкен Смбаатович Саканян, мой отец. Удивительно, но незадолго до смерти память его словно проснулась, и он, не открывая глаз, вспоминал свою родину, рассказывал о таких мелочах и деталях, которым сам удивлялся. Сам он не раз говорил, что будь возможность вернуться на родину, в отцовский дом, то и умереть тогда не страшно. Потом, уже повзрослев, я не раз слышала похожие слова из уст армян **Западной Армении**. Но также я слышала и то, что вопрос Геноцида ещё надо доказать. Неужели наши предки, перенесшие Геноцид, не есть само доказательство?!

Мкртич АРАКЕЛЯН,
рабочий, 45 лет

НЕВЫСКАЗАННАЯ БОЛЬ

Мой дед Мкртич, да и, собственно, все его предки проживали в **Западной Армении**, в городе **Адан**. Отец Мкртича Согомон пропал без вести в 1909 году – в тот год загадочным образом стали пропадать не только армяне, но и христиане вообще. А главное, пропадали представители интеллигенции. Уходили по делам из дома и не возвращались. Армяне предчувствовали надвигающуюся опасность, а вскоре так и вообще начались погромы армянских городов и сёл, но предпринять что-либо для защиты не рискнули, думая, что этим навлекут ещё больше беды на всех. Было это во время свержения **партией младотурок** (в Турции) султана **Абдул-Гамида**.

Однажды вечером в дом Мкртича пришёл сосед Азиз и предупредил семью о том, что через день начнётся депортация армян и лучше будет, если они ночью уйдут и спрячутся подальше от города. Многие не поверили тогда соседу, но не мать Мкртича. Она-то понимала, что сосед этот близок с местной властью, а потому вести эти, сколь ужасны они ни были, скорее всего, правдивы. Взяв девятилетнего сына, ночью они оба покинули отчий дом. Таких ночных беглецов было немало, но уйти далеко им не удалось. На следующий день беженцев из Адана остановили турецкие солдаты и погнали назад. Проходя мимо своего дома, Мкртич увидел во дворе убитых дедушку и бабушку, а рядом – труп соседа-турка. Видимо, тот хотел защитить соседей, и его убили, как убивают предателей. Мкртич заплакал. Ему очень было жалко деда с бабушкой и добродушного соседа. Вокруг стон, крики. Пожар начался неподалеку. Багровое жаркое небо медленно опускалось на землю, затопив всё вокруг кровавым светом. Смерть и

кровь, врезаясь жуткими картинками в память девятилетнего ребёнка, оседали в потаённых извилинах мозга, погружаясь во временное беспомыслие. Очень скоро солдаты, охранявшие их, поддались общему хаосу и понесли бесчинствовать и грабить, позабыв о пленниках; армяне стали разбегаться. Как они спаслись, Мкртич не помнит, но через пять голодных дней они дошли до дома дяди. Он жил в соседнем районе и был священником в армянской церкви. Но и тут Мкртича ждало горе: вся семья дяди из пяти человек была истерзана и умерщвлена. Тогда Мкртич ещё не знал, да и вряд ли понимал, почему убивали армян. Погромы и убийства в Киликии 1909 года оказались прелюдией к **Геноциду и депортации армян в 1915-м**. Потеряв мать, дядю и родных, девятилетний Мкртич смешался с толпой оборванных, еле живых армянских беженцев, путь которых лежал в Сирию, и только оттуда Мкртич переселился в **Восточную Армению**.

Мой дед Мкртич говорил, что самым страшным в те годы было осмысление того, что ненависть турок направлена против всего армянского народа. Поначалу он думал, что на то есть какая-то причина. Вроде ссоры между определенными людьми. Но мальчик очень скоро стал понимать, что убивают всех без разбору. Значит, поссорились турки и все армяне разом? Было невыносимо страшно, хотелось кричать от ужаса и бежать, бежать. Дрожа от страха, сжав все чувства в комок, он шагал вместе с другими беженцами всё дальше и дальше от растерзанной родины. Он шёл, а память сохраняла в себе опустевшую, покрытую развалинами и трупами землю; землю, которая совсем недавно была цветущей, на которой тысячелетиями создавалась, жила и развивалась армянская цивилизация. Он запоминал всё, хотя, повзрослев, не раз желал заболеть потерей памяти. Не щадили даже малолетних детей: многих, насильно отнимая от родителей, отдавали в мусульманские семьи, отрывали от родных корней и христианской веры. Зря говорят, что дети не могут пережить чувства ущемлённого человеческого достоинства, мол, в них, детях, может остаться лишь страх и обида. Это неправда – девятилетний Мкртич был унижен, а не обижен. В нём пустила корни не обида, а ненависть, которую он умирал всю оставшуюся

юся жизнь. Он не раз говорил, что родился под несчастливой звездой, воспринимая трагическую судьбу армянского народа как свою личную. Своим спасением он был обязан лишь Богу. Возможно, смерть дяди-священника послужила толчком к тому, что он стал служителем церкви. Он говорил, что лишь любовь к Богу, Вера и незащищённость простого народа придавали силы жить и действовать. Народ видел, как священники наравне с ними переносили все бедствия, стараясь всячески спасти свою паству. На порогах своих церквей, на дорогах изгнанничества и в пустыне **Дейр-эз-Зор** погибло четыре тысячи священнослужителей Западной Армении. И если в 1870-х годах в **Западной Армении** и Турции проживали около трёх миллионов армян, то в 1918 году – всего 200 тысяч.

«В эти черные дни, – писал Католикос всех армян Вазген Первый, – наступил миг, когда в мире, казалось, больше не останется армян. Всякая надежда казалась утраченной, а книга армянской истории была залита кровью и закрыта».

Мир впервые столкнулся с явлением Геноцида, но позорно промолчал. А армяне рассеялись по всему миру, чтобы однажды, придя в себя и выискивая в сознании своё, родное, забытое, вернуться мысленно к руинам и пепелищам своей земли. Невысказанная, окаменевшая на время боль заставляла вновь и вновь сжиматься и обливаться кровью сердца в ожидании, что из тьмы прошлого, из векового беспомыслия восстанут жертвы резни **Сасуна, Муша, Трабзона, Константинополя, Эрзурума, Киликии, Адана, Алеппо, Вана, Карса, Баязета, Зейтуна** и других регионов **Западной Армении** и Турции периода 1894–1915 годов. Что за непостижимая и непосильная для других судьба армянская! Что за уникальное, не имеющее аналогов умение – жить в замкнутом пространстве, в котором одновременно смешалось прошлое и настоящее?! Какую волю к жизни надо иметь, чтобы жить с ощущением позорящей человеческого достоинства жестокости, и не только жить, а жить с тоской по родной и древней земле, что далека, но в то же время близка, ибо она в сердце народа. Горькая любовь к родине давно стала беспредельно преданной для всех армян, рассеянных по планете. Любовь к Родине и Вера – единственные ценности, которые турки не смогли отнять и убить в армянском народе...

Ара́рат АСАТ́РЯН,
офице́р запаса, 60 лет

ВЕК ГЕНОЦИДА

Я точно не знаю, откуда мои предки по матери: то ли из города **Аче**, то ли из **Аджн, Западной Армении**. Мама упоминала оба этих города, а я как-то не подумал уточнить. Глупо и стыдно, что многие из нас вовремя не поинтересовались: как же наши предки прошли через ад Геноцида? В память из рассказов мамы Аястан (моя мама 1935 года рождения) врезался единственный, как вспышка, эпизод: мой прадед Самсон с женой и тремя детьми (две дочери и сын) идут в наполовину обезумевшей толпе – армян гонят в сирийскую пустыню. По дороге, всё время выдумывая новые мучения, над ними издеваются турецкие жандармы. Несколько оставшихся в живых мужчин, скрипя зубами, молчали не под страхом смерти, а боясь того, что могут навлечь унижения и издевательства на своих жён и детей. Армян убивали самыми варварскими, самыми зверскими способами. Потеряв человеческий облик, турецкие убийцы топили свои жертвы в море и реках, душили дымом в запертых домах и церквях, сбрасывали со скал, убивали после неслыханных пыток, глумлений и бесчинств. Люди шли из последних сил. Даже лошадь единственной телеги, на которой были сложены вещи жандармов, пала. Чтобы не впрягать своих коней, на которых они ехали, жандармы выбрали несколько женщин и впрягли вместо лошади. Когда мужчины решили тащить телегу вместо женщин, турки загнали их кнутами назад и пригрозили убить. Через некоторое время одна из женщин упала. Недолго думая, её застрелили и заменили другой. До ближайшего села было убито восемь женщин. В курдском селе жандармы отобрали из толпы крепких подростков и выставили их на продажу. В колонне поднялся плач, похожий на вой...

Не знаю, как вам, но мне этого эпизода хватит на несколько жизней. Когда я представляю этих бедных людей, к которым относились даже хуже, чем к скоту, мне хочется взять автомат и стрелять по туркам. Я отдаю себе отчёт, что это неправильно и что сегодняшние турки – лишь потомки тех извергов, но разум не подчиняется данным аргументам.

Из семьи моего прадеда Самсона выжил только одиннадцатилетний Ара́рат, то есть мой дед. Его не продали по дороге, потому что мать передела его в девичье платье, ему даже прокололи уши и повесили серьги. Обе сестры, мать и отец умерли в дороге. Ара́рат не знал, какая болезнь напала на их колонну оборванных, падающих с голода беженцев уже на подходе к Сирии, но помнил, что многие трупы просто бросали в ямы и сжигали. Его выводили в американском приюте Сирии, но как он туда попал, он тоже не помнит. Все, кто находился в приюте, были ему незнакомы. Выходило, что дети, которые шли вместе с ним, или погибли, или их погнали дальше, в объятия смерти.

Арам женился в 26 лет, в 1930 году, а в 1948 году всей семьёй – с женой Вард, с дочерьми Аястан, Пайцар и сыном Самсоном – иммигрировал в Советскую Армению. Вот такая «предсказуемая» судьба армянина, прошедшего Геноцид: именами погибших называть рождающихся детей, чтобы, не дай Бог, не забыть родных и родину. Замкнутый круг...

Сейчас другое время, подумает кто-то. Если бы это «другое время» было непохожим на прошлое! Мы уже не раз пережили Геноцид – в разном обличье, в разных местах, но с теми же погромами и выселениями, резнёй и издевательствами. **Арцах (Карабах), Сумгаит**, Баку, Кировабад, Ханларе, Шамхор, Шаумян, Геташен, а теперь ещё и Кесаб в Сирии. 1915–2015 годы. Картины расправы с беззащитными людьми напоминают зверства младотурок, безжалостно уничтожавших в начале XX века армянское население в Западной Армении, а также бесновавшихся по всей Европе в годы Второй мировой войны нацистов. С лозунгами «Долой армян!», «Убивайте армян!», «Да здравствует Турция!» озверевшие толпы «другого времени», подстрекаемые властями и высшим руководством, избивали и убивали всех, в ком текла хоть капля армянской

крови, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков. Тысячи людей были убиты, сотни тысяч вновь стали беженцами. В Интернете, если хватит мужества, на сайте <http://karabakhrecords.info> можно ознакомиться с документами, свидетельствами и доказательствами Геноцида нашего времени. И не надо говорить, что Геноцид армян был сто лет назад, в 1915 году. Надо говорить правду, что пройденный век есть Век Геноцида армянского народа. К сожалению, к великому горю армянского народа, – это так.

Регина САФАРЯН,
директор Центра арменоведения

ОДИНОЧЕСТВО В СТО ЛЕТ...

*Пронизывает насквозь вернувшаяся боль
(Дейр Зора стоны издали слышны).*

У смерти руки задрожали.

Вновь она над нами проверяет силы.

Мы тысячи агоний оттолкнём ещё

(Услышал дяди клич Сасунский Давид).

И коли смерть есть, по-армянски умрём, –

Пшеничным семенем в земле...

Амо Саян (перевод Л. Г.)

Время не уменьшает боль, оно только высушивает слёзы... Боль, рождённая от слёз невинных детей, от молящих воплей армянских женщин, от мужских стонов, от укоризненных взглядов с небес бесчисленных, не преданных земле людей, переплавилась в ярость и страдания. Страдания, которые вот уже сто лет целая нация передаёт из поколения в

поколение. Невольно вспоминаешь название известной книги колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», что так точно отражает судьбу нашего народа. И приходит время, когда устаёшь от страдания, понимая, что это страдание – от бессилия, от несправедливости, от мысли, что потомки народа, изгнанного сто лет назад со своих исконно родных земель, сегодня покидают свою родину от того же бессилия и несправедливости. Оказывается, не только насилие и нужда заставляют людей уезжать в другие страны и на другие континенты...

В своём интервью Католикос Великого Дома Киликийского Арам I подчеркнул: «Эмиграция – это “национальное кровотоечение”».

Когда-то наши враги хотели оставить Армению без армян, и сегодня Армения сама идёт путём опустошения, а это ещё одна всеармянская проблема и большая всеармянская тревога.

Имея государство, мы из-за непростой экономической ситуации с каждым годом теряем десятки тысяч своих детей, которые, прибывшись к чужим берегам, начинают вести борьбу за сохранение своей культуры, религии, языка.

Тысячелетний язык армян после рождения слова «Геноцид» породил слово «Спюрк» («диаспора» от греческого *διασπορά*, «рассеяние») – часть народа, живущего вне страны своего происхождения, своей исторической родины. Для нашего народа жизнь в Спюрке – это постоянная борьба за сохранение своих корней, своей самобытности, своей нации. Насколько хватит сил, чтобы не подвергнуться ассимиляции и сохранить своё национальное лицо, если рождённое в Спюрке молодое поколение перестаёт говорить на родном языке, не знает истории своего народа, выстраивая свою жизнь по мышлению совсем не армянскому? Я соглашусь, что, проживая рядом с другими народами, мы должны находиться в стабильных, гармоничных отношениях с нашим окружением, но разве это повод, чтобы забывать настоящие армянские ценности? Это не упрёк к молодёжи, это упрёк нам, взрослым, нашему халатному отношению к вопросу сохранения нации. Это большое предательство по отношению к нашим предкам, подвергшимся Геноциду в 1915 году. Находясь под османским

игом, наши предки открывали армянские школы и церкви, издавали армянские газеты и журналы, учили детей родным буквам и молитвам.

В преддверии столетия Геноцида армян нам есть о чём подумать всерьёз: и о своём отношении к самим себе, и о своих чётких требованиях к Турции. Ответственные за Геноцид и их наследники должны быть наказаны не потому, что этого требуют армяне, а согласно общечеловеческим задачам и международному закону, для того чтобы больше никто не посмел совершать Геноцид. Безнаказанность придаёт силы тем, кто совершает злодеяния, и международное сообщество обязано исправлять ошибки прошлого – если бы Геноцид был вовремя наказан, миру можно было бы избежать многих войн и бойни...

Я верю, что час справедливости обязательно настанет. Мы должны жить дальше и быть достойными своих предков, жаждущих иметь свободную Армению. Она у нас есть, и самое главное – это служение нашей родине Армении. Спюрку нужен могущественный и благополучный отчий дом, а отчому дому нужны любящие, умные дети, протягивающие в трудный момент руку помощи.

В канун столетия Геноцида мы будем отмечать и столетие великого армянского поэта Амо Саяна, чьи слова вынесены в эпиграф моего рассказа. Хочется верить, что наш народ сможет возродиться, как предсказал поэт, – именно по-армянски – «...пшеничным семенем в земле...».

Виктор КОНОПЛЁВ,

член Международного сообщества писателей, почетный член
Союза писателей Нагорно-Карабахской республики

МАТУШКИ АЛМАСТ АРМЯНСКОГО НАРОДА

В истории армянского народа есть страницы, которые спустя десятилетия болью отдаются не только в сердцах армян, но и в душах людей, знающих цену жизни. Самыми жестокими, самыми несправедливыми, не поддающимися моральному оправданию стали события, которые именуются **Геноцидом армян**.

1915 год кроважидным смерчем налетел на гордый талантливый народ, обескровил его, а тех, кто уцелел, разбросал по всему миру.

Но 1915 год стал лишь финальной точкой давней политики притеснения и истребления армян в Османской империи. Только в 1890-х годах в различных частях страны было вырезано более 300 тысяч человек.

Турция, пропитавшись армянской кровью, до сих пор не нашла в себе силы честно признаться в многочисленных фактах злодеяний.

В последние годы мне довелось изучить множество документальных материалов того времени. Но самыми важными являются свидетельства тех людей, кто лично пережил эти кошмарные времена. Как ни больно читать и слушать эти истории, но они крайне важны, чтобы помнить, делать выводы и не допускать подобного впредь.

Хочу поведать читателям одну из подобных историй, которую перевела для меня замечательная переводчица Эрине Бабаханян. Это рассказ о свекрови писательницы Марго Гукасян, которую она с любовью называла матушка Алмаст.

Матушка Алмаст родилась в 1887 году в провинции Себастья в деревне Карагёл. Карагёл – Чёрное озеро. Оно образовалось из холодной, прозрачной, бурно бьющей родниковой воды. В Карагёле в начале двадцатого века было 350 домов, население – только армяне. В деревне было две церкви: Святой Богородицы и Святого Акоба. Было также две школы: для верхнего и нижнего районов. Алмаст было тринадцать лет, когда её выдали замуж за человека, чья жена умерла при родах первенца. Новорожденного нарекли именем Агарон. Для оставшегося без матери младенца тринадцатилетняя девчушка стала матерью и полюбила его как своего ребёнка.

До выселения, то есть до 1915 года, у Алмаст кроме приёмного было четверо собственных детей.

Во время депортации, в пустыне Дер-Зор, ставшей последним местом на Земле для многих армян, матушка Алмаст повторяла одну любимую молитву, которая всегда помогала ей в прошлой жизни:

Боже, сперва помоги идущему по морю,
Потом – идущему в тюрьму,
Потом помоги идущему в больницу
И только после – приди на помощь моим детям.

Господь забрал её детей к себе. Всех пятерых. Агарон был старше всех. Малышку, которая, по словам матушки, была самой лёгкой, он долгое время тащил на плечах. Потом, когда уже и малышки не стало, от имеющего громкий, сладкий голос и красивые глаза мальчугана Агарона почти ничего не осталось... И когда уже почти совсем близко были к Алеппо, он не выдержал. Угас. Он тоже остался в далёких краях...

«Воды, воды!» – этот крик всё время звучит в моих ушах, – говорила матушка Алмаст. – Камень стал нам подушкой, мы пролезли сквозь ушко иголки, надели окровавленную рубашку...»

Подобные истории жизни типичны для армянских семей того времени. Есть и более жестокие и кровавые. Изошрённые в своих злодеяниях палачи не ведали жалости. Полтора миллиона загубленных душ, стёртые с лица земли армянские

населённые пункты, разграбленное имущество, уничтоженные объекты культурного наследия – таков итог первого Геноцида XX века.

Но матушки Алмаст армянского народа, словно сказочные птицы Феникс, восстали из пепла, воспитали новые поколения армян, сильных духом, талантливых, трудолюбивых, красивых душой, верных памяти своего народа, почитающих своих предков и возвращающих новые плоды на благородном древе армянства.

Левон МАРГАРЯН,
арбитражный управляющий, 55 лет

БУДЕМ ДОСТОЙНЫ ПАМЯТИ ПРЕДКОВ

История каждого народа складывается из миллионов событий. Среди них есть такие, которые никогда не забываются. Хорошие запоминаются тёплым чувством в сердце, вызывая долго приятные воспоминания. Но большие несчастья человек старается отодвинуть в самый потайной уголок памяти, стараясь обходить их, забыть хотя бы на время, ибо воспоминания о них вызывают, может, и благородные, но тяжёлые переживания.

К нашему великому сожалению, многовековая история армянского народа показала, что на его долю выпали такие тяжёлые несчастья, о которых невозможно забыть.

1926 год. Землетрясение, разрушен город Гюмри, второй по величине город Армении.

1941–1945 годы. Великая Отечественная война, наш народ вместе со всеми народами СССР понёс тяжелейшие потери.

7 декабря 1988 года. Страшное землетрясение причинило

разрушения более чем на одной пятой части территории Армении. Погибли десятки тысяч людей, тысячи ранены, а главное, погибло много детей, оставшихся под развалинами школ и детсадов. За год до этого мы с женой (мы с ней однокурсники) приехали после окончания Политехнического института по распределению на три года в Горький. Три года превратились в двадцать семь лет...

Столетняя годовщина Геноцида подтолкнула многих армян в очередной раз задуматься о трагической судьбе предков, о своих корнях, о героической истории народа. Народа, пришедшего в мир из такой глубины веков, когда не только не существовали современные нам европейские народы, но и едва зарождались народы античной древности – римляне и эллины...

К началу 330 года до н. э., когда Александр Македонский завоевал Персию, армяне населяли территорию, составлявшую три отдельные области: Большую (Великую) Армению, центром которой была Араратская равнина; Софену, лежавшую между Евфратом и верхним течением Тигра; и Малую Армению – между Евфратом и верхним течением Ликоса. Ни одна из этих областей не была прочно завоёвана ни при Александре Македонском, ни при его преемниках. После возникновения Селевкидского царства эти три области также сохранили свою внутреннюю самостоятельность и управлялись местными династиями.

Набеги, завоевания, переселения, войны политического и религиозного характера, победы и предательства всегда имели место в истории армян, но что поразительно – это не помешало формированию своеобразной цивилизации, определившей культурное будущее Древней Армении. Я не задавался целью описать всю историю армянского народа, но хочу подчеркнуть, что самосознание армян как единого народа сформировалось в ранний период армянской государственности. Об этом свидетельствует и официальное принятие христианства в качестве государственной и единственной религии – Армения в 301 году стала первым в истории христианским государством. Об этом свидетельствуют и дошедший до наших дней в неизменном виде армянский язык, и современный армянский алфавит, изобретённый Месропом Маштоцем в 405 году, и со-

борность рассеянного в наши дни по всему миру армянского народа. Но как жаль, что эта соборность не проявилась в дни угнетения, погромов и резни армянского народа в Западной Армении в начале XX века!

Современные турецкие и протурецкие авторы, пытаясь оправдать политику младотурок, оправдывают уничтожение армянского населения Османской империи тем, что армяне симпатизировали русским и готовили восстание в турецком тылу. Согласен, в понимании турок исторически сложившееся особое отношение армян и Армении к России – эта любовь и симпатия – уже являются предательством. Факты же говорят о том, что уничтожение армян готовилось задолго до войны, а война лишь предоставила младотуркам удобный случай беспрепятственно осуществить свои планы.

Во время армянских погромов в 1894–1896 годах в Османской империи было уничтожено около 300 тысяч христиан: в основном армян, но также ассирийцев и греков. Поводом для этого послужили 16-я статья **Сан-Стефанского договора** (в которой впервые поднимался вопрос о проведении административных реформ в Западной Армении в начале 1894 г.) и восстание армян Сасуна, начавшееся в том же году. Восстание было вызвано попытками турецких властей покончить с полуавтономным статусом Сасуна, а также спровоцированными властями армяно-курдскими столкновениями. В 1904 году турецкие власти вновь попытались покорить Сасун, однако, встретив упорное сопротивление, были вынуждены отступить.

В 1908 году армяне с радостью встретили младотурок, комитет «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), считая, что всем бедам и непосильному гнету положен конец. Лозунги иттихадистов о всеобщем равенстве и братстве народов империи нашли самый положительный отклик среди армянского населения. Но эйфория армян длилась недолго. 13 апреля 1909 года – новая резня армян в Киликии, 30 тысяч погибших.

В 1909–1910 годах по всей Турции прокатились погромы нацменьшинств: греков, ассирийцев, болгар, албанцев и других. Стараясь выдавить армян с политической арены, младотурки тайно развили по всей стране бурную антиармянскую деятельность. Еще в феврале 1914 года (за четыре месяца до

убийства Франца Фердинанда в Сараеве!) иттихадисты призвали бойкотировать армянский бизнес. Более того, один из младотурецких лидеров, доктор Назым, отправился в поездку по Турции с целью лично проследить за осуществлением бойкота. Параллельно в разных районах страны власти разоружали армян, отбирая даже кухонные ножи. В октябре разбой и реквизиция шли полным ходом, начались аресты армянских политических деятелей, стали поступать первые сообщения об убийствах. В то время как турецкое Общество Красного Полу-месяца строило для турецкой армии госпитали на добровольные пожертвования армян, в воинских частях были проведены показательные казни отдельных военнослужащих-армян. Большинство же призванных в армию армян были отправлены в специальные рабочие батальоны и впоследствии уничтожены. В начале декабря 1914 года турки начали наступление на Кавказском фронте, однако, потерпев сокрушительное поражение (потери составили 70 тысяч человек из 90 тысяч), были вынуждены отступить. Отступающие турецкие войска обрушили всю злость от поражения на христианское население прифронтовых районов, вырезая на своем пути армян, ассирийцев, греков. Одновременно по всей стране продолжались аресты видных армян, нападения на армянские деревни. К весне 1915 года геноцидная машина младотурок работала на полную мощность. Вот как пишет об этом Даниел Варужан:

Плачьте, матери,
 Плачьте, несчастные вдовы.
 Чтобы звезды – и те преисполнились скорбью.
 И оплачьте Зарю на земле нашей черной,
 Ятаганом зарезанную без пощады.

В 1918 году встреча Троцкого и Талаат-паши для подготовки и подписания позорного Брест-Литовского договора, обозначив уход русских войск с освобожденных территорий Западной Армении (Карса, Ардагана), тем самым предоставила туркам свободу действий в Закавказье. В апреле 1920 года Кемаль (Ататюрк) обратился к Ленину с предложением об установлении дипломатических отношений с Россией и попросил

оказать помощь в борьбе с империалистами (например, с Англией). Ленин поверил, что Ататюрк – самый что ни на есть революционер, борющийся против мирового империализма. Совнарком России дал положительный ответ, предоставив туркам оружие, пушки, деньги.

Обретая в лице Советской России важного союзника, Турция активизировала политику Геноцида, уничтожая христианские народы. Годы спустя Ататюрк напишет: «Мы ускорили установление связи с большевиками, надеясь, что в случае успеха мы уничтожим армянское государство, являющееся нарывом на теле нашей страны».

Геноцид – страшное зло, которое пришлось пережить многим христианским народам. Наш славный героический народ-мученик, прошедший сквозь адское пламя отчаяния, огласил стоном безысходности христианский мир, но, к сожалению, не был услышан. История Геноцида армян – это не только великое горе и неслыханное злодейство, не только кровавые события, характеры, повороты судеб, это ЦЕЛЫЙ МИР, который обрекли на истребление. Мир, которого больше нет: он исчез, превратился в песок пустыни Дер-Зора, превратился в пепел сгоревших армянских городов, сёл и церквей с живыми людьми...

В 2011 году депутаты Национального собрания Армении обратились с призывом к парламентам мира признать не только Геноцид армян, но и Геноцид греков и ассирийцев, так как они являются звеньями одной цепи. Это был Геноцид всего христианского населения на территории Османской империи в 1915–1923 годах.

А 24 апреля армяне вновь соберутся на молебен об упокоении душ погибших, чтобы почтить память павших во имя своей веры и независимости. Они погибли, спасая честь народа перед небом и перед историей. Бессмертие погибших – в наших мыслях, делах, поступках... И дай Бог нам не опорочить эту память.

Каждую весну я чувствую, что предки меня чему-то научили, что-то напомнили... И появляется бесконечная печаль о несправедливости и неуважении к тем государствам, которые из-за своей прибыли и заинтересованности боятся признать Геноцид армян и пойти на конфликт с Турцией. Несомненно,

поступки такого рода подрывают доверие и уважение, а главное, оскорбительны для памяти жертв.

Когда случается беда (пожар, наводнение, землетрясение, принудительное переселение), человек механически, не задумываясь, спасает самое ценное. Среди самых ценных вещей, которые спасали армяне во все времена, в том числе и во время Геноцида, были книги – хранители памяти народа, его языка, истории, культуры. Эти книги, спасённые от огня, воды, вражеского поругания, позволяют нам прочесть как древние источники, так и свидетельства о Геноциде, вырванные нашими предками из небытия. Наши предки были уверены, что, спасая эти свидетельства и документы, они спасают не только свою честь, но и честь своих потомков. Они тысячу раз правы. Не могу не рассказать о самой большой в мире древней рукописной книге, дошедшей до наших дней, – «Проповеди мушского монастыря» на армянском языке. Книга была создана в 1200–1202 годах. Её вес – 27,5 килограмма, формат – 55,3 × 70,5 сантиметра. В книге 602 пергаментных листа (на каждый пошла шкурка месячного телёнка). В 1204 году сельджуки похитили рукопись. Чтобы её выкупить, жители многих армянских деревень собрали четыре тысячи драхм (1 драхма – 4,65 грамма серебра). Более семи веков рукопись пролежала в монастыре в городе Муше (Западная Армения). В 1915 году мушские армяне, спасаясь от турецких погромов, взяли с собой рукописное сокровище. Ныне книга находится в хранилище древних рукописей Матенадаране.

Время написало и прибавило к истории предков новые страницы, страницы о нас, армянах живущих после Великой трагедии. И дай Бог, чтобы мы оправдали чаяния и надежды наших детей и внуков. По-моему, вступление Армении в ЕАЭС даёт нашей родине возможность для экономического рывка, которого мы ждём с нетерпением. Свобода передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы должен дать экономический эффект. Но при этом нашей стране нужна в первую очередь национальная программа собственного производства и своей промышленности для закрепления кадровых и трудовых ресурсов на месте. Массовый поток миграции из страны нужно остановить. Зарабатывать на жизнь, строить

дома и растить новое поколение нам нужно в своей стране, а не приезжая в семью на время.

И при этом нам, армянам, нужно научиться не делить народ на своих и пришлых, нам надо понять, что все мы, живущие на своей родине, в Армении, в Арцахе и в диаспоре, есть единая нация, один народ. Сегодня мы являемся тем же народом, который на протяжении десятков веков твёрдо стоит перед своей Судьбой, многократно доказывая, что способен жить, существовать и преодолевать любые трудности, быть сильным не только физически, но и духовно. Будем же достойны памяти предков, ведь они хотели видеть нас сплочёнными и сильными.

Когда Армении моей историю читаю,
Хочу, встав на колени, я молить Творца:
Дай силы нации геройской, что страдает,
Дай силы душам их воскреснуть в небесах.
Чтоб, воздавая в честь Господню Славы слог
(и сердце разорвётся, коль не закричу),
Гордиться мой народ не только прошлым мог.
(Отрывок из соч. Л. М.)

Асмик МАРГАРЯН,
педагог, 25 лет

МШЕЦИ ШУШО

Мой рассказ – это не миф и не легенда, а реальная история моих предков, родителей моей бабушки Цовинар. Нет, не бабушки, а моей второй мамы! Именно она познакомила нас лицом к лицу с культурой великого армянского народа. Это тот человек, благодаря которому родилась моя любимая

мама. И кому, как не ей, я должна сказать спасибо за ту заботу, за то терпение и силы, которые день за днем, наравне с моими родителями, она вкладывала в нас, своих внуков. Бабушка Цовинар стала той тропинкой, по которой мы смогли попасть в прошлое и узнать свои корни, узнать о тех трагических событиях, произошедших с нашим народом в 1915 году. Именно то страшное и несправедливое время и соединило моих предков – прадеда и прабабушку. А произошло это так.

В далеком 1888 году в легендарном городе Муш – неподалеку от тех краев родился создатель армянского алфавита Месроп Маштоц – выросла моя прабабушка Шушанна, или, как ее потом стали звать, Мшеци Шушо. А до этого, в 1881 году, в другой исторической области Западной Армении под названием Сасун родился мой прадед Галуст. Он был не единственным ребенком в семье – их было три брата и сестра. Вскоре его сестру выдали замуж в город Муш. Через некоторое время Галуст решил навестить сестру и поехал к ней в гости. В это время начались волнения среди населения, и он решил повременить с отъездом и устроился работать батраком в один из богатых армянских домов, к родителям Шушо. Увидев ее, мой прадед влюбился, однако он был беден и малограмотен и сам это хорошо понимал. Естественно, он получил отказ от родителей девушки – вскоре ее выдали замуж в соседнюю деревню за богатого молодого человека.

Была ранняя весна 1915 года. Галуст оставил работу и решил вернуться в Сасун. Но один турок, с которым он подружился, уговорил его остановиться у него, предупреждая, что в Сасуне скоро начнутся ужасные погромы. Галуст поверил другу, но не мог оставить родных в беде. Он направился в Сасун, но не успел в город – турецкие и курдские погромщики уже взялись за свою чёрную работу. Сасун оказался в окружении врагов. Свободолюбивые сасунцы защищались как могли, но силы были неравны. Галуст присоединился к армянским бойцам фидаи из Талворика, благодаря которым было разорвано кольцо осады, и незначительная часть оборонявшихся вышла из окружения. Сломив сопротивление защитников Сасуна, турецкие погромщики уничтожили большую часть армянского населения – сорок пять тысяч из шестидесяти. Горю Галу-

ста не было предела, ибо из всех родных спасся лишь один его племянник – сын его брата Согомона: ни сам брат, ни его жена, ни их трое детей выбраться уже не смогли. Галуст с племянником ушел в Муш и укрылся на время в доме турецкого друга. Но и тут начались погромы армянского населения окрестных сёл. Погибла и вся семья сестры Галуста. Понимая, что Галусту и его племяннику грозит смерть, хозяин дома решил вывести его с ребенком из окружения.

Как рассказывает моя бабушка Цовинар, среди турецкого населения было много тех, кто самоотверженно помогал армянам. Благодаря помощи турецкого друга Галуст пробрался в армянский отряд гайдуков (фидаи). Только горстка фидаи осталась в живых после ожесточённых боёв в близлежащих селах. И среди них – примкнувшие в поисках спасения от погромщиков женщины и дети. Гайдуки решили отойти к границе, чтобы увести народ в Восточную Армению. Галусту с племянником удалось добраться до Батуми.

Во время резни в Муше погиб муж Шушо, и она вместе с другими беженцами с младенцем на руках покинула родные края и тоже направилась в Восточную Армению. Шла ночью, пряталась днем, питалась растениями и кореньями – так прабабушка с ребенком дошла до границы. На пути она видела огромное количество обезображенных издевательствами мертвых тел: женщины, старики, дети. Всё происходящее вокруг казалось ей страшным сном, хотелось проснуться, но не было сил. Беженцы почти дошли до границы, когда внезапно со скалы в них стали стрелять. Раненная в правое плечо, обесиленная Шушо упала на землю, прижимая к груди дочь и закрывая ее своим телом.

Через некоторое время ее нашли солдаты русской армии, которые шли на помощь армянскому населению Муша. Шушо с дочерью отвезли в лазарет и вынули из плеча пулю. Она долго не приходила в себя, а врачи боролись за жизнь ее дочери: от недоедания и обезвоживания в свои полгода та весила чуть более четырех килограммов. Но мать и дочь удалось спасти. Когда она пришла в себя, один из русских солдат спросил: «Ты турчанка или армянка?» Но она не умела говорить на русском языке, хотя и понимала, о чем ее спрашивают. Она пальцами

показала крест и даже нарисовала его на ладони, показывая тем самым, что она христианка, а значит – армянка. Ее отвезли в город Батуми. Там она с дочерью на руках стала просить милостыню, не зная, что и Галуст находится в этом городе вместе с племянником и работает грузчиком в порту. И вот однажды, проходя по улице, он увидел ту самую девушку, в которую до безумия был влюблен. Прадед узнал ее, подошел к ней и удивлённо спросил:

– Шушо, ты ли это?

На что она плача ответила:

– Галуст ес ем... болорин которецин¹⁰.

Она рассказала о своей дочери, раненой руке, рассказывала обо всем подряд и не могла остановиться. Но все же когда она замолчала, Галуст не захотел упустить своё счастье второй раз и отважился спросить её напрямик:

– Шушо, ты выйдешь за меня замуж? Я приму твою дочь, а ты воспитаешь моего племянника.

Шушо согласилась. Через некоторое время Галуст и Шушо перебрались с двумя детьми в город Краснодар. Там стали жить в небольшой хижине и работать на рынке. В Краснодаре и родились их общие дети: старшая дочь Арусяк – в 1922 году, сын Падвакан – в 1924-м, сын Вачакан – в 1926-м и самая младшая дочь, моя бабушка Цовинар, – в 1928 году. Бабушка Цовинар говорила, что до конца своей жизни её мама пронесла острое чувство обиды и непонимания. Как и за что можно было предать целый народ смерти? Что за чудовища убивали невинных младенцев, стариков, женщин? Убиенные и не похороненные, не обретшие царства мёртвых до последних минут её жизни жили в ней. Она кричала и плакала во сне, а просыпаясь, долго не могла прийти в себя. Черный призрак мучительного отчаяния кружил над ее головой до конца отведенных ей дней... Рассказывая о своей маме Шушо, моя бабушка всегда плачет. Трагедия Шушо живет в ней, и это естественно, от этого никуда не деться, как не деться от того, что трагедия нашего народа живёт в нашей исторической памяти. Армяне Земли – это одно целое. Нас объединяет прошлое на-

¹⁰ Галуст, это я... всех убили (арм.).

рода, которое мы обязаны знать и передавать из поколения в поколение. Я верю, что когда-нибудь высшим Божьим судом будут наказаны все те, кто был виновником слез и смертей.

Наш Бог! Ты ведаешь, что было,
Ты видел слезы матерей.
Земля в отчаянье застыла
От зверства диких палачей.
За что такое испытанье?
Страдает до сих пор народ!
Но Веру не сломить страданьем –
Наш дух растет из года в год.
И грянет день, я знаю точно,
Ответит каждый за свое...
Язык и Вера – непорочны!
Убийц порочно лишь клеймо.

Вагаршак ХУДАГУЛЯН,
агроном, бывший партработник, 65 лет

УВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ

В середине XX века началась репатриация армян в Армению СССР. Это были послевоенные годы. Армения, несмотря на малую численность населения (после 1920 года – всего 700 тысяч), потеряла за Великую Отечественную войну более 300 тысяч человек, и правительство Армении во главе с первым секретарём ЦК Компартии Армении Григорием Арутюняном решило пополнить численность страны и восстановить народные силы. Переселение в Восточную Армению охватило армян из таких стран, как Франция, США, Греция, Египет, Си-

рия, Иран. За два года, с 1946 по 1948-й, в Армянскую ССР иммигрировало более 100 тысяч армян. Среди переселенцев из Ирана был и мой дед Погос со своей семьёй, выбравший, как ему казалось, «временное» место жительства в селе Карашен в Гориском районе. Почему временное? После победы над Германией у всех была уверенность, что советское правительство обязательно выступит в защиту прав армянского народа. Тем более что надежды подкреплялись опубликованной декларацией «Армянского национального совета в Америке», переданной делегатам конференции ООН в Сан-Франциско, где ставился вопрос «о присоединении армянской земли к существующему государству свободной, независимой Армении и возвращении всех зарубежных армян, имеющих желание туда поехать». В Иране, где тогда дислоцировались части Красной армии, местная армянская пресса писала, что в «такой исторический момент армяне Ирана обязаны оказывать содействие Красной армии». Армянские земли составляли почти половину территории Турции, и, несмотря на учиненный турками Геноцид, в Западной Армении еще оставалось немало армян, которые тоже жаждали воссоединения. Однако в очередной раз Армянский вопрос стал заложником политики Запада.

Моя прабабушка Марджан и дедушка с бабушкой ушли из этой жизни с мечтой о своей родине. Помню, прабабушка Марджан очень меня любила и выделяла среди внуков и правнуков, объясняя это тем, что я очень похож на её младшего брата Манука, потерявшегося во время Геноцида. Весной 1915 года через их село проходили толпы беженцев. Усталые, оборванные, голодные и израненные, они стремились в **Восточную Армению**. Когда девятилетний Манук увидел в толпе беженцев своих одногодков, в нем что-то изменилось. Он собрал весь хлеб, что имелся в доме, вышел за калитку и смешался с толпой. Его отсутствие заметили только под вечер. До конца дней родители посылали во все концы восточку о сыне, но его так и не нашли. Лишь в 1971 году все изменилось. В Армению депортировался брат моего деда Погоса и начал поиски своего младшего брата. И его надеждам суждено было сбыться. Он нашел Манука в Гукасянском районе, во главе большой семьи: красивая жена, дети, внуки. Он рассказал, что, уйдя далеко от

села, побоялся вернуться один и вместе с беженцами перешёл в Восточную Армению. Рассказывая о своих скитаниях и сиротском детстве, он вытирал скупые слёзы, но тут же улыбался, радуясь своим родным, память о которых не давала ему покоя всю жизнь.

Рассказы предков не выходили из моей головы. Я жил мечтой побывать в родном селе, пройтись по древней армянской земле, и неожиданно для меня мечта эта стала осуществляться. В 1993 году, после распада Советского Союза, племянница моей супруги пригласила меня с семьёй в Тейран. Когда выдавалась возможность связаться с нами, племянница спрашивала, может ли что-либо для нас сделать. Я тогда и поделился своей мечтой увидеть собственными глазами землю предков... И вот мы в Тейране. Село моих предков Пара находится в 600 километрах от нас. Надо сказать, что в 1603 году царь персов шах Аббас I выселил армянский народ из коренной Армении и погнал их в Персию с целью опустошить страну армян и застроить страну персов. Он стремился уменьшить численность армянского народа. Количество армян, переселённых вглубь Персии (Иран), оценивается примерно в 250–300 тысяч человек. Мои предки были из села Паракар Западной Армении; перебравшись в Иран, они своё поселение назвали Пара, чтобы не забыть своих корней.

Бронируем целый автобус и едем в Пару через **Западную Армению**. Проезжая, видим кое-где останки церквей, по красному туфу и хачкарам видна их исконная принадлежность, но сейчас они в плену – вокруг курдские деревни. И снова дорога, и снова разрушения и останки церквей. Страна плачущих камней! Сердце сжимается и замирает, словно хочет замолчать навсегда, чтобы не чувствовать этих разрушений. Разбитый очаг моих предков... Сколько боли и стыда может выдержать человеческое сердце? Село Пара находится в северной части Ирана, бывшей Персии. Природа вокруг пустынная, и на всей этой серо-желтой громаде зелёным Парнасом выделяется гора Таманда, о которой так много рассказывали мои предки. По их словам, все созданные богом цветы растут именно на этой горе. Село Пара находится у подножия этой райской горы. Прошло больше

полувека, как мои предки покинули Пару, но я сразу узнал двухэтажный дом деда. Только армянин мог отстроить в этом пустынном месте такой домище, улыбнулся тогда я. Мы вошли во двор и тут же оказались окружены чумазами, бедно одетыми детьми. Оказалось, что в доме живут три сирийские семьи. Первый этаж был отведён под скотный двор, а вот на втором, рачительно поделив между собой комнаты, устроились семьи.

Со мной были моя супруга, её племянница с мужем и ещё несколько родственников. Оставив женщинам хлопоты по приготовлению обеда, мы решили пройтись по селу. Навстречу нам шёл мужчина пожилого возраста. Оглядев нас беглым взглядом, он остановился на мне и вдруг заговорил по-армянски.

– Здравствуйте, Бог в помощь. Кто вы и почему приехали в забытое всеми место?

– Тут жили когда-то мои предки, – объяснил я. – Дед, бабушка, здесь родились мои родители.

Я стал называть всех поименно и вдруг увидел, что глаза мужчины повлажнели. Оказалось, что он был сиротой и мой дед приютил его, дав и кров, и пищу на долгие годы, ну, а сирота за то время выучил армянский язык, который до сих пор напоминал ему о добрых армянах. Он обнял всех нас и повёл показывать село, в центре которого мы обнаружили армянскую церковь. Мы удивлённо переглянулись: надо же, ни один камень не сдвинут с места!

– А церковь действующая? – спросили мы.

– Нет, сейчас здесь сельская школа. В Паре всего три армянские семьи живут, – объяснил он, – да и священника нет. Но армяне приходят сюда по воскресеньям, убираются, моют стены. Потом молятся и возвращаются домой. 400 лет в Паре бок о бок жили армяне и персы. Жили дружно, уважая традиции и обычаи соседей, – грустно, но с гордостью объяснил он. – Хотите взглянуть на армянское кладбище?

Жители Пара продолжали нас удивлять своим человеческим отношением к армянам. Могилы были убраны, хачкары и плиты целы. Я нашёл могилы родственников с нашей фамилией. Постояли, прочитали молитву...

Интересен тот факт, что всё созданное армянами в Иране – монастыри, церкви, хачкары, города и сёла – оказалось нетронутым. Не в пример турецким варварам, которые в ходе Геноцида уничтожили более двух тысяч армянских деревень, столько же церквей и монастырей более чем в 60 городах.

Когда я был десятилетним ребёнком, мой отец рассказывал о своей родине, которую он знал лишь по рассказам родителей. Я тогда удивлялся его слезам. Он часто вздыхал, что умрет, так и не увидев дом отца. И вот я, увидев своими глазами землю отца, с той же болью и слезами рассказываю своим внукам о потерянной родине предков, о массовом уничтожении народа и насильственной депортации западноармянского населения. Мне вовсе не хочется травмировать их души, но как по-другому объяснишь, почему мы оставили эти земли, почему они до сих пор в плену?

Артур АЙРАПЕТЯН,
предприниматель, 54 года

РОДИНУ НЕЛЬЗЯ ОТБИРАТЬ У ЧЕЛОВЕКА

Однажды, когда мы уже жили в Нижнем Новгороде, моя мама Анжела Айрапетян (Дикчян) поехала в Армению, к родным. В автобусе ей пришлось у кого-то спросить дорогу. Сидящая рядом с ней женщина вдруг сказала:

– Откуда вы, майрик (матушка), у вас такой интересный акцент?

Моя мама, горестно вздохнув, ответила:

– Я и сама не знаю, откуда я, дочка. Родители мои из города Тигранакерта (**Диарбекир**), я родилась в Сирии, выросла в Ливане, переехала в Армению, а жить стала в России. Ар-

мянин нигде не найдёт покоя, пока родину свою не обретёт, согласна со мной? – она строго посмотрела на женщину.

– Согласна, майрик, согласна, – поддержала её незнакомка. – А мои предки из Сарыкамыша. Если бы не русские войска, не знаю, что бы с нами было.

– Да уж, – вздохнул мама, – что за жизнь, почти сто лет прошло, а раны всё ноют...

Моей мамы Анжелы нет с нами уже три года, но память о ней будет в наших сердцах всегда. Она была великой патриоткой своего народа и всё время рассказывала со слов своего отца о родине, о свободолюбивом и миролюбивом армянском народе. Рассказывая о мечте родителей увидеть далёкую родину свободной, она заставляла нас поверить в то, что если не мы, то правнуки должны вернуться на свою землю.

– Родину нельзя отбирать у человека, – говорила она, – это великое преступление, это всё равно как при живом ребёнке держать в плену мать. Какой ребёнок это вытерпит? Он вырастет, встанет на ноги и пойдёт вызволять мать...

Итак, я постараюсь рассказать всё, что передала нам моя мама.

Отец моей мамы – Людвиг Дикчян из города Тигранакерта Западной Армении. К 1895 году, когда были учинены первые армянские погромы, там действовали и армянские церкви, и десять армянских школ. Именно в 1895 году при защите своего дома погибли дед и бабушка Людвига. Армяне Тигранакерта, потеряв три тысячи человек, восстановили всё же силы и накануне Второй мировой войны жили более-менее спокойно. В 1915 году Людвигу было четырнадцать лет. Его отец, Акоп, был человеком железной воли и чести. Его уважали не только свои местные армяне, но и курды из гамидеев. **Гамидеи** – это отряды, которые были собраны из кочевников-курдов. Турецкие власти натравливали эти отряды на армян: грабить армянские магазины, устраивать погромы. А когда армянские мужчины вставали на самозащиту, турецкие жандармы под предлогом установления порядка спешили на помощь курдам и бесчинствовали, врываясь в армянские кварталы. Людвиг по рассказам взрослых знал, что за шесть лет до его рождения армяне во время одного такого налёта нашли убежище в

армянской церкви. Священник встал с крестом в руке на пороге, чтобы утихомирить гамидеев и турецких жандармов, но в озверевших варварах не было ничего святого, и они, обезглавив священника, заколотили двери церкви досками и подожгли её. Церковь дымилась и стонала несколько дней. В ней погибло две тысячи невинных душ – женщины дети и старики – только за то, что были христианами.

Была ещё другая церковь, по-моему, она сейчас отреставрирована армянами Стамбула – церковь Сурб Киракоса, колокол которой был отлит из смеси золота и меди. Это был один из самых больших храмов христианского мира. Но в 1915 году турки артиллерийским залпом снесли колокольню только потому, что она была выше минаретов мечетей округи.

В конце зимы 1915 года в Тигранакерте стало беспокойно, соседи часто собирались у Акопа дома, чтобы обсудить происходящие события. Однажды появился курд Саид, он был другом отца, и рассказал, что весной начнётся мобилизация мужского населения Тигранакерта, а потом погромы и депортация, мол, уходите сейчас, потом будет поздно. Собрав родных и близких (а род Дикчянов насчитывал около пятидесяти человек), Акоп объяснил ситуацию. Об уходе со своих земель не было и мысли. Стали думать, что делать. Акоп понимал, что, сидя на пороге дома, никто из армян не сможет защитить честь семьи. Тогда он собрал мужчин, желающих уйти к гайдукам, и увел отряд в горы. Гайдуцкие отряды (**фидаины**) были скомплектованы из местного мирного населения, вставшего на самооборону, чтобы защитить народ от резни. Другого выхода у армянских мужчин не было.

Весна 1915 года проходила в Тигранакерте в зловещем ожидании. Когда началась мобилизация, турецкие жандармы и гамидеи ходили по домам со списком в руках, и если не находили призывника, избивали и даже убивали родных. Призывников оказалось мало, добирали подростков. Через некоторое время пришла черная весть: всех призывников убили по дороге в сборный пункт. Плач и причитания стояли над городом, который до середины лета подвергался периодическим набегам и погромам. Уничтожив в июне 1915 года наиболее влиятельных представителей армянской общины, власти

приказали жителям сдать оружие и подготовиться к депортации. Турки никак не ожидали непокорности со стороны населения и не знали, что фидайны готовят самооборону. Ночью вновь появился Саид и предложил Акопу и его семье укрытие, но Акоп отказался. Он только попросил друга позаботиться о семье в случае его гибели. Так оно и вышло. Почти месяц армяне держали оборону. На глазах у Акопа погибли его жена Астхик, старший брат с семьёй из пяти человек, дядя, две тётки по отцу. Погиб и он сам.

Как Людвиг и его родные остались в живых, он не понимал. Шла большая резня. Не щадили никого, убивали даже беременных, но перед убийством по прихоти насильника жертву подвергали издевательствам. Могли распороть обезумевшей роженице живот, чтобы посмотреть, кто у неё – мальчик или девочка, а потом убить обоих, могли распять, отрезать части тела. На глазах у детей насиловали матерей и сестёр. Курды окружили дома на их улице и насильно затолкали туда Людвиг и многих из их родни. Только тогда Людвиг понял, что Саид исполняет волю отца, но он не хотел жить и рвался наружу. Его удержали...

Одна из сестёр Акопа, Анаит, была замужем за армянинком-католиком и жила в другом районе Урфы, их не трогали. Оставшихся в живых армян разделили на группы и под конвоем жандармов и гамидеев погнали через католический квартал. Тётя Анаит была на сносях, и как она ни просила, родные не разрешили ей примкнуть к колонне. Она слыла первой певуньей на всю округу. И когда колонна армян проходила по улице под окнами Анаит, она запела. Это была песня-плач, песня-прощание. Её песня с рыданием вперемешку сопровождала колонну армян в неизвестность. Родные, боясь за неё, даже не рискнули повернуть головы в её сторону. Так, не попрощавшись, и ушли. Как сложилась жизнь Анаит, никому не известно.

Полуживые люди шли без остановок. Конвой был на лошадях, измученных армян могли поднять с земли и среди ночи и погнать как скот с издевательствами и руганью. Иногда на колонну армян нападали мусульманские и курдские толпы, как стервятники ожидавшие их у дороги. Через сёла

было страшно проходить: местные жители отбирали у людей последнее: одежду, золото, деньги, документы, у многих отбирали молитвенники и библии, с которыми армяне не хотели расставаться, и втаптывали в пыль или рвали на части. Женщину, не пожелавшую отдать библию, забили прикладами. Матери старались крепко держать детей, которых выхватывали из толпы курдские кочевники. По словам Людвиг, среди нападавших были и преступники, выпущенные из тюрем по случаю истребления армян. Одурманенные свободой, они хватали красивых девушек и уводили в сторону, откуда до обезумевшей от бессилия толпы раздавались крики, плач, а затем и предсмертные стоны. Курдские друзья Акопа держали свое слово перед погибшим и вели группу родственников отдельно от толпы, но при этом не брезговали грабить других армян. Курдский конвой ушел, как только они достигли реки Евфрат. Среди полуобнажённых, оборванных соотечественников родные Акопа выделялись если не истощенным видом, то наличием одежды и узлов. Вот тут набросились и на них. Переправа через Евфрат стала дорогой самоубийц. Женщины бросались в бурлящие воды вместе с детьми на руках.

В Алеппо поредевшая колонна вошла с отрешёнными, пустыми глазами. Алеппо кишел беженцами, сюда сошлись уцелевшие армяне со всей Западной Армении. Тех, кому не суждено было остаться в Алеппо, угнали в Рас-ул-Айн и истребили. Из всего рода в живых осталось человек восемь, да и тех Людвиг нашел впоследствии в Сирии, куда они попали с помощью одной благотворительной организации после концентрационного лагеря.

Чтобы выбраться из нищеты и прокормиться, надо было много трудиться. Трудиться день и ночь, на двух и даже трёх работах, чтобы поставить семью на ноги, дать детям образование, быть не овощем, а человеком, которым был всегда.

Армяне – очень трудолюбивый народ, и это не бахвальство армянина. Трудолюбие и уважительное отношение к любому труду – наша национальная черта характера, знаю это по себе и по всем знакомым армянам. Взять хотя бы моих дядей по материнской линии. Одному из них удалось пронести через весь путь ада золотые монеты, вшитые в жилет. Обосновав-

шись в Сирии, он купил двух лошадей, фаэтон и начал работать извозчиком. Наладив дело, он предложил работу по три дня в неделю двум безработным армянам, чтобы обеспечить их голодающие семьи. Вырученные деньги поделил на три части, а затем из каждой взял десятую часть дохода. Через год каждый из них имел по два фаэтона и нанял на работу других голодающих армян. Второй мамин дядя, попав в Сирию без всего, выпросил стул, купил займы ножницы и бритву, поставил этот стул посреди улицы и стал приглашать прохожих постричься или побриться. Кто с улыбкой, кто из жалости сажались к нему, и оказалось, что он хороший мастер! Через полгода дядя выкупил для своего дела комнату, а ещё через год – парикмахерскую на три-четыре места. И опять же – взял на работу своих, армян, чтобы те могли как-то продержаться на чужбине. Мой дед Людвиг рассказывал, что они после работы шли на вокзалы, рынки, чтобы найти безработных и бездомных соотечественников и поддержать их: вели домой, обогревали, кормили, а потом искали армян, которые могли бы помочь с работой.

Таким образом многие спасшиеся от Геноцида смогли встать на ноги, но при этом не смогли забыть пройденные муки, убитых родных.

Понять и принять драматическую судьбу наших предков разум бессилён. В ходе депортации и массовой резни погибло 80 процентов населения Западной Армении. Оно погибло от рук мусульманских и курдских банд, от рук жандармов и военных по приказу турецких властей, во время насильственной депортации, от голода, холода, жажды, от болезней в лагерях, от самоубийств и сумасшествия. Когда я это представляю, у меня начинает гореть в груди, дрожат руки и пересыхает в горле. Что я испытываю? Гнев и стыд! А какое унижение, какую боль и безысходность чувствовали наши деды и прадеды! Ушло униженное, обезчеловеченное поколение. Сколько из них ушло молча, даже не пытаясь рассказать о пережитом кошмаре, боясь заразить детей и внуков ненавистью к врагу, к своим предкам и даже к самим себе!

Но моя мама не боялась этого и хотела, чтобы люди знали о Геноциде армян и помнили об этом преступлении. Она

говорила: «Если мудрые люди этого мира не найдут решения Армянского вопроса, будет война. Армяне не снесут такого унижения даже через сто и через двести лет. С каждым годом это унижение и эта боль тяжелеет». Моя мама всегда гордилась своими предками. Гордилась, что, несмотря на все притеснения и унижения, армяне сохранили свой независимый дух, неповторимый язык и святую веру.

Мой дед Людвиг окончил в Сирии политехнический институт и, получив специальность инженера-строителя, стал работать на стройках. Он женился на девушке Мариам из Урфы (Едессия). Жители этого города тоже не захотели сдаваться без боя, когда в середине лета 1915 года в Урфу прибыли представители партии «Единение и прогресс» Ахмед-бей и Халил-бей, которым было поручено организовать депортацию армянского населения. Норвежский ученый и гуманист Ф. Нансен отмечал, что армяне Урфы погибли при 25-дневной героической Урфийской самообороне, после ожесточенной борьбы против во много раз превосходящего их численностью врага. Я знаю, что в Аштаракском районе Армении выходцы из Урфы построили поселок Нор-Эдессия, в котором воздвигли памятник в честь жертв Урфийской самообороны.

Моя мама Анжела Айрапетян родилась в 1930 году в Сирии. Вскоре семья переехала в Ливан и обосновалась в армянском квартале Тухлех города Бейрута. Людвиг открыл свою строительную компанию. Казалось, всё было хорошо, но сердце сжималось от тоски и боли: память не давала ему покоя. Он везде чувствовал себя чужим. Вокруг говорили о призыве Восточной Армении к рассеянным по всему миру армянам переселиться в Армянскую ССР. Людвиг долго думал, а потом заявил семье: какая армянину разница, где жить? Там хоть знаешь, что своя земля, свой народ. В 1947 году семья деда Людвиг на корабле «Победа» приплыла в Батуми. У деда на тот момент было четверо детей, в Батуми у них родился пятый, которого Людвиг и Мариам на радостях назвали Айреник (Родина). Из Батуми они перебрались в Армению и поселились в городе Горисе, где у них родилось ещё трое детей. Всех детей они называли именами погибших родных, а внуков (их 24) они называли именами народных героев.

Умер мой дед рано, в 60 лет. Остановилось сердце.

Мои родственники – а всех вместе нас около 80 человек – разбросаны по всему свету, они живут в Сирии, Ливане, Америке, Бельгии, Франции, Армении, России. За сто лет восемь оставшихся в живых армян из рода Дикчянов не дали заглухнуть роду и пустили новые побеги.

В 2008 году я по служебным делам оказался в Турции и остановился в Анталии. В гостинице моим соседом за обеденным столиком оказался высокий смуглый мужчина с пышными усами. Узнав, что я армянин, он сказал о себе, что он курд из города Урфы. Я похолодел... Я смотрел на него и думал: вот он какой, потомок тех курдов, которые уничтожали армян. Видно, взгляд мой обеспокоил его, и он спросил:

– Что-то не так?

– Мои предки из Урфы, – объяснил я.

– Надо же, – он помолчал, а потом неожиданно для меня сказал: – большой грех лежит на моей нации. Если бы курды тогда не плясали под дудку турок, сейчас бы тот же самый меч не навис над нами. Мои предки были обмануты. Они не получили даже автономии.

Мы понимали друг друга с полуслова, и нам не нужны были даты и факты. Теперь я не удивлялся, что курды начали террористическую борьбу за независимость, имея одну цель – свободный Курдистан.

– А можно съездить в Урфу? – я с надеждой посмотрел на него.

– Лучше на такси. Можно оплатить дорогу туда и обратно, свозят, я помогу. Только о Геноциде нигде ничего не говори, – сказал он простодушно, – турки начисто отрицают всё. Только правду не закопаешь, мои предки помогали туркам, чего уж тут отрицать.

Глаза мои наполнились слезами, я был благодарен ему за правду. На следующий день рано утром я выехал в Урфу, которую в 1983 году переименовали в Шанлыурфу: к названию Урфа добавили приставку «шанлы» (славный) в честь заслуг города в освободительной войне против французских оккупантов.

Урфа уже издали была заметна возвышающейся крепостью. Водитель, кстати, тоже из Урфы, повёз меня сразу в центр го-

рода, объясняя, что все туристы начинают осмотр с центра. Я всё же кое-как объяснил ему, что хочу видеть прежний армянский квартал. Он кивнул. И тут я увидел большой пруд, который водитель назвал Балыклы Гёл, то есть Рыбный пруд. По легенде, которую я прочитал позже, пророка Авраама приказали сжечь, но Господь превратил огонь в воду, а угли – в рыб. С тех времен этот пруд здесь и остался. Пруд кишит рыбой и считается священным местом, купаться и ловить рыбу в нем строжайше запрещено. По пути в старый город мы остановились перекусить и выпить воды. Водитель что-то говорил хозяину уличного кафе. По слову «эрмени» я понял, о чём речь. Хозяин кафе подошёл, поздоровался и что-то стал говорить спокойно и доброжелательно. Мы стали общаться, подошли ещё двое. Я удивился, что люди знают, кто я и что мне нужно, показывают, как проехать к армянской части города. Мы стали подниматься на гору. В глаза бросался резкий контраст между старыми и новыми частями города. Улицы были полупусты и слишком узки для машины, но каким-то чудом мы всё же поднялись по склону. Проехали мимо шумного рынка. Я смотрел на пестро одетых жителей – в основном это были курды и арабы, они отличались от жителей центра своей бедной и неопрятной одеждой, босыми грязными ногами. Племя, живущее на земле моих предков... Мы вышли из машины у развалин армянского монастыря. Из рассказа мамы я знал, что центром армянского сопротивления была церковь Сурб Аствацацин (Святой Богородицы). Я смотрел вокруг и понимал, что армянский след остался в этих развалинах, в заросшем мхом хачкаре, в камнях с вырезанными на них крестами, из которых сложили стены курдских домов... Я перекрестился. Снова спустились вниз. Я смотрел на уже знакомый город, как вдруг нас остановил полицейский. Проверил документы у водителя, а потом у меня.

– Армянин? Турист? – он поднял на меня глаза.

Я кивнул.

Он что-то стал говорить водителю, я понял, что надо уезжать. Потом водитель объяснил, что мы несколько раз проехали мимо военного аэропорта. Ну что ж, мы и так собирались обратно. Всю дорогу от Урфы до Анталии я молчал.

Вспоминал из истории, что Урфа в древности называлась Эдессой, что там жил армянский царь Абгар V, уверовавший в силу Христа ещё при Его жизни. По воскресении Христовом в Эдессу приходил апостол Фаддей, один из 70 апостолов, который принес царю исцеление и распространил там христианство. Вспомнил я и то, что в 405 году в Эдессе Месроп Маштоц создал армянский алфавит, а в XVIII веке архитектор Степанос построил в Урфе множество зданий, что церковь Святой Богородицы была резиденцией архиепископа и семинарией, где в начале XX века обучались 1140 учащихся, а в монастыре Святого Саркиса был сиротский дом для 66 воспитанников. Всё кануло в бездну.

Новые вопросы мучили меня. Кто мы, армяне? Что заложено в нас Богом? Какая его идея или замысел? Вымирать и возрождаться?! Погибать и воскресать?! Сколько раз нас уничтожали? Сколько раз предавали? Сколько раз делали бездомными сиротами, отрывая от корней и собственной земли? А мы, упрятав глубоко в себя гнев и боль, упрямо продолжаем жить. Рассеянные по всему миру, как ученики Иисуса...

Микаел КАРТАШЯН,
врач, 67 лет

ХОРОШЕЕ САМО СОБОЙ НЕ ПРИХОДИТ

Смотрю на другие народы и думаю: а почему это случилось именно с нами? Не подумайте, что я не знаю географии или истории. Всем известно, что геополитическое положение Армении таково, что она не раз становилась объектом противоборства, и приходилось переходить из-под власти одного государства к другому, лавировать, создавать связи и союзы,

чтобы выжить и не потерять страну. Были времена, когда армянское государство достигало наивысшего могущества, но в XVI веке она стала лакомым куском для Турции и Ирана.

Говоря, почему это случилось именно с нами, я имел в виду то, что, возможно, наша нация слишком доверчива и миролюбива? Может, мы слишком скромны и боимся ещё больше навредить себе действиями, и в результате уживаемся со всеми унижениями и обидами? Если это не так, то следует задаться одним-единственным вопросом – как возможно с таким грузом негатива жить сто лет? Сначала мы молчали от перенесённого шока – душевной боли и безмерных потерь, затем на тему Геноцида было наложено табу, и только в последние годы мы пришли в себя и уже не говорим, а требуем, приводим достоверные факты и свидетельства! А для чего? Чтобы следующим поколениям также обрести страдания и боль, а потом жить с этим ещё сто лет? Доказано, что существует исторически постоянное стремление ущемлённых в своих правах и угнетённых народов передать свою историю дальше. Это о нас с евреями. Но они молодцы. Взялись и добились своего, а наши представители власти, политики и олигархи как ни стараются, а воз и ныне там. Наверное, много веков находясь под гнётом османов, мы столько бед натерпелись, подвергаясь поруганиям, погромам и унижениям, что стараемся во что бы то ни стало жить богато и красиво, навёрстывая упущенное, обгоняя самих себя, забывая при этом о главном – бороться за правду, чтобы погибшие предки обрели покой. Подозреваю, вышесказанное автор или редактор вырежет. Но ведь надо сделать правдивую и честную книгу, чтобы и наши дети не задавались вопросом: почему это произошло с нами? И не надеялись, что авось всё решится само собой.

Мой дед всегда говорил, что хорошее само собой не приходит, его надо завоевывать. Многие армяне в **Западной Армении** тоже надеялись и ждали, что всё будет хорошо. Когда в 1889 году в Париже **младотурки** создали свою партию «Единение и прогресс» с программой обновления Османской империи, где все народы будут на равных правах, они получили большую поддержку от армянской партии Дашнакцутюн. Бедные армяне, им нравилось уже то, что младотурки шли

против кровавого султана, они поверили, что пришло время всем народам взяться за руки и построить общую свободную османскую родину. Пять веков их вырезали, а они решили с турками строить общую родину! Уму непостижимо, какие мы! Наверное, я слишком агрессивно начал свой рассказ. Признаюсь, когда решил написать о своих предках, эмоции захлестнули меня лавиной. Я даже представить себе не мог, что в памяти из рассказов отца о наших предках накопилось столько «больной» информации. Накопилось и почти заржавело, вот от этого и скрип агрессивный...

Мои предки из Тифлиса. Моего деда звали Микаел Карташян. В 1890 году ему было 20 лет. Почему я выделил эту дату? В том году в Тифлисе была создана партия **Дашнакцутюн**, а через два года Микаел стал членом этой партии. Он рассказывал моему отцу, что в те годы вся армянская молодёжь была помешана на этой партии и зачитывалась её газетой «Дрошак». Верили этой партии потому, что она выступала за свободу Армении путём вооружённого выступления. Микаел и другие молодые ребята из партии занимались переброской оружия и людей из **Восточной Армении** в Западную. За короткое время партии удалось создать целую сеть, охватившую Европу, Кавказ, Восточную Армению, Карабах, Баку и множество других мест. Микаел, как и подобало дашнакам, был уверен в освобождении своей родины, но ему (и здесь его личная позиция никак не соответствовала позиции партии) не нравилась «дружба» его лидеров с младотурками. После младотурецкого переворота 1908 года члены партии Дашнакцутюн стали иметь вес, и несколько человек даже вошли в турецкий парламент. Именно тогда, ещё больше поверив льстивым и хитрым младотуркам, в Турцию перебралось много дашнаков, в их числе и двадцативосьмилетний Микаел. Они надеялись, что создание в свободной Турции автономной Армении – дело времени. Но в марте 1909-го **Абдул-Гамид** вернул себе власть в Стамбуле, и тогда местные армяне и дашнаки укрывали младотурок, оказывали им поддержку. Вот такие мы простодушные, добрые и милосердные! В конце апреля власть в Стамбуле вновь перешла к младотуркам. Микаел по заданию партии остался в **Западной Армении**. На его глазах в 1909 году разворачивались

кровавые события в городе **Адан**, перешедшие неумным огнем на всю **Киликию**. Младотурки, получив при захвате власти поддержку армянских партий, в первую очередь постарались избавиться именно от них. Так же как и **Абдул-Гамид**, они использовали для этого курдов – отряды гамидие. А наивные армяне старались верить новой власти – не по здравому уму, но надеясь, что новые массовые погромы и убийства – дело рук уходящего режима. Но только не Микаел и его друзья, которые в скором порядке организовали самооборону в некоторых армянских населённых пунктах Киликии. В Западной Армении он оставался до июня 1914 года. Не знаю, чем он там занимался, врать не буду, но в преддверии Первой мировой войны он вернулся в Тифлис с женой, девушкой из Аданского уезда. А 1 августа 1914 года, в день, когда Германия объявила войну России, в семье Карташян, у тридцатичетырехлетнего Микаела и двадцатилетней Алварт, родился мальчик Степан, которого Микаел назвал в честь одного из основателей партии Дашнакцутюн Степана Зорьяна (Ростом).

Когда в Тифлисе начали формироваться армянские боевые отряды (**армянские добровольческие отряды**), Микаел по примеру многих армян решил записаться в один из них, но слабое здоровье жены удержало на время его порыв. Работы у членов партии Дашнакцутюн было много, ибо в Тифлис приехало достаточно героев армянского народа, чтобы возглавить добровольческие отряды. До сих пор о них слагают песни и чтят светлую память героев. Несмотря на то что Микаел до конца дней остался верен своей партии, он тогда очень нервничал и считал большой ошибкой создание таких отрядов. Микаела мучила бессонница: ночами он не мог сомкнуть глаз, днем же мысли не давали ему покоя. В Западной Армении он видел, как турки используют любой повод для избиения армян. Что же будет с народом в Турции, думал Микаел, когда отряды начнут воевать на стороне Российской империи против турок? Обращение императора Николая II 17 сентября 1914 года к армянскому народу с призывом восстать после пятивекового деспотического ига и примкнуть к российской армии в борьбе за свободу и правосудие вызвало в душе Микаела волнение и немного успокоило. А вскоре стало извест-

но, что Турция объявила войну («джихад») России, Франции и Англии, и вот тогда Микаел решил, что его долг – быть на фронте. Алварт его не отговаривала, так как сама бы пошла с ним, если б смогла. Да и как она могла что-то говорить, когда знала положение армян в **Западной Армении**. В 1909 году она потеряла родителей и двух братьев, но там остались многие её родные. Кошмарные сны о резне и погромах часто посещали ее, отчего и здоровье после родов плохо восстанавливалось. Слава богу, сынишка Степан был здоров.

В конце декабря Микаел записался в отряд, направлявшийся в **Ван**. Разочарование, боль и ужас овладели его душой при виде опустошённой и разорённой земли армянской, при виде десятков тысяч беженцев, покинувших свои сгоревшие дома, при виде голодных и замёрзших детей, женщин и стариков с пустыми, ничего не выражавшими, кроме безумия, глазами. Одни уходили от войны, которая уже разорила их сёла, другие – от репрессий, начавшихся против армян сразу, как только начались военные действия против России. Перед Микаелом разверзлась ужасающая картина погибающей Армении. То, чего он так боялся, неминуемо началось. Преодолевая сопротивление турок, русские войска и армянские добровольческие отряды до апреля 1915 года заняли города Маназкерт, Шатах, Арчеш, Муш, Битлис, Ван. Благодаря месячному сопротивлению (с 7 апреля до 6 мая 1915 года) население Вана тогда избежало резни и с ликованием встречало освободителей. Но когда всю Западную Армению охватил Геноцид, учинённый младотурками, судьба Микаела повернулась на 180 градусов. В окоп, где он находился, попал пушечный снаряд. Многие погибли, Микаел был тяжело ранен. После ампутации ноги в полевом госпитале он чудом остался жив. Вместе с другими ранеными его поездом отправили в Москву. Их санитарный эшелон под флагом Красного Креста прибыл к станции Окружной железной дороги, откуда Микаел попал в частный госпиталь. Оказывается, в годы Первой мировой войны почти в каждом городе России развертывались частные госпитали и лазареты по заявлениям частных лиц, пожелавших взять в свои квартиры раненых воинов. Госпиталь, где лечился Микаел, находился в усадьбе богатого предпринимателя, имя которого мне не-

известно. Когда Микаел отошёл от шока, он удивился, что из всех раненых (а их было около 30 человек) он один кавказец, но потом догадался, в чём дело. За несколько часов до ранения он беседовал с русским казаком из Могилёва. Тот, увидев, что одежда у Микаела изношена, подарил ему свою запасную рубашку. Рубашка была не солдатская, а офицерская. Видно, пока Микаел был в беспамятстве, его из полевого госпиталя и отправили в Москву, приняв за русского офицера.

Война тяжело отразилась на экономике России. Застой в промышленности и разруха в сельском хозяйстве привели к продовольственному кризису. Медсёстры в лазарете шёпотом рассказывали о всеобщем недовольстве рабочих, приносили листовки. Одним словом, назревала революция. Буря была и в душе Микаела. С одной стороны, он стал инвалидом и совсем не знал, что ему теперь делать и как жить, как прокормить семью, а во-вторых, он не представлял, что творится сейчас на родине. Шёл конец 1916 года. О победе Февральской революции Микаел узнал уже в Тифлисе, куда он вернулся с большими трудностями. В первые же дни в Тбилиси были образованы Советы, которые, по словам Микаела, не могли быть народными, так как состояли из представителей разных партий: меньшевиков, эсеров, дашнаков, тянувших власть на себя. Вернувшись к семье, Микаел отошел от партийной деятельности, и даже создание так называемых армянских национальных Советов в Тбилиси, Баку и Ереване его не привлекло. После увиденного в Западной Армении беззакония и беспредела по отношению к армянскому народу, подписания между большевиками и Германией позорного **Брестского мира** всё казалось ему пустым и бесцельным. Но решающим ударом явилось подписание дашнакским правительством с турками **Александропольского договора**, который и стал прообразом **Московского договора** от 16 марта 1921 года и **Карсского договора** от 13 октября 1921 года, по которым Карс и Карсская область становились турецкими.

Дашнаки, которым он верил, разрушили его внутренний мир. Всё опротивело Микаелу. Ему казалось, что зло восторжествовало. В 1925 году у Микаела родился второй сын, Андраник, в будущем – мой отец. Наверное, не нужно объяс-

нять, в честь кого он был так назван. Но радость была недолгой – от потери крови умерла жена Микаела. Чтобы как-то прокормить сыновей (а старшему тогда было всего одиннадцать лет), Микаел сколотил прямо у дома будку и занялся ремонтом обуви. Он так и не женился, хотя вокруг было много вдов, которые с радостью согласились бы создать с ним новую семью.

Прожил мой дед Микаел 85 лет. Мой отец рассказывал, что часто сетовал на отца за то, что тот всё время перед всеми извинялся, старался никому не мешать, вести себя тихо, в результате чего прослыл страшным молчуном. Возможно, это был комплекс «изгнанного человека», сломленного изнутри Геноцидом, с незатянувшимися душевными ранами. Даже после стольких боев и жестоких перепадов судьбы он до конца жизни оставался очень стеснительным и скромным человеком.

Самвел КАЗАРЯН,
сотрудник МВД России

ДЕЯНИЯ, НЕ ВПИСЫВАЮЩИЕСЯ В НОРМЫ БЫТИЯ

Сто лет минуло со дня трагических событий, имевших место в истории армянского народа, народа, волею судеб, оказавшегося на географическом, историческом и, не в последнюю очередь, религиозном изломе истории.

Геноцид армянского народа обнажил хрупкость человеческих ценностей, показал, что человек может быть не только интеллектуалом, но и ничтожеством, варваром и убийцей, не вписывающимся в существующие нормы бытия.

По словам одного французского дипломата, «Армения стала заложником своего геополитического положения». Этот фактор в совокупности с противоречиями мировых империалистических держав и идеей зачинщиков кровавых событий – «весь мир только для мусульман» – привел к **Геноциду армян**, аналога которому не было в мировой истории. И как бы сегодня ни пытались нынешние турецкие власти и иже с ними обелить и оправдать действия своих предков – эти попытки тщетны. Факты и события свидетельствуют об обратном. В современном турецком обществе появились первые ростки осознания происшедшей трагедии: пусть косвенное, но это уже подтверждение тому, что правда и историческая справедливость должны восторжествовать, даже несмотря на то, что турецкие власти принимают беспрецедентные меры идеологического и экономического характера по недопущению признания факта Геноцида. Архивы многих государств хранят большое количество документов, свидетельствующих о Геноциде армян, имевшем целью полное уничтожение целого народа, – так решался болезненный для Османской империи **«Армянский вопрос»**.

Когда пришедшая к власти в Турции националистическая партия **«Единение и прогресс»** решила под канонаду **Первой мировой войны** покончить с «Армянским вопросом», первое, что они сделали, – арестовали, а впоследствии истребили всю армянскую интеллигенцию: членов парламента, политиков, финансистов, писателей, поэтов, духовных лиц, композиторов, известных медиков, банкиров. Обезглавив нацию в лице ее элиты, они взяли и за простых граждан. Причём это касалось всего народа, народа, который жил на исконно своей земле тысячелетиями. Трудолюбивый, созидательный народ с его древнейшей историей и высочайшей культурой в одночасье был приговорён к полному уничтожению потомками воинственных кочевников, пришедших на эти благодатные земли из районов Южной Сибири и Алтая.

Были случаи, когда главы городов и уездов, получая секретные телеграммы об аресте известных и уважаемых людей, переспрашивали, нет ли какой ошибки, ибо выполнение приказа в том виде, как предписывалось, казалось на тот момент настолько чудовищным, что невозможно было поверить в это.

Великий английский поэт Джордж Байрон, оказавшись в армянском монастыре на острове Святого Лазаря близ Венеции, два года изучавший армянскую историю и язык, впоследствии писал: «Трудно было бы, быть может, найти летописи народа, менее запятнанные преступлениями, чем летопись армян, добродетели которых были мирные, а пороки – следствие притеснений. Но какова ни была бы их судьба, а она печальна, что бы ни ожидало их в будущем – их страна всегда должна оставаться одной из самых интересных на всем земном шаре; и уже самый их язык, быть может, требует только большего изучения, чтобы получать всё больше привлекательности».

Обвинив армян во всех своих бедах и поражениях в Первой мировой войне, а в особенности за помощь русскому Кавказскому фронту, младотурки, проявляя особую изощрённость и зверство, стали искусно натравливать турецкие низы на выполнение своих кровавых решений. Специально для этой цели были выпущены из тюрем уголовники всех мастей. В городах и сёлах шли повальные аресты, убийства из-за малейшего неповиновения. Жестоко карались в назидание другим те турецкие семьи, которые способствовали спасению своих бывших соседей. Мусульманский фанатизм достиг своего апогея. Несмотря на тяжёлое положение турецкой армии на Кавказском фронте, солдаты-армяне были обезоружены и расстреляны. В сельской местности всё мужское население, способное дать отпор, сгоняли якобы на строительство дорог и прочие работы. Их выводили за пределы населённых пунктов и беспощадно расстреливали. А после этого уничтожали беззащитное население этих сёл – женщин, детей и стариков.

Попробуйте найти аналоги – их нет, и не дай Бог, чтоб были. Те немногие, кто успевал вырваться из этого ада, находили смерть на дорогах депортации. Причем был дан карт-бланш курдам, из которых были созданы нерегулярные конные полки (**гамидеи**), имевшие волею власти право на погромы, грабеж и резню армянского населения. Уместно заметить, что спустя шесть-семь десятилетий турецкие власти взялись всерьёз решать и «курдский вопрос». Благо у них был накоплен богатейший опыт...

От своих дедушек и бабушек я слышал достаточно много леденящих кровь историй. Когда за кратчайшее время надо было собрать всё самое необходимое, оставить свой дом на разграбление, а впереди – неизвестность. Не было никаких гарантий, что все сумеют преодолеть полный неизвестности, бед и лишений путь до границ **Восточной Армении**. Не была исключением и семья моего деда, потерявшая двух своих первенцев: мальчика и девочку. Проявив неимоверную «гуманность», турецкие власти создали пропускные пункты для перехода беженцев. А это были в основном женщины, дети и немощные старики. Детей мужского пола безжалостно убивали на глазах матерей. Многие молодые девушки и женщины, чтобы не быть обесчещенными, сами накладывали на себя руки. существовал указ – девочек трех-четырёх лет отбирать у родителей и отдавать в турецкие семьи на воспитание, причём эти дети потом не раз перепродавались по цене одной курицы. И после всего этого мы должны смириться и не ворошить прошлое?

Моя мама в шестилетнем возрасте, сидя на коленях у друга своего отца, обнаружила, что у того проколоты уши. Она очень удивилась. Оказалось, что его родители и родня (40 человек) были убиты, а соседи, чтобы провести мальчика через турецкие кордоны, переодели его в девочку и прокололи уши. Уже в наше время мне лично довелось слышать рассказы беженцев-армян из Сумгаита, слышать воинственные речи на митингах в центре Баку. Поверьте, за сто лет мало что изменилось: та же средневековая дикость, те же методы мщения и убийства, а ещё и героизация подонков.

Известен вопиющий случай: спящему человеку, старшему лейтенанту вооружённых сил Армении Гургену Маргаряну в Венгрии офицер-азербайджанец отрубил голову. И тот и другой находились на курсах НАТО «Партнёрство во имя мира». А на вопрос венгерского судьи: «Топор куплен вами днём, почему же совершили преступление ночью, тайно, вы же всё-таки офицер», горе-войка ответил: «Он физически был подготовлен намного лучше меня, и я побоялся вступать с ним в бой».

Венгерским правосудием он был осужден пожизненно. Благодаря усилиям бакинских властей и нефтедолларам через восемь лет трусливый убийца – лейтенант азербайджан-

ской армии был выпущен на свободу. Согласно условиям его освобождения, оставшуюся жизнь он должен был провести за решеткой на родине, но уже в аэропорту был организован довольно помпезный приём, аудиенция у президента республики, теплые объятия Ильхама Алиева, а далее – досрочное присвоение звания «майор», единовременная компенсация зарплаты за восемь лет заточения и квартира в центре Баку...

Возвращаясь к теме Геноцида, хочу рассказать о легендарном фидаинском движении, наводившем страх и ужас на захватчиков. **Фидаины** стремились обезопасить армянское население от посягательств турецких угнетателей, отомстить им за произвол и злодеяния, жертвами которых становились христиане Западной Армении. Родиной фидаинского движения стали армянские области Тарон, Васпуракан, **Кесария, Муш, Сасун**, в дальнейшем движение получило распространение по всей Западной Армении. Даже когда заканчивались боеприпасы, фидаины бились врукопашную, их храбрость, основанная на безграничной любви к своей родине и народу, порой граничила с безрассудством. Наиболее известны были **Андраник Озаян, Нжде, Геворг Чавуш, Дро, Сероб Ахпюр, Керы, Никол Думан** и многие другие, покрывшие себя неуязвимой славой.

У читателя могут возникнуть аналогии с Великой Отечественной войной 1941–1945 годов, принесшей смерть и страдания всему советскому народу. Но одно дело – война, а другое – планомерное уничтожение незащитного населения другой нации и вероисповедания.

2015 год знаменателен и 70-летием Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Армяне, как и весь советский народ, приняли самое деятельное участие в разгроме гитлеровского фашизма. Более 450 тысяч армян сражались на полях битвы, проявляя образцы доблести и героизма, более 300 тысяч жизней воинов-армян было положено на алтарь Великой Победы. Воины-армяне наравне с воинами других национальностей СССР сражались на всех фронтах, во всех видах и родах войск. Армянский народ взрастил много талантливых военачальников, в том числе четырех маршалов, более 60 генералов; 112 воинов-армян были удостоены высшей награды Родины – звания Героя Советского Союза, есть и дважды Герои...

И коль уж нами затронута тема Второй мировой войны, несколько слов о ближайшем сателлите Азербайджана – Турции и её роли в летописи этой грандиозной битвы. Известно, что перед её началом Германия заключила союз с целым рядом стран, в том числе и с Турцией. Но если Испания, Италия, Болгария, Румыния и другие страны, связанные союзническим договором, открыто воевали на стороне Германии, то Турция, входившая в тот же союз, терпеливо выжидала удобного момента, чтобы по договоренности с Гитлером напасть на СССР, а сигналом к этому должно было стать падение Сталинграда (читайте воспоминания Маршала Советского Союза, начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР Александра Михайловича Василевского). СССР вынужден был держать в Закавказье довольно большую группировку войск для отражения возможного нападения, когда в них была великая нужда на Западном фронте. За неделю до Дня Победы, буквально в день самоубийства Гитлера, Турция объявила войну Германии, чтобы оказаться в списке стран-победительниц. После окончания войны советским руководством было принято решение дать достойный ответ милитаристским устремлениям Турции, а заодно и решить застарелый территориальный вопрос Армении, которой должны были отойти исконно армянские территории – **Ван, Карс, Эрзурум** – общей площадью 54 тысячи квадратных километров. Но Турцию спасли от неминуемого краха США, пригрозив СССР своим ядерным оружием. Так в очередной раз не осуществилась вековая мечта армянского народа об объединении Восточной и Западной частей государства. Американцам Турция нужна была лишь затем, чтобы создавать постоянную военную угрозу в «подбрюшье» сначала СССР, а теперь и России. И сразу же на территории Турции было создано несколько военных баз США, а в последующем там было размещено и ядерное оружие. Общеизвестный Карибский кризис – абсолютная, полная аналогия с нынешней ситуацией на Украине – ни больше ни меньше. А злопыхательства США по поводу присоединения Крыма к России вызваны лишь тем, что, согласно их военно-стратегическим планам, в Крыму должна была быть создана мощная американская военно-морская группировка...

Неслучайна и политическая активность нынешних властей Турции на Ближнем Востоке, странах Северной Африки: не перестают современные турецкие власти вынашивать теорию так называемого «государства Туран», объединяющего, по их замыслу, кроме их территорий всё Закавказье, Северный Кавказ, российское Причерноморье, а также часть Северного Ирака и Сирии. Религиозные организации ряда ближневосточных стран ведут планомерную, целенаправленную работу по вовлечению в свои ряды все большего числа последователей, особенно молодёжи. К великому сожалению, эти усилия не безрезультатны. Примеров тому достаточно – это и непрекращающиеся теракты, нарастающая угроза ваххабизма, вербовка и обращение в ислам немусульман... На фоне этого религиозного и милитаристского психоза как никогда актуально звучат слова, сказанные российским императором Александром II: «У России два союзника – это её армия и флот».

А создание ОДКБ (Организация договора о коллективной безопасности), членом которой является и Армения, служит надёжным щитом против все возрастающих аппетитов стран-участниц блока НАТО.

Шохагат МХЧЯН,
пенсионерка, 74 года

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ МОГУТ ЖИТЬ В МИРЕ И СОГЛАСИИ?

Тема Геноцида армян не нова, но, несмотря на уже столетнюю историю, она ещё совсем не стара. Как говорят армяне: это тесто впитает ещё много воды.

А было бы совсем по-другому, будь политики Турции честнее. Но, как говорится, Бог им судья, нам уже нечего терять, пришло время возвращать потерянное. Почему мир устроен так сложно? Почему люди не могут жить в мире и согласии? Ведь каждый день где-то кто-то объявляет войну. Я понимаю, что на такой вопрос будут ответы, но очень хочется, чтобы люди не проливали слёз и не сходили с ума по убиенным детям, по брошенному дому, чтобы девушки не становились самоубийцами из-за бесчеловечного насилия над их чистыми душами, чтобы города обустроивались и хорошели, а не разрушались от взрывов террористов. Сколько кровавых страниц в армянской истории бередают нам раны, сколько невычеркнутых воспоминаний... Но я не буду о них говорить, думаю, рассказчиков объявится немало. Я хочу представить читателю повествование из дневника моего брата, который попытался описать образ жизни западных армян конца XIX – начала XX века. Дневник этот достался мне после его смерти. Видимо, он предчувствовал, что будущему поколению будет небезынтересна эта тема...

Из дневника Гургена Мхчяна от 23.02.1975

Я, Гурген Дереникович Мхчян, рождённый в городе Краснодаре 24 сентября 1952 года, изъявил желание описать житие своих предков из Западной Армении в назидание будущим Мхчянам. Прошу будущее поколение быть снисходительным к моему слогу: я не писатель и не поэт, и слог мой, возможно, не блещет изяществом, но мне будет приятно, если читатель возьмёт или поймёт что-либо важное из истории моих предков, которые в данный момент как бы являются лицом всей западноармянской нации.

Фамилия наша родилась от очень далёкого предка, который занимался изготовлением гвоздей (по-армянски «мех» – гвоздь, Мхчян – Гвоздев). Но из года в год представители рода Мхчян занимались теми профессиями, которые были актуальны в те времена, в которые они жили. Так, в нашем роду, проживавшем в городах Карсе, Битлисе, Алашкерте и их провинциях, появились ювелиры, портные, земледельцы, пред-

ставители торговых компаний, военные и так далее. Постепенно род разрастался и рассеивался по всей Западной Армении. Нужно сказать, что армянский народ, преуспевающий в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, явился важным фактором прогресса Османской империи. Из рассказов старших мне запало в душу то обстоятельство, что армяне всегда были законопослушными, вовремя платили налоги, которыми облагались, поддерживали хорошие отношения со всеми остальными народами империи, желая в конечном счёте только лишь одного: жить спокойно на своей земле и пользоваться благами цивилизации. Но из-за того, что армяне были верны христианской религии и своим национальным традициям, заботились об обучении детей, стремились освоить ремесла и профессии, становились успешными коммерсантами и способными чиновниками, они ощущали излишнюю зависть и ненависть со стороны турок и курдов. Иногда эта ненависть приводила к арестам и преследованиям, а временами – и к вооружённой расправе над мирным населением. Тому свидетельством – кровавые события в Эрзуруме, Кесарии и Йозготе, в Сасуне, жестокая резня в Адане, события, ставшие предвестниками Геноцида. Все жалобы и мольбы армянского народа, все требования политических армянских партий изменить деспотический турецкий режим турецкие власти приписывали стремлению армян присоединиться к России. Загнанные в жёсткие рамки армянские общественные деятели металась меж двух огней – идя то на вооружённую защиту и самооборону, то на сближение с властями, предполагая, что таким способом смогут осуществить мечту народа. А турецкие националисты, в чьих руках находилась власть, безжалостно истребляли армян, видя в этом осуществление своей исторической цели – насильственно подвести все нации под одну – османскую. В этом замысле им помогали курды, которым была предоставлена свобода действий в отношении армян. Курды богатели за счёт погромов армянских сёл, становились смелее и жёстче, но и хитрость в действиях была им не чужда.

Нужно сказать, что по сравнению с другими народностями наши предки всегда гордились и своей приверженностью к христианству, и своими национальными традициями. Редко

можно было встретить армянина, скрывающего свои истинные национальные черты. Не был исключением и восемнадцатилетний Израел Мхчян, широкоплечий красавец-богатырь.

Была осень 1913 года. В то время было принято на свадьбах устраивать всевозможные состязания. В селе, где проживал Израел, играли курдскую свадьбу. Хозяева свадьбы с обеих сторон были богатыми курдскими бейми. И вот на большом поле собрались гости и молодёжь села. Курдские всадники разделились на две группы, провели черту-границу, за которую нельзя было переходить, взяли в руки огромные шесты, и состязание началось. Кружась по отведенной территории, нужно было сбить противника с коня броском шеста. Иногда бывали даже и смертельные исходы, но это было в порядке правил. Игра на этот раз не складывалась – то ли игроки были неискренними, то ли один из курдских всадников был гораздо сильнее остальных, но побеждал один он, и состязания проходили неинтересно. Армянские юноши, стоя в стороне, наблюдали за скучным действием. Один из местных беев, зная о силе Израела, попросил его подойти. По тому, как он говорил и жестах показывал на состязающихся между собой курдов, все поняли, что бей предлагает Израелу потягаться силой с курдским силачом. Израелу не хотелось накликать на село беду: он знал, что если победит, курды этого не простят, а проигрывать он не умел. Друзья стали подначивать товарища, мол, давай, Израел, покажи им, как надо сражаться.

– Но у меня нет коня, – ответил Израел.

– Будет конь, – ответил бей.

Через несколько минут Израел был на коне. Но в отличие от курда, ему дали лишь один шест. Затаив дыхание, все наблюдали за поединком. Курд метнул в Израела уже несколько шестов, но Израел ловко уходил от них. И вот, наконец, пришпорив коня, он привстал в седле и изо всей силы метнул свой единственный шест. Ух-х-х – прошумело в воздухе, и наступила мёртвая тишина. Шест прошёл через тело противника насквозь, и курд замертво свалился с лошади. Курды окружили Израела, который уже спешил, и готовы были его разорвать на куски, но бей прикрикнул на них и, отпуская Израела, сказал:

– Уговор наш в силе, ступай.

Курд понимал, что армян в селе намного больше, чем их, и придется увезти не одно мёртвое тело с собой. Прошёл месяц. Израел возвращался из города домой и вдруг обнаружил, что его преследуют курды. Оглядев местность, он понял, что долго не продержится – курдов было человек десять. Почти час оборонялся Израел камнями, но силы его истощились, и курды набросились на него...

Смерть Израела побудила Мхчянов и их односельчан к длительной вражде с курдами, которые одно время даже обходили их село стороной.

Вот в такой гнетущей атмосфере приходилось жить христианскому населению Западной Армении и Османской империи.

Наш дед Гаспар Мартиросович Мхчян родился в Битлисе, но вырос и жил в Алашкерте. У него было пять братьев и две сестры. Он был портным. Его так и называли – портной Гаспар. Гаспар был среднего роста, красивый, но очень стеснительный. Он всегда ходил в шляпе, ибо уже в молодости имел залысины. Бытовала даже такая шутка, будто Гаспар и моется в шляпе. Благодаря своему мастерству портной пользовался популярностью у богатого населения. Он был вхож в дома аристократов и, сблизившись с семьёй Багратуни, вскоре женился на красавице Шохакат, дочери Петроса Багратуни, очень богатого армянина, занимавшегося продажей мануфактуры. Скоро он обзавёлся небольшим продовольственным магазином. Жили небогато, но и не бедно. Работы было много, но Гаспар находил время, чтобы вернуться хотя бы ненадолго к своей прежней профессии. Надо сказать, что сердце его никак не лежало к торговле. Но приходилось терпеть, пока не подрос его единственный сын Дереник, помощник и надежда. Кроме сына у Гаспара были ещё четыре дочери.

Деда Гаспара мы не видели, он умер в 1920 году в Армавире, а бабушка Шохакат прожила до 1936 года, и многие из нас её хорошо помнят. Мы также не видели погибших во время депортации армянского населения Западной Армении нашего брата Агаси шести лет и сестру Сатеник семи месяцев. Агаси так запал старшим в душу, что когда у наших родителей родился очередной мальчик, имя ему выбирать долго не пришлось.

Мой отец Дереник Мхчян родился в 1893 году в селе Ортачала Карсской области. Моя мама Мариам была уроженкой того же села, 1987 года рождения. У них родились четыре мальчика и одна девочка. Отец наш часто рассказывал о своей родине. Начинал он рассказывать спокойно, но через несколько минут голос его уже дрожал. Он рассказывал, что армянам в городах Западной Армении жилось намного легче, чем в провинциях, где жизнь была необеспеченной. Карс находился под защитой российских войск, и те Мхчяны, кто жил в годы Геноцида в Карсе, спаслись. Спаслись и те, кто понял обстановку, кто предугадал смерч и вовремя уехал из Турции.

В начале июля 1914 года Дереник, навещая друга, жившего у казарм русских казаков в Карсе, увидел, что в город всё время поступают новые войска, прибывают вагоны с оружием. Шло укрепление города, среди военных была суматоха. Вернувшись домой, он сказал родителям, что дело пахнет большой войной и что лучше будет, если они перейдут в Восточную Армению. Сначала Гаспар не хотел слушать сына, но через некоторое время и правда началась Первая мировая война, а вскоре Карс наполнился беженцами-христианами из приграничных с Россией районов. Семья Мхчян решила перейти в Восточную Армению. С осени 1914 года начались скитания семьи деда Гаспара: Гюмри, затем Армавир, где в 1920 году дед Гаспар умер, и только к 1923 году Мхчяны перебрались в Тбилиси. Но были в нашем роду и такие, кто предвидел трагедию, но остался на своей земле в надежде переждать бурю. Нет, не переждали... Время остановилось, вобрав в себя названия городов и сёл, имена, фамилии. Многие Мхчяны, разбросанные по Западной Армении, разделили судьбу своего народа и остались лежать вдоль дорог, ведущих в пустыню, в концентрационных лагерях для депортированных армян, став песком, землёй, пылью. Мхчяны, не покинувшие Карс до 1918 года, стали беженцами. В результате победы революции в России Кавказский фронт окончательно рухнул, и турецкие войска, не встречая сопротивления, к маю 1918 года не только вернули себе все освобожденные русскими войсками земли Западной Армении, но и оккупировали значительную часть русского Закавказья – Карсскую и Батумскую области, часть

Эриванской и Тифлисской губерний. Оставшиеся в живых представители нашего рода перебрались в Россию и Восточную Армению, а некоторые – в Сирию и даже Америку.

В борьбе за советскую власть в Армении погиб племянник папы революционер Липарит Мхчян. Он погиб в 19 километрах от Еревана по дороге в Арташат. На месте его гибели теперь село, названное его именем, – Мхчян. В селе есть музей, посвящённый армянским революционерам. В память о Липарите назван и наш брат Липарит Мхчян, проживающий со своей дружной большой семьёй в городе Пятигорске.

Древняя культура и крепость духа, негибаемая воля к свободе и вера в Христа стали залогом возрождения нашего многострадального армянского народа. Мы выстояли вопреки всем стремлениям и деяниям, направленным на исчезновение государства и нации, но нам никогда нельзя забывать, что Армения была и будет барьером на пути Турции в «большой тюркский мир», нацеленной против России и Ирана. И этот геополитический спор будет продолжаться до тех пор, пока Турцию не привлекут к ответственности за прошлые злодеяния...

Фёдор МАРГАРЯН,
директор дорожно-строительной
компании «Ви́раж», 62 года

МЫ – ДЕТИ ОДНОЙ ЗЕМЛИ

Несмотря на то что жизненный путь у каждого свой, моя биография, а возможно, и вся жизнь аналогична жизням многих моих соотечественников армян. Наверное, оттого, что у нас одна история на всех, одни и те же надежды и идеи, мы немного похожи друг на друга. Нам не надо напрягаться

и переживать насчёт непонимания, мы – дети одной земли, пропитанной горечью поражений и радостью побед. Каждый удар судьбы только увеличивал наш список ценностей – мы стали дорожить своей верой и языком, корнями и голосом крови, традициями дедов и культурой нации, дружбой с русскими и миром планеты. А ещё у нас есть мечта – видеть своё Отечество сильным и свободным. Мы – люди мира, а не войн, защитники своих семей, своей Родины – большой и малой, в моём случае – России и Армении. История изменила наши взгляды на многие вещи и понятия, но сделала нас более стойкими и духовно богатыми. Армяне, рассеянные по всему миру в результате **Геноцида 1915 года** и проживающие за пределами исторической земли, всегда принадлежали одной половинкой своего сердца стране, в которой родились, а другой – стране, где выпала судьба жить и созидать. Я верю в судьбу, предначертанную каждому из нас на небесах, как верю и в то, что во всех испытаниях важнее всего оставаться человеком.

Мои предки были из села Азапкёй (Басен). В 1828 году они перебрались в Спитак, село Лернаван. Сколько страхов и сомнений, разочарований и переживаний выпало на долю моих бедных предков! Разве можно передать, чтобы быть понятым, всю гамму бурлящих во мне негативных чувств из-за вторжения в 1918 году турецких захватчиков в **Восточную Армению**, входившую с 1828 года в состав Российской империи. Страна была переполнена беженцами, царили голод, эпидемии, разруха, а тут ещё враг, не насытившись кровью армян **Западной Армении**, стоял уже в нескольких километрах от Еревана.

Ничто не могло спасти несчастную Армению. Стоял вопрос – жить древней цивилизации или её ждёт участь Византии?

Опустели сёла и города, все вышли на сражение с турецкими захватчиками. Армения одновременно вела сражения в трёх направлениях и выстояла. Три народные битвы: **Сардарапатская, Баш-Апаранская и Караклисская** – останутся навсегда в памяти нации. Народ верил в победу, и чудо свершилось: Всевышний оставил жить горстку армян во славу Веры и нации. Стотысячной турецкой армии Вехиба-паши противостояло двадцатитысячное армянское войско, вооружённое винтовками и пулемётами старой русской армии, примерно столько же

было ополченцев (священнослужителей, рабочих, крестьян, разночинцев, стариков, женщин, подростков), вооружённых бог знает чем – от винтовки до граблей. Вехиб-паша телеграфировал в Турцию, что в скором времени он «окончательно сотрёт с карты мира страну, именуемую Арменией»...

Моему отцу было семь лет, его брату – три, а сестре – годик, когда погибли все мужчины рода. В живых остались моя бабушка, трое детей, её брат и отец, то есть мой прадед. Каждое воспоминание о прошлом – это ноющая боль и страдание, заставляющее наше поколение стремиться жить во стократ лучше и побеждать. Наши предки погибали ради этого и только хорошей и свободной жизнью мы можем успокоить их души. Есть умное изречение: «Чтобы понять настоящее и предвидеть будущее, надо знать прошлое». И мы стараемся его не забывать, чтобы правильно построить путь в будущее.

Отец женился в 1939 году, а через два года ушёл на Вторую мировую войну, с которой пришёл раненым. Сколько помню себя, и он, и мама трудились в колхозе. Разрушенную войной страну поднимали почти бесплатно. Сейчас так никто не сможет работать. О войне отец рассказывать не любил, лишь однажды, не помню по какому случаю, у него вырвалось, что, пережив страх на войне, он осознал весь трагизм Геноцида своего народа. Он сказал правду: когда испытываешь на себе любое чувство, оно становится более понятным. Так случилось и со мной. После службы в армии (Кировабад) в десантных войсках я решил немного заработать в городе Горьком, а потом уехать в Армению, но остался, как видите, надолго. Это был 1975 год. Когда мама из моего письма узнала, где я оказался, прислала весточку, мол, куда тебя занесло, это ведь проклятое место! Оказалось, что моего деда в 1937 году раскулачили и выслали в Горьковскую область – в Сухобезводное. Надо же, какое совпадение! Я потом, в 1976 году, нашёл место, где предок отбывал высылку. И опять судьба преподнесла сюрприз: начальник первой колонии в Сухобезводном оказался внуком человека, который отбывал с моим дедом ссылку.

А дед умер в 1961 году.

До 1988 года я жил на две страны – рабочий сезон в России, остальное время – в Армении. В 1988 году уехал в Армению

раньше срока, обещал семье купить дом и съехать, наконец, из старого, прадедовского. Дом купили большой, у меня подрастали трое детей: два сына и дочь, да и мать хотел порадовать. Армянский мужчина должен быть кормильцем и добытчиком для семьи, иначе зачем ему звание мужчины? С шестого декабря у меня какое-то беспокойство появилось, долго не мог заснуть. Встал, взял книгу, которая оказалась интересной. Утром должен был отвести младших детей в детский сад, но поленился, решил дочитать книгу. Дети, Зораб и Марина, остались дома, а Григорий, старший, сам пошёл в школу. Я решил на автобусе съездить в Спитак, были какие-то дела. Когда ощутили первые толчки землетрясения, не сразу поняли, что это. Автобус потрясло и отпустило. Нам показалось, что с мотором неполадки. Потом, видим, навстречу машины мчатся, и гул непонятный, словно загудело и завывало из-под земли. Водитель автобуса проехал ещё немного и остановился, а люди из машин, что ехали по встречной полосе, кричат: «Спитака больше нет!» Не поверили, сели в автобус, помчались. Наш разрушенный Спитак стоял в дыму, огне, в криках и столах...

Не приведи Господь и врагу моему увидеть такую трагедию, увидеть то, что видели мои глаза, пережить то, что пережило моё сердце.

А дома тем временем мать и жена выскочили из дома, еле успев схватить детей. До школы было близко, но жене казалось, что она бежит вечность. Ноги подкосились, когда по дороге увидела развалины детсада... Школа покосилась набок, детей успели вывести. Отправив семью в Ереван, в городок для пострадавших, я все дни пропадаю в Спитаке. Мама ни на какие уговоры не поддавалась и осталась в пристройке дома, чтобы быть со мной рядом. Однажды, когда я усталый вернулся из Спитака и умылся, чтобы перекусить, мама попросила меня умыться заново, мол, на висках известь и пыль остались. Подошёл к зеркалу и не поверил – это была седина... Вот так и поседел в 36 лет. Теперь, когда смотрю в зеркало, волей-неволей вспоминаю Спитак. Не люблю зеркала...

В то время я получал от друзей из Горького телеграммы: сколько надо, столько семей и привози, поможем. До сих пор благодарен и друзьям, и российской власти как сегодняшней,

так и власти той поры, советской. После перестройки мода пошла – ругать СССР, а я думаю, что более высокой планки в человеческих отношениях мы никогда не брали и не возьмём. Умение дорожить дружбой и передавать её потомкам мы взяли с собой оттуда, из Советского Союза. Сейчас даже самые богатые и развитые страны не могут гарантировать своим гражданам бесплатное жильё, образование, медицину, работу и зарплату, а в СССР всё это обеспечивали. Ладно. Это, наверное, ностальгия по тем временам.

Из прошлого вот ещё что интересно. Меня, армянина, как гражданина России Горьковский областной комитет КПСС за участие в восстановительных работах по ликвидации последствий Спитакского землетрясения наградили автомобилем «Жигули». Даже номер приказа помню – 05. Я ведь тогда привёз сюда семью, а сам уехал назад, Армении мужские руки нужны были...

Армян в Нижегородской области по сравнению с большими мегаполисами немного, но мы стараемся держаться друг друга, помогать, делить вместе радости и горести. Наличие более десяти миллионов армян мира, сохранивших от исчезновения древнюю цивилизацию, веру, язык, национальную культуру, идентичность, убедительно говорит о соборности нашей нации. После Геноцида 1915–1923 годов армянам досталась одна десятая часть бывшей Армении. Но врагам показалось, что это слишком много для оставшейся в живых горстки армян (население в 1920 году не превышало 700 тысяч человек). И в 1921 году большевики устроили территориальный передел, передав устроившей Геноцид армянского народа Турции города Карс, Ардаган, Артвин, Сурмалинский уезд с большим и малым Араратом; Азербайджану – Нахичевань и Нагорный Карабах; Грузии – Джавахк. И после этого потерявшая почти всё Армения встала на ноги, собралась с силами, став примером мужества и самоотверженности. Из всех национальных соединений Советской армии только Таманская армянская дивизия участвовала в штурме Берлина. Армения, составляющая всего один процент населения СССР, во время Великой Отечественной войны дала Советской армии 60 генералов-армян, командовавших крупными армейскими со-

единениями. Все знают выдающихся советских полководцев – дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза, командующего Первым Прибалтийским фронтом И.Х. Баграмяна, адмирала флота СССР И.С. Исакова, главного маршала авиации С.А. Худякова (А. Ханверянц), генералов С. Гиносяна, Б. Арушаняна, Г. Мартиросяна, К. Ахназаряна, А. Бабаяна. Сто шесть Героев Советского Союза дал маленький лоскуток земли под названием Армения. В этой войне возмужал талант будущего главного маршала бронетанковых войск А. Бабаджаняна и будущего маршала инженерных войск С. Аганова. И понятно, что я с болью воспринимаю в канун Дня Победы лозунги о победе только русских над фашистами. СССР был нашим общим домом, родиной национальностей всех пятнадцати республик, и Победа у нас была и будет общей!

Я всегда говорю, что одновременно горжусь победами и печалюсь промахам как России, так и Армении. В нас, армянах, издревле заложен союз и братство с русским народом, я бы много говорил об этой армянской черте, но боюсь, что не все поймут меня правильно и сочтут за лесть.

Альвина ЕГИАЗАРЯН,
педагог, 50 лет

ДОЧЬ ВОЗРОЖДЁННОГО НАРОДА

Мою бабушку (по маме) звали Сусанна. Она родилась в 1903 году в городе Ван в трудолюбивой дружной семье. Я помню по рассказам старших, что отец бабушки Сусанны был педагогом, видно, поэтому во мне эта тяга к педагогике. Когда начались массовые погромы армянских городов и сел, армяне Вана, не желая разделить участь своих невинно убитых соотечествен-

ников, забаррикадировали все входы в армянские кварталы города и успешно отбивали атаки турецких регулярных войск. Сусанне было 12 лет, и она помнила, как женщины взяли на себя обязанности готовить для защитников еду, перевязывать раненых, чинить и шить одежду. Ван обстреливали не только с суши, но и с кораблей озера Ван. Вся надежда была на русскую армию, которая к маю 1915 года подошла к Вану, находившемуся уже месяц в осадном положении. Истощенные, усталые люди обнимались с русскими солдатами, плакали от счастья. Когда в середине июля русские войска получили приказ оставить город, армяне оказались в западне. Это означало или оставить свой дом и отступить вместе с войском, или остаться и погибнуть, защищая дом, семью, честь. Был выбран первый путь – Ван сдали туркам без боя. Отступая, армяне и русские солдаты стали свидетелями жестокостей и зверств, учинённых турками. Однажды ночью на сонных армян напали курды. Было убито много мужчин, защищавших свои семьи, женщины и дети разбежались, а когда под утро все разбежавшиеся собрались, то оказалось, что из пяти членов семьи Сусанна осталась в живых одна. С большими трудностями с другими осиротевшими беженцами она добралась в Азербайджан, в Дашкесанский район. Так вышло, что одна местная семья приютила скромную девушку. Она не боялась никакой работы и трудилась в саду, в поле, на огороде. Так прошло целых четыре года. По соседству с семьёй, в которой жила Сусанна, жил армянин-вдовец Аветис со своим сыном. Вскоре Сусанну выдали за него замуж. От этого брака родилось трое детей: две девочки, Такуи и Воски, и мальчик Ашот. Девочка Воски стала в дальнейшем моей мамой. Аветис, оглушённый гибелью своего большого рода, рано умер от инфаркта. Сусанна была безграмотной, но очень набожной, мудрой, терпеливой и доброй. Она сумела завоевать уважение односельчан, ей всегда помогали. Вскоре она со своими детьми переехала в город Ханлар, где, работая на нескольких работах, старалась дать образование своим детям. Кошмар Геноцида остался в другой её жизни, в которой когда-то жили её родители и родные. С ними для неё погас целый мир – сильный, духовный, мудрый, верящий в доброту и милосердие. Её преследовали мучительные воспоми-

нания о смерти родных и близких. Она была готова на любую работу, только бы выжить и поднять детей. Это была битва не только за их жизнь, это была битва за сохранение нации, будущего народа. Она, став в свои молодые годы главой семьи, смогла переступить через свою боль и дать своим детям то, что было в ней растоптано Геноцидом, – чувство собственного достоинства. Чувство, с которым живут с гордо поднятой головой. Её дети выросли хорошими и честными людьми. В них было сильно развиты чувства сострадания и доброты, любви к родине и преданности вере. Они очень любили свою маму Сусанну и часто забирали её к себе в гости. Несмотря на тяжёлое детство, голод и нищету, моя бабушка Сусанна оставалась ласковой и доброй. Мы часто расспрашивали её про родные места и родных, про изгнания и скитания. Она задумывалась, глаза наполнялись слезами и, стараясь уберечь нас от душевных ран, была немногословна:

– Когда мы уходили от турецкого ятагана, босые ноги кропоточили и болели страшно, ночью лежать на земле было холодно, приходилось вставать и прыгать, а на это не хватало сил. Всё время хотелось есть, от голода темнело в глазах.

Она обводила нас грустным взглядом и тут же начинала с благодарностью рассказывать про людей, которые ей помогали в дороге, делились последними крошками хлеба, поддерживали словами и молитвами, чтобы она не пала духом. Добрым словом она отзывалась о соседях-азербайджанцах и о своём рано покинувшем этот мир муже.

Когда в 1960-х годах началось строительство тоннеля Арпа–Севан, чтобы в озеро Севан, которому двадцать пять тысяч лет, начала поступать часть воды реки Арпа, её сын, то есть мой дядя Ашот, первым уехал в Армению, а вскоре перевёз и всю семью. Он всегда заботился о своих сёстрах и матери. Жизнь детей бабушки Сусанны сложилась хорошо. Они все получили образование, создали крепкие семьи, подарив своей маме десять внуков, а те в свою очередь подарили ей 25 правнуков. Я видела счастливые глаза бабушки, когда она встречала своих внуков и правнуков. Путая их имена, она смущённо улыбалась и говорила: какая разница, кого как зовут, главное, что вы у меня есть. Дочь изгнанного, но выжив-

шего народа, она была очень горда тем, что выиграла битву за жизнь и дала своей нации большое потомство образованных и преданных родине детей...

Постскриптум.

Раз уж речь зашла об озере Севан, хочется вспомнить еще вот что. Когда началось строительство каскада Разданских ГЭС (с чем и было связано понижение уровня воды в озере), учёные обнаружили на дне озера древние захоронения, это были колесницы, бронзовые изображения Вселенной, золотые и серебряные украшения, предметы обихода и останки людей, живших в III и II веках до н. э. А самое интересное случилось потом, когда методом пластической реконструкции восстановили лица: результат всех потряс. Древние лица являли собой два основных типа – армянский и русский. Вот так-то! Русские и армяне и до нашей эры были вместе!

Нелли и Наринэ ИВАНЯН,
медицинские работники, 55 и 51 год

НАШИ ПРЕДКИ БЫЛИ АРМЯНСКИМИ ГРЕКАМИ

Небольшой исторический экскурс. Пути двух народов, армян и греков, исторически пересекались всегда. Известно, что на протяжении веков в Греции существовали армянские этнические общины, а в Армении – греческие. По историческим данным, армянский царь Тигран Великий создавал для греков все условия существования в армянской среде как для честного и порядочного народа. Более известное массовое

переселение греков на Кавказ началось в XVI веке, когда в результате гонений и преследований со стороны турок-османов сотни тысяч греков переселились в различные уголки Северного и Южного Кавказа, в том числе и в Армению. Первые компактные поселения греков в Армении появились после 1763 года, когда грузинский царь Ираклий II пригласил греков-горнопромышленников из Гюмушхане (**Западная Армения**). 800 семейств турецких греков переселилось на территорию нынешней Армении и Грузии. В конце XIX века начался новый отток греческого населения из османской Турции. Новые беженцы основали греческий квартал в городе Александрополе, назвав его Урмонц, там вначале было 363 греческих дома. В греческой части города были бани, греческие школы, греческая православная церковь. В Александропольском уезде увеличилось также число сельских жителей, которые до начала прошлого столетия проживали в чисто греческих селах Ала-Килиса, Сарибаш, Баяндур и Байтар.

А теперь о наших предках. Они были из села Байтар. Фамилию Иванидис носили представители большого рода, который одним из первых поселился в этом селении в 1870 году. Говорят, что название Байтар происходит от греческого «целитель коня». Историю о больном коне мы, конечно, не знаем, но то, что в 1918 году род Иванидис состоял из нескольких семей, знаем хорошо из рассказов отца. Если взять семью нашего деда из семи человек, семьи его двух братьев и сестёр, получается около 25 человек, не считая двоюродных и троюродных родичей. Байтар находился на северо-западе Армении, почти у границы с Турцией, в Ширакском марзе (области), и только потом, в 1930 году, село вошло в Амасийский район. Время было тревожное. Под покровом Первой мировой войны турки в 1915 году учинили Геноцид армян – море слёз и крови, сотни тысяч беженцев переселились в **Восточную Армению**. Местное население помогало беженцам и сиротам чем могло, жители Байтара одними из первых собрали гуманитарную помощь. В начале 1918-го пошли слухи, что русские войска получили из Москвы приказ о выходе из войны и скоро покинут границы, а до границы рукой подать. Это было время, когда в России победила революция. Русские солдаты и правда поки-

дали границу. К весне в Александрополе появились беженцы из Западной Армении и из Карса. Они рассказывали о зверствах турок ужасные истории, от которых стыла кровь. Но все надеялись, что резня их не заденет.

Казалось, все чёрные тучи мира ступились над Арменией. В тот день наша бабушка собралась в город, а с нею пошли её брат и две золовки. Хотелось узнать последние новости, да и по хозяйству кое-что купить, когда под вечер решили вернуться – не вышло. Навстречу со стороны границы шли и бежали беженцы, а за ними отступали армянские воины: усталые, грязные они кое-как сдерживали натиск идущих по их пятам превосходящих по силе турецких войск. Наша бабушка была боевой женщиной: решив во что бы то ни стало проскользнуть в село, она уговорила брата и золовок спрятаться в горах. Только на следующий день они смогли дойти до села, которое было превращено в кладбище. Всё население было вырезано турецкими войсками – осталось человек восемь-девять. Из рода Иванидис остались в живых наш дед и его двоюродный брат. Не будем рассказывать, что пришлось пережить оставшимся в живых, чтобы похоронить всё село... В процессе развязанной Турцией **турецко-армянский войны 1920 года** кемалистские войска 30 октября заняли Карс. Турки тогда истребили восемь тысяч армян, было вывезено почти все движимое имущество. Часть избежавшего гибели армянского населения вынужденно эмигрировала, другая была депортирована турецкими властями. Именно беженцы из **Карса** в 1920 году заселили Байтар. Постепенно село ожило...

В 1923 году родился наш отец Николай Иванович Иванидис. В июне 1941 года, когда началась Великая Отечественная война, наш отец только окончил школу и рвался на фронт. Нужно сказать, что мужчин из национальных меньшинств, к которым относились тогда и греки, на фронт брали неохотно. В военкомате ему отказали, и тогда он при получении паспорта (в 18 лет) написал заявление, что хочет поменять фамилию. Вот таким образом мы стали Иванян. На фронт Николай Иванян ушёл уже в январе 1942-го. Ему выпала честь служить и сражаться в армянской 89-й стрелковой Таманской Краснознамённой ордена Красной Звезды дивизии – одной из шести

армянских дивизий в ВС СССР. Его военный путь начался с битвы за Кавказ (1942–1943) и закончился в Берлине победным армянским танцем «кочари» у стен рейхстага. Он не раз был ранен, но как только вставал на ноги, возвращался к своим товарищам. После победы Таманская дивизия вернулась в Армению, пройдя в ходе войны путь в 7250 км, из них 3640 – с боями, освободив более 900 населённых пунктов. Всем этим очень гордился наш отец. Вернулся он в село весь в орденах. «И врагу не пожелаю столько бед и такого кровопролития, – не раз говорил он, – пусть будет проклят тот, кто придумал войну, кто жаждет войны». Женился он после войны на скромной и трудолюбивой девушке Шушаник Алексанян. Её отец погиб в 1941 году, и мама, наша бабушка Санам, подняла одна семерых детей. Наши родители были примерными и в работе, и в воспитании своих детей. О них не раз писали в местной газете «Ашхатанк» («Труд»). Потом родились мы: четыре сына и три дочери. Отец после войны мог поменять фамилию на свою прежнюю, но не захотел. На наши вопросы, почему он этого не сделал, отец отвечал: «Какая разница, какая у вас фамилия, главное, чтобы вы людьми хорошими были».

Сейчас мы, дети Николая и Шушаник Иванян, уже взрослые люди, у всех у нас свои семьи. Наша сестра Меланья, переехавшая после землетрясения 1988 года из Армении в Кемерово, почилла в 1995 году. Наш старший брат Алексан живёт с семьёй в Смоленске. Он врач, академик. Братья Радик и Эдуард живут в Кемерове, первый по профессии геолог, второй – юрист, генеральный советник МЧС. Четвёртый наш брат Рафик остался на родине, в Амасии – он работает в газораспределительном секторе. Мы разбросаны по разным городам, но всегда помним слова нашего отца. Если он в те страшные годы смог вместе с мамой выстоять и не потерять человеческого достоинства, так разве можем мы подвести своих родителей?

Саркис РУБИНЯН,
дорожный строитель, 55 лет

ОНИ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В ЦЕРКВИ

Мой прадед Санасар родом из города Айнтапа, а прабабушка Гегануш – из армянского села Айнтапского вилайета. К сожалению, названия села я не знаю. Они познакомились в церкви. Перед Геноцидом в Айнтапе было несколько армянских церквей. У Гегануш долго болел младший брат (восьмой ребёнок семьи), и родители решили отнести его в церковь, поставить свечки за здоровье и чтобы священник прочёл над ребёнком «**Нарек**». Пока родители с ребёнком были у священника, Гегануш вышла во двор, ей тогда было 16 лет. Мой прадед был дьяконом в церкви. Был будний день, и двор был пуст. Санасар подошёл к девушке и спросил, не надо ли ей что-нибудь. Она попросила воды. До Айнтапа они шли часа два и очень устали. У молодых людей завязался разговор, а через два месяца они поженились. Семья Санасара жила в достатке и всегда помогала родителям Гегануш. Это было в 1913 году. Вскоре у них родился сын, которого назвали Тиграном. Перед депортацией 1915 года Санасар приходил домой обеспокоенный, так как турецкое население в последнее время словно подменили. То камнями забросали церковь, то избили ни в чём не повинных прихожан, когда те выходили со службы, то на окраине города устроили погром. Турецкие власти на всём закрывали глаза. Санасар предчувствовал катастрофу и однажды сказал жене, чтобы она сшила себе пояс, в который можно было бы вшить золотые монеты. Гегануш так и сделала. В тот день она, покормив Тиграна, уложила его спать, и тут с улицы послышались шум и плач. Гегануш вдруг вспомнила про пояс, ей словно кто-то приказал надеть его. Только она успела сделать это, как в дом ворвались турецкие солдаты. Приказав ей оставить дом, они устроили обыск. Ге-

гануш схватила сына и выскочила во двор, где уже шла бойня. Она побежала к церкви, но ей не дали сделать и десяти шагов, загнали в толпу. Толпа росла, Гегануш искала своих. Тут она увидела свёкра, он был весь в крови. Оказалось, он был в церкви, когда на неё напали турки, многих убили, и среди убитых были священник и дьякон, то есть Санасар. Гегануш зашлась плачем, но свёкор сказал ей, что теперь вся надежда на неё, что она во что бы то ни стало должна спасти Тиграна и вырастить его. Гегануш вместе с депортированным населением удалось дойти до Алеппо, где она стала бесплатно работать в детском доме, чтобы не умереть с голоду. Доставать монеты из пояса она боялась: за сокрытие золота турки могли и убить.

Но если бы не те монеты, вшитые в пояс по совету мужа, Гегануш не смогла бы попасть на корабль, идущий в Батуми, а оттуда – в Армению. Она прожила длинную жизнь – 88 лет и умерла в 1985 году в Гюмри (Ленинакан). О зверствах и насилии она рассказывала мало, больше говорила о красоте своей родины. Однажды мой отец Санасар – внук Гегануш, названный так в честь своего деда, – попросил её рассказать, как погибли его предки. Гегануш немного помолчала, а потом ответила:

– Они были мучениками и погибли во имя веры. Не ждите рассказов, человеческому разуму не под силу воспринять то, что вершилось в то время сатаной.

В тот день она долго молилась. Она была верующим человеком, не то что мы, её внуки и правнуки. Как-то раз, когда она долго молилась, моя тётя Вард, пожурила её, жалея, мол, хватит, сколько можно стоять на коленях, устанешь! Гегануш, которая была сама доброта, не выдержав, ответила:

– Но ведь надо кому-то за вас, безбожников, просить и каяться!

Иногда, вспоминая свою Гегануш-бабу, так мы её называли, я думаю, что хорошо, что она умерла в 1985-м и не увидела смерти своего сына Тиграна, которого любила до умопомрачения. Дедушка Тигран и бабушка Амалия, его жена, погибли во время землетрясения в 1988 году. А мои родители Санасар и Азгуш Рубиняны, оба 1939 года рождения и оба корнями из Западной Армении, в январе 1989-го уехали с тремя детьми

в Подмоскowie, откуда через десять лет переехали к дальним родственникам в Сергач, а потом уже в Нижний Новгород.

Ещё одно мне запомнилось из прошлого. Когда не стало Гегануш-бабо, мы все потерялись и стали беззащитными. Стало как-то неуютно и страшно жить, ведь за нас, кроме неё, никто не молился и не каялся...

Гегецик АНДРЕАСЯН,
медицинская сестра, 40 лет

КАК МАЛО НАДО ЧЕЛОВЕКУ ДЛЯ СЧАСТЬЯ

(из рассказов моей свекрови Гаяне Авакян)

1914 год. Турция. Город **Ван**. Осенний воздух пропитан ароматом фруктовых садов Айгестана. Урожай был почти собран, амбары наполнены. Люди в преддверии окончания осенних работ наконец-то повеселели. В садах то тут, то там слышались шутки, песни. Армянский квартал Вана Айгестан благоухал множеством садов. Дом зажиточного армянина Мурада Авакяна, которого все в городе знали как Мурад-пашу, тоже был погружён в хозяйственные хлопоты. Мурад-паша то спускался в подвал, то навещал амбары, где сортировали фрукты, то останавливался возле работников, которые складывали для засолки рыбу тарех, пойманную в озере Ван. Осмотрев хозяйство, он отдал приказ выделить из всего добра часть для своей старшей дочери Арусяк, которая была замужем за сыном его близкого друга Арменака. Хозяйка дома Гаяне тоже с утра хлопотала по дому. Отдав последние указания служанкам, она наконец села на тахту у открытого окна. Свежий вечерний ветерок заиграл прядями её светлых

волос, выбившимися из-под платка. Гаяне была певуньей всем на диво и могла петь всё время. Вот и сейчас она не удержалась и запела:

За водой пошла на закате дня,
Мой Мурад уж с поля шёл,
Поздоровалась, сгорая от любви,
Да он мимо прошёл...

Дети Ованес, Аршак и Арусяк, пришедшая проведать семью, услышав пение матери, вошли в дом и стали просить, чтобы она спела ещё. Но тут вошёл Мурад-паша, который с утра был почему-то не в духе. Казалось, что даже собранный богатый урожай его не радовал.

– Мурад, – обратилась к нему Гаяне, – ты случайно не болен? Что-то ты с утра мне не нравишься. Сходил на рынок, а вернулся, словно подменили тебя.

Мурад посмотрел вслед детям, а потом сказал:

– Вести плохие, жена. Турки с началом войны (**Первая мировая война** началась в конце июля 1914-го) как с цепи сорвались. Никогда ещё не накалялась так обстановка. Из других городов армяне идут. Бросили всё – и дом, и нажитое добро, лишь бы спастись. Говорят, совсем невыносимо жить стало, то погромы, то кражи. Уезжать надо отсюда, чувствую, что беда большая идёт.

– Ты же говорил, что турки обещали не трогать нас, – взволновалась Гаяне.

– Не верю я им. Изменились они. Даже сосед после вчерашнего спора косится.

– И зачем ты стал хвалиться своей нацией, – покачала головой Гаяне, – знаешь ведь, не любят они этого.

– Я не виноват, если они завидуют, что мы к знаниям тянемся. Из наших почти все в городе или земледельцы умелые, или ремесленники. Мы ещё в IV тысячелетии до новой эры медь плавить умели, а во II тысячелетии из железа такое делали...

– Ну вот, снова ты начал, – улыбнулась жена, – лучше расскажи, что на рынке слышно?

– О предательстве армян всё говорят, мол, к русским переметнулись. А к кому нам поворачиваться лицом, как не к единоверцам? Уезжать надо. Отправлю я тебя с детьми в Урмию к твоему брату, а там и сам приеду.

– Не хочу уезжать, не время, Мурад, – тихо ответила она.

– Пойми, это не шутки, что значит не время? – удивился Мурад.

Узнав, что жена в положении, Мурад успокоил ее светлой улыбкой, но от решения своего не отступил. На следующий день к ним нагрянули янычары. Под предлогом, что они голодны, устроили пир, потом набрали с собой припасов и, усмехаясь, пообещали, что скоро вернуться. Мурад не стал ждать их возвращения и в ту же ночь отправил Гаяне с сыновьями и двумя служанками к брату. Вскоре она узнала, что в Ванском вилайете турки устроили массовую резню армянского населения. Погиб и Мурад со всеми людьми дома, который был разорён и ограблен. Как ни пыталась узнать что-то о дочери Арусяк, ничего не вышло. Убитая горем Гаяне с помощью брата перешла границу и добралась до Баку, где поселилась с несколькими армянскими семьями у железной дороги, в небольших станционных домиках. Здесь она и родила дочь, которую назвала Назели. Вести из **Западной Армении** шли ужасные. Их приносили армяне, которым удалось уйти через границу. Гаяне и другие армянские семьи решили повременить с уходом в другие места, а вдруг из родных кто-нибудь да и вырвется из огненного кольца?..

1915 год. По высохшей от жары дороге чёрной змеей ползла колонна измождённых женщин и детей. Мужчин в колонне не было, лишь несколько стариков, чья жизнь была на исходе, замыкали траурное шествие. Посреди колонны несколько женщин, прикрывая собой молодую голубоглазую роженицу, старались как-то ей помочь. Дыхание её прерывалось, ноги опухли, лишь изредка из пересохших губ вырывалось: «Боже, не оставь меня...» Бедная не знала, откуда берутся силы идти. Ещё недавно у неё на глазах убили мужа и свёкра, которые пытались вывести группу женщин и детей из окружённого турками Вана. Многих убили, мальчиков отобрали и увели, а их погнало в неизвестность. Удивительно было то, что турецкие

солдаты, сопровождающие депортированных армян, её пока не заметили. Люди были наслышаны о том, как издевались над беременными, и просили молодую женщину не останавливаться. Наступила ночь. Обессиленные люди упали на каменистую землю. Солдаты расположились в стороне, после выпивки и еды заснули. Патрули ушли в темноту. Женщины собрались вокруг роженицы.

– Потерпи, Арусяк, потерпи милая, – уговаривали её, – только не кричи, не то пропадёшь и младенца загубишь.

Стояла плотная тишина, даже кузнечика не было слышно, и вдруг в этой тишине раздался плач младенца. Один из турецких солдат поднял было голову, но крик прервался, и голова турка опустилась на свёрнутые в подушку вещи.

Женщины обтёрли младенца и, завернув его в разорванные нижние юбки, приложили к груди беззвучно плачущей матери. Утром ребёнка привязали к ней так, чтобы он всё время сосал грудь и не плакал. Прошло пять дней. Каждый день из колонны выбывали люди. Кто падал, того добивали выстрелами. Турки веселились. Впереди курдская деревня – можно было многих ещё продать. Но тут раздалась пальба. Все упали на дорогу, не зная, смерть это или свобода. Оказалось, группы гайдуков патрулировали дороги, чтобы освободить депортированных армян. Спасшуюся группу сопровождали до Чёрного моря и на пароходах отправили в Баку. Попад в город, Арусяк услышала, как люди говорили, что больше всего армян-беженцев живёт у вокзала, и направилась туда: а вдруг встретит кого из родных или знакомых? Ей срочно надо было выкупать и покормить малыша, у неё пропало молоко, и ребенок был голоден. Каково же было её удивление и счастье, когда она услышала голоса братьев и мамы:

– Аствац им (Бог мой), неужели это ты, доченька!

Арусяк окружили незнакомые люди, которые вместе с Гаяне плакали, у каждого из них было своё горе и своя боль. Семья несколько дней не могла отойти от радости встречи. Арусяк не знала, что у неё появилась сестра, а Гаяне не могла нарадоваться на внука, которого Арусяк, исполняя волю погибшего мужа, назвала в честь свёкра – Арменак. Мать и дочь несколько ночей напролёт говорили о прошлом, вспоминая

свою жизнь и родных. Арусяк рассказала матери о том, как погиб отец и родные, как их, беженцев, освободили гайдуки. Гаяне стала кормить грудью и дочь, и внука. Боясь, что Арусяк могут украсть азербайджанцы (а такие случаи уже были), Гаяне через год выдала дочь замуж за работающего парня из Вана, оставив у себя внука. А Арменак рос не по дням, а по часам. Он тянулся к знаниям и очень хотел учиться.

– Вот отложу немного денег, а там и ты подрастешь, отправлю тебя в Ереван, – говорила не раз Гаяне. Но забот было много. Выросли сыновья, которым надо было помочь обзавестись семьями, нужно было купить приличный дом, ибо непристойно семье Мурада Авакяна жить в захудалом вокзальном домике. Многие армяне остались жить в Баку, и вскоре образовался целый двор с армянскими домами, который так и стали называть «Ванеци хаят», то есть двор ванских армян. Прошло 15 трудных полуголодных лет. Арменак вырос, но по-прежнему, несмотря на то что знал правду о своём усыновлении, звал Гаяне мамой, а Арусяк была для него как старшая сестра. Арменак учился в русской школе, знал русский, азербайджанский и армянский языки, да только писать и читать по-армянски не умел. Он не раз слышал рассказы близких о прошлых скитаниях, о погромах, и сердце его разрывалось от обиды за всех армян. Видно, оттого, что он часто думал об этом, его тянуло в Армению. Он с завистью смотрел на пассажиров, садившихся в поезд Баку–Ереван, грустным взглядом провожал вагоны, решив, что однажды всё равно уедет на родину. Он никак не мог представить себе картину, чтобы всё вокруг было армянским. Он знал, что **Восточная Армения** – это не **Западная Армения**, где жили и погибли его предки. Но его тянуло туда словно магнитом. Было ещё одно обстоятельство: хотя он и не видел Геноцида, он ощущал какую-то неполноценность перед другими нациями, не переживавшими изгнания и унижения. И чтобы обрести себя, изгнать из оскорблённой души негативные чувства, ему нужно было знать, что он не беспризорник, что у всех армян есть Родина.

Он с детства помнил мамину колыбельную, напоминавшую ему о бедах далёкой родины. И провожая поезда, он тихо пел эту песню, которая совсем не была похожа на колыбельную:

Нагруженный слезами караван прошёл,
Дойдя до пустыни, пал от усталости.
Ах, от бед наших и невыносимых зол
Не плачь, я плакал за всех, крича от ярости...

1930 год. Ереван. Молодой пассажир поезда Баку–Ереван оглядывался вокруг. Его толкали, ругались, но он смотрел во все глаза на здание вокзала и людей. Армянская речь, слышная со всех сторон, заставляла его всё время улыбаться. Он был счастлив. Арменак, так и не дождавшись обещанной матерью отправки на родину, сбежал из дома. Поток людей вынес его на привокзальную площадь, откуда он с широкой улыбкой на лице пошел куда глаза глядят. Люди улыбались ему. Весь день он шагал по улицам, всматриваясь в лица людей, слушая армянскую речь, армянский смех. Зайдя в арку большого двора, он увидел колонку с льющейся без остановки водой. Обрадовавшись, напился, умылся и пошёл дальше. Он не заметил, как прошёл день. Было светло, но солнце уже садилось. Арменак не знал, что делать дальше, и пошёл по памяти к вокзалу. В животе урчало от голода, но душа его пела! Он всегда хотел жить на своей земле, говорить на своём языке, слушать армянскую музыку и песни, чувствовать, что он не гявур и не сирота, а гражданин своей страны. В зале ожидания было много свободных мест, он устроился на одном из них и заснул. Проснулся от громкого разговора: прибыл очередной поезд, шумно спешили домой пассажиры. Светало. С закрытыми глазами он снова с улыбкой вслушивался в армянский язык.

– Слушай, парень, не сможешь вещи донести? – кто-то похлопал его по плечу.

Арменак открыл глаза. Да он не ошибся, спрашивали его.

– Почему нет, помогу, – вскочил он.

– Вот спасибо, – обрадовался мужчина, – помоги, сынок, молодец, не люблю приезжать ранним утром. – Мужчина был среднего роста, коренаст и, как показалось Арменаку, с добрым и весёлым лицом. – А я не помешал тебе? – вдруг спохватился мужчина, – можешь ведь на свой поезд опоздать, куда направляешься, далеко?

– Нет, – покрутил головой Арменак, – не опоздаю. Я ведь никуда не уезжаю. Вчера утром из Баку приехал.

– Ты что, весь день на вокзале просидел? – мужчина даже остановился.

– Нет, почему же, я ходил, смотрел, слушал...

– Что слушал? – не понял мужчина.

– Армянскую речь. Она очень красива. Я тоже говорю на этом языке, но, как видите, не так красиво. Но я обязательно выучусь говорить по-армянски и научусь чтению и письму.

– И откуда ты такой взялся? – удивился мужчина.

– Я из дома сбежал, – зачем-то признался Арменак и покраснел.

– Зачем сбежал, не отпускали?

– Нет, мама бы отправила, да только потом, а я сейчас хочу... Я учиться хочу здесь, в Армении, на своей родине, среди армян, но только у меня здесь никого нет, и с чего начать, не знаю.

– А ты уже начал свой путь, – серьёзно сказал мужчина. – Зови меня дядей Варданом. Ты будешь учиться, обязательно будешь. И жить будешь на своей земле. А документы у тебя хоть есть?

– Есть, – юноша замялся, но потом, посмотрев на мужчину, сказал: – Мне в Баку фамилию поменяли, там написано Аваков, а я Авакян. Авакян Арменак Мурадович!

Мужчина, словно споткнувшись, остановился.

– Да ты, сынок, самый что ни есть армянин, а фамилию мы поменяем, чтобы ты спокойно жил. – Он, качая головой, всё смотрел и смотрел на Арменака. – Ну, ты и фрукт!

Пройдут годы, и всё, что предсказал дядя Вардан, который стал для Арменака ангелом-хранителем, сбудется в жизни юноши. Он поступит работать на завод, где работал дядя Вардан, и будет учиться заочно. Выучится писать и читать на родном языке, поступит на хорошую работу, женится. У него родятся двое сыновей и две дочери. Арменак настоятельно приглашал маму Гаяне к себе жить, но та привыкла к Баку, где пустили корни двое её сыновей и дочь Арусяк, у которых были уже свои большие семьи. И только в 1990-х годах, когда начнутся погромы в Баку и все армяне переживут неверо-

ятный шок от повтора Геноцида 1915-го, многие оставшиеся в живых из семьи Мурада Авакяна уйдут в Армению, чтобы снова начать жизнь с нуля.

Кровавый XX век – он закончился для армянского народа так же, как и начался. В истории Армении выстроится ещё одна длинная цепь географических названий, каждое из которых вызывает боль и недоумение: как стал возможным Геноцид армян в **Сумгаите**, Шамхоре, Баку, Кировабаде, Марраге, Шаумяне и Геташене, отдельных частях Мардакертского и Мартунинского районов? Можно вспомнить случаи жестокости, можно предъявить много документов и свидетельств, гневно осуждающих преступления против мирного армянского населения в Азербайджане и **Карабахе**, можно выявить множество темных пятен в истории кровавых преступлений против армянского народа в XX веке, но что это даст? Что надо сделать, чтобы зазвучал всемирный набат? Что надо сделать, чтобы не повторялись рождённые Геноцидом трагические судьбы?

Прошло много лет. Я, Гегецик, невестка семьи Авакян. Мою свекровь зовут Гаяне, и она дочь Арменака, поведавшего ей эту историю. Моя свекровь очень похожа на свою бабушку Гаяне и даже голосом пошла в неё. Арменак часто сажал любимую дочь напротив и просил её спеть что-нибудь из бабушкиного репертуара. Особенно он любил песню о Мураде, которую бабушка передала своей внучке. Моя свекровь Гаяне Авакян живёт во Франции. Узнав, что у нас в Нижнем Новгороде готовится к изданию книга воспоминаний о Геноциде, она попросила передать автору это повествование о судьбе семьи Авакян, что я и сделала. И еще передаю её слова:

– В жизни бывают моменты, когда мы сетуем на свою жизнь и судьбу. Нам многое в ней не нравится, и мы начинаем ломать её, устраивать по-своему. Мы иногда и сами не знаем, чего хотим: до каких высот добраться, какими бриллиантами мира обладать, в сколько этажей построить дом... Но забываем о самом сокровенном и нужном. Я часто вспоминаю слова моего отца Арменака: «Ничего не хочу в этом мире, кроме куска чёрного хлеба, который я смогу съесть на своей земле, в мире и покое, без страха и ущербности, с молитвой к Богу

на устах». Оказывается, как мало надо было нашим предкам, чтобы чувствовать себя счастливыми, и как можно забыть, что они были лишены самого простого и самого великого – мира и душевного покоя на своей земле. Вечная им память.

Месроп АТОЯН,
инженер, пенсионер, 68 лет

ОЖИДАНИЕ ТРЁХ ПОКОЛЕНИЙ

У каждого народа есть своя историческая проблема. Но такой, как у нас, нет ни у кого. Вы спросите, в чём заключается «армянская проблема»? Я вам отвечу: в признании Геноцида.

Во время депортации армян из **Вана** моя бабушка Антарам несла на руках годовалого ребёнка, дочку. Ребёнок был голоден, так как от переживаний у Антарам пропало молоко. Турецкие жандармы, что сопровождали колонну армян, всё время кричали и подгоняли отстающих. Тех, кто ослабел, тут же убивали. У одной женщины вырвали из рук плачущего ребёнка и убили, ударив о камни. Мать ребёнка подняла с земли острый камень, кинулась на жандарма и ранила его. Тут подоспели другие жандармы и стали избивать женщину прикладами. Когда она упала бездыханной, они набросились на несчастных людей, нанося удары прикладами налево и направо. Антарам испугалась, что её и ребёнка ждёт та же участь, и когда дочь стала хныкать, она сделала глубокий надрез на пальце руки и сунула палец ребёнку в рот. Ребёнок стал сосать палец и вскоре затих. Антарам не помнит, сколько они шли, но точно помнит, что на каждом из её пальцев было по два-три надреза. Так своей кровью она спасла дочь, то есть мою маму.

Всю свою жизнь бабушка Антарам вспоминала кошмарную дорогу депортации, оплакивала невинно погибших, проклинала извергов. До Геноцида их семья насчитывала 12 человек, а остались в живых она и дочь. Её отца, мужа и свёкра убили за день до того, как они лишились крова. Вызвали к старосте всё мужское население села – мол, военное время, идёт перепись мужчин, а потом вывели за село и расстреляли. В советское время тема Геноцида находилась под запретом. Моя бабушка и мама украдкой мечтали о своей родине. Бабушка столько рассказывала о родных краях, что мы наизусть выучили, какие деревья росли в саду, какой чистой и холодной была вода в их роднике, какие красивые девушки были у них – со всей округи приезжали свататься. В апреле 1965 года в Армении впервые на государственном уровне было отмечено 50-летие Геноцида армян. По инициативе Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Вазгена Первого на территории Первопрестольного Святого Эчмиадзина был установлен крест-камень «Хачкар молитвы и обета» памяти армян, ставших жертвами злодеяния в 1915 году.

Мы с сестрой и братом сделали бабушке и маме сюрприз, повезли их в Эчмиадзин в конце мая. Бабушка и мама, вытирая всё время катившиеся слёзы, очень долго стояли у хачкара. Весь июнь бабушка жила в ожидании, что вот оно и свершится скоро – возвращение на родину. Бабушка умерла в июле 1965 года, ей было всего 70 лет, и она была здорова, как нам казалось. Но у неё не выдержало сердце.

Возвращения не дождалась и мама, умершая в 2005 году. Ей шёл 91-й год, а армяне отмечали 90-летие Геноцида. В дни поминовения жертв Геноцида Католикос всех армян Гарегин Второй на территории Цицернакабердского мемориала совершил обряд освящения памятного камня часовни, которую посвятили светлой памяти жертв Геноцида. Принимавшие участие в церемонии высокопоставленные представители Русской, Греческой, Сирийской и Англиканской церковью вместе с армянскими священнослужителями вознесли к Богу молитву об упокоении невинных жертв Геноцида.

Сейчас 2014 год, скоро столетие Геноцида. Армяне не дождались от турок извинения за деяния их предков, но, если

честно, теперь армянам не нужно это извинение: они требуют свою родину, свои дома на прежних землях. **Армянский вопрос** созрел настолько, что говорить о Геноциде устали, надо действовать.

Артём ГРИГОРЯН,
сотрудник МВД, 33 года

О МОЛЧАНИИ НА ТЕМУ ГЕНОЦИДА АРМЯН

Я родился и вырос в Армении, в посёлке Арагац. После того как я окончил десятый класс, наша семья переехала в Нижний Новгород, подтолкнул нас к этому переезду экономический хаос постсоветской эпохи...

Мы начинали с нуля. Мы – это мои родители, два брата и сестра. Многие говорят, что им было тогда трудно, да и сейчас нелегко в России. Нам было трудно только в материальном плане. Русским языком мы владели, так как русский язык в Армении всегда считался вторым родным языком, сказалось и то, что мама – преподаватель русского языка и литературы. Постепенно мы встали на ноги. Появились друзья, знакомые, сокурсники, а теперь уже и сослуживцы. О Геноциде в нашей семье говорят нечасто, это больно, но каждый раз в поминальные дни и 24 апреля мы почитаем память безвинно погибших и тех, кто в труднейших, а порой нечеловеческих условиях с честью и невероятным мужеством отстаивал священное право на жизнь.

Родные моего отца из **Карса**, а родные мамы – из **Тарона**. Так что можно считать, что корни нашей семьи там, в **Западной Армении**. Иногда, когда я думаю о судьбе своих предков,

я поражаюсь, как же могла случиться такая объёмная по масштабу трагедия, кровавая и жестокая. Неужели во всей Турции не нашлось адекватных людей у власти, чтобы остановить эту бойню? Дело совсем не в том, что турки были мусульмане, а мы христиане. Посмотрите, сколько в России национальностей! Россия испокон веков была образцом мирного созидания и процветания многих народов и цивилизаций. Каждая нация вносит в общее строение нашего государства свою культуру, интеллектуальную мысль, творческий и экономический потенциал. Разве это неправильно?!

И ещё одно меня удивляет, но уже в своём народе: как могла нация столько лет молчать? Я не могу этого представить. Даже когда теряешь одного родного человека, кричишь от боли, а тут потерять народ, земли, потерять родину – и молчать? Неужели страшнее Геноцида может быть ещё что-то? Я родился в 1981 году и не застал то страшное время запрета. Сколько помню себя из школьных лет, 24 апреля мы всей школой поднимались на гору Бухут (Артин лер) и к ночи зажигали большие костры, иногда пищей для них служили большие старые шины и автопокрышки. Сидя у костра, мы всю ночь рассказывали истории о своих родных, погибших во время Геноцида, пели патриотические песни о наших отважных **фидаи**. Педагоги рассказывали о городах, оставшихся в плену, об огромной рассеянной по миру нашей диаспоре, эмигрантах, усыновлённых в других странах. Мы были подростками, но стыд за свою нацию, злость за своё бессилие и ненависть к врагу мы пережили впервые тогда. Поэтому я понимаю возмущение и ненависть к нам, армянам, турецкой молодёжи, которой никогда не рассказывали правдивой истории. Информация о Геноциде 1915 года вычеркнута из истории турецкого народа. Многие в Турции до сих пор не знают, что армяне в Турции – это не вторгнувшийся из другой страны народ, а древняя цивилизация, жившая на своей земле. Учебники истории Турции представляют школьникам историю о жестоком армянском народе, который пришёл завоевать их родину. Поэтому современные турки и говорят, что армяне хотят захватить их страну, что мы требуем их земли. Понятно, что каждая нация пытается доказать миру, что именно она права. Однако в нашем случае это не дискуссион-

ный вопрос – слишком много фактов и документов подтверждают истину. Правдивая информация всё же просачивается в слои школьников, студентов, граждан Турции. Одних эта информация заставляет врать дальше, других поражает, что официальная история может быть ужасной ложью, а в ком-то она оставляет глубокие разрушения, потому что в такую жестокую правду очень трудно поверить. Трудно поверить и ответить на вопрос: как и куда делся народ, о численности которого официальная статистика приводит такие данные: до Первой мировой войны на территории, ныне называемой Турецкой республикой, количество армян местами доходило до 30 процентов общей численности населения. По данным 1914 года, в Османской империи только у армянского населения было 2538 церквей, 451 монастырь и 2000 школ. Христиане – армяне, греки и ассирийцы – составляли как минимум четверть населения Турции. Что случилось с этим народом?

И всё же в вопросе молчания не надо катить бочку только на турок, давайте вспомним, почему мы молчали столько лет! Насколько я знаю из истории, о Геноциде в Армении стали без страха говорить только после 1965 года, и то благодаря тогдашнему первому секретарю ЦК Коммунистической партии Армении Якову Заробяну. Яков Заробян сделал по тем временам немислимый героический шаг – Армения на государственном уровне отметила 50-летие Геноцида! До этого не то что отмечать скорбную дату, но даже публично упоминать о Геноциде армян в СССР было опасно. Плюс ко всему по его инициативе началось сооружение Мемориала жертв Геноцида в Цицернакаберде (Ереван). В советские годы обращение к вопросам Геноцида воспринималось как пропаганда армянского национализма, вследствие чего ни армянская, ни советская историография 1920–1950-х годов почти не обращалась к теме **Геноцида и депортации армян 1915 года**. В результате проблемы истории армянского населения Западной Армении остались за бортом, вне сферы внимания исторической науки. Основным объектом изучения была Советская Армения, но и эту тему освещали лишь в тесной связи и закономерностями исторического развития России. Продолжительное время народ был лишен возможности узнать что-либо об армянском национально-освобо-

дительном движении, о деятельности армянских национальных партий **Гнчак**, **Дашнакцутюн** и о многом другом, что имеет непосредственное отношение к **Армянскому вопросу**. В конце 1920-х годов вышел единственный труд Баграта Борьяна (1882–1938), армянского революционера и историка, под названием «Армения, международная дипломатия и СССР». Это была бомба, которую быстро обезвредили и изъяли, так как книга раскрыла предательскую роль и корыстные интересы европейской дипломатии по отношению к армянскому народу. Борьян был репрессирован (реабилитирован посмертно). Наступило 35-летнее молчание. В 1955 году издана монография Нерсисяна: «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850–1870 гг.». В труде был рассмотрен целый ряд проблем, относящихся к Армянскому вопросу, – тяжёлое положение западных армян, освободительное движение и его идеология, политика европейских держав и их отношение к судьбе армянского народа, **Зейтунское** восстание 1862 года, погромы в **Западной Армении**, деятельность **Андраника**. После этого лёд тронулся. Армянский народ постепенно выходил из шокового молчания. 1965–1980-е годы породили целый водопад работ, посвящённых истории армянского народа и Геноциду армян. И я снова подчеркну, что это произошло благодаря исключительно личной роли Якова Заробяна в этом вопросе.

Основываясь на факте нашего общего молчания, я хотел бы рассмотреть перемены в вопросе отрицания Геноцида турецким народом. Ведь есть среди них и люди с большой буквы. Недавно на сайте газеты «Ноев Ковчег» прочитал статью о презентации в Ереване краткой версии трехтомника архивных документов «Геноцид армян в османской Турции: свидетельства очевидцев» на турецком языке. Слова приехавшего в Армению издателя этой книги Рагыша Зараколу: «Признание Геноцида в турецком обществе считаю борьбой за честь» – потрясли меня (приятно) до глубины души. Очень любопытна история, с которой начался его интерес к изучению фактов о Геноциде армян и к процессу их фальсификации. Этот процесс искажения истории он назвал новым термином «историоцид», когда в попытке отрицания Геноцида постепенно менялась история, подтасовывались факты, стирались из книг и карт следы армян.

Дело дошло до того, что в свое время турецкий диктатор Кенан Эверн даже запретил энциклопедию «Британика» только лишь по причине упоминания в ней армян. Ну так вот, всё началось с того, что еще в начале 1970-х годов Рагьп Зараколу и его друг сидели в турецкой тюрьме, где подвергались пыткам. А так как его друг Масис был армянином, то и ударов плетью он получал в два раза больше. Вот тогда и появился интерес ко всему армянскому. В 2012 году книга документов «Геноцид армян в османской Турции: свидетельства очевидцев» была издана на армянском языке. В ней было представлено 602 свидетельства очевидцев из провинций Ван, Битлис, Эрзурум, Харберд, Диарбекир, Себастья, Трабзон и района Парскаайк. И вот спустя год архивные материалы были переведены на турецкий язык. Автор издания уверен, что издание на турецком языке может стать не только наглядным доказательством страшной трагедии, но и весомым аргументом признания своей вины за содеянное. А главное, перемены, которые происходят сейчас в среде турецкой интеллигенции, постепенно начнутся и в широких слоях общества. Дай Бог, чтобы всё так и вышло. Мы, армяне, только за справедливость. Ведь только через справедливость мы придём к пониманию, прощению и примирению.

Акоп ГАСПАРЯН,
пенсионер, 74 года

ВОСКРЕСШИЕ МНОГОКРАТНО

Мой прапрадед Шаварш (1825 года рождения) и прадед Акоп (1855 года рождения), которых я не видел в живых, были родом из **Диарбекира**. Этот город, как и вся **Западная Армения**, остался в Турции. Мой дед (снова) Шаварш,

рождённый в 1882 году в Диарбекире, который он называл почему-то городом Кара, рассказывал своим детям, что жить в Западной Армении стало невыносимо в 1890-е годы, когда начались большие погромы. До этого были набеги, были вытеснения христиан с их земель, но еще не с такой варварской жестокостью. Прапрадеды старались закрывать глаза на все унижения, только бы не трогали их семьи: жён и дочерей, а за это турки их «уважали». Прадеды, а в их числе и мой прадед Акоп, стали подниматься на защиту своих семей, на защиту чести народа и веры. Акопу было 20 лет, когда он ушёл в **гайдуцкий** отряд и редко появлялся дома. Кто-то донёс турецким властям, что в нашей семье есть **фидаи**, и семейство стали притеснять, грозясь посадить всех мужчин в тюрьму, отчего ещё трое юношей из Гаспарянов стали фидаи. Акоп женился на дочери своего командира – однажды он сопровождал командира на свидание с семьёй и влюбился в его дочь. Через год у него родился сын – мой дед Шаварш. У семейства Гаспарян был свой ковровый бизнес. Ковры ткали женщины рода, а ещё скупали в сёлах Диарбекирского вилайета. Дети ходили в армянские школы, были в городе и армянские церкви. Диарбекир был многонациональным городом, но из всех народов унижали и притесняли больше всего армян за их независимый, не рабский характер.

В 1894 году небольшой отряд гайдуков, в котором было много диарбекирцев, попал в засаду. Многие погибли, многих турки взяли в плен. Среди пленников был и мой прадед Акоп. Всех пленников в назидание другим повесили. Акопу было 39 лет.

В 1895 году в городе и в ближайших сёлах начались катастрофические погромы. Были разорены все торговые точки армян, разграблены дома. Из семи домов Гаспарянов (48 человек) остались три неполные семьи (24 человека), из которых остались в живых два дяди моего отца и два старика (отцы жён этих дядей), а остальные 20 человек были женщины и дети, среди которых был и мой дед – четырнадцатилетний подросток. В 1896 году, спасаясь от резни, многие армяне покинули город и ушли куда глаза глядят. Гаспаряны ушли в **Алеппо**. На то время их осталось 20 человек. В дороге погибли старики и двое грудных детей. Оказалось, что не только Диар-

бекир, а вся **Западная Армения** была подвергнута погромам. Алеппо тогда тоже ещё не отошёл от погромов и убийств 1995 года: в тех местах, где проживали раньше христиане, остались только руины и развалины.

Из рассказа деда Шаварша

Надо было выживать. На окраине **Алеппо** мы остановились в каких-то трущобах. Полуразваленный дом напоминал наш собственный дом, брошенный раненым в Диарбекире. Я таким его и представлял – раненым и умирающим, как всё вокруг. От всех переживаний, страхов и волнений у мамы вот уже который день жар. Помню её, лежащую в углу этих трущоб на соломе. Она всё время хотела спать и пить. Я сидел в нескольких шагах от неё и молился, прося Бога не забирать у меня последнее, что осталось, – мою мать. Вокруг меня хлопотали женщины нашего семейства, они варили пшеницу, чтобы все могли поесть. Больше из продуктов ничего не было. Помню, как сокрушались женщины, что и пшеницы осталось всего на два дня. Одна из них вдруг сказала, что будь хотя бы кусочек хлеба, можно было бы его размочить и покормить Ануш, ведь она четвёртый день ничего не ела. Ануш – это моя мама. Я выскочил на улицу. В голове была лишь одна мысль: добыть для мамы хлеба. Долго шёл вперед и вдруг учуял запах лаваша. Ноги понесли меня на запах. За забором большого дома лаяла собака, но мне было всё равно, зашёл во двор и направился к пристройкам, откуда шёл запах. И тут, дойдя почти до цели, я вдруг понял весь ужас своего положения: как мне поступить, что делать? Я никогда в жизни не просил и не крал. Из сарая вышел старик, волоча за собой тяжёлый мешок. Он попытался поднять его на тачку, но у него ничего не получилось. Недолго думая, я подошёл и помог ему. Он похлопал меня по плечу и вдруг спросил на турецком:

– Ты кто?

– Шаварш, – ответил я кратко, не зная, что ещё надо сказать.

– Ты что, армянин? – спросил он уже по-армянски.

– Да...

– Чей будешь?

– Сын фидаи Акопа из Диарбекира... Мы только сегодня дошли до Алеппо.

– Беженцы, – уточнил старик и горестно вздохнул, – и отец с вами?

– Нет... Его повесили с другими фидаи, я с родственниками и мамой, она с голоду умирает.

– Так что же ты стоишь столбом? – рассердился старик и направился в пристройку, откуда шёл вызывающий спазм в желудке запах хлеба. Через некоторое время он вышел со свёртком, который сунул мне в руки. Я ощутил тепло хлеба.

– Беги, – приказал старик, – приходи завтра, поговорим

Я бежал, думая только об одном – не потерять дорогу «домой». Память меня не подвела.

– Тётя Марго, – крикнул я, запыхавшись, – я для мамы хлеба достал.

Тётя вдруг тихо заплакала, прикрыв ладонью рот и причитая:

– Вах, бала, ослепнуть бы мне, чтоб не видеть больше мучений.

Она вдруг подняла руки к небу и во весь голос крикнула:

– Где ты там? Сколько можно над нами глумиться?

Тётя забилась в истерике, а я испуганно вошёл в развалюху. Шепчущиеся родственники замолчали. И тут я увидел неестественно спокойное лицо мамы. Оно казалось мне чужим, глаза были закрыты, а руки сложены на груди. И тут я понял: мама умерла. Свёрток упал у меня из рук, а за ним, в мягкую, как пух, темноту стал падать и я.

В сознание я пришёл от того, что меня били по лицу. Открыл глаза и увидел над собой лица двух своих дядей.

– Слава Всевышнему, – тётя Марго, по привычке разговаривая с Богом, подняла руки к небу. – Не пугай нас больше, – попросила она меня, – ты же умный мальчик...

Я был слишком умным, чтобы не понимать происходящего. Хотелось кричать, плакать, но я, окаменев, молчал. В меня вселилась ненависть. К кому она была обращена, я ещё не очень-то сознавал, но я уже ненавидел и ненавидел слишком сильно, чтобы оставаться ребёнком. Оба дяди пропадали до вечера. На другой день стало ясно, что они узнавали, где

здесь армянское кладбище, чтобы похоронить маму. В комнате, где лежала мама, я не хотел заходить. Мне так казалось, что смерть мамы мне приснилась. Но пришло время похорон, и тётя Марго, взяв меня за локоть, попросила:

– Пойдём, попрощаешься...

Всё оказалось не сном. Стоя перед мамой, лежащей в сколоченном дядями гробу, я вдруг мысленно пообещал ей, что отомщу. Кому и как, я ещё не знал, но чувствовал в себе такое стремление к мщению, что испугался и наконец заплакал, осознавая, что стал сиротой.

На другой день я вспомнил старика, давшего мне хлеба, и решил сходить к нему. Когда объяснил дядям, куда мне надо сходить, те удивились, ибо думали, что хлеб я украл. Дяди пошли со мной. Старик большой метлой подметал двор. Увидев меня, сказал:

– А, Шаварш. Ну, как, твоей маме лучше?

– Умерла наша Ануш, – сказал один из дядей. – Царство ей небесное, а вам спасибо за хлеб.

– Царство ей небесное, – откликнулся старик. – Жаль, не смог помочь. Значит, Шаварш один остался, – он горестно покачал головой.

– Почему один, – в разговор вступил второй мой дядя. – А мы, родные, на что?

– Отдайте его мне, – вдруг сказал старик и протянул руку. – Смба́т. Меня зовут Смба́т. Мой сын **фидаи** был, погиб недавно. Жену его в прошлом году похоронили. Остались я да жена и внучка семилетняя от дочки и зятя, в прошлом году во время резни погибли. Жена в неделю два раза хлеб здесь печёт, я убираюсь, всякую работу у аги делаю. Армян в городе мало осталось, всё добро турки захватили. Многих убили, многие ушли... Шаварша в помощники мне отдайте, сам сыт будет, да и вам, если что, поможет.

Смба́т только замолчал, а я уже знал, что останусь с ним. Я посмотрел на дядей, и они всё поняли.

– Пусть Шаварш решает, – сказали они.

С тех пор я стал членом семьи Смба́та. Его жена полюбила меня сразу, как только узнала, что мой отец был **фидаи**. Внучка Смба́та, Искуи, была мне так рада, что не хотела отходить

ни на шаг. Я стал правой рукой Смба́та. Ездил с ним за продуктами на рынок. Покупал и привозил муку, убирал двор, коллол дрова. Иногда ходил к родне, носил им хлеб, но они одним присутствием напоминали мне о смерти мамы, и я старался быстрее уйти. Но зато мы все были рады приходу Марго, с которой подружилась жена Смба́та, Азатуи.

Так прошло десять лет. Я вдруг понял, что люблю Искуи, которой исполнилось семнадцать. Объяснившись с ней, я понял, что она меня тоже любит, и попросил Смба́та нас благословить. Он был рад нашему союзу, так как был уже стар и очень боялся за внучку. В 1907 году у нас с Искуи родился сын, которого мы назвали Саркисом в честь сына Смба́та. К тому времени я со своими дядями открыл небольшую точку по продаже муки, соли и сахара. Смба́т нам помогал, сторожил продукты, убирался на складе. Как-то, это было уже в 1912 году, я запоздал на работу, подходя к рынку, услышал шум. Сразу понял, что что-то случилось. Оказалось, что турецкие солдаты заполонили рынок и громят торговые точки иноверцев. Вбежав в магазин, я увидел двух солдат, хозяйничающих среди мешков с продуктами. На полу лежали убитые Смба́т и один из моих дядей. Второй дядя, держась за голову, стоял на коленях. Кровь ударила мне в голову. Ненависть, сидевшая во мне все эти годы, вырвалась на свободу. Я схватил стоящий в углу железный лом, которым срывал гвозди с забитых ящиков, и рванулся к туркам. Почему они не оглянулись на меня вначале, я не знаю. Может, думали, что зашли в магазин свои, а может, так были уверены в своей неприкосновенности, что не нашли нужным оторваться от грабежа, но когда я проломил череп первому и занёс лом над вторым, тот оглянулся. Сколько же удивления было в его взгляде! Удивления, сменившегося ужасом. Он дёрнул свою саблю, но было поздно, с проломленным черепом он упал мне под ноги. Чувствуя дрожь в теле и безумие в душе, я не мог успокоиться и, наверное, выбежал бы с ломом в руке на рынок, если бы не голос дяди, приведший меня в чувство:

– Что ты наделал, Шаво-джан, что ты наделал? – Он ломал себе руки. – Теперь всех нас убьют. Бедные мои дети!

– Нас давно убили, дядя. Перестаньте кричать, лучше помогите.

Не успели мы спрятать трупы под мешки, как в магазин вошёл третий солдат. Он подозрительно посмотрел на нас, прошёл на середину магазина и вдруг увидел на полу следы крови. Он рванулся к выходу, но я подставил ногу. Турецкий солдат упал, а дядя довел дело до конца, опустив лом на голову турку. Спрятав и этот труп, мы незаметно выскользнули с рынка, договорившись о месте встречи, после того как заберём семьи и родных. Нужно было покидать город. Через несколько часов заметят пропавших солдат, а когда найдут их, поймут, чьих это рук дело.

...Долгие скитания 1912–1915 годов привели нас, девяти-рых оставшихся в живых Гаспарянов, во Францию, где мы почувствовали себя в безопасности – Франция предоставила нам жильё и работу, пусть тяжёлую и малооплачиваемую, но это было нашим спасением и возможностью не умереть с голоду. Я думал, что, убив тех турецких солдат, освободился от ненависти, сжигавшей меня изнутри, но, как оказалось, это было лишь прелюдией к той ненависти, которая уйдёт со мной в могилу, так как она пропитала моё тело, мою душу и моё сердце. Я – сама ненависть, ненависть ко всему: к Богу, к людям, к себе. И лишь единственное, что заставляет ещё теплиться мою жизнь, – это мой сын Саркис... В тот день я пробирался домой, чтобы забрать семью и бежать из Алеппо. Вокруг творилось что-то безобразное. Тут и там раздавались крики, удары, стоны, а я всё бежал и бежал. Двери дома были распахнуты. Прямо на пороге дома я наткнулся на труп Азатуи-майрик, а дальше... лучше бы я погиб от руки турецкого солдата и не видел того, что я увидел... Моя Искуи, мой ангел, сама скромность и чистота, лежала на тахте, раскинув руки. В груди у неё торчал нож. Сколько я рычал, как зверь, не помню, но вдруг осознал, что не видел трупа сына. Я бегал по комнатам и звал сына и вот, наконец, он отозвался. Голос шёл из сундука. Оказалось, в последний момент его запрятала туда Искуи, накидав сверху тряпок. Я прижал к себе пятилетнего сына и выбежал из дома, чтобы он не видел умершую мать, чтобы та ненависть, что была во мне, не поселилась и в нём...

Из рассказа моего отца Саркиса

То, что мы другие, не похожие на всех, мне стало понятно где-то лет в десять. Тогда я уже стал забывать лицо своей мамы и очень этого боялся. Я почти всё время был один. Отец работал на кожевенной фабрике в две смены. Надо сказать, что в те годы на одно предприятие во Франции в среднем приходилось в два с лишним раза меньше рабочих, чем в других странах. Через много лет я понял, почему было так – за победу в Первой мировой войне Франция заплатила дорогой ценой: 1 млн 300 тыс. французов погибли на полях сражений, 2 млн 800 тыс. были ранены, 600 тыс. остались инвалидами. Война нанесла огромный ущерб французской экономике. И армянские беженцы – результат Геноцида – были спасательным кругом для Франции, дешёвой рабочей силой.

Отец отдал меня во французскую школу с продлёнкой. Он всегда говорил со мной как со взрослым, объясняя наши редкие встречи тем, что он должен работать, а я должен учиться на отлично, должен стать учёным мужем, чтобы служить своему народу и доказать, что армяне не второсортный народ, и т. д., и т. п. И я учился. Надо сказать, что я был очень послушным и робким. Почему, я не знаю. Но вскоре моя робость сменилась бунтом, и вот из-за чего. В преддверии 8 марта – дня выступления женщин за свои права (тогда это вовсе не было праздничным днем – это был день борьбы, особенно во Франции, где женщины работали на менее оплачиваемых работах, нежели мужчины) – в школе было задано сочинение на тему: «Моя мама и её права в обществе». В первых строчках сочинения я написал, что у меня нет мамы, а потом как-то произвольно написал всё, что помнил о ней, и даже то, как во время погромов в Алеппо она, спасая от турецких жандармов, спрятала меня в сундуке, умоляя во что бы то ни стало молчать. Я написал, что слышал из сундука крики бабушки, просьбу мамы, чтобы её не трогали, потом её стоны и плач. Написал, что даже тогда, когда всё стихло, я боялся вылезти из сундука, и только крики отца привели меня в чувства. Написал, что пять лет заикался и что поклялся отомстить за убийство мамы. Не знаю, зачем я это всё сделал, но мне в душе стало легче. Но вскоре я заметил, что отношение окружающих

ко мне изменилось. Учителя стали меня жалеть, что было для меня невыносимо, одноклассники шушукались и косились в мою сторону, потом вызвали отца к психологу школы и предложили занятия с психиатром. Сходяв однажды на занятия, я больше не пошёл на них. Врач заставлял говорить о маме, о том, что я помню, а я не хотел этого делать. Это было моё личное, моя трагедия, трагедия моей семьи, а если честно, мне было стыдно. Было такое чувство, что все люди вокруг стоят на ступень выше нас с отцом, а мы – тот класс, о который можно вытирать ноги. Помню, как однажды вечером после всех хождений в школу отец, обняв меня, расплакался, потом взял себя в руки и сказал: «Ничего, и это пройдёт, главное, иди к нашей цели – ты должен стать юристом». Я очень удивился, слово «юрист» прозвучало в нашей семье впервые. Но всё просто так не прошло, пришлось менять многое.

После того, как ко мне подошли взрослые пацаны и спросили, а правда ли, что турки изнасиловали мою мать, я снова стал заикаться, а потом мы поменяли район и школу. Отец перешёл работать на мелкое предприятие по выделке кожи и стал брать работу на дом. Теперь мы стали больше общаться. Иногда он встречал меня после школы. До окончания занятий у школы собирались взрослые, обсуждали новости. Отец познакомился там с мамой Аревик, девочки из нашего класса. Она была армянкой. И вот в одно воскресенье мы все вместе поехали за город на пикник. По тому, как отец общался с тётёй Рипсима, я понял, что она ему нравится. Тётя Рипсима мне тоже нравилась, а по тому, как она обо мне заботилась ещё до знакомства с папой, я понял, что она добрая и очень напоминает мне маму. И тогда я не стал ждать решения отца и за обедом спросил их при Аревик: «Может, вы поженитесь, а мы тогда с Аревик уроки будем вместе учить». Взрослые поперхнулись, покраснели, а Аревик захлопала в ладоши, ей моё предложение понравилось... Через месяц мы жили одной семьёй. Рипсима оказалась из армянского села, а может, города, называемого Биреджик, Западной Армении. В 1895 году они с семьёй бежали от турецкой резни, но до Франции она добралась со своей тётёй, которая через два года умерла от сердечного приступа. Во Франции Рипсима вышла замуж, но пять лет назад её муж погиб.

Оказывается, он занимался перевозкой оружия для армянских гайдуков. После того как в нашей жизни появились две женщины, нам с папой стало жить намного лучше. Я успокоился настолько, что перестал заикаться, а вскоре меня и Аревик родители отдали на факультативные курсы армянского языка, куда мы ходили по средам. Потом я поступил на юридический факультет и стал юристом, как и хотел отец.

Заключительное слово

Я, Акоп Саркисович Гаспарян, сын Саркиса Шаваршевича Гаспаряна, родился в 1940 году в Марселе, во Франции. До этого мой отец жил в Париже, но после окончания института он стал жить и работать в Марселе, где и женился в 1938 году на армянской девушке по имени Асмик, чьи предки были из Западной Армении. Моему отцу было 33 года, когда я появился на свет. А когда мне было семь лет, мои родители иммигрировали в Армянскую ССР, в г. Севан. Там родились мои два брата. В 1993 году моя семья из четырех человек переехала жить в Нижегородскую область.

Кажется, всё хорошо, выросли дети, растут внуки и достаток есть, но вот сердце не обманешь, что жизнь состоялась: оно болит и чего-то хочет. Несмотря на то что русский народ – душевный и приветливый, земля плодovitая и обширная, работы полно, сговорилось сердце с душой и рвётся в далёкие края, к каменистой горной земле, к вершинам под небесами. А главное, помнят они то злодеяние, которое не видели мои глаза, помнят и рвутся туда, где однажды нам вырубili корни. И самое страшное, что речь идёт не об одном человеке и не о группе людей, а о целом народе! Больше всего бед, лишений, испытаний и труда досталось поколениям моего прадеда, деда и отца. Проявив небывалую стойкость и удивительную способность к адаптации, они смогли победить горькую судьбу, обрести собственное достоинство, которое передали нам, чтобы нам жилось легче. Но можно ли жить легко, если сердце и душа окроплены кровью полутора миллионов невинно убитых наших предков и вот уже сто лет им нет покоя? Мне мало осталось жить на этом несправедливом свете. Уйдёт и моё поколение, но появится новое с этими же чувствами, с этой же

болью, с тяжёлым багажом прошлого. Возможно, я не имею права говорить за всю нацию. Но за всю свою жизнь я ещё не видел ни одного армянина, который, даже не имея предков, прошедших Геноцид, не испытывал бы этих чувств. Мы знаем, что надо поставить точку и освободить будущий народ от них, но это возможно лишь после признания Геноцида Турцией.

Эрна САНЯН,

главный редактор газеты «Pro Город», 22 года

ТЕГЕРАН – АРМЕНИЯ – БАКУ – ТАШКЕНТ – НИЖНИЙ НОВГОРОД

Тегеран – Армения – Баку – Ташкент – Нижний Новгород. Такова карта проживания нашего рода, что совсем не ново для армянина из Спюрка.

Моя прабабушка Парандзем родилась и жила под Тегераном в небольшом селе, где жили преимущественно армяне, занимавшиеся выращиванием фруктов и овощей. У Парандзем было три сестры и один брат. По словам Парандзем, ее отец Алексан был старостой, то есть представителем местной власти. Как-то по всем окрестным сёлам прошли глашатаи, приглашающие крестьян на строительные работы в Тегеран. Хочется подчеркнуть, что XVIII и XIX века для Тегерана, стоявшего на пересечении торговых путей и являвшегося угрозой северным провинциям со стороны Российской империи, ознаменовались строительным бумом. Шла реконструкция Тегерана, город активно обустроивался изнутри, квартал за кварталом. Братья Алексана и многие мужчины села ушли на стройку в столицу. Вскоре братья вернулись за своими семья-

ми, рассказывая, что платят хорошо, персов на стройке мало, в основном работают армяне, ассирийцы и кое-где татары (речь шла об азербайджанцах – основная их часть, оказавшись по эту сторону границы вследствие русско-персидской войны 1828 года, образовала отдельное государство Азербайджан, большей частью расположенное на территории исторической Армении). Когда многие мужчины покинули село, в деревне участились похищения девушек и детей курдскими племенами. Алексан обращался к властям, но подкупы для курдов были излюбленным инструментом «сближения» с властью, потому единственное, чего добился Алексан, – это дополнительных угроз от чиновников. Дескать, нечего шум поднимать.

К тому времени братья Алексана разбогатели в Тегеране и звали брата с семьей к себе, но он не мог оставить односельчан в беде и принял решение бежать вместе с жителями деревни из Персии. К походу подготовились тайно, но основательно. Благо граница была близко. Собрав повозки, скот, предметы обихода, жители селения вышли ночью в путь. Алексан не знал, куда именно вести народ, они искали безопасное место. До Армении шли почти год. В Армении народ нашел свой дом. Но Алексан, привыкший жить на равнине и заниматься сельским хозяйством, не смог найти занятие для себя и семьи, поэтому вскоре путешествие для него продолжилось: вместе с женой, детьми, матерью и сестрой он переселился в Баку.

Там он выдал своих четырех дочерей замуж за выходцев из Тегерана. Парандзем отдала замуж в шестнадцать лет за мужчину, который был гораздо старше ее. Его звали Симон. В 1918 году пришла советская власть, и всем выдали паспорта СССР, но Парандзем хранила документы персидского подданства с печатью шаха Персии. Так, на всякий случай. Алексана уже не было в живых, но его дети с семьями жили в Баку. В 1918 году турки пошли войной на Армению, решив потом захватить всё Закавказье. Турецкая армия вторглась в Армению, но, получив отпор при Сардарпатском сражении, повернула в Восточное Закавказье, развернув наступление на Баку. Советские войска не смогли удержать город. Турки и азербайджанские мусаватисты, ворвавшись в город, вырезали 30 тысяч армян. Учинив расправу над мирным армянским населением, они

продолжили **Геноцид армян Западной Армении**. От погромов и резни многие христиане бежали куда глаза глядят, Парандзем с родными попали в Ташкент...

В 1941 году Симона забрали на фронт, откуда он уже не вернулся. На войне погиб и единственный брат Парандзем. Она осталась одна с четырьмя детьми и свекровью-инвалидом. Парандзем всегда говорила, что она не помнила убийств в Тегеране, может, потому, что была ребенком, но беженцев из Западной Армении и убийства армян в Баку она отчетливо помнила до конца своей жизни. Парандзем всегда была окружена заботой детей и внуков, которые часто подшучивали над ней, называя «бессрочной», так как она не помнила года своего рождения.

Итак, понятно, что наша семья не из Армении, мы приехали в Россию из Ташкента в 1995 году. Моя мама – внучка Парандзем Алексановны Айрумян. Я мало помню жизнь до приезда в Нижний Новгород, помню только редкие вылазки в Ташкент к родным. Нашей семье было очень тяжело здесь в первые годы, особенно маме и папе, мы с братом были тогда маленькие, мне было шесть лет, а брату три годика. Город всегда был закрытым, и здесь не привыкли к «гостям». Наша смуглость многих пугала, и с детства помню, как на детской площадке мамочки, выражаясь красочными эпитетами, вводили от нас своих чад. Со временем все наладилось, жизнь вошла в колею. Мы с братом принимали здешние нравы, обычаи и порядки легко, ибо начинали с чистого листа, а вот родители, привыкшие совсем к другому укладу, за эти годы так и не смогли привыкнуть ко многому, а главное, они никогда не забывали про Геноцид наших предков. Но тем не менее у родителей появились по-настоящему близкие русские друзья, соседи, знакомые. Я люблю свой Нижний, своих близких и друзей. Моя жизнь в этом городе складывается, я нашла себя здесь, получила образование, профессию, которая приносит мне удовольствие. То же самое могу сказать и о младшем брате, который пока еще учится в вузе.

К моему стыду и сожалению, я не могу назвать себя знатком столь трагичной для моего народа темы, как Геноцид. Разумеется, я знаю, что дата 24 апреля 1915 года является значимой не только для армянского народа, но и для всего мира, который

был поражен проявленной к миролюбивым армянам жестокостью. Знаю, каким пыткам и истязаниям подвергали армян, как издевались над женщинами и девушками, как гнали их пешком к пустыне, как они стирали ноги в кровь... Когда я задумываюсь о том, что пережил мой народ в то время, во мне поднимается целая буря чувств: жалость, растерянность и ненависть. Единственное, чего никогда не меняли армяне, – это Вера и интернационализм. Они всегда хотели жить в мире и никогда не посягали на чужое, но вынуждены были страдать от рук тех, кто не брезговал проливать кровь беззащитных детей и стариков, кто не просто убивал, а получал наслаждение от пыток.

Каждый год 24 апреля армяне всего мира проводят поминальные мероприятия по жертвам Геноцида. Стало обязательной традицией в этот день посещать церковь и ставить свечи в память о тех, кто погиб в то страшное время. Я горда тем, что я армянка, что во мне течет кровь народа, в тяжелых испытаниях сохранившего свою религию, культуру и давшего жизнь другим поколениям. Ненависть во мне просыпается по отношению к людям, которые поступали хуже, чем животные. Ни одно животное не будет издеваться над своей жертвой, наслаждаясь кровью, как издевались турки, убивая с чувством упоения. К сожалению, понять этого и проявить толерантность к туркам я не могу. Раны не заросли через сто лет, не зарастут и через двести, и через пятьсот...

Я думаю, эти переживания передаются каждому армянину с молоком матери. Достаточно даже слабых знаний истории и нескольких фактов, чтобы никогда этого не забыть.

Можно ли в нашем современном цивилизованном мире выстроить отношения с Турцией? Признаюсь, я часто думаю об этом. И склоняюсь к отрицательному ответу, хотя как цивилизованный человек понимаю, что и нам, и нашему будущему поколению придётся жить рядом. Придётся, несмотря на то что турки по своему малодушию и отсталости не могут найти в себе силы признаться в том, что было совершено, принести извинения за изуверства предков и вернуть земли, которые по праву им не принадлежат. Мои родители всегда говорили мне, что история нужна человеку для того, чтобы не совершать ошибок, что простить может только сильный че-

ловек. Я согласна с этим, но не в случае Геноцида. Я задаюсь вопросом: а какие выводы сделали для себя молодые люди в Турции? Что поняли? Хотя что они могут понять, в турецких учебниках – своя правда. Армяне показали свою силу, не сломавшись и сохранив великую нацию. Могут ли турки показать силу и уважение к самим себе, признав свои ошибки?

Петрос СААКЯН,
пенсионер, бывший партработник, 87 лет

БОЛЬШОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕК

Мне уже 87 лет. Как говорится одна нога здесь, а вторая уже готова к переходу... О Геноциде говорить я не хочу, рассказчиков и без меня хватит. Да и о чём говорить? И так всё давно известно и понятно. И даже то, что турки упираются и не берут вину на себя, тоже понятно. Кому же хочется полстраны отдавать, да ещё и извиняться после такого столетнего «упёрства»? Вы это слово не меняйте, оно ёмкое, хоть и мною придумано, а может, и не придумано, взято где-то... Да ладно. Я вот о чём хочу рассказать.

Мой отец родом из **Вана**. Когда русские пришли армянам на помощь и не дали туркам уничтожить население Вана, многие армяне просто боготворили русских солдат. Отец рассказывал, что они, молодые парни, все дни напролёт старались быть возле русских – чистили и поили лошадей, винтовки разбирали, за ранеными смотрели, пока тех не эвакуировали. Ну, и подружился мой отец с одним солдатом, Дмитрием Ростовцевым из Петрограда. Они так подружились, что Дмитрий приходил в семью моего отца обедать. Вскоре пришёл приказ отступить и оставить город. Русские солдаты как мог-

ли сдерживали натиск врага, чтобы армяне смогли покинуть город. Отец хотел уйти воевать, но он был ещё мал, всего четырнадцать лет, и русские командиры не взяли его. Дмитрию, по словам отца, было около двадцати – двадцати двух. Он пообещал, что после войны обязательно приедет в Гюмри (Ленинакан), куда направлялись мои предки, и найдёт Степана, то есть моего отца.

Мои предки пережили все ужасы того времени. Когда бабушка рассказывала о бедствиях, я уходил, прятался и давал волю слезам. Все, что было под рукой, ломал и разбивал – это были и злость, и безысходность униженного положения. Отец прожил всего 60 лет. Перед смертью он попросил меня поискать Дмитрия. Понимая, что это невозможно, я всё же дал слово. В 1965 году я состряпал себе командировку на семь дней в Ленинград. Сразу пошёл в Центральный архив города, объяснил ситуацию. Там развели руками, но рискнули мне помочь. Искали долго, а потом дали адрес и записку в другой архив, а оттуда – ещё в один, где мне всё же сделали выписку из толстой папки, что уроженец Петербурга Ростовцев Дмитрий 1892 года рождения погиб в 1917 году. В той выписке были и номер части, в которой воевал Дмитрий, и название места, где он погиб. Но вот выписка та вместе с нашими документами осталась под завалами города Ленинакана. Мы ведь в Россию после землетрясения попали, в 1988 году.

Почему я стал рассказывать об этом? По ходу поиска в архивах я наткнулся на данные добровольных и благотворительных союзов, групп и просто жителей Петербурга, которые спешили помочь армянским беженцам в 1915 году. Одна запись привлекла моё внимание тем, что там была фамилия Ростовцев. Я тогда подумал, что речь о Дмитрие, но, как оказалось, этот Ростовцев был профессором. Недавно мой внук в Интернете нашёл обращение этого профессора к жителям Петрограда. Напечатайте, пожалуйста, это обращение в книге. Пусть все знают об этом хорошем человеке. Какие он слова нашёл для нашего народа, какой большой души человек был!

Вот эта цитата.

В Петрограде 7 марта 1915 года к согражданам обратился видный общественный деятель профессор М.И. Ростовцев:

«Прекрасная, покоряющая величи́ем красот своих страна. Древний, культурный, жизнестойкий, многострадальный народ, расколотый Турцией и Россией, как в недалеком историческом прошлом Грецией и Персией, Римом и Сасанидами, Византией и тою же Персией... Народ разумный, льнувший к европейской культуре, христианству, вере, свободе. Народ, который сумел в испытаниях судьбы создать и сохранить собственную культуру, свою словесность, изобразительное искусство. Вчитайтесь в древние рукописи армян, припадите к истокам их церковного зодчества и шедеврам архитектуры, вспомните о развалинах армянской столицы Ани, жемчужины Кавказа... Представьте себе, что творцы и охранители всего этого великолепия тысячными толпами – в который уже раз за века бесконечных мучений своих! – все потеряв: кормильцев, имущество и даже малых детей, претерпев нечеловеческие муки и утратив надежду встретить день грядущий, пришли к нам...

И как нам, сердобольной великой России, не приветить их?!»

Сероп ВАРАЖЬЯН,
мебельщик, 49 лет

КАРУСЕЛЬ АРМЯНСКИХ ИМЁН

Историю своих предков я знаю по рассказам отца. Ему было два года, когда его отец, уроженец города **Баязет** (город в Баязетском **санджаке** Эрзурумского **вилайета** на территории **Западной Армении**), ушёл на войну и погиб при взятии Берлина. Вы спросите, а как же мой отец мог мне рассказать что-то, если он и отца-то своего почти не видел? А дело в том, что, уходя на фронт, мой дед записал свою жизненную историю и

в этих записках попросил сына, когда тот подрастёт, найти его дядей, которых он потерял во время Геноцида. Дед мой как в воду глядел, что не вернётся с войны.

Когда мой отец повзрослел, он начал поиски своих родных, это были 1970-е годы, накануне вся Армения впервые за все послегеноцидные годы отмечала 50-летие этой трагедии, а до этого даже говорить на тему Геноцида боялись, можно было из-за националистических взглядов сесть в тюрьму. Не государство, а сумасшедший дом! Потеряли миллионы, а пожертвовать единицами во имя справедливости боялись. Ну, ладно, это отдельная тема. Родственников мой отец всё-таки нашёл. Одного – в Тбилиси, второго – в Ростове на Дону. Дядей в живых уже не было, но были их дети и внуки. Связь существует до сего дня.

Мои предки по отцовской линии – из города Баязета. До 1914 года частые погромы и конфликты с курдами, турецкими войсками и просто мусульманским населением вынудили многих армян Баязета нелегально эмигрировать, в большинстве они переходили в Восточную Армению, которая тогда была в составе России. Мой прадед Вардан Варажъян был упрямым и считал, что он умрёт только там, где родился, то есть в Баязете. Но не только он был таким, армяне Эрзурумского вилайета выделялись своим свобододобивым характером, жили с надеждой воссоединиться с российскими войсками, начали войну с Турцией.

Вот как писал о них генеральный российский консул в Эрзуруме в донесении от 19 января 1909 года И.А. Зиновьеву: «Увлечение армян провозглашёнными свободами всё более и более возбуждает против них ненависть мусульман. Даже среди наиболее прогрессивных младотурок, которые ещё так недавно открыто провозглашали свою признательность армянам за инициаторство в освободительном движении в Турции, недоверие к ним растёт не по дням, а по часам. Подкомитет “Единение и прогресс” установил за армянскими деятелями негласное наблюдение и предписал своим агентам в провинции не останавливаться (при случае) ни перед какими энергическими мерами...»

Последняя эмиграция, по рассказам моего деда и отца, произошла после того, как русские войска в ходе **Первой миро-**

вой войны взяли город, а потом отступили, уводя под своим прикрытием большое число баязетцев. Оставшихся армян турки считали предателями, мол, они не ушли, чтобы шпионить. Из восемнадцати членов семьи моего прадеда осталось шесть человек. Двое сыновей изъявили желание уйти семьями с российскими войсками, и прадед их отпустил. С ним остался младший сын с женой и тремя детьми (две девочки и мальчик). В январе 1915 года молодых мужчин армянского происхождения призвали на службу в турецкую армию. Наверное, все знают из истории, что до этого армянам нельзя было служить в Турции и приобретать оружие. А тут вдруг турки призвали в армию около 60 тысяч армян в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет. Представляете, как надо одурить народ, лишит его боеспособной части мужского населения! Но если бы ещё армяне проходили службу, как все остальные, не было бы слов возмущения, а их ведь заставили рыть окопы и траншеи на русской границе, таскать на себе тяжести, ящики с боеприпасами, как вьючных животных. Одним словом, унижали как могли, зная об их преданности русским. Ну ладно, вымещали бы всю свою злость на мужиках, а то ведь армянских женщин, детей и стариков унижали, заставляя носить продовольствие и воду для нужд турецкой армии на передовую. Хочу для полной картины привести в доказательство вышесказанному одно письмо.

В начале сентября армянский поэт Сиаманто из Константинополя писал другу: «Брата моего, единственного кормильца семьи, забрали в солдаты. Он жалуется мне, что жидкую похлебку дают им раз в день, что живут они в грязных палатках, носят лохмотья, что не выдают им одежды, и уж тем более оружия. Пишет, что воду приходится пить из грязевых луж... И никто не возмущается. И это притом что турки и курды в массовом порядке дезертируют».

После очередных погромов и убийств баязетцам приказали собраться в центре города. Шёл апрель 1915 года. Живых в семье Варажян остались двое: Вардан и его внук Сероп. Сначала солдаты отделили из массы людей мужчин и юношей. Оставив их стоять под солнцем, солдаты погнали остальных колонной по маршруту депортации. Через день у одного по-

селения армян окружили курды и начали торговаться с солдатами. Когда обе стороны пришли к договорённости, от колонны отделили всех женщин, курды отбирали понравившуюся девушку и уводили с собой. Женщины пытались отбиться, но через некоторое время силы иссякали, и появлялось безразличие ко всему. Многие просили о смерти, ибо смерть в это время была благом, освобождением от унижения, боли и страха. Над толпой мужчин стоял гул жутких выкриков и ругательств, но солдаты угрожающе держали наготове винтовки, чтобы никто не попытался сбежать или напасть. Получив за «товар» золото, солдаты погнали колонну дальше. Ещё через день, видя настрой мужчин, турки решили провести вторичную фильтрацию, отобрав мужчин, юношей и мальчиков. Вардан поранил ногу и опирался на плечо двенадцатилетнего Серопа. Когда один из солдат приказал Серопу отойти в сторону, Вардан попросил на турецком языке оставить ребёнка, так как ему трудно будет идти без него. Солдат с ненавистью набросился на старика. Он кричал, что всё плохое идёт от армян, что армяне предатели, так как снюхались с русскими, чтобы нанести удар в спину. Брызжа слюной, он схватил старика за грудки и начал спрашивать, отчего армяне везде суют свой нос? Почему, живя в Турции, они твердят, что живут на своей земле? Он истерически расхохотался и заявил: «Посмотрим, чьими станут теперь эти земли!», а потом с презрением оттолкнул Вардана в сторону и присоединил его внука к отобранной группе. Под крики и плач остальных погнали дальше.

А отставшие солдаты обнажили сабли и налетели на «избранных». Вардан, который до последнего не хотел уходить без внука и замыкал колонну, поняв ситуацию, крикнул: «Берите камни, защищайтесь камнями!»

Несмотря на то что все депортированные были безоружны, солдатам был дан отпор. Конвой, охранявший колонну, поспешил на помощь своим, но люди уже поняли, что надо делать. Женщины, старики и даже дети стали осыпать солдат сзади камнями. На упавших налетало сразу по несколько человек, и вскоре тринадцать жандармов были забиты до смерти. Когда всё закончилось, оказалось, что и многие армяне остались лежать в пыли, ибо их достала вражеская сабля. К счастью

Вардана, Сероп был только ранен. Сабля прошла по руке, не задев кость.

Хоронить погибших не было времени, так как каждую минуту на дороге мог появиться враг. Кто-то из мужчин возглавил группу, и через несколько минут люди, забрав продовольствие, скрылись. Дойдя до Карса, многие там и остались, но Вардан с внуком дошёл до Гюмри, думая найти там своих сыновей. Знакомые люди сказали, что сыновья с семьями ушли в Тифлис (Тбилиси). Вардан решил переждать некоторое время, а потом начать поиски, но в его ране на ноге развилась гангрена, и через несколько месяцев он умер, а Сероп попал в детский дом. Вот этот мальчик Сероп и стал моим дедом. Женился он в 1928 году, у него родилось трое детей. Моего отца он назвал Варданом. Сероп, пройдя всю Великую Отечественную войну, погиб при взятии Берлина. А его сын Вардан, женившись в 1965 году, назвал своего сына, то есть меня, Серопом. Вот такая карусель армянских имён. Скажу честно, одни и те же имена набили мне оскомину, и я отважился пойти вопреки семейной традиции, назвав своих сыновей Кареном и Эдгаром. Думаю, мои предки там, на небесах, не обидятся на меня за такое самовольство. Главное, мы всех и всё помним.

Завен ДАРПИНЯН,
штукатур, 57 лет

ТЫ УХОДИ, УХОДИ ИЗ СТРАНЫ...

Наш род Дарпинянов спасся и продолжил существовать благодаря моему деду Мовсесу, сыну кузнеца – дарпина Акопа из Зейтуна и Мариам, дочери Ованеса из Харберта. В 1913 году Мовсеса призвали в турецкую армию. Он участво-

вал в Балканской войне 1913 года и был очевидцем, как турецкие власти специально направляли мусульманских беженцев из европейской части империи в районы, населённые армянами, натравливая их на христиан. Сотни тысяч мусульманских беженцев из Македонии и Фракии всю свою злость и обиды за потерянные земли направили на христиан Западной Армении, агитируя, что надо наказать «неверных» за то, что они живут припеваючи, тогда как они, правоверные мусульмане, бедствуют. Им в избиении армян помогали курды и турецкие толпы. Под предлогом «наведения порядка» власти прислали военные отряды. Мовсес плакал, видя, как издеваются над христианами. Многих выгнали из собственных домов, вселяя туда мусульман. Он не знал, как вмешаться и помочь армянам. Его командир от греха подальше приказал ему и ещё нескольким солдатам-христианам вернуться в часть. Мовсес всё время думал о родных, а ещё он думал, что если бы командир не отослал их в часть, а приказал глумиться над людьми, то он отказался бы. Пусть лучше его убьют.

В Зейтуне Дарпинянов было пять семей – 38 человек, из которых шестерых забрали в армию. По законам Османской империи армянам запрещалось служить в турецкой армии, и такое положение сохранялось до 1912 года, когда туркам понадобились солдаты для участия в Балканской войне. Первая мировая война принесла новые испытания армянам.

Результаты войны для турецкой армии оказались катастрофическими. Понеся сокрушительное поражение, многочисленная армия **Энвера** таяла на глазах. Турецкие командиры тут же нашли себе оправдание, обвинив в разгроме своей армии армян, которые не желают воевать против русских и строят козни против государства, вероломно шпионят на русских. После Балканской войны турки пожелали, чтобы дашнаки сформировали особый турецко-армянский отряд для ведения борьбы с русскими с целью освобождения Восточной Армении от России. Но дашнаки ответили отказом. И вот теперь настало время им отомстить. Всех солдат армянской национальности лишили оружия и отправили в рабочие отряды, на самую трудную, непосильную работу: в качестве вьючных животных они несли на себе орудия, ящики с боеприпасами,

копали окопы. У Мовсеса на глазах от холода и тяжкого труда погибли двое его товарищей. Был у него среди турецких солдат друг Джахангир, с которым он начинал армейскую службу. Тот, когда удавалось, приносил ему украдкой еду, которой Мовсес делился с армянами. И вот однажды Джахангир сообщил, что командиры получили приказ избавиться от армян. Через день он прислал записку, в которой было всего три слова: «Бегите, вас расстреляют». Мовсес не верил, что после двух с половиной лет преданной службы его могут расстрелять, но на всякий случай он и двое армян не стали ночевать в землянке и спрятались за большими валунами прямо в поле. Вскоре к землянке подошёл отряд карателей, всех армян вывели и, не говоря ни слова, расстреляли. У двоих ребят, что были с ним, не выдержали нервы, и они бросились бежать. За ними погнались, вскоре слышались крики и выстрелы. Мовсес, обхватив голову, лежал на холодной земле до тех пор, пока всё не стихло. Через некоторое время он тронулся в путь. Отсыпаясь днём и питаясь лишь кореньями, которые выкапывал у кустарников, он ночными дорогами дошёл до родного Зейтуна. Было начало апреля 1915 года. Город кишел военными. Мовсес долго прятался на задворках города. Голодный и обессиленный, он попросил хлеба у отдохавшего на обочине путника, ломавшего черствый кусок за куском. Тот не удивился, молча вытащил из котомки ещё один кусок и подал Мовсесу.

– Из чьих будешь? – наконец спросил он по-турецки.

– А ты что, всех знаешь, паша? – спросил Мовсес.

– Какой же я паша, – усмехнулся старик, но подобрел. – Если ты зейтунец, то скажи. Я всех знаю.

– Я сын дарпина Акопа, – тихо сказал Мовсес.

– Аллах, аллах, – прошамкал старик и поднял голову: – Ты зачем вернулся?

– Вернулся? – переспросил Мовсес. – Откуда?

– Значит, тебя тут не было? Мир перевернулся в твоё отсутствие, не ищи своих здесь. Многих убили, почти всех мужчин, а остальных погнали... в пустыни.

– За что? – простонал Мовсес. – Как же так?!

– Не знаю, говорили много чего, ты уходи, уходи из страны. Отца и дядей не вернёшь, сам спасайся... Их в кузнице убили,

не ищи, только смерть найдёшь. На, возьми и уходи. – Старик протянул ему котомку с едой.

Мовсес, ещё не веря сказанному, тупо смотрел в сторону города и повторял:

– Этого не может быть, этого не может быть!

– Что ты там мямлишь, – рассердился старик. – Вот позову сейчас кого-нибудь! Уходи, говорю, если жить не надоело!

– Да как же это случилось?

– Их обманом взяли, по-другому вряд ли получилось бы. Сказали, если сами не сдадутся, в окрестных армянских деревнях никого не пощадят, все под ятаган пойдут, ну, а если сдадутся, никого не тронут. А как оружие сдали, так и пошла бойня. Какой же мужчина в такое время оружие сдаёт?

Старик вдруг заволновался, потом тихо, но строго сказал:

– Сядь и молчи, если что, ты – мой внук, всё равно по-нашему говоришь.

Мовсес сел и оглянулся. К ним направлялись двое солдат.

– Кто с тобой, Хаким?

– Внук мой, сын Джевада. За мной послали из долины, вот отдохнём и в путь пойдём.

– Гявуров вокруг не видел?

– Откуда им взяться, – усмехнулся старик, – вы город в армянскую могилу превратили, разве покойники ходят?

– От этих неверных всего можно ожидать, – один из солдат и внимательно посмотрел на Мовсеса. – Он что, немой?

– Не немой я, – охрипшим голосом сказал по-турецки Мовсес, – дед говорит, вот я и молчу.

Солдаты ушли.

– Прости, Хаким-паша, что так вышло.

– Ладно, пошли отсюда, провожу тебя. Я армян уважаю. Меня армяне больше кормили, чем свои, я добро не забываю. Тебе в долину нельзя, там не пройдёшь. Иди через горы, я дорожку укажу.

Мовсес на этот раз послушался старика, и вскоре они скрылись в горах. Мовсес шёл молча, не понимая, как смогли зейтунцы допустить, чтобы их так обманули. Они всегда отличались от остальных армян Киликии тем, что владели оружием, не платили дань, держались друг за друга. И фактически не-

зависимая армянская область процветала среди высоких гор, возвышающихся над киликийской долиной. Столько веков под османским игом зейтунцы стояли за себя и избегали погромов, как же они обманулись?

Хаким помог Мовсесу спастись. Многие годы он безрезультатно искал родных, но даже не найдя никого, не падал духом и не верил, что все погибли. В Восточной Армении он создал большую семью. У него родилось пять сыновей и три дочери. Уже в преклонном возрасте он собрал всех детей и внуков вокруг себя и наказал им: «Я, Мовсес Дарпинян, сын дарпина Акопа из **Зейтуна** и Мариам, дочери Ованеса из Харпута. В Зейтуне Дарпинянов было пять семей – 38 человек, из которых 25 мужского пола, а 13 женского. Заклинаю всех вас искать своих предков, живых и мёртвых, дабы вечно жили армяне и жила память о невинно погибших».

Мы находили потом земляков деда. К сожалению, Дарпинянов среди них не было. Но мы были рады им как самым близким родным. Это было уже третье поколение после Генцида, и они не могли знать дарпина Акопа и его семью, но какая разница, из чьих мы все семей, зейтунцы – это единая семья мужественного и гордого народа.

Геннадий АМИРДЖАНИЯН,
предприниматель, 45 лет

ЗНАБЕРД

Мой дед Серго Амирджанян был родом из села Знаберд Нахичеванского уезда. Серго с детства любил рисовать и часами мог пропадать в горах, чтобы отразить красоту нахичеванской природы в своих рисунках. Карандашей и бумаги у

него не было, но он наловчился рисовать угольками на дощечках. В 1900 году он уехал в Батуми, чтобы поступить в художественное училище, но по приезде на место узнал об Александре Манташеве (Манташян), которого в городе Батуми называли «нефтяным королем», о нефтеперерабатывающем комбинате, куда набирали молодых армянских рабочих для обучения и работы. Можно было заработать реальные деньги, и Серго отказался от мечты стать художником. Через год он женился на девушке Овсане из Знаберда и пригласил пятерых братьев в Батуми работать на Манташевском заводе по изготовлению тары. Работа была трудной и грязной, но платили хорошо, без обмана. Сколотив за несколько лет небольшой для города и огромный для села капитал, братья вернулись в родное село, чтобы заняться фермерством. В Знаберде жили и другие родственники Серго, каждого из которых он обеспечил работой. За год были выстроены помещения для скота, куплен мелкий и рогатый скот. Глядя на Амирджанянов, и другие односельчане загорелись идеей поднять свои хозяйства. Слава о зажиточных знабердцах шла по всему нахичеванскому краю. Село было окружено горами и отрезано от азербайджанских сел, но зато оно было вблизи от границы с Арменией, куда можно было попасть через горы по горным тропам. Население Знаберда было только армянским. В других сёлах уезда встречалось преимущественно смешанное население из армян, курдов, татар, цыган и даже евреев, но знабердцы жили большой единой армянской семьёй. Сюда приезжали покупать племенной скот, армяне спускались в Нахичевань продавать масло, сыр, шерсть. Жители села, красивые и приятные по характеру, в то же время были отважными воинами, борцами за веру. Это не нравилось азербайджанцам («адербейджанским татарам» по тогдашней терминологии), ведь в городе они были более обеспечены и владели почти всей землей, на которой работали в основном армяне. Но Нахичеванский уезд ещё в 1849 году стал входить в Эриванскую губернию, состоявшую из Эриванского, Нахичеванского, Александропольского, Нор-Баязетского и Ордубадского уездов. В связи с этим жители Нахичевани, несмотря на разбои, столкновения армян и мусульман, грабежи и погромы со стороны татар и курдов, ощу-

щали себя на родной земле и были сильны духом. Остальные районы Восточной Армении вошли в Тифлисскую и Елизаветпольскую губернии. Такое административное деление в основном сохранялось до 1917 года.

В конце XIX века из многих армянских сёл Нахичеванского уезда мусульмане стали вытеснять армян, но Знаберд им был не по зубам. Последний раз знабердские **фидаи** оборонялись четыре дня, и хотя турки снабжали мусульманское население денежными средствами, оружием и военным имуществом, знабердцы отстояли село. Армянские женщины славились своей красотой и умом, хозяйственностью и плодовитостью, в связи с чем среди курдов и мусульман похищение армянских девушек было обычным делом. Мой дед, имевший к тому времени уже трёх дочерей, всегда был в первых рядах защитников своей земли. Но в 1918 году, когда турецкая армия оккупировала армянские территории Нахичевани, Зангезура и Карабаха, армяне Знаберда впервые были вынуждены оставить село и, преследуемые турками и курдами, стали уходить через горы в Егегнадзор (**Восточная Армения**). Женщины с грудными детьми и старики шли впереди, в середине колонны шли подростки, а замыкали колонну вооружённые мужчины и юноши. Всё нажитое добро пришлось оставить. Весь скот разогнали по горам в надежде, что скоро вернуться и смогут собрать оставшуюся часть. Уходить было трудно, плакали даже закоренелые воины, украдкой смахивая скупые мужские слёзы. В дороге многие дети, в том числе и две дочери Серго, умерли от малярии. А третью дочь похитили вместе с подругой, когда взрослые спускались в ущелье за водой... Как ни искал Серго с односельчанами девушек, их и след простыл. Только в двухстах шагах от места стоянки нашли порванные туфли одной из них. Видно, похитителями стали курдские кочевники. Погоревав, люди двинулись дальше. В Восточной Армении они остановились в селе Хачик Егегнадзорского района. Рассказывали, что все знабердцы были в трауре, когда в Нахичевани в декабре 1918 года турки передали власть своему ставленнику Джафар-Кули, хану Нахичеванскому, который провозгласил себя генерал-губернатором Нахичевани и образовал Араксскую Республику. Жители Знаберда не рас-

сеивались по Армении, они ждали, когда можно будет вернуться домой. Возвращались в село несколько раз в надежде, что **Гарегин Нжде** – командующий армянскими войсками в Зангезуре – освободит Нахичевань.

В мае 1919 года, когда армянские войска при поддержке британских отрядов разгромили Араксскую Республику и включили Нахичевань в состав Республики Армения, знабердцам казалось, что они вернулись навсегда. Но через два месяца Армения потеряла контроль над Нахичеванью. И снова через горы часть населения ушла в Восточную Армению, другая часть, в основном молодёжь, – в непокорённый гордый Зангезур к Гарегину Нжде бороться за свободу. В 1990 году знабердцы вернулись на родину, на опустевшие земли, в разграбленные и разгромленные дома, которые когда-то населяли армяне, и, несмотря на трудности, начали обустриваться. Не знаю, откуда и где наши предки брали столько сил для возрождения, как и не понимаю того, какая сила заставляла их вновь и вновь возвращаться на родину, на землю, за которую пролилось столько крови и слёз. Иногда мои предки мне представляются в виде стаи птиц, улетающих в свои тёплые края. Для них Знаберд был самым тёплым и милым краем – их родиной.

Многие знабердцы, и мой дед в том числе, уже бесповоротно покинули свою родину в августе 1920 года, когда между правительством РСФСР Ленина и турецким правительством Мустафы Кемаль-паши был подписан договор о дружбе, который закрепил нахождение в Нахичевани турецких и советских войск и совместное управление краем. Среди оставшихся на этот раз в Знаберде были и братья моего деда. А 16 марта 1921 года в результате давления Турции на Советскую Россию и шантажа азербайджанской нефтью был заключен **Московский российско-турецкий договор**, и Нахичевань была включена в состав Азербайджанской ССР на правах автономной территории. И только после этого решения турецкие войска были выведены из Нахичевани. К тому времени статус **Карабаха** был также пересмотрен в пользу Азербайджана. И лишь благодаря армянскому боевому сопротивлению под предводительством Гарегина Нжде этой участи избежал

Сюник (Зангезур), оставшийся до сих пор армянским клином, разделяющим Турцию и материковый Азербайджан. Таким образом, при попустительстве Советской России, равно как и молчании Запада, произошел раздел частей **Восточной Армении** между Турцией и Азербайджаном. А Знаберд как был армянским селом, так и остался им. В последующие после Геноцида годы селились здесь только армяне, ибо другим нациям дома не продавались принципиально.

Но в 1989-м посредством последовательной геноцидной политики Баку армянское население из Нахичевани было окончательно изгнано. Целый год знабердцы защищали село. Азербайджанцы опасались устроить здесь резню, ведь жители были вооружены, они охраняли село днем и ночью, да и потом, рядом была граница с русскими танками. Но в 1989 году командир российского гарнизона потребовал, чтобы жители оставили село и ушли в Армению: никто больше не мог ручаться за их жизнь. Люди до конца не верили, что им придется всё бросить и уйти. Село было зажиточным, почти в каждом дворе стояла машина, там проживало 1600 армян. Примерно в то время мои двоюродные братья попали в плен к азербайджанским боевикам. Юношей избили и бросили в грузовик. По дороге один из моих братьев сбежал и успел добраться до пограничного поста Садарк. Русские солдаты вмешались в инцидент и освободили всех троих. Моим родственникам тогда понадобилось длительное время для реабилитации.

А знабердцы, перейдя в Армению, основали поселение с названием Нор-Знаберд. Мой дед Серго и бабушка Овсана, обосновавшись в Восточной Армении ещё в 1920 году, родили четверых детей. Впоследствии, в 1950-е годы, один из их сыновей, Теван, приехал в Ереван учиться в машиностроительный техникум, где встретил девушку, чьи родители были родом из села Знаберд, и женился на ней. И где бы впоследствии ни жил и ни работал мой отец, он всегда находил знабердцев, поддерживал с ними связь. И я очень благодарен своему отцу за то, что он привил нам любовь к нашей многострадальной земле, к нашему народу, к нашему пусть взятому в плен, но непокорённому Знаберду.

Карине КОЧАРЯН,
художественный руководитель
ансамбля армянского танца «Наири»

НАМ ИДТИ ДАЛЬШЕ

Я родилась и выросла в городе Кировакане Армянской ССР, там же выбрала стезю танцевального искусства, создала семью. Когда меня пригласили на время приехать в Нижний Новгород и помочь создать танцевальный ансамбль, я согласилась. В душе я большая патриотка, и мне очень хотелось, чтобы наши детки в спурке танцевали «кочари» и другие танцы наших предков. Создание ансамбля – работа большая и трудная, но как бы я ни выматывалась, меня всегда переполняло чувство гордости и любви к своим ученикам. Приводя своих детей в ДК железнодорожников учить армянские танцы, родители осознают, что их дети не только учатся танцевать, они здесь слышат армянскую речь, сами начинают говорить, общаться друг с другом. Здесь они впервые познают, что являются носителями древней армянской культуры, знакомятся с историей своего народа, ее культурой. За последний год мы с хореографом Анаит Сарибекян сделали акцент на танцы, которые танцевали наши предки в Западной Армении сто лет назад.

К чему я завела разговор о своей работе, об ансамбле? Я считаю, что потомки армян, погибших во время Геноцида, должны созидать, жить и строить светлое будущее. Мы должны быть сплочёнными и идти в одном направлении, ведя своих детей по правильному пути. Каждому под силу вставить свой кирпичик в общую идею. Только так мы сможем почтить память предков и оправдать их надежды и мечты.

Геноцид осквернил, обескровил прошлое армян, превратил их в сирот, забытых и брошенных. Но мы возродились, мы встали на ноги и не имеем права всё время оплакивать про-

шное, мы должны вырастить свободную, умную и справедливую молодёжь, любящую жизнь.

Последние два года, как только начала действовать армянская Апостольская церковь «Сурб Аменаприкч», армяне Нижнего Новгорода проводят День памяти 24 апреля в церкви на молебне за упокой душ жертв Геноцида. Нужно сказать, наша молодёжь, в частности и ансамбль «Наири», показала себя достойной своего народа. На последнем дне памяти под удары колокола они выстроили в траурной рамке из 99 лампад пылающий крест. Никто не мог удержать слёз. У каждого на душе было что вспомнить, было кого помянуть...

Была весна 1918 года. После победы революции в России русские войска были отозваны от участия в Первой мировой войне. Кавказский фронт остался оголённым. Турция, воспользовавшись моментом, решила не только вернуть Западную Армению, но и захватить Восточную. К маю турецкие войска захватили Ерзнка, Эрзурум, Сарыкамыш, Карс, а к 15 мая – и Александрополь. После захвата Александрополя турецкие войска стали атаковать армян в трёх направлениях: Сардарапата, Баш-Апарана и Караклиса, то есть Кировакана. Турки заняли Ванадзор, неподалёку от которого находилось село Гяргар, где жили мои родные. Моя бабушка Атон была тогда молодой девушкой. Она рассказывала, как её прятали в тонире, чтобы не отдать туркам, которые не раз наведывались в село за красивыми армянками. Несколько раз её удавалось спасти, но вот кто-то из страха донёс, где прячут девушку. Отец и старший брат пытались ее спасти, но силы были неравны, и их убили. Всю жизнь Атон мучило то, что её отец и брат были из-за неё убиты. В тот день турки, выбрав в селе несколько десятков молодых девушек, погнали их под прицелом оружия вниз с гор. В сумерках турки устроили привал и приказали девушкам танцевать для них. Когда очередь дошла до Атон, она сказала, что знает танец с мечами. Туркам стало интересно, и они дали ей ятаган, не ожидая, что она ударит рядом стоящего турка и ранит его. Когда турки поняли, что случилось, они подняли крик и открыли огонь, но девушки стали разбегаться, а окруженная врагами Атон бросилась в ущелье.

Удивительно, но она не разбилась, только всю оставшуюся жизнь хромала на одну ногу.

Моя бабушка прожила до 86 лет. Она вышла замуж за любимого человека, родила двух сыновей. Она всегда во всём была нам примером, говорила, что если вы правы, ничего не бойтесь, Бог на вашей стороне. Я считаю себя верующей, хотя бываю на воскресных службах в церкви не так часто, как хочется (занятия в ансамбле в выходные дни), но 24 апреля обязательно – это святое. Каждый армянин должен считать своим долгом почтить в этот день память христианских мучеников.

Мы живём в XXI веке, нам идти дальше: растить детей, делать всё, чтобы сохранить свою веру, язык, культуру, традиции и, конечно, историю своего народа. Она нужна нам, чтобы сохранился народ, сохранилась нация. Только давайте задумаемся, как передавать эту историю, чтобы не навредить самим себе, не навредить национальному сознанию и авторитету родины. Главари Геноцида хотели поставить точку в истории Армении, никак не ожидая, что разбитые, униженные, обезглавленные и рассеянные по всему миру армяне подадут миллионы голосов. И несмотря на то что было сделано всё, чтобы искоренить любое свидетельство о Геноциде, потомки Сасуна и Муша, Вана и Тарона, Зейтуна и Трабзона воскресли, чтобы заявить, что они жили, живы и будут жить всегда!

Давайте жить! Жить и мстить, но не мечом и кровью, а строительством новых городов, церквей, школ, культурно-просветительных центров! Давайте преуспевать в науке и искусстве, в написании новых книг и всему, к чему бы мы ни прикоснулись, придавать свой национальный духовный, нравственный колорит.

Мариам САРГСЯН,
экономист, 22 года

КАК МОЖНО ЖИТЬ С ТАКИМ ГРУЗОМ ГРЕХА?

Когда я всё-таки решилась написать историю своих предков для книги «Сто первая весна», вдруг поняла, как это трудно сделать. Все чувства и мысли просто не хотели мне подчиняться, образовался хаос из сплетения депортации, борьбы фидаинов, Карабаха, резни, преданности, самопожертвования, мужества и боли. И тогда я решила рассказать о своём, сокровенном, о том, что всегда в моей памяти.

Начну с того, что каждый из нас, армянских девчонок и мальчишек, с детства знает о Геноциде 1915 года. Эта память священна, она будет жить и в нас, и в будущих поколениях. Погибло полтора миллиона армян – эта цифра в сердцах, в умах, на устах у каждого армянина. Я очень часто задумываюсь о современных турках, они ведь такие же люди, как все. Как они могут жить с таким грузом греха. Не верю, что они могут жить счастливо и их не мучает совесть. Как можно жить с таким адом в душе? Я не признаю версию, что турецкая молодёжь не знала или не знает о Геноциде. В наш-то век! Целая нация по всему свету вот уже сто лет заявляет о Геноциде, а они этого не знают – как-то несерьёзно.

Мои прадедушка и прабабушка с маминой стороны были коренными жителями деревни Ярасар в Турции, к сожалению, не знаю, какой области, там они познакомились и поженились. Когда начались погромы в соседних районах, мужчины на окраине села вырыли погреб, где прятались дети и женщины, а сами, собрав отряд фидаинов и взяв оружие, поднялись в горы, откуда легче было защищать не только своё село. Интересен тот факт, что в их селе жила одна турецкая

семья, которая помогала им во всем. Жена турка приносила еду детям и женщинам, передавала новости. Когда депортация дошла до их местности, оставшиеся в живых ушли в село Чат в Турции, там они прожили до 1924 года. Многие погибли, но прадед и прабабушка остались в живых с сыном и женой брата прадеда, который погиб в бою с турками, погибли и их двое детей. Ранее их фамилия была Арутюнян, после переезда в деревню, они поменяли ее на Чатилян. Соседи-турки предупредили их, что им лучше уйти, жить им здесь власти не дадут. Ночью они помогли армянам перейти в Армению, где те поселились в Абовянском районе, в деревне Зар. Уже в Армении родилась моя бабушка. Когда ей было пятнадцать лет, ее мать (а моя прабабушка) умерла, а вскоре умер и прадед. Осталась только жена брата прадеда. Она никогда никому ничего не рассказывала, чего-то боялась и постоянно, как говорили домочадцы, вздрагивала от шума. Всем запомнились её мозолистые руки, которые были в старых ссадинах и рубцах. Она прожила до ста с лишним лет. Говорят, что иногда она терялась во времени, и тогда ей казалось, что вот-вот должен прийти её муж фидаи и спасти её и их детей...

Гарник САРГСЯН,
ученик 11-го класса, 17 лет

СЛАВНЫЕ ЗАЩИТНИКИ НАРОДА

Я люблю слушать истории о наших отважных фидаи (участниках национально-освободительного движения), какими были и наши прадеды. Невольно оказываешься там, с ними, в непроходимых горах. Сильные, мужественные, суровые, как скалы, с преданной и доброй душой. Такими были

наши предки, армянские защитники – фидаи. Они были и в Западной Армении, они были и в Карабахскую войну. И тогда, и сейчас формировались добровольческие отряды. Почти вся тяжесть защиты населения ложилась на их плечи. Были в горах сёла, куда турки даже близко боялись подойти, ибо добровольцы день и ночь охраняли свои дома и семьи. А скольких беженцев спасли армянские бойцы, помогали, отстреливаясь от врага, дойти до границы, а потом вновь возвращались за другими. Они не думали о себе, они думали о народе, больше людей спасти, довести до границы. Та же самоотверженность, готовность пожертвовать собой ради родины, ради друзей, ради потомков проявилась и в Карабахскую войну. О них можно писать и восторгаться, брать пример и верить в жизнь.

Когда в прошлом году Азербайджан нарушил перемирие и начал обстреливать и бомбить наши позиции в Карабахе, на которых гибли неопытные призывники, об этом стало известно. И на линию фронта, оставив семьи, вернулись бойцы-фидаи, которые прошли войну. Отодвинув молодых в тыл, они заняли передовую линию. Из патриотических и нравственных соображений прикрывая своих молодых солдат, они ввязались в бой с азербайджанской стороной. У меня и сейчас мурашки по телу от этого героического поступка. Люди с большой буквы, готовые пожертвовать собой, только бы с неопытными молодыми ребятами ничего не случилось. Я тогда несколько раз перечитывал это сообщение в Интернете.

Национальная армия сформировалась в Карабахе за короткий срок. И как бы пафосно это ни звучало, заявляю, что мы гордимся нашими героями и хотим быть на них похожими. И как жаль, что армяне Западной Армении не смогли сформировать такую же силу и защитить себя.

Наш опалённый вечными войнами народ хорошо знает цену мира и помнит имена своих героев, таких как Андраник, Нжде, Арабо, Сероб Ахбюр, Монте Мелконян, Командос, Армянский Рембо (Ашот Дарбинян), Душман Вардан, Татул, Мецн Мурад, и многих других. Мы говорим, что нам не нужна война. Мы любим мирную жизнь, но не дай Бог, если родина окажется в беде, тогда появятся новые фидаи, славные защитники народа.

Тамара ДАНИЕЛЯН-МУРАДЯН,
оператор-связист, 51 год

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

Кто никогда не испытал на себе страх уничтожения, не смотрел смерти в глаза, не грыз себя изнутри вопросами: почему и за что? – тому трудно судить и понять наши поиски справедливости и требования человеческого отношения к своей нации.

Многие молодые армяне, приехавшие в **Карабах** воевать за свои земли, положили на алтарь родины самое дорогое – свои жизни. Они умирали без стопа и слёз, жалея лишь о том, что не смогли обрести полную независимость для своей страны и близких, не обеспечили им мирного места под солнцем. Они являлись внуками и правнуками тех армян, которые несколько десятков лет испытывали на себе ужасы Геноцида, невыносимые трудности скитаний, унижения и рабства перед другими государствами в надежде, что им предоставят право на убежище, небольшой кусочек земли – место под солнцем. Они были сыновьями отцов, которые шли на любые трудности, только бы поднять детей, вернуть оставшимся в живых после Геноцида лепестки веры и надежды на возрождение. Бедные наши деды и отцы, не думали они, что их внукам и правнукам вновь придётся братья за оружие, чтобы быть хозяевами своих надежд и чаяний, хозяевами самих себя, своей веры и земли. Разве многого они желали? А знаете, что хуже смерти? Это разочарование и чувство собственного бессилия от того, что мир по-прежнему глух и нем по отношению к твоему народу, народу, так и не обретшему за столетие покоя и мира, но зато вознагражденного духом общенационального единства.

Часть I. Исторический нонсенс

Я родилась и выросла в селе Бузлух Шаумянского района АзССР. Здесь в послегеноцидные годы родился и мой отец,

а мама была родом из села Гюлистан. В семье нас было трое детей: я, сестра Самара и брат Акоп. Нужно сказать, что несмотря на то, что по документам мы находились в Азербайджане, ни один армянин не считал, что он находится не на своей исторической армянской земле, ибо вплоть до Октябрьской революции было историческим нонсенсом рассматривать Карабах отдельно от Армении. Огромная армянская территория – всё Карабахское ханство с Гюлистанским краем, Нахичеванское ханство, Елизаветпольская губерния и другие регионы – с 1813 года (после девятилетней войны и Гюлистанского трактата) перешла из состава Персии в состав России. Так что нужно стопроцентно считать, что мои предки до революции жили на исторических землях Армении, входящих в состав России.

А оказались мы в составе Азербайджана следующим образом.

Первая мировая война, Геноцид армян, Февральская и Октябрьская революции; Турция на фоне хаоса льстиво первой признала власть Советов, убеждая Ленина в своих революционных взглядах, мол, Турция – страна, борющаяся против мирового империализма. Ленин, поверив этому бреду и нарисовав себе мечту внедрить большевизм и в Турцию, потребовал от Временного правительства вывести «оккупационные» русские войска из турецкой Армении. Однако глава Временного правительства Керенский вынужден был публично ответить большевикам: «Мы не можем уйти из Армении, поскольку тогда от Армении ничего не останется. Она погибнет от ятагана турка».

За 14 дней до взятия Зимнего Ленин писал: «Если Советы возьмут власть в свои руки, мы обязаны вывести войска из Армении». Это называлось «экспортом революции» – на Восток, в Турцию. Придя к власти в самый канун нового 1918 года, вождь революции вместе со Сталиным подписали-таки зловещий документ, даже не представляя, что в скором времени Ататюрк разгромит коммунистическую партию Турции. А вскоре на бывших армянских и персидских землях было создано искусственное государственное образование, которое, как писал историк Е.А. Пахомов, «провизорно назвали Азер-

байджаном». К тому времени большинство мусульман Закавказья находились под влиянием турецкой партии «Мусават», которая с особо жестоким коварством организовала резню армян – теперь уже в Баку, Гандзаке (Елизаветполе, Кировабаде), Шуше, чтобы окончательно отрезать Иран и бывшие армянские земли от России.

Мой дед, Мурадян Давид (Бек), был из города Мокк, а бабушка, Офелия Мурадян, – из города Ван, Западной Армении. У них было две дочери. В 1901 году дед вступил в партию Дашнакцутюн. Здесь он познакомился с легендарным Андраником. Как раз перед их знакомством Андраник с тридцатью гайдуками оказался окружен в монастыре Аракелоц¹¹ турецким полком из пяти батальонов. На 24-й день после длительных боев Андраник и его гайдуки ночью вышли из монастыря и, всем на удивление, без единой потери поднялись в горы. В 1912 году мой дед вместе с армянскими добровольцами под руководством **Андраника и Гарегина Нжде** участвовал в **Первой Балканской войне**. Впоследствии, когда Андраннику было поручено сформировать и возглавить первую добровольческую армянскую дружину в составе русских войск Кавказского фронта, мой дед отвез жену и детей в Эчмиадзин, а сам снова присоединился к Андраннику. Он сражался за города **Ван, Битлис, Муш**. После войны турецкое правительство разыскивало Андраника, посулив уйму денег тому, кто доставит его живым или мертвым. Андраник скрывался в Болгарии, а потом отправился в Америку, а мой дед вернулся в Эчмиадзин, но своей семьи там не нашел.

Не дождавшись мужа, бабушка Офелия, спасая детей от голодной смерти, вернулась в Западную Армению, где остались ее родители с братьями и сестрами. Но резня армян и депортация вынудили её вместе с другими беженцами пройти пешком через всю Среднюю Азию, чтобы снова оказаться в Эчмиадзине. Из их большого рода Мурадянов выжили лишь отец, она и её дочери. В Араксе, спасая мать и сестёр, погиб и единственный брат Офелии. С большим трудом они добрались в село Эркедж Шаумянского района, а затем волею

¹¹ Святых Апостолов (арм.).

судьбы мои дед Давид и бабушка Офелия воссоединились в селе Бузлух. У них родились впоследствии семеро детей: четыре сына и три дочери. Дед умер в 1937 году, и бабушка одна подняла детей на ноги.

Часть II. В горниле кровавых будней

Наверное, такие чувства, как любовь к своей земле и народу, преданность вере, боль, страх и ярость, сопровождают армянина на протяжении всей его сознательной жизни. Сколько помню себя, я всегда о чём-то или о ком-то беспокоилась, горела, болела душой. Всегда с семьёй и своими близкими находилась в горниле вулкана борьбы, войны, противостояния. Теперь все эти баталии кипят где-то глубоко душе.

Когда я становлюсь свидетелем дискуссий о Геноциде или же Карабахе, похожих больше на игру в патриотизм, меня охватывает страх: как бы молодым не заиграться! Как бы не затянуться конфликту на уровне бесконечной вражды. Ведь сама идея войны, кроме очередного потока беженцев, ничего хорошего не принесет и саму проблему не решит. Нам хватает прошлого, в котором остались наши древние армянские церкви, могилы предков, сотни тысяч погибших и раненых, сотни тысяч беженцев, разрушенные города и поселения, миллионы поломанных судеб.

Сейчас я живу в Нижнем Новгороде, но мыслями я там, в Карабахе.

1988 год. Я работала на почте в отделе связи. Во время ночного дежурства меня попросили соединить первого секретаря райкома Шаумянского района с Баку. Совсем не желая того, запомнила фразу из разговора: «всё идёт по плану», а на следующий день мы узнали о Сумгаите. До резни армян в Сумгаите и Баку между армянами и азербайджанцами уже была напряжённость, которая началась в августе 1987 года, когда карабахские армяне послали в Москву коллективное обращение, подписанное десятками тысяч граждан, с просьбой передать НКАО в состав Армянской ССР. После Геноцида обессиленная резнёй и войнами Армения не могла встать на защиту своей независимости, но в 1988-м карабахцы решили, что лучше погибнуть, чем очередной раз

перенести истребление и унижение. В конце марта мы с семьёй (я, мой муж, три дочери) переехали в армянский город Чаренцаван, где мой супруг Аветик Исраелович Даниелян стал работать с ребятами на литейном заводе. Они изготавливали оружие, патроны, снабжая партизан карабахцев. Он был родом из села Неркин-Шен. Иногда Аветик с ребятами на вертолётах перебрасывал оружие в Карабах, где они оставались по несколько месяцев на передовой, и тогда в цехе работали другие ребята. Из наших в Карабахе воевали муж сестры Зармик со своими тремя братьями, мои двоюродные братья Григор, Гегам и Ваган. Они с моим супругом Аветиком всегда вместе стояли на посту. Безграничный патриотизм, преданность делу освобождения своего народа привели в Карабах и многих добровольцев – воинов армянского народа. Они стали надеждой и путеводной звездой армянского народа. В этих молодых защитниках земли отцов жил дух выражаемого протеста армянского народа против насилия. Не отставали от молодых и люди в возрасте. Мой отец Борик Давидович Мурадян развозил по отрядам прибывавших в Карабах со всех сторон армян, а мама, Анаит Овсеповна Сейранян, готовила, кормила, перевязывала, молилась за всех как за своих сыновей. Её все так и называли Анаит-майрик.

Сколько наших ребят погибло, сколько пропало без вести! Только из моей родни – Славик Даниелян, Шаген Мигранян, Аркадий Сейранян, Ваник Лалаян и многие другие, кто защищал Эркедж, Бузлух, Манашид, Верин-шен, Фарух, Акбулаг, Авдур, Талыш, Чартар.

1988–1991 годы, самые тяжёлые и кровавые: землетрясение, резня армян в Сумгаите, Баку, изгнание армянского населения с его исконных земель силовыми структурами АзССР и отрядами особого назначения, а также МВД АзССР, блокада всех дорог, ведущих к Карабаху, отключение света, воды и радиотрансляции.

Летом 1991 года было депортировано армянское население двадцати четырех сел, в том числе и нашего. Людей не успевали перебрасывать на вертолётах в Армению, мужчины и старики уступали места женщинам и детям, а сами отбивали

вражеские атаки одну за другой. Наши ещё безусые подростки выросли на глазах, защищая своих матерей и сестёр. Как это забыть?

Была предпринята попытка депортировать село Вериншен, однако жители села отбили наступление, помогая жителям Эркеджа, Бузлуха, Манашида уйти в Гюлистан и к лесу, чтобы пробраться из Шаумянского района в Степанакерт. Потом мы уже узнали, что оставшиеся в своих домах (в основном пожилые) люди подверглись насилию со стороны азербайджанских омовцев. Многие были убиты, погибли и пропали без вести сотни людей, а все шаумянцы в одночасье потеряли свою родину, дома, имущество, могилы предков, а ведь это был не 1915 год!

19 августа 1991 года в Москве начался путч, который подержал президент Азербайджана Муталибов. Однако уже 21 августа путч потерпел поражение, члены ГКЧП были арестованы. В Карабахе ситуация на время разрядилась, войска отступили. Я понимаю, что отошла от темы столетия Геноцида. Но поверьте – войны в Карабахе можно было бы избежать, не оторвав его в 1920 году насильно от матери-родины и не отдав на семидесятилетнее поругание чужеземцам.

Сегодня международные посредники в урегулировании азербайджано-нагорнокарабахского конфликта делают вид, что вопроса Шаумяна – Геташена «не существует». Многие годы такую же недалёковидную политику занимали, к сожалению, и власти Республики Армения. Но это – страусиная политика. Без Арцаха, Западной Армении, Шаумяна-Гюлистана и Геташена не может быть нам покоя. И пока этот вопрос не решен, наивно полагать, что всё у нас хорошо, мол, и так проживём. Я хочу, чтобы все мы вспомнили об ответственности, заглянули в себя, прежде чем обвинять противоположную сторону и предлагать ей изменить свою позицию. От болезни – ненависти и вражды – можно ещё избавиться, лишь бы все стороны поняли, что Геноцид армян и Карабахский конфликт – это не только трагические страницы истории одного государства, а страницы истории многих европейских государств, а самое главное, Турции. И лечить эту болезнь надо общими усилиями.

Алексан АЛЕКОВ,
водитель, 55 лет

Я АРМЯНИН

Я армянин, но мало общаюсь с армянами. Я армянин, но плохо говорю на своём родном языке. Я армянин, несмотря на то что мои предки, живя долгое время после Геноцида 1915 года среди азербайджанцев, поменяли окончание в нашей фамилии. Я армянин в третьем поколении (точка отсчёта – 1915 год), но за всю свою жизнь никогда вот так открыто об этом не заявлял, никогда! Просто я понял, что турки никогда не дадут международному праву защитить наш народ, они тратят миллиарды на деятельность по предотвращению признания Геноцида армян, и их слышат, им верят! Смотрят на тысячи армян, живущих на чужбине, видят их боль, а верят туркам. Возможно, я не думал бы так, но кровавые события в **Сумгаите**, Баку, Геташене, Шаумяне и в других армянских городах уже в конце XX века уверили меня, что я прав. Ведь это было продолжение Геноцида, второй акт и третий. Первый прошёл на бис, почему бы не повторить удавшуюся практику в более «современном», изощённо жестоком варианте! Моя семья покинула Азербайджан за три года до геноцида в Сумгаите 1988 года, и нас миновало убийство только за принадлежность к армянской нации. В дни бакинских погромов¹² я заперся от детей в ванной комнате и плакал навзрыд. Почему такое стало возможным? В результате геноцидов армяне продолжают терять и людей, и земли, продолжают оставаться в статусе народа-изгнанника, народа-беженца. Тысячи армян на чужбине ассимилировались с местным населением, забыли язык, традиции, потеряли связь с родными. Почему так не-

¹² 1990 год.

справедлив мир? И вот тогда я подумал, что, возможно, быстрая ассимиляция – лучший вариант для армян? Это ли не спасение от несправедливости слепого и глухого мира. Или самим стать глухими и слепыми, каким решил стать я. Но последний вариант, как оказалось, неприемлем для нашего организма, это нам не подходит. Разум и душа изо всех сил держатся за прошлое! Знаете, в чём превосходство других народов по отношению к нам? Оно заключается в том, что над их нацией не издевались, у них на глазах не убивали их детей, не насиловали дочерей и жён, и они не знают, каково это – чувствовать себя животным, которое гонят на убой. Я этого не видел, но когда думаю об этом, во мне бурлит кровь, прерывается дыхание от чувства, что, возможно, мы, армяне, – просто ничтожества. Это такое противное чувство, это хуже, чем сама смерть. А тут попробуй, проживи с этим чувством, которое убивает в тебе всё человеческое, унижает, настраивает на разочарование и даже на мщенье... Это говорю я, человек, считающий себя плохим армянином, а что делать патриоту?

Случайно в Интернете наткнулся на сообщение о создании книги из историй о Геноциде: долго читал его, перечитывал и наконец понял, что это кровь предков во мне требует участия. Если даже книга не получится, я всё равно благодарен этой писательнице, ибо она после долгих лет моей отключки возвращает меня к корням. В детстве, а потом в юности, пока мы жили в Азербайджане, я редко, но слышал отрывки из жизни моих предков. Род Алекянов был из **Карса**. Мои родные говорили о Геноциде вполголоса, словно боясь, что вот-вот откроется дверь и заново начнётся страшное и невообразимое, начнётся резня. Я не знаю подробностей скитаний и мучений своего деда и бабушки, просто знаю, что у деда было пять братьев и у всех были семьи, но спаслись лишь семеро человек. Мое незнание – очередное доказательство тому определению, что я никчёмный армянин, но, как оказалось, любящий трепетно своё, армянское... Поверьте мне: независимо от места рождения и проживания, трудно представить, что кто-либо ещё так чувствует родину, как чувствует её армянин. И если кто-то из нас скажет: да ладно, я спокойно к

этому отношусь, я родился на Урале, здесь мой дом, семья, и я не вижу надобности в другой родине, – он говорит правду. Но эта правда до поры до времени. Чувство любви к родине, к своим корням, к своему, пусть и несправедливому, прошлому в нём просто дремлет, и с годами оно обязательно проснется, как проснулось во мне.

Аркадий ГЮЛЬГАЗАРЯН,
педагог, 59 лет

ЧУЖОЕ НАМ ЗАЧЕМ?

Родился я в городе Шамхор – это центр Шамхорского района Азербайджанской ССР. Даже будучи юношей, никогда не задумывался о том, что живу не на своей земле. Для каждого человека родина – это место, где он родился: особое, неповторимое, куда тебя тянет всю жизнь. Семья наша жила в достатке. Нас трое братьев и одна сестра. Одним словом, мы были местными, не приезжими и не депортированными из **Западной Армении**. Я это говорю потому, что в то время я считал себя просто армянином из Азербайджана, живущим в «свободном» государстве и, сколько я себя помню, жили мы со всеми нациями мирно. В 1973 году я окончил Ереванский педагогический институт и, вернулся работать в родную школу. Вскоре я женился по любви на Светлане Саакян – девушке из армянской семьи, уважаемой в Шамхоре. Мы жили отдельно от родителей в большом дворе с тремя зданиями. Соседями нашими были азербайджанцы. Интересно то, что большие ворота во двор можно было закрыть, но они всегда были нараспашку, как и наши сердца. О событиях в Сумгаите мы с женой узнали из новостей по телевидению. Не

сразу поверили, что это правда. На другой день Шамхор гудел как улей. Друзья и знакомые азербайджанцы без устали успокаивали нас, мол, это какое-то недоразумение, всё скоро утрясётся. Но ещё через день у знакомых армян появились родственники из Сумгаита, которых из пекла событий вывез сосед-азербайджанец. Оказалось, весь кошмар происходил наяву: 27 февраля сотни сумгаитских азербайджанцев после устроенного непонятно кем митинга, подогретые спиртными напитками, приступили к погромам квартир армян, их массовым избиениям, убийствам, которые длились до поздней ночи. А самое жуткое, что милиция и органы власти фактически бездействовали; некоторые азербайджанцы пытались оказывать помощь армянам – своим соседям и товарищам по работе, спасая их от беснующейся толпы, но лишь навлекали этим беду на свои головы. То, что рассказывали, очень трудно было принять, тем более понять. Сумгаитские события изменили моё желание жить всю жизнь в Шамхоре. Я переживал кризис доверия к центральной московской власти, которая, выступая по телевидению, «сожалела», что Советская армия «опоздала» всего лишь на три дня, перестал доверять бакинской власти, где с трибун видные и уважаемые мной до этого дня люди взывали к долгу мусульман сплотиться в войне с неверными. По тому, насколько была напряжена обстановка в городе, было ясно, что кто-то явно провоцировал людей, пропаганда работала вовсю!

Было ещё одно неприятное обстоятельство для армян Шамхора – в городе появились азербайджанские беженцы из Армении. Их разместили в основном по деревням. Они распространяли клеветнические слухи о том, что в Армении убивают и насилуют азербайджанцев, жаловались на лишения и призывали освободить квартиры от армян и самим поселиться в них. Мы, армяне Шамхора, понимали, что всё это кончится плачевно. Жена моя была в положении, и я принял решение уехать в Армению. Мы с женой посоветовались с родителями, но никто не хотел уезжать в надежде, что всё образуется. У моего тестя, Артёма Аршаковича, работавшего экспедитором, было много друзей в высших инстанциях, которые то ли скрывали, то ли старались смягчить характер и масштабы

произошедшего, в результате чего он был спокоен. Но мы все же стали готовиться к отъезду. Решили взять только необходимое. О продаже дома не было и речи. Попрощаться с нами пришли коллеги-учителя. Помню как сейчас, что была где-то середина мая. Вдруг кто-то пустил слух, что из деревень идут толпы по сто, двести человек, настроенных против армян, и что в сёлах района и на окраинах города имеют место погромы армянских домов. Вскоре всех армян города пригласили в райком партии на совещание. Будучи уверенным, что на нашей улице погромов не будет (из-за близости к зданию райкома), я, оставив беременную жену и годовалую дочь на попечение соседей, ушёл.

На совещании шло обсуждение создавшейся «неблагоприятной для армян ситуации». Нам дали понять, что после Сумгаита пути назад уже нет, тем более что за два с лишним месяца общественное напряжение и национальная вражда между азербайджанским и армянским населением возросли. Армянам дали два часа на сборы. Обещали милицейский кордон, который вывезет нас из города на автобусах.

Тема насилия в отношении мирного армянского населения со стороны азербайджанцев достаточно освещена. и, к сожалению, факты погромов, убийств и мародерств правдивы, но почему-то мы мало вспоминаем своих азербайджанских соседей, друзей, которые многих спасли, многим из нас помогли. Пока я был на совещании, агрессивная толпа азербайджанцев, среди которых были и беженцы из Армении, выкрикивая угрозы и проклятия, дошли и до нашего дома. Соседка Лейли встала снаружи ворот.

– Мы знаем, здесь живут гяуры, – кричала толпа, – а ну-ка, открывай ворота!

– Выгнали мы проклятых, – заявила Лейли, – а дом себе взяли. Слава Аллаху, очистились от них! – Ей поверили, и толпа пошла дальше.

Вот так она спасла мою семью.

Два часа сборов казались вечностью. Приходили соседи, приносили еду на дорогу, успокаивали, что всё сохранят – и дом, и мебель, вернётесь, как всё пройдёт. Приходили украдкой друзья, сетовали, что всё неправильно, что они не вино-

ваты, кто-то за всем этим стоит. Нам было неловко и больно, очень больно, что приходится всё бросать и убегать, как будто мы преступники. Вывезли нас на нескольких автобусах в сопровождении милиции. Ехали окружным путём, чтобы не встретиться с разъярённой толпой. В автобусах слышался плач детей и женщин, но в основном все молчали. Это был болевой шок человеческих душ. Кто бы мог подумать, что всё так обернётся?!

В Армении нас встречали соотечественники, успокаивали, спрашивали, есть ли к кому поехать. Подъезжали люди на машинах и тоже предлагали помощь. Всё делалось бесплатно. У меня в Абовяне жил дядя, вот туда мы все и отправились. В том городе мы прожили со Светой мало. Нас пригласил к себе в Ленинакан брат Светы, Наир, он работал врачом, и я подумал, что это лучший вариант. Но, видно, у армян началась очередная чёрная полоса, ибо беды не оставляли нас. 7 декабря 1988 года мы с женой решили купить детскую кроватку. Дома остались моя тёща с полутороговой нашей доченькой Анушкой и жена Наира – Эмма с сыном, ровесником нашей дочери. В 11 часов или около того мы с женой пошли в универмаг, но судьба распорядилась по-своему. На пути был небольшой мебельный магазин, и жена настояла, чтобы мы зашли туда. Слава богу, я её послушался. Если бы мы дошли до универмага, нас давно уже не было бы в живых. Через полчаса послышался непонятный подземный гул, который с каждой секундой усиливался. По тому, как ходуном стал ходить пол и всё вокруг стало дрожать, я понял, что это землетрясение. Люди с криками стали выбегать из магазина. А вокруг творился хаос – как спичечные коробки рушились и падали дома, земля ходила волнами, клубы дыма и пыли, как дыхание невидимой подземной твари, поднялись к облакам и затмили солнце. И вдруг... тишина... а потом, после тишины – пронзительный, бьющий по нервам рёв людских голосов: плач, крики о помощи. Мы, не узнавая разрушенной дороги, помчались назад. Наши были живы. Бабушка и Эмма, схватив детей, успели выбежать из дома в одних сорочках и тапочках...

Не буду вдаваться в подробности и описывать те страшные дни, которые вряд ли когда-то удастся забыть. Мы снова вер-

нулись в Абовян, где нам предоставили общежитие. В феврале 1989 года я позвонил соседям в Шамхор, чтобы узнать, можно ли продать дом. Они очень были мне рады и сами предложили купить его, так как поняли, что назад возврата нет. Пообещали, что гарантируют безопасность, если я сам буду присутствовать и проконтролирую продажу. Честно говоря, даже тени опасности я не почувствовал, когда был в Шамхоре. Встретили меня по-кавказски и проводили так же. Только вот дом я продал за копейки, такие были цены. Вернувшись в Армению, я через некоторое время купил дом в селе Мхчян, где в данный момент живут мои родные. А мы с женой и двумя дочерьми переехали жить в Россию.

В Нижнем Новгороде у меня тоже есть знакомые азербайджанцы, с которыми я в хороших отношениях. Дружить, как раньше, не получается. Слишком много обид, упрёков друг к другу; чуть копнёшь глубже – и лица меняют свои приятельские очертания, все кажется не таким, как было... Мы уже не просто личности, не сами по себе, мы вовлечены в нечто большее, на щеках наших еще краснеет отпечаток «пощечины» истории, он все еще жжет и, кажется, никогда не растворится. Для них многие вопросы, касающиеся нашего прошлого, потеряли важность и актуальность. Многие азербайджанцы отвергают существование в истории «Карабахского вопроса», так же как и турки отвергают наличие «Армянского вопроса», мол, они (турки и азербайджанцы) стали жертвами опасной армянской идеологии. За окном двадцать первый век, говорят они, всё, что было, надо забыть. Для нас же прошлое не имеет срока давности, и если мы даже захотим – забыть не получается, память не обманешь. Есть и третье мнение в черных тонах, как с одной, так и с другой стороны: зачем мириться нашим народам? Всё равно начнём делить земли. Но мы-то знаем реальные причины армяно-турецкого конфликта: земли нам делить не надо, мы требуем своё, чужое нам зачем?

Маник МУРАДЯН,
пенсионерка, 87 лет

ИСТОРИЯ ЕЁ ЖИЗНИ – ЭТО ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Сидя на тахте, она издали задумчиво смотрела в окно. С 14-го этажа виднелся лишь квадратный кусок осеннего прозрачного неба. По её сосредоточенному лицу было видно, что мой вопрос – что же в жизни главное? – заставил её вспомнить прошлое. Я смотрела на ее молоджавое, приятное лицо и чувствовала, какая сильная и позитивная энергия исходит от неё. Но вот она встрепенулась, провела ладонями по белым, как снег, волосам и с улыбкой повернулась ко мне:

– А вот мы сейчас вместе пройдемся по основным главам моей жизненной повести и решим, что же главное в этой жизни.

– Что ж, я готова, – ответила я, машинально взяв в руки блокнот.

– Начало моего жизненного пути выпало на очень трудное время. Оглядываюсь назад и говорю сама себе: неужели ты прошла через все эти трудности, Маник? Прошла, выстояла, когда многие сломались. Жизнь моя состоит из разных событий, больших и малых. На первый взгляд, ничего сверхъестественного, а приглядишься – каждое событие отражает и минусы, и плюсы той эпохи, в которой я родилась, каждая деталь, даже самая невзрачная, является отражением истории страны. Через 20–30 лет прочтут о нас праправнуки и будут иметь представление о моём «послегеноцидном» поколении. Будь проклят тот Геноцид – и он, и его организаторы! Сколько жизней унёс, какой цвет нации погас, за сто лет не можем отойти от того кошмара!

– Ваши предки тоже прошли через тот ад?

– Нет такой семьи, которой не коснулась эта трагедия, турок ведь и в 1918 году, и в 1920-м до этих мест доходил. Мои предки из Восточной Армении, но предки мужа из Западной Армении и через самое пекло Геноцида прошли. Но давай по порядку.

Очень трудно, не испытав на себе тяжести того времени, представить, как народ существовал первые годы. Голая, голодная беднота. На траве только и выживали. Летом ели и на зиму заготавливали, плели и на чердаках сушили, а зимой бросишь в воду горстку пшена да травы сушёной, вот тебе и царский ужин. Всё вынесли, выжили, страну на плечах вынесли. А спроси, чьи плечи были? Простого колхозника, который работал как вол да радовался, что турка нет над головой. Никто тобой не понукает как скотиной, ночью не вскакиваешь от шума, думая, что турок по твою душу пришёл. Вах аствац джан¹³, жаль мне мой народ, сильный духом, но покорный. А покорность та – от страха за своих детей, за семью, за ближнего. Если один шёл против турка, вырезали сёла. За это всё и терпели. Страх в ожидании убийств доходил до кошмара. По рассказам старших, страшно было не самому умереть, а перенести смерть своих детей. Когда на твоих глазах режут твое дитя, а ты не можешь ничем помочь... Надо было сообща отпор давать, вот тогда бы и земли остались, и народ не сгубили бы. А сейчас чего говорить да кулаками махать! Кулаки не нужны, тут закон нужен, такой закон, который на все страны действует. Пусть образованные головы этим занимаются, а говорить... Наговорились за сто лет...

– Тётя Маник, расскажите о своей семье, откуда вы родом?

– Родилась я в селе Баграван Анийского района Армянской ССР в семье деда Ерванда Тердерянца. Предки нашего рода были священниками из века в век, за ними и закрепились фамилия Тердерянц¹⁴. Впоследствии, боясь за сыновей и внуков, дед поменял фамилию на Тигранян, в честь Тиграна Великого, оставив фамилию Тердерян лишь своей дочери Вартануш, но и та при замужестве поменяла её. Такие были времена, даже от фамилии отцов отказывались.

¹³ О Господи (арм.).

¹⁴ Род священников (арм.).

Как пришла советская власть, многое стало меняться в жизни людей. Сначала у народа отобрали то, что они смогли создать после войн и Геноцида. Я имею в виду живность, скот, земли. Последнее отбирали, создавая колхозы. Коллективизация закончилась, вздохнул народ и только начал заводить хозяйство, раскулачивание началось.

У нас была большая патриархальная семья. Мой дед с бабушкой, их четыре сына Ардуш, Меруж, Виктор, мой отец Врам, тётя Вартуш, наша мама и мы. три сестры: Люся, Амая и я. Сколько получилось-то, одиннадцать человек? По тем понятиям мы жили хорошо, зажиточно. Люди, напуганные войной и прежними погромами, прятали зерно в землянках, вырытых на задних дворах. Зерно держали в больших карасах – глиняных кувшинах, похожих на бочки. Их теперь в музее только и увидишь. Там же, в землянках, прятали масло, сыр, мёд и другие продукты. В селе жило много пахэстакан, то есть беженцев, которые, перейдя границу во время Геноцида, не ушли вглубь страны в надежде вернуться домой, в Западную Армению. Граница была рядом, в двух километрах от нашего села. Помню, что дед Ерванд очень помогал бедным обзаводиться домом и хозяйством, он считал, что нужно всегда делиться тем, что имеешь. Видя, что многие стесняются его постоянной помощи, он подкидывал им работу по хозяйству, расплачиваясь продуктами, пшеницей.

Дед стремился и сам жить хорошо, и поднять хозяйства своих сельчан. Этому он учил и сыновей. Но пришёл 1937 год, и его объявили кулаком. Это были времена, когда тысячи людей покидали свой дом только за то, что они любили свою землю, работали дни и ночи, выращивали хлеб, строили и обустроивали жизнь для себя и других, прикладывая для этого всё своё умение и ум. А в результате стали врагами социализма. Дед, уходя, что-то приказал сыновьям. Мне тогда было уже девять лет, и я помню, что после его ухода в нашем доме всю ночь было полно народа. Резали скот: свиней, баранов, бычка. Кур и гусей раздали соседям. Утро ещё не наступило, а из села потянулись к городу Гюмри две подводы, нагруженные мясом. Продав всё, выручив деньги и купив всем домочадцам одежду, отец и дяди вернулись в село. Через день, заколотив дом, мы

перекочевали в село Анипемзу, что на границе с Турцией на берегу реки Ахурян. На другом берегу реки до сих пор видны развалины древнего армянского города Ани. Мы часто потом ходили смотреть на наш древний армянский город, который находится в плену у Турции. Это тоже наша история, горькая история – открытые раны, сурово зарастающие полыньёю.

– А зачем надо было уезжать из родного села?

– Переехали мы в Анипемзу, потому как там был цементный завод и рядом с селом расположен был комбинат, где вырезали из скал и тут же обрабатывали природные камни – пемзу, туф, андезит. Было где работать. Потом я поняла, что если бы мы не уехали из родного села, возможно, многие мужчины нашей семьи отправились бы за дедом. Если проследить поэтапно нашу историю, то в ней всё время были трагические страницы. Великая Отечественная стала для армян, пришедших в себя после Геноцида, ещё одним жестоким ударом. Куда ни повернись, стояли стон и плач. Армяне проклинали судьбу свою, турка, Гитлера. Наша семья не была исключением, на войну уходили отец и дяди. В Армении из-за Геноцида и так сократилось мужское население, а тут новая война забирала подростков ребят, а это новые бедствия и страдания. Армяне особо ненавидели немца – союзника турок, почти все считали, что немцы и турки совершили Геноцид армян, и поэтому на защиту родины наши мужчины шли воодушевлённо. Месть жила где-то в подсознании народа, та месть, которая не даёт нам покоя. Месть – это грех, но его не мы породили, не мы создали.

Она замолчала. Воспоминания тех далёких дней отразились румянцем волнения на её бледном лице, но она держалась молдцом и, бросив через минуту на меня взгляд, вдруг сказала:

– Ты пиши, пиши, не смотри, что я старая, я историю своей жизни знаю как свои пять пальцев. Пиши, пусть наши внуки учатся. Всё пиши. Не было бы Геноцида армян, не было бы Великой войны в сорок первом. Турку сошло с рук вырезание целого народа, так чего бояться другим, ведь всё равно с рук сойдёт...

Ох, и трудно же было людям в тылу. Опустели сёла и города, в основном остались старики, женщины, дети. Бабушка, мама и тётя стали работать, мы помогали как могли. В городах

перешли на продовольственные пайки, а в сёлах перебивались впроголодь. Особенно трудно было переносить холода. Я с сёстрами ходила на железнодорожную станцию Ани, она была в семи километрах от села, там в закопанных в землю бункерах был мазут, держа друг друга, мы опускали на верёвках бутылки, чтобы наполнить их мазутом, а потом тащили их в село, раздавали старикам и тем, у кого были детки. В мазуте мочили тряпки, кизяк, разжигали и грелись в тёмные тоскливые ночи. Дежурные на станции закрывали глаза на наше воровство, больше четырех-пяти литров в неделю мы, истощённые девчонки, всё равно бы не унесли... На отца за войну пришло две похоронки, но мы верили бабушке, которая говорила, что отец жив, и ждали. Отец пришёл с войны без одной ноги, на костылях, но нам было всё равно – он был жив.

– Вы говорили, что предки вашего мужа через Геноцид прошли, что вы знаете об этом?

– Замуж я вышла рано, в шестнадцать лет. После войны вдов было не считано, невесты засиделись в девках, а меня, малолетку, замуж выдали. Девушка я была рослая, боевая, работающая и весёлая. Замуж я вышла за Серёжу Мурадяна, он был фельдшером, обслуживал сразу несколько сёл в нашем районе. Таких врачей да больниц, как сейчас, и в помине тогда не было. Серёжа был из большой армянской семьи, где берегли все традиции и обычаи, историю рода и родины, песни и сказания. А если добавить, что они были из Западной Армении, становится понятно, что всё армянское для них было свято. Мурадяны уходили от резни два раза. Первый раз в 1895 году. Именно тогда на реке Мурат¹⁵ родился прадед моего мужа. Уходили они тогда, потеряв почти всех мужчин рода, и родившийся мальчик стал для них символом спасения. Река эта знаменита ещё тем, что во времена принятия Арменией христианства как государственной религии в водах Арацани приняли крещение царь Трдат III с войском и населением.

Переждав года три, Мурадяны вернулись к своим домам в надежде, что на родине всё изменилось. Ведь в армянских песнях и стихах так и говорится, что ненастные дни обяза-

¹⁵ Река Арацани, протекающая по Армянскому нагорью.

тельно сменяются солнечными. Их можно понять, ведь людям свойственно считать места своего рождения самыми лучшими на земле. Наверное, так устроен человек, что когда он рождается, место рождения свыше отмечается в душе. Но, к сожалению, в Западной Армении к возвращению Мурадянов ничего не изменилось. Разве может зверь измениться по своему мировосприятию, мироощущению? Не знаю, как сейчас, но в тех турках, представлявших власть, не было ничего человеческого и доброго по отношению к другим нациям, особенно христианам. Тогда, окружённые со всех сторон, они прибегли к самообороне, но не хватало боеприпасов, и в очередной раз они перешли в Восточную Армению уже в 1915 году, где и нашли себе прибежище. Местные армяне помогли беженцам чем могли, у людей одной нации не должно быть чужой боли.

– А для людей другой нации наша боль должна быть чужой?

– Ни в коем случае. Если у людей есть совесть и душа, то любая боль для них ощутима. Ты думаешь, мало кто помогал армянам в те страшные годы? Нет, я слышала и о хороших курдах, и о хороших турках, кто ценой своей жизни помогал нашим предкам. Закрывать глаза на трагедию народа могут только бездушные существа. Ну, а нам обязательно надо помнить и хорошее. Без благодарной памяти нельзя жить, неправильно...

Когда наступила очередная пауза, я поняла, что надо завершать беседу, и машинально задала вопрос, о котором как-то и не думала:

– Сколько у вас детей, тётя Маник?

– Ну вот ты и подошла к самому главному, что есть у человека на этой земле, – радостно улыбнулась она. – Самое главное в жизни – это чтобы не было войны, чтобы люди жили в достатке, рожали детей и жили счастливо. Я всегда была подмогой своему мужу, Царство ему небесное. Работающим и порядочным человеком он был, хорошим отцом и внимательным мужем. Из села уехали мы в город Ленинакан (Гюмри), вместе с мужем строили дом, вместе сажали сад, вместе растили четверых сыновей...

Арман ГРИГОРЯН,
строитель, 37 лет

ВЕЛИК БОГ АРМЯН

Мои предки были родом из села Зрчи **Карсской** области. В селе насчитывалось более 850 домов, пять из которых принадлежали моим родственникам. Они были известными на всю Турцию ковроделами, занимались торговлей, имели собственную маслобойню, куда за маслом и сыром приезжали со всей округи. Сам город Карс являлся крепостью, и при набегах курдов или же турок крестьяне укрывались в крепости под защитой русских солдат. В Карсской области было много русских, поселившихся здесь давным-давно, в городе была даже русская школа. В 1914 году в Карсскую область потянулись армяне-беженцы, многие ушли в Восточную Армению, многие остались в Карсе, уверенные, что Геноцид минует область. Но спокойная жизнь оборвалась, превратившись в кошмар на долгие годы. В марте 1918 года Карсская крепость без сопротивления была передана Турции (по **Брест-Литовскому мирному договору**). Овладев Карсом, турецкие войска в первую очередь начали истреблять армян. Мои предки разделили трагическую судьбу своих соотечественников. Убегая от турецкого ятагана, покидая родные края, они через реку Аракс перешли в Восточную Армению. По счастливой случайности из всего рода погибли только трое. Не зная, где остановиться, они решили добраться до Тбилиси, где жил их дальний родственник.

Бараки для беженцев после свободной и состоятельной жизни на родине показались им слишком душными, тесными и неудобными. Вернувшись в Советскую Армению, они расположились напротив армяно-турецкой границы, надеясь, что в скором времени вернуться домой, куда было рукой подать. Ведь если взобраться на высокую скалу, было видно

брошенное родное село. В мае 1919-го пришла весть, что Карс передан Армении, и Григоряны в числе многих вернулись в родные края. Но уже через год турецкие войска, стремясь захватить Восточную Армению, заняли Карс, вырезав восемь тысяч армян... Оставшиеся в живых снова ушли в Восточную Армению.

Мой дед Манук Адамович родился в 1924 году в селе Нор-Артик по эту сторону Аракса и о судьбе своих родных знал из рассказов отца и старших сестёр. Кстати, один из них, гордость рода – Амаяк Григорьевич Бабаян, прославленный генерал-майор, чьим именем я назван, стал Героем Советского Союза. Он погиб 21 апреля 1945 года в боях за Берлин. От имени отца генерала Бабаяна – Григория, погибшего от рук турецких погромщиков в 1920 году, и пошла наша фамилия Григорян.

Моя тётя, сестра деда, прожила долгие девяносто лет. Она жила надеждой о возвращении на родину. Пережив в шестнадцать лет ужасы Геноцида, она часто повторяла: «Велик Бог армян, он не даст нас в обиду, вернёт домой...» Слыша это не раз, я однажды поинтересовался, почему она говорит «Бог армян», разве Бог только наш? Она посмотрела на меня и, подняв указательный палец к небу, вдруг тихо поделилась: «Ты знаешь, мне кажется, он тоже армянин, не то разве смогли бы армяне спастись в той мясорубке?»

И я тогда подумал, что именно христианская Вера после бесконечных гонений, убийств и унижений даёт нашему народу силы жить и надеяться. И если однажды на чужбине мы запаматуем свои традиции, то свою Веру мы ни за что и никогда не забудем. Она у нас армянская, то есть христианская.

Ашот ТОНОЯН,
строитель, 39 лет

НАША ПАМЯТЬ – ЭТО ЖИВАЯ КНИГА

Мои предки были из села Бланухи, которое находилось в южной части Мушской равнины на берегу реки Арацани Западной Армении. Насколько я помню, взрослые не раз называли реку Мурат, которая известна мне тем, что армяне, среди которых были и мои предки, отходя в горы, сражались на мосту этой реки. Их по сравнению с турками было мало, как мало было и оружия. Многих унесла река, многие попали в плен, а кто выбрался – бежал в Восточную Армению. Всё превращается в пепел, но только не народная память. Она у нас общая, делящаяся на притоки. Один из таких притоков – память о моих предках, роде Тоноянов, который, как принято у армян, был многочисленным.

Мой прадед Григор Тоноян был сильным и смелым, честным и бесстрашным, за что его очень не любили турки, поставившиеся при первой возможности расправиться с ним. Весной 1915 года, когда начались погромы, Григор был уже женат и имел двух сыновей. Старшему, Мушегу, было четыре года, а младшему, Ашоту, – год.

Погромы и притеснения были частым явлением в армянских кварталах городов и селениях, мужчины, как всегда, встали на защиту своих семей и домов, но на этот раз потерпели поражение, ибо враг был настроен на уничтожение армян. Армянские села были разорены, улицы переполнены трупами. В Муше, Канасаре, Сурб Карапете, Шамбе и во многих сёлах армяне прибегли к самообороне, но потерпели неудачу. Из 109 армянских сёл, в которых проживало около 80 тысяч человек, в Восточной Армении нашли прибежище всего лишь полторы тысячи человек, одной из них была и моя прабабушка Базе, жена Григора. Исполняя последнюю волю мужа спасти сыно-

вей, она попала в село Маралик, где проживала до 1935 года. Зная, что в селе Сусер Талинского района много выходцев из Муша, Базе переехала туда.

Интересуясь родиной предков, я не раз читал о плодородной богатой земле Муша, о её садах и полях, о реках и ручьях. Меня всегда мучает обида и горечь от того, в какие каменистые места загнал враг мой народ. Захватившие плодородные земли родины армян-аборигенов, враги на весь мир объявили, что отныне нет Армянского вопроса, потому что нет самих армян. Они были уверены, что в разрушенной каменистой Восточной Армении полуживые беженцы не выживут. Они хорошо знали, что 95 процентов этих нищих беженцев составляют старики, женщины и дети. Чтобы выжить, мои предки очищали каждый сантиметр земли от камней. Вырывая, сдвигая, ломая и вытаскивая эти камни из земли, люди складывали их в небольшие холмики, чтобы на освобожденном лоскутке земли посеять пшеницу. Издали из-за этих холмиков камней можно было подумать, что по гористой местности прошлись кроты. Это на самом деле чёрная работа, я видел, как это делают, и сам ходил собирать камни, помогая бабушке с бабушкой.

Интересен тот факт, что рядом с Сусером есть село, которое называлось раньше Сабунчи, что в переводе с армянского означало «это не гнездо». Кто-то хотел предупредить, мол, люди бегите отсюда, здесь не место для жилья, но беженцы Муша Западной Армении попали именно в эти края. У них не было выбора, им надо было спасти детей. Наш трудолюбивый народ на камнях вырастил хлеб и вырастил своих детей. Это была единственная надежда на выживание. И народ выжил, взрастил не только хлеб, но и сады.

Выросли и сыновья Базе – Мушег и Ашот. Мушег женился, и у него родились двое сыновей. По просьбе матери Мушег одному сыну, Варужану, дал родовую фамилию Тоноян, а вот второму, Герасиму, в честь своего отца, погибшего во время Геноцида, приписал фамилию Григорян. Так в нашем роду появилась и вторая ветвь – Григорян.

Оба сына Мушега живут в Армении, а вот его самого в 1937 году советская власть выслала в неизвестном направлении...

Второй сын Базе, Ашот, в двадцать три года влюбился в девушку Агуник, которая приехала в гости к родственникам из Севастополя. Её предки тоже были из Муша, а отец даже воевал в отряде Андраника-паши. Девушке шёл всего пятнадцатый год. Ашот её просто выкрал. История вышла интересная, ибо Ашот тогда не подумал, что девушка может ещё вырасти, что и случилось. Агуник через несколько лет стала чуть-чуть выше своего мужа. Но это не мешало им жить в любви и мире. От этой любви родилось десять детей – пять сыновей и столько же дочерей. Пусть простит меня читатель, но я не могу не назвать их по именам, вот они: Ардавазд, Арамаис, Арарат, Григор, Сократ, Сусанна, Света, Эмма, Асмик и Зепюр.

Арамаис – мой отец. А всего у моего деда Ашота 32 внука. Умер он в 1991 году в Сусере. А бабушка Агуник, обладательница золотой медали «Мать-героиня», умерла в 2007 году.

Царство им небесное и всем нашим ушедшим предкам.

В нашем роду много мальчиков, названных именами наших родных, и я один из них. Потомки западных армян, особенно мушцы (мшецик) и сасунцы (сасунцик), почти всегда женятся и выходят замуж за выходцев из Муша и Сасуна. Вот почему мы не забываем нашу историю. Наша окаменевшая память – это живая книга, которую мы перелистываем и читаем. Эта книга отображает жизнь, историю, традицию и быт наших далеких предков. И таких книг миллионы – столько, сколько армян на земном шаре – у каждого по книге!

Народ умирает, когда в битвах погибают отцы и не рождаются сыновья. Мы не погибнем, ибо мы рожаем и сыновей, и внуков, мы строим дома, сажаем сады и передаём новому поколению книгу памяти, доставшуюся нам от предков. Эта книга учит нас мужеству и свободе, преданности своей вере и корням, любви к своей родине...

Валерий АЙРАПЕТЯН,
капитан КГБ, 62 года

Я БУДУ ВСЕГДА СО СВОИМ НАРОДОМ

Мы, Айрапетяны, – коренные карабахцы из города Гадрут. В 1826 году мой прапрадед в армянском добровольческом отряде сражался с русскими против персов. Именно тогда, в феврале 1828 года, был подписан Туркманчайский мирный договор. По этому договору из ханств Эриванского и Нахичеванского образовалась Армянская область, вошедшая в состав России. Прадед мой служил в царской армии в казачьем полку, который находился в Дизакском уезде Карабаха, дед служил в российских войсках и заслужил орден Красной Звезды. Ну а я, как видите, недалеко ушёл от них. Это у нас в роду – быть с Россией и быть со своим народом. Все карабахцы знают, что благодаря вступлению **Карабаха** в состав России начался подъем и процветание Карабаха. Армянство края сохранило любовь и уважение к России, к русскому языку и к русской культуре.

Чего только не вынесли карабахцы! Нашествия персов, арабов, сельджуков, монголо-татарских и турецких орд... И всегда вставали на защиту веры и родной земли. Наверное, оттого, что история Карабаха всегда была насыщена сложной политической и социальной борьбой, мужчины там воинственные и мужественные. Не видел ни одного карабахца, увильнувшего от армии – за всю свою жизнь не припомню такого случая.

Народ Карабаха очень терпелив. Мысль, что он живёт в Советском Союзе, а не в Азербайджане, удерживала карабахцев от многих опрометчивых шагов. Народ был лишен возможности изучать армянский язык и историю Армении. Читать армянскую литературу, газеты, а также поэзию армянских по-

этов. Помню, когда меня, молодого отчаянного комсорга, верившего в коммунистическую партию и коммунизм, выдвигали на работу в КГБ, спросили: как будешь вести себя на этой работе? Я прямо ответил, мол, как вёл себя, так и буду вести. Я всегда во всём старался помочь своим соотечественникам и не собирался менять свою позицию. Был у нас сотрудник Балян, не помню, по какому случаю, но однажды он прочитал наизусть одно из патриотических стихотворений Шираза о потерянной родине. На другой день об этом знали все в округе, задействовали все местные СМИ, его за армянский национализм исключили из партии, а скоро вообще выслали из области. И никто из нас за него не заступился. Страх – дело серьёзное, все молчали, а в высших инстанциях отчитались, что ростки национализма вовремя были искоренены.

Показав на примере, как надо очищать область от остатков политически незрелых людей, меня направили в Минск на высшие курсы по подготовке кадров. К тому времени я уже имел высшее педагогическое образование. После Минска я прошёл стажировку на Украине, где был совсем другой климат и профессионализм. Когда я познакомился с честными чекистами, меня взяла зависть, что они служат своей родине, своему народу, а мне нужно было возвращаться в Карабах и служить против своего народа, выискивать и искоренять ростки «армянского национализма», ибо, как объясняли в обкоме партии, понятия «азербайджанский национализм» не существует... После Киева я поступил в Высшую школу КГБ в Москве. Работал и учился.

У меня много премий и наград, но самая главная для меня награда – это Благодарственное письмо от Андропова. Он был настоящим чекистом и хорошо понимал и трагедию армянского народа, и проблему Карабаха. Есть ещё один документ, ставший для меня памятью о тех годах, которые хоть и были трудными, стали самым активным и насыщенным временем моей жизни. Это почётная грамота, написанная на трёх языках: русском, армянском и азербайджанском.

Чтобы не ассимилироваться в Азербайджане и получить хорошее высшее образование, суметь найти работу в родном крае, карабахцы отдавали своих детей в русские школы. Это

давало возможность поступить в лучшие вузы Советского Союза, стать хорошими специалистами в разных областях науки и искусства; во-вторых, дипломы российских и других вузов СССР (кроме вузов Армении) открывали дорогу карабахским армянам для работы на родине по избранной специальности. Вследствие такого умного подхода в Карабахе работали армянские врачи, педагоги, инженеры, но в начале 1990-х годов из Баку в Карабах стали направлять азербайджанские кадры. Поток кадров был так велик, что армянских специалистов стали притеснять и лишать работы. В институтах Карабаха стали ускоренным темпом открываться азербайджанские факультеты, что привлекало студентов со всего Азербайджана, а это настораживало армян, берегущих свою культуру и самобытность как зеницу ока.

Не дай Бог довести карабахца до отчаяния и ярости, что и случилось в итоге 70-летнего нахождения моей родины в составе Азербайджанской ССР. Первые митинги прошли в феврале 1988-го в Гадруте, а потом – покатило, как лавина по Арцаху...

Нужно сказать, что до этого мы, армяне, уже провели массовый сбор подписей под прошением в Москву о передаче Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР. В январе 1988 года в Москву направилась новая делегация, которая везла не только обращения карабахцев, но и 84 документа, касающихся истории, этнографии, экономики и культуры Нагорного Карабаха. В ответ на это начались погромы и массовые убийства армян в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Шамхоре, затем по всему Азербайджану, в результате которых погибли сотни людей.

Был введён комендантский час.

Помню, в это время вдруг подключили армянское телевидение, которого сроду не было в Карабахе. Католикос Вазген I обратился к армянам Карабаха. Речь была краткой, но ясной. «Бог терпел и нам велел. Если хоть один волос упадёт с головы русского солдата, я от вас отрекаюсь».

А вскоре ввели и чрезвычайное положение. Прекратилось снабжение жителей НКАО продовольственными и промышленными товарами, было прекращено пассажирское сообщение по железной дороге, автомобильные магистрали для

армянского населения закрылись, закрылись авиарейсы Степанакерт–Ереван. Азербайджан развязал агрессию против мирного населения.

В область были введены части внутренних войск МВД СССР и Советской армии, открыто поддерживавшие азербайджанцев. Началась операция «Кольцо», превратившаяся в итоге в агрессию против армян и депортацию армянского населения.

Знаете, чем отличается война в Карабахе от войны в Чечне?

В Чечне воевали бандиты, не народ, а в Карабахе воевали все армяне от ребёнка до старика. Я мог стать генералом, но я выбрал войну. Взяв в руки оружие, я встал со своим народом на защиту собственных прав и свобод.

Я больше чем уверен, что если бы армянский народ всего мира не поднялся на защиту своего Карабаха, новый Геноцид армян был бы обеспечен. И я призываю любой народ к сплочению и единению во всём, во всех делах, касающихся национальной чести и достоинства.

Мартин ШАМОЯН,

председатель Езидской общины Нижнего Новгорода

ВЕЛИК ТОТ НАРОД, КОТОРЫЙ СПЛАЧИВАЕТСЯ В БЕДЕ

Меня зовут Мартин Шамоян, я езид и очень хорошо понимаю армянскую солидарность в Армянском вопросе. Если б они не держались друг друга во всём мире и не требовали целый век справедливости, их бы, во-первых, не уважали, а во-вторых, они не были бы такими сплочёнными. Велик тот народ, который сплачивается в беде. Некоторые, непонятли-

вые, говорят: сто лет назад был Геноцид, а армяне одну и ту же пластинку крутят. Правильно делают! Армянская пословица гласит: «Понимающему – один раз скажи, непонимающему же – тысячу и один раз». Если бы не говорили и не требовали, их бы, как езидов, бомбили и заставляли принять ислам.

Посмотрите, что сделали с нашим народом в Ираке! Несмотря на свое миролюбие и терпимость, езидам в Ираке никогда не было легко существовать. В Ираке езидская община насчитывала примерно один миллион человек, более полумиллиона езидов под угрозой принятия ислама или смерти, преследуемые боевиками группировки «Исламского государства Ирак и Леванта» (ИГИЛ), стали беженцами, ища приюта в соседних странах. Народ Армении разделил с нами наше возмущение в связи с трагическими событиями в Ираке. Правительство Армении передало езидам Ирака помощь в размере 100 тысяч долларов США, а также продовольственную помощь. Езиды в Армении всегда имели возможность развивать свои традиции и культуру: даже в советское время издавались газеты, действовали курсы езидского языка. Мы всегда считали армян своими братьями и наравне с ними участвовали в освободительном движении за Арцах. В ходе армяно-азербайджанского конфликта погибли тридцать езидов.

Во время Геноцида армян 1915 года езиды Вана, Тигранакерта, Карса, Игдира, Сурмалу, Мардина также были уничтожены. Лишь малая часть езидов Западной Армении спалась от истребления и оказалась в дальнейшем в Сирии, Ираке, Армении. Езиды вместе с армянами храбро сражались против турецких оккупантов. У нас общий национальный герой Джангир-ага. Он в 1915 году после занятия Вана российской армией перешел со своим полком на ее сторону вместе с другими четырьмя езидскими полками, во главе которых стояли Сардар-бек, Наджид-бек, Осман-ага и Хусейн-бек. В 1909 году Джангир-ага подружился с Андраником Озаняном. Джангир-ага поддерживал армянских повстанцев, оказывал им военную и материальную помощь. После распада Кавказского фронта в 1918 году кавалеристы Джангир-аги действовали в составе Армянского добровольческого корпуса. А 16–18 мая 1918 года в Баш-Апаранском сражении приняла участие и

езидская конница Джангир-аги. Это событие и другие героические действия езидов описаны в книге А.Г. Трушяна «Героическое сражение под Сардарапато́м», где говорится, что в рядах защитников среди 700 всадников большинство были езиды. Дружба между генералом Андраником и Джангир-агой стала символом вечной дружбы двух древних народов.

О Геноциде нужно говорить и говорить громко, да так, чтобы мир содрогнулся и осознал важность его признания. Армения официально стала первым государством, ведущим международную борьбу с преступлением по имени «Геноцид». Люди Земли должны знать правду, какие кровавые события произошли сто лет назад с армянским народом и что ждёт другие нации, если на Геноцид армян не откроют глаза, которые были закрыты целый век! Ну, а я снова повторяю: мы, езиды, солидарны с армянским народом. Нас две нации, но мы – единый народ. Мы за мир, дружбу и справедливость!

Анаит НАРГИЗЯН,

биолог клинической лабораторной диагностики, 25 лет

ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ

Моя прабабушка Аястан Карапетовна Арутюнянц бежала из города Карс со своей семьей в 1918 году. Когда поняли, что русские войска точно оставляют город, семья Арутюнянц спрятала все свои драгоценности и сбережения в сундук и закопала его в своем дворе в надежде потом вернуться. Я не знаю, сколько было человек в семье, но по рассказам старших знаю, что Арутюнянцев было несколько семей, а вообще беженцев, направлявшихся из Карса в Армению, было очень много. Они долго шли по разорённой, кровото́чащей земле. Рассказывали,

что шли они под прикрытием войск Андраник-паши. Потом, уже в школе, на уроке истории я узнала, что когда в 1917 году рухнула Российская империя, границы были оставлены русскими солдатами, в результате чего Армения лишалась в лице России единственного защитного щита. Турки, не насытившись Геноцидом, решили захватить и Восточную (российскую) Армению. Армянские войска и фидаины, защищая беженцев и отбиваясь от турок, отступали. Прабабушке было всего одиннадцать лет, но она со взрослой скорбью запомнила сожженные церкви, груды мёртвых тел на обочинах дорог. Можно только догадаться, какой страх окутывал тогда ее сердце. Перейдя границу, они направились в сторону Армении, а оттуда – в город Краснодар. По дороге её мама умерла, отец с дочерью дошли до города, и он добровольно отдал девочку в детский дом, поскольку не мог в том хаосе позаботиться о ней. В этом городе остановился его брат с сыном, они периодически навещали девочку, и когда детский дом должны были переправить в Америку, именно семья брата сообщила отцу об этом. Тот забрал дочь и снова вернулся в Армению, в Ереван. Сама прабабушка не любила рассказывать о подробностях тех времен, говорила, что время было тяжелое...

Впоследствии одна из её дочерей стала моей бабушкой. Она часто рассказывала о своих родных, о своём детстве, о родине родителей – Западной Армении. Обходя страшные моменты, делая паузы, чтобы подобрать слова попроще, она говорила, что её родителей изгнали со своей земли. Наверное, она боялась своими рассказами нанести травму нашим душам. И на наши вопросы, что было и как было, отвечала: «Вырастите, разберётесь, как и я разобралась, а сейчас эта ноша вам не по плечу».

Бабушка была права, мы тогда вряд ли восприняли бы её рассказы разумом, скорее не поняли бы всей сути трагедии, а только обрели непонимание и раны. Но эти раны ожидали нас позже. Мы оплакивали и погибших, и ошибки лидеров армянского народа, которые вместо того, чтобы уповать на помощь великих держав и на поддержку друзей-младотурок, лучше бы готовили народ к вооружённой самообороне. Удивительно, но многие члены армянских партий и советов являлись и членами младотурецкого комитета «Единение и прогресс», комитета, который стал организатором Геноцида армян! Не-

ужели они не подозревали, что их ждёт?

У нас, у молодёжи, столько вопросов и непонимания поступков армянских депутатов и интеллигенции того времени, что мы думаем: не будь многих ошибочных решений со стороны лидеров армянских партий, возможно, не было бы стольких жертв. Бедные, доверчивые армяне понадеялись на великие европейские государства, которые сыграли с ними злую шутку: они могли предотвратить уничтожение армян, но не сделали этого, ведь с изгнанием армян появлялась возможность овладеть Арменией, а это означало владеть как востоком Малой Азии, так и Междуречьем. Армянское нагорье являлось важнейшим стратегическим регионом, и согласиться с тем, чтобы Армения досталась России, не было в мыслях ни у Америки, ни у Германии, ни у Австро-Венгрии, под чьим влиянием находилась Турция. Известный учёный из Австрии, доктор исторических наук Артём Оганджян в одном документальном труде пишет, что идею преследования армян туркам внушили «третьи силы», в первую очередь Германия, чья позиция проясняется благодаря инструкции от 7 октября 1915 года, где германское правительство делает заявление для прессы:

«Относительно преступлений против армян даём следующую инструкцию: наши дружественные отношения с Турцией не только не должны прерываться из-за её внутренней политики, но даже не должны обсуждаться в столь трудные времена. Уже потом, если иностранцы будут критиковать немцев как виновников этого вопроса, можно будет очень осторожно и с оговорками рассматривать этот вопрос, постоянно повторяя, что армяне ужасно разозлили турок».

Самое страшное для меня в этой истории то, что к Геноциду причастны христианские европейские державы. Закрыв глаза на уничтожение древнего христианского народа, европейцы уже видели оставленные территории под своим владычеством, мечтая о сферах влияния и нефти. Из всей столетней истории Геноцида армян нужно сделать вывод: нам нужно выдвигать свои требования не только Турции, но и тем европейским державам, чьи предки были соучастниками Геноцида армян. Так будет правильнее. Да и турки, поделившись грузом вины, может, налегке вспомнят прошлое.

Мариам ГУКАСЯН,
медицинская сестра, 53 года

БРОШЕННЫЕ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ

24 апреля 2014 года. В нашей любимой Армянской Апостольской церкви «Сурб Аменаприкч» горят свечи, слышится поминальная молитва, а внутри у меня своя молитва-стон, молитва-просьба: «Господи, даруй покой душам всех жертв преступлений, совершенных против моего народа. Даруй мир, силы, терпение и справедливость их наследникам. Останови тех, кто попирает жизнь, свободу. Господи, у каждого армянина живёт в сердце надежда, что после стольких скитаний по миру у нас один путь – возвращение на свою историческую Родину. Эта рана не затянется, пока не восторжествует справедливость. Когда же это произойдёт, тогда закончится война между теми, кто упорно хочет вырубить нашу память, и теми, чья память не поддаётся забвению!»

Родственники моей бабушки по маминной линии Вардуи были саруханцами. В 1915 году отец моей бабушки Вардуи – Ованес был главой одного из сел Муша. Узнав о погромах армянских кварталов в соседних регионах, он понял, что скоро турки дойдут до их села, и тогда невозможно будет никому спастись. Недолго думая он собрал из ближайших деревень мужчин всех возрастов и, сколотив отряд фидаинов, повел их против турок, защищать свои дома и семьи.

С мужьями, отцами и сыновьями расставались трудно. Все понимали, что, возможно, больше не увидятся. Обнялись, плакать не хватало сил. Вместо плача пересохшее горло выдавливало какие-то всхлипы, похожие на охрипший вой. Долго не могли оторваться друг от друга. В деревне остались жены и дети во главе с красавицей Софией, матерью моей бабушки. Но тут ко всем бедам прибавился ещё и тиф, который

охватил всю деревню. Брошенные на произвол судьбы люди стали гибнуть как мухи, погибла и София, и четверо ее детей. Из всей деревни осталась пятилетняя Вардуи с шестимесячной сестренкой на руках. Целую неделю она кормила сестренку, макая палец в воду. После недели голода Вардуи стала молиться, вспоминая, как это делали старшие. Она молилась у небольшого хачкара с образом святого Саргиса (Сергия), который был у них дома. Она умоляла святого забрать или ее душу или душу сестренки. Вечером в доме вдруг закрутился вихрь, и девочка отчетливо услышала топот копыт, а потом увидела, как открылась дверь и появился образ святого, потом дверь захлопнулась и святой исчез. Через несколько минут шестимесячная сестра умерла. Страшно испугавшись, Вардуи побежала на могилу матери, услышав вой собак, приняла их за волков и начала громко кричать и плакать. По дороге мимо кладбища шли беженцы, они прибежали на помощь ребенку. Одна из женщин узнала в Вардуи дочку своей родственницы. Вместе с ней они побежали домой и собрали все ценное, что осталось: серебряный столовый сервиз, серебряные и золотые украшения Софии. Основное богатство – золото – София успела закопать в саду в большом кувшине, чтобы не досталось туркам, но Вардуи не знала, где, да и лет ей было мало, чтобы об этом думать. Страх и горе поселились в душе ребёнка. С беженцами Вардуи дошла до Тбилиси, где через несколько лет Ованес нашел свою дочь. Вскоре отец Вардуи женился второй раз на девушке по имени Ангин, которая тоже была жертвой Геноцида.

Вот ее история. Турки собрали всех жителей села, среди которых были родные Ангин, и загнали в церковь, которую подожгли со всех сторон. Ангин сумела спастись благодаря одной женщине-езидке, которая спрятала ее под своей юбкой. Нужно сказать, что национальные разноцветные плиссированные юбки езидок были широкими и длинными, до земли. Глядя через тонкую ткань юбки, Ангин видела смерть армян-односельчан. Долго, очень долго крик горевших в церкви людей звенел в её ушах. Почти две недели Ангин не могла говорить и есть, но добрая езидка умоляла её поесть и сказать хоть слово. Вскоре девочка немного пришла в себя и узнала, что не

только она одна спасена. Ангин рассказывала, что в то ужасное время доброта людей других наций дала возможность выжить многим армянам. Девяносто девять лет армяне носят в душе траур по невинно убитым предкам. Через год будет сто лет, как мы, рассеянные Геноцидом по всему миру, стараемся донести до великих держав планеты свои проблемы – проблемы целой цивилизации, и при этом (с ума сойти!) есть «умники», которые ухитряются заявить: а был ли вообще Геноцид?

Гурген МАРТИРОСОВ,

директор частной стоматологической клиники, 42 года

ПРИВЕСТИ В ПОРЯДОК СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ДОМ

Когда после окончания школы я встал перед выбором, на кого учиться – на врача или историка, дядя сказал: «Учись на врача, армянину не надо учиться на историка, история у нас в крови. Мы и так все историки, знаем и своё прошлое, и настоящее». Он оказался прав.

Я люблю свою профессию, а история народа и страны всегда со мной. Мой отец тоже очень любил историю. Он знал все исторические даты Армении и России, количество войн и армий, все победы и поражения. Но была страничка истории, которая, как говорил отец, ещё не закончена, её должны закончить будущие поколения. Именно они должны поставить точку на этой странице, но только после справедливого решения.

Я родился в Узбекистане, но каждое лето я проводил в Армении. Я очень любил приезжать туда, пить родниковую воду, смотреть на красивейшие горы, дышать ароматом горных ар-

мянских трав. Возвращаясь в Узбекистан, всегда был согрет мыслью о том, что у меня есть Родина, она окрыляла меня и делала равноправным гражданином Армении в любой точке мира. Для человека очень важно иметь Родину, без нее любой человек сирота. В этом вопросе я хорошо понимаю евреев, борющихся за обретение своей родины, как понимаю и нас, армян, борющихся за возвращение Западной Армении, чтобы поставить точку на странице той истории, которая ещё не завершена.

Моя мама и вся ее родня – из древнего Арцаха (Нагорный Карабах), из деревни Сарушен. Позднее они переехали в поселок Гадрут, где построили большой каменный двухэтажный дом. В этом доме сейчас проживает моя тетя, мамина сестра.

Предки моего отца – беженцы из Западной Армении. После Геноцида армян 1915 года они оказались на территории Восточной Армении в деревне Женжерлю. Мы там были семьей в 1981 году, в то время там были только полуразрушенные дома и хачкары. Эта деревня навсегда осталась в моей памяти, так же как и родник с ледяной и очень вкусной водой. После революции предки моего отца переехали в город Армавир Краснодарского края.

В 1930-х годах мой дед Гурген женился на моей бабушке Марусе, они переехали в республику Узбекистан, где после войны родился мой отец.

Папа три года служил в ГДР, участвовал в чехословацких событиях 1968 года. В 1969 году он вернулся в Узбекистан. После ферганских событий наша семья переехала в Россию, в Нижегородскую область, которая славится многообразием этносов, проживающих на ее территории. Люди здесь дружелюбные, отзывчивые, и хочется отвечать им тем же. Мы дополняем друг друга и многому учимся через свои отношения. В России жить намного легче, чем в других республиках. Всё играет роль – и наличие работы, и материальное положение, и одинаковые христианские ценности. Независимо от нашего местонахождения и проживания, каждый армянин в первую очередь думает об ответственности за свои поступки, ибо он на чужбине является лицом нации, а во-вторых, о сохранении своей веры, языка, истории. Так было вчера, и так будет завтра.

Но меня в последнее время волнует другое – то, что ар-

мян в России становится всё больше и больше, приезжают не просто мужчины на заработки, как было принято раньше, а целыми семьями, покидая родину как место жительства. Лет десять назад шёл просто массовый отток населения Армении, но сегодня отток идёт в катастрофических масштабах. В чём причина? Я со многими разговаривал: первая причина – нет работы. А это, по-моему, вина и пробел в работе нашего правительства. И очень страшно, если в скором времени не найдётся выхода – очередная ошибка может стать роковой, не побоюсь этого выражения, и грозить исчезновением национальной идентичности внутри республики Армения. Вы представляете такую ситуацию – в то время как армяне диаспоры борются за сохранение веры, языка, культуры и традиций, на родине все эти ценности стихийно угасают. Когда я в юности (в шестнадцать лет) был в Ереване, то не мог насытиться армянской речью, колоритом разных диалектов, на котором говорили армяне. Меня поразили люди – красивые, культурные, интеллигентные, спокойные. Я не мог налюбоваться Родиной и радовался столице, где доминировала армянская субкультура. Это придавало мне сил на много лет вперед. А сейчас? Что мы можем увидеть сейчас в нашем Ереване, в сердце нашей Родины? Это сердце поражено болезнью, похожей на кариес. Здесь доминирует другая субкультура. Кого только не увидишь на улицах Еревана, но только не коренных ереванцев – где же они? Да везде: во Франции, в Канаде, Америке, России, Бельгии, Испании, но только не у себя дома. Кому и зачем вы оставляете свой дом, ереванцы? Дай Бог нам не наломать мокрых дров – дымить будет долго.

Мы вот уже сто лет не примиряемся с понятием «утраченная родина». Потеря наших земель и насильственная смерть наших предков – кровоточащая рана в наших сердцах. Дай Бог, чтобы наша боль уменьшалась, а не возрастала. В одном журнале недавно прочитал слова Арута Сасуняна, издателя и редактора газеты «Калифорнийский курьер»: «Если армяне сумеют привести в порядок свой собственный дом, то они могут легко противостоять всем внешним угрозам». И он тысячу раз прав: для достижения справедливости важно иметь

сильное государство и сильную диаспору.

Эдмон ЕГИАЗАРЯН,
студент Высшей школы экономики, 20 лет

НИЖНИЙ НОВГОРОД – ЕРЕВАН

В армянских школах, независимо от того, где они – в диаспоре или в Армении, – изучают историю армянского народа, с даты его возникновения до сегодняшних дней. К сожалению, я эту историю не проходил, так как родился в Киеве, а в пятилетнем возрасте с семьёй оказался в Нижнем Новгороде, в городе, который очень полюбил. Говорят, человека тянет в те места, где он родился. О Киеве я вспоминаю, когда заходит речь о моём рождении, но тянет меня или в Ереван, или в Нижний Новгород. То, что я могу оставить Нижний и уехать в Ереван, пока исключается, но то, что я смогу жить без Армении, – исключается вообще. Я, наверное, образец армянина, родившегося вдали от родины.

Цицернакаберд

Почти каждый год летом мы уезжаем с семьёй в Армению. Когда я и брат были маленькими, родители объясняли, что армянин хоть раз в году должен побывать на родине, чтобы не забыть свой язык, традиции и, конечно, историю. Каждый раз повторение уроков истории нашей семьи начинаются с посещения мемориального комплекса Цицернакаберд (крепость Ласточки). Учитывая то, что книгу будут читать наши русские друзья, хочу вкратце рассказать об этом комплексе, ибо он этого заслуживает.

Мемориал, расположенный на холме, возвышающемся над ущельем реки Раздан, построен в память жертв Геноцида 1915 года. Комплекс состоит из обелиска, храма вечности и мемориальной стены, сложенной из гладких базальтовых камней. На стене высечены названия городов и деревень Ар-

мени, жители которых стали жертвами Геноцида. 44-метровая гранитная стена символизирует выживание и возрождение армянского народа, она разделена глубокой вертикальной расщелиной и символизирует насильственное и трагическое рассеяние армян, а также показывает стремление армянского народа к единству. Центральная композиция мемориального комплекса представляет собой мавзолей, сложенный из расположенных по кругу двенадцати пилонов, которые символизируют двенадцать провинций, входящих сегодня в состав Турции. Внутри мавзолея горит вечный огонь, звучат траурные мелодии. На холме неподалеку от мемориала Цицернакаберд находится Музей Геноцида, созданный в 1995 году. Ежегодно 24 апреля сотни тысяч людей поднимаются к мемориальному комплексу, чтобы возложить к вечному огню цветы в память о жертвах Геноцида. Через несколько дней эти цветы вянут, умирают и превращаются в мусор. Но с 2010 года эти цветы стали отправлять на переработку, давая им вторую жизнь: стебли становятся удобрением для мемориального парка, а цветочные лепестки бережно сушат, а затем перерабатывают в бумагу. Изготовленные из такой бумаги похвальные грамоты, благодарственные письма и пригласительные билеты в Музей-институт Геноцида армян уникальны: на них видны лепестки цветов.

Геноцид армян

Геноцид армян в Османской империи 1915–1923 годов – первый геноцид XX века, развязанный младотурками. Во время Геноцида было уничтожено население шести армянских вилайетов – полтора миллиона человек. Еще полмиллиона рассеялись по всему миру, положив начало созданию армянской диаспоры. Современная Турция отрицает наличие исторического факта Геноцида армян. Действия Османской империи преподносятся как «депортация». Армяне считают, что если бы все страны уже признали Геноцид, то турки не делали бы подобных заявлений. В канун столетия Геноцида армян мы надеемся, что международное сообщество наконец отреагирует на такие необоснованные высказывания. Америка, Европа, а также Германия и все страны, вовлеченные в процесс

армяно-турецкого примирения, должны публично выразить свою позицию в унисон с армянским народом. Ведь если этого не произойдёт, армяне вновь и вновь будут заявлять о Геноциде, пока не восторжествует справедливость. Я очень горжусь своим стойким народом.

Аршалуйс ВАРЖАПЕТЯН,
педагог, 55 лет

ПРОГУЛКА ПО СТАМБУЛУ

Родился я в Ереване, там же вырос, получил педагогическое образование. Долгое время работал в школах Еревана, преподавал географию и историю. Между прочим, фамилия наша пошла от слова «варжапет», что означает «учитель». Педагоги в нашем роду появились где-то в 1860-х годах. Перестройка перевернула всё с ног на голову. Из-за мизерной зарплаты, которую не выдавали по полгода, пришлось заняться другим делом, а точнее, уйти в торговлю. Тогда в Ереване на стадионе «Раздан» по выходным дням, а иногда и по будням действовал вещевой рынок. Именно туда, к дальним родственникам, я ушёл подрабатывать. Торговля была чужда мне, но, чтобы прокормить семью, я решил принести свои принципы и понятия о мужском достоинстве в жертву. Мои родственники возили товар из Турции, я устроился к ним продавцом. Через год я стал работать отдельно, но товар брал у них. Турция была для меня чёрной запретной темой, и за товаром туда я не собирался, думая, что лучше переплачивать, чем ехать в ненавистную мне страну. Мои предки по отцу, а точнее прадед и дед, были из Стамбула. После того как 24 апреля 1915 года в Стамбуле

(Константинополь) было арестованы около 800 представителей армянской интеллигенции, которых в течение нескольких дней убили, армяне в массовом порядке стали покидать город. Среди этих беженцев была и семья Варжапетян, состоявшая из 12 человек (мой прадед, дед с бабушкой, их четверо детей, два брата и три сестры деда). В живых остались дед Амбарцум и два его сына – семи и пяти лет. Оказавшись с двумя детьми в Восточной Армении, дед через год женился на беженке из Эрзурума. У них родились ещё трое детей. Всех пятерых они вырастили и дали образование, за что им низкий поклон. Одним из трёх детей, родившихся в Ереване, был мой отец. Мне не посчастливилось увидеть деда, но из рассказов отца я много чего знал о Турции, Стамбуле и депортации армян. Эти рассказы захватывали мою душу в плен, я грезил потерянной предками родиной, много читал о депортации, изучал историю армянского народа и в конце концов, чтобы выплеснуть из себя свою любовь и боль, стал преподавателем истории. Но судьба распорядилась так, что я занялся торговлей.

Однажды, когда я забирал заказанный товар у родственников, у нас зашёл разговор о Стамбуле. Они стали с восхищением рассказывать о красоте города и пролива Босфор. Я знал, что Стамбул – единственный на планете город, который находится сразу в двух частях света – Европе и Азии, что он стоит на месте встречи Черного и Мраморного морей. Знал, что в XIX веке Стамбул был одним из центров армянской культуры. В этом городе выходили армянские газеты и журналы, процветал театр, армяне занимались бизнесом и часто бывали советниками визирей и министров. Но я также знал и то, что армяне в Турции, не являясь мусульманами, совершенно официально относились к людям второго сорта – «зимми». Им запрещалось носить оружие, они облагались высокими налогами и были лишены права свидетельствовать в суде. Всё это в моих глазах окрашивало красоту Турции в чёрный цвет. Не знаю, почему я вдруг заинтересовался тем, видели ли мои родственники армян в Стамбуле. Оказалось, видели, и немало. Были даже такие, у кого они брали товар. Ведь вопреки ужасному прошлому в Стамбуле продолжает

жить довольно большая армянская община. Армяне учатся в армянских школах, владеют недвижимостью, занимаются бизнесом и ремеслами. Несколько недель я не находил себе места, мне стал сниться Стамбул, а главное в этих снах было то, что я ходил по улицам Стамбула вместе с отцом и дедом. Решив, что это знак свыше и что мне обязательно надо поехать на родину предков, я решил вместе с родственниками лететь в Турцию. Гостиницу они забронировали заранее на несколько дней. Мы решили так: они будут затовариваться, а я – знакомиться с городом и диаспорой, а по вечерам будем встречаться в гостинице.

И вот осенью 1995 года я оказался в международном аэропорту имени Ататюрка в Стамбуле, того самого Ататюрка, по указанию которого семьям чиновников, участвовавших в процессе резни армян в 1915 года, предоставлялась финансовая помощь и награда.

Итак, я оказался на земле, где когда-то жили мои предки. Я распрощался с родственниками и остался в одиночестве, ожидая, что в моей душе должно что-то произойти. Но... никакого всплеска, никакого признака волнения, словно я приехал в чужую страну. Оглянулся вокруг – она и впрямь чужая! Надписи на турецком языке, кое-где – на английском. Люди вокруг с холодным, безразличным выражением на лице говорят по-турецки. И вдруг приятная неожиданность – услышал русскую речь. Группа молодых людей – весёлые, загорелые – видимо, возвращались в Россию с отдыха. Ещё раз оглядываюсь. Хочу представить своих предков на этой земле. Земле, где они всеми силами старались сохраниться как христиане. Много и многих теряли, но потерями и бедами укрепляли волю к независимости. Как бы они выглядели сейчас – уверенными и независимыми или же вот как эти носильщики? Неожиданно встретил жгучий взгляд чёрных глаз – мужчина средних лет с интересом наблюдает за мной, и уже давно. Спокойно выдержав мой взгляд, он приветливо улыбнулся. Интересно, чем я привлек его внимание? Его улыбка и дружеское расположение тронули моё сердце, наконец согрел его. Тут к нему подошла очень красивая женщина в возрасте. «Старшая сестра», – подумал я. Он что-то ей сказал, и она, оглянувшись,

направилась в мою сторону. Подошла и поздоровалась по-турецки. Я улыбнулся и ответил ей, совсем неожиданно для себя, на армянском языке:

– Барев дзес¹⁶.

– О, – обрадовалась она, – сын оказался прав, вы армянин!

– Она говорила на красивом западноармянском диалекте. – Джахангир, – позвала она.

– Джахангир? – удивился я вслух, хотя не хотел выставить себя невеждой.

Она улыбнулась и, повернувшись к подошедшему мужчине, сказала:

– Ты снова угадал. У тебя прямо какое-то чутьё на армян.

Джахангир вежливо поздоровался, но почему-то на английском языке.

– Вы только прилетели? – спросила она. – На отдых или по делам?

– Очень захотелось побывать на земле предков.

– Вам просто повезло, – обрадовалась она. – Мы вот билеты взяли в Париж. Улетаем через день на свадьбу внука, так что если вам негде остановиться, приглашаем к нам.

И эта встреча, и непринуждённая беседа, и добродушное приглашение были для меня такой счастливой неожиданностью, что я растерялся и только развёл руками.

– Я очень благодарен за приглашение, но не хочется создавать вам неудобств, и вечером мне надо быть в гостинице.

– Хамецек, хамецек¹⁷, – перебил меня Джахангир, – а в гостиницу мы вас потом отвезём.

Я улыбнулся его армянскому произношению и ещё раз поблагодарил. Мать и сын меня не только покорили своим гостеприимством, но и заинтересовали. Мне почему-то казалось, что через них я лучше познакомлюсь с прошлым своих родных, в результате чего я не смог отказаться от общения с ними. Принимая приглашения, я назвал им свое имя.

– О, простите, я так вам обрадовалась, что забыла представиться. Меня зовут Гоар Котанджян, а это один из моих сыновей.

¹⁶ Здравствуйте (арм.).

¹⁷ Просим, просим (арм.).

У меня их трое. Арам живёт во Франции, а Арсен – в Бельгии.

Меня посадили на пассажирское сиденье автомобиля, женщина села сзади. Всю дорогу она восторгалась тем, что у нас есть родина, на которой тысячелетиями живут армяне.

– Пусть эта страна небольшая, но она своя, не чужая, – говорила она. – Жаль только, что они ещё там не побывали.

– Вам здесь плохо? – спросил я.

Она смутилась и, как бы затрудняясь ответить, посмотрела на сына.

– Моя бабушка по маме была армянкой, и то, что мы говорим на армянском языке и любим всё армянское – это её рук дело, как и то, что мама вышла замуж за армянина.

– Вот как, – сказал я, восхищаясь его бабушкой.

– Дело в том, – продолжил Джахангир, – что отец моей мамы был турком. Бабушка во избежание смерти приняла мусульманство, но разве может футляр заменить то, что внутри него?

Автомобиль пересек базарную площадь и медленно катился через узенькие улочки с бакалейными лавками и маленькими столиками, на которых прохлаждались повара закусовых за чаем или сигаретами.

– Так она осталась христианкой?

– И она, и мама, и мы – ее дети. Деда мы не видели, он был намного старше нашей бабушки Люсине и умер, когда маме было всего пять лет. Бабушка с помощью добрых людей добралась до Стамбула и нашла армян, которые помогли ей встать на ноги.

– Много армян в Стамбуле? – спросил я.

– По подсчётам турок, тысяч двадцать пять, а по подсчётам армянской диаспоры – вдвое больше. И отвечая на ваш вопрос – плохо ли нам? – могу сказать лишь одно: армянам здесь очень трудно. Несмотря на то что они являются гражданами Турции, ни полиция, ни государство палец о палец не ударят для их защиты. Нас тут терпят только по политической необходимости. Христиане для Турции всегда были врагами и неверными, время ничего не изменило и не изменит, потому что мир спокойно принял все ошибки и преступления Османской империи. Современная Турция – правопреемница Османской империи, и притеснение христианского

населения – часть её политики.

– Вы хотите сказать, что притеснения и сейчас имеют место? – я был ошарашен такой откровенностью.

– Погромов такого масштаба, как в 1955 году, когда пострадали не только греки, но и армяне с евреями, конечно, не происходит, но нападения на отдельные семьи, отдельных «непопулярных» людей частое явление.

– Армяне говорят на своём языке?

– Почти нет. После Геноцида боялись, потом турецкий вошел в привычку. Многие христиане идентифицируют себя с турецким этносом, называют турецкий язык родным. Их нельзя обвинять, исламизация и тюркизация нетурецких народов дали свои плоды. Турецкое государство очень хитрое – если ты живёшь в Турции, то несмотря на твою принадлежность к той или иной нации – ты турок. Тюркский генетический элемент у жителей Турции не очень значителен – не более трети.

– А как же армянские школы, они разве не действуют? Я слышал, обучение в них ведётся на армянском языке.

– А это уже вопрос к маме, она у нас одно время занималась проблемами армянских образовательных организаций.

– Армяне Турции всё-таки армяне осторожные, тихие. Они уверены, что можно избежать многих проблем, если вести свои дела тихо, – стала рассказывать Гоар. – Но мы, как и другие христиане, – «неисламские граждане страны», и государству надо быть уверенным, чему мы обучаем будущих граждан в своих школах. Нашими школами руководят директора-армяне. Но над ними, парадокс, стоят заместители директора – турки, функции которых выше, чем просто заместителей директора. Именно по указанию этих лиц отдельные предметы – историю, географию и так далее – преподают турки на турецком языке. Мы долгое время боролись, приложили огромные, нечеловеческие усилия, но министерство образования пригрозило, что могут вообще закрыть армянские школы, и тогда наши дети не будут изучать свой родной язык. Чтобы сохранить нашу общину, язык, традиции, мы согласились. Но при этом тайно, на уроках армянского языка рассказываем о нашей истории, о наших победах и поражениях. Ведь турки

делают всё, чтобы решить задачу вековой давности – отуречить армян. В городах, чтобы мало что просочилось в прессу, турки кое в чём ещё идут на уступки, но вот в сёлах христиане как являлись объектом насилия с древних времён, так оно и остаётся. Изгнание, уничтожение, исламизация христиан есть жизненная цель турок.

– Тогда почему вы ещё живёте в Турции?

– Нам с мамой легко уехать, – вставил Джахангир, – а как уехать большим семьям? Это бесконечная волокита с документами, отсутствие денег даже на дорогу, а если в Турции остаётся семья убежавшего, то она остаётся в качестве заложников. Вот и приходится оставаться. Но есть ещё одно обстоятельство, которое заставляет армян оставаться в Турции, – это привязанность к этому краю, убеждение, что это земля их, армянская. Именно это чувство и помогает оставаться тут и жить. Жить благодаря своей воле и своему упорству.

– Вы историк? – спросил я, почувствовав в нём родственную душу.

– Нет, я просто коренной житель Турции и знаю это государство, в котором живу, как свои пять пальцев. – Он улыбнулся скромно и сказал: – я художник.

– Как здесь относятся к творческим людям?

– Интересный вопрос, – откликнулась Гоар. – Раньше, чтобы прокормить семью, встать на ноги если не самому, то хотя бы поднять, выучить детей, армяне выполняли всю чёрную работу в Турции. Это были годы, когда армяне жили в полном страхе. Им казалось, что кроме них на белом свете больше нет армян, их всех вырезали. Постепенно количество армян, стремившихся получить высшее образование, становилось всё больше. Естественно, что, получив высшее образование, они выбирали работу, соответствующую диплому. У армян генетическая тяга к наукам, к умственному труду. Это здесь знают и ненавидят нас за это. Армяне сегодня, несмотря на все притеснения, становятся адвокатами, врачами, архитекторами, журналистами, художниками. С этим ничего нельзя поделать, и турки, скрипя зубами, терпят.

– Вы очень любите свой народ, – сказал я.

– Возможно, вы правы. Но не согласиться с тем, что армяне

необычный народ, нельзя. Они могут переносить непосильные для других трудности и неудобства, умеют развиваться там, где живут. Мы, если хотите, хорошо приспособляемся к среде. Пример тому мои сыновья – один преподаватель в известном университете Франции, другой в Бельгии – бизнесмен. Мы прошли путь послегеноцидного времени: дед – дворник, отец – рабочий, сын – инженер, внук – профессор, правнук – банкир.

Машина остановилась.

– Ну, вот мы и приехали, – воскликнул Джахангир. – Добро пожаловать к нам. Пообедаем, а потом покажем вам город.

Мы вышли у девятиэтажного дома и поднялись на пятый этаж. Трёхкомнатная небольшая квартира, ни одной лишней вещи – стерильная чистота. Стены в квартире были светлыми, что придавало всему радостный настрой. А главное, что меня удивило, на стене висел ковёр с вытканым портретом армянского народного героя Андраника. Пока я осматривался, а потом приводил себя в порядок, Гоар накрыла стол к обеду. Голубцы, бастурма, лаваш, сыр, зелень – всё как дома, и я расслабился, душа запела и наполнилась любовью к Гоар и Джахангиру, ставшим мне родными.

Гоар сварила кофе в турке и, подавая мне чашку, попросила:

– Расскажите об Армении, какая она?

– Если бы вы были в Армении год назад, то по приезде туда сразу бы обнаружили, что она во всех отношениях ушла вперёд. Армения всё время развивается, становится современной.

– В чём же заключается разгадка такого прогресса? – заинтересовалась Гоар.

– Разгадка в том, что в Армении постоянно происходит циркуляция армян со всего мира, в разных странах которого армяне имеют родственников. Слава богу, сейчас въезд и выезд в любую страну происходит намного легче, чем раньше. – Я на секунду замолчал и посмотрел на них. – А знаете, давайте сделаем так: после Франции приезжайте в Ереван и всё увидите сами.

Гоар встала и обняла меня, стараясь скрыть слёзы. А Джахангир словно размышляя, сказал:

– Мы принадлежим к рассеянному народу, вынужденному

строить родину в чужой стране, и нам не следует оставлять свою настоящую родину. Спасибо вам, Аршалуйс, мы обязательно приедем.

И они действительно приехали через месяц. Побыли на родине неделю, а через два года приехали снова. Они полюбили Армению, а Армения полюбила их. Но это было потом, а в тот день, запомнившийся мне навсегда, они успели показать мне в Стамбуле многое – и морской порт, и бухту Золотой Рог, делящую Стамбул на европейскую и азиатскую части, резиденцию Патриарха Константинопольского Армянской Апостольской Церкви, а напротив резиденции – Церковь Святой Богородицы. На другой день с раннего утра Джахангир заехал за мной в гостиницу, и мы снова гуляли по Стамбулу. В тот день Джахангир знакомил меня со строениями архитектурной династии Бальян, которыми гордится Стамбул. На протяжении полутора столетий они возводили виллы, мечети, дворцы, церкви. Не знаю, поверите вы мне или нет, но за два дня этот город стал мне родным. Он заставил меня задуматься о нас, армянах, живущих на пяти материках, о наших предках, о прошлом и настоящем. А теперь пришло время задуматься и о будущем. И несмотря на то что трудно поверить в общее светлое будущее армян и турок, мы здраво понимаем: жить бок о бок нам придётся и дальше. Так что следует приложить усилия к поиску общего знаменателя.

Цахик КОСЯН,
пензионерка, 68 лет

ЖИЗНЕННЫЙ КРУГОВОРОТ НЕ БЕЗ ПРОБЛЕМ

Моя мама Астхик Татевосян – из армянского города Карс. С 928 по 961 год **Карс** был столицей Армянского царства Багратидов, а с 961 по 1064 год – столицей армянского Карсского царства. С 1878 по 1917-й это была российская Карсская область с генерал-губернатором. Моей маме было девять лет, когда она в 1918 году с родителями, двумя братьями и сестрой перешла из Карса в Армению и поселилась в селе Айренац Арктикского района. Для всех моих родных Карс олицетворяет одну из черных страниц новой истории: именно здесь был подписан договор между кемалистской Турцией и большевистской Россией. Договор, который лишил армян родины и оставил нам только 29 тысяч квадратных километров.

Мой папа Сараф Абгарович Косян – из города Муша. Накануне Первой мировой войны в Муше проживало 12 450 армян, которые занимались в основном ремеслами и торговлей. Действовали пять армянских церквей и семь школ. Геноцид армянского населения Муша начался в марте 1915 года и уже в июне–июле приобрёл массовый характер – армянские сёла были разорены, их население вырезано. В некоторых местах (Муш, Канасар, Сурб Карапет, Шамб) армяне прибегли к стихийной самообороне, но потерпели неудачу из-за численного превосходства турецкой армии и малого количества боеприпасов. По данным Мушской епархии, из всего армянского населения 109 сёл спаслись и нашли убежище в Восточной Армении едва 1500 человек.

Мои родители встретились в селе Айренац Арктикского района, где и поженились. У них родились 12 детей. Сейчас нас четыре брата и шесть сестёр, старшему брату 88 лет.

Наша семья всегда выделялась своей музыкальностью. Все

любят петь, плясать, играть на разных музыкальных инструментах. Папу можно было назвать ашугом. Несмотря на то что он работал главным бухгалтером в сельсовете, он находил время сочинять музыку на свои же патриотические стихи, а мы потом пели их на разных семейных музыкальных конкурсах. Наши родители были очень традиционными, они души не чаяли в армянских песнях и легендах. И всё это они передали нам.

Помню, в 1968 году в городе Гюмри проходил большой музыкальный фестиваль. Жюри было серьёзное, строгое: известные в то время певцы и артисты. Когда вышли мы, многие не знали, что это одна семья. Просто удивились, что все члены ансамбля разного возраста. Мы спели на бис и заняли первое место. Папу нашего долго уговаривали отпустить нескольких детей в город учиться музыке, но он не отпустил. И даже когда попросили отпустить мою старшую сестру, солистку нашего «ансамбля», он отмахнулся, мол, не отпускаю никого в город. Вот таким он был. Не признавал городскую жизнь, говорил, баловство всё это, а дома на селе работы полно. Он очень боялся, когда молодёжь уезжала из села и не возвращалась. Говорил, что культура народа – это позвоночник нации, а родиной народной культуры, традиций, обычаев, легенд и мифов является село, простой народ. Наш папа был очень образованным, а мама была нашим воспитателем, педагогом, другом и ангелом-хранителем.

Рассказывали, что когда она была маленькой, её мама увидела в окно, как к дому идут турки. Мужчин дома не было, и женщина, испугавшись за ребёнка, выбежала во двор и спрятала её в сухом кизяке, который готовился на топливо к зиме. Вошли турки и стали осматривать дом, удивившись, где же мужчины? А один из них поинтересовался – правда ли, что у неё вырастет красавица-дочь? Женщина от страха молчала. Тогда турки вышли и стали осматривать всё вокруг, а самое интересное случилось потом: перевернув весь холм кизяка, турки ничего не нашли и ушли, а женщина чуть не упала в обморок, не зная, где её дочь. Оказывается, один из родственников, живший рядом, увидел турок и побежал на помощь, но во дворе услышал плач ребёнка. Поняв, в чём дело, он поспешил унести девочку.

Так спаслась моя мама. Она была просто красавицей. Даже

родив двенадцать детей, она выглядела прекрасно.

Сусанна Папикян (дочь Цахик):

– Самым значимым и светлым для родителей моей мамы было рождение 47 внуков, а в данный момент они очень бы порадовались тому, что у них 105 правнуков и праправнуков! Самая младшая внучка – 1979 года рождения, а самый младший праправнук, Тигран Манукович Папикян – первый внук нашей семьи, – родился 20 мая 2014 года. Вот такие мы богатые!

Цахик:

– Кстати, о богатстве. В 1937 году моего деда Абгара объявили в селе кулаком. В то время мой папа был уже женат и имел пятерых детей. Семья работала в поте лица и имела несколько голов рогатого скота, птицу, сеяли пшеницу и овёс. Не помню уже, что отобрали из добра у деда, но его на несколько лет отправили в город Октемберян, на строительные работы. Мои племянники, имеющие сейчас свое дело, смеются, мол, какие же предки кулаки, вот они настоящие кулаки, но их бизнесменами зовут. Трудные тогда были времена, всех под один стандарт подгоняли. Но я думаю, что не надо ругать советское время, потому что именно оно из осколков нашей разнообразной культуры (Муша, Сасуна, Тарона, Зейтуна, Эрзурума, Карса и других городов) сбило единый организм, который армяне берегли и берегут как зеницу ока. Единственной большой бедой для нашего народа тогда был временный разрыв с церковью, без которой армяне – не армяне вовсе. Но мы как-то выкручивались, украдкой венчались, украдкой крестились. Слава богу, сейчас этого провала нет.

Моя набожная свекровь была из Константинополя, откуда они ушли в Армению в 1918 году. А точнее, они всей семьёй из шести человек вместе со многими армянами приплыли на корабле в Батуми, а оттуда – в Ереван. Так вот, моя свекровь во время молитвы доставала из потаённых мест иконы, а после молитвы убирала их. Глядя на взрослых, и мы учили молитвы, опять же украдкой. Пропагандировали другое мышление, в моде был атеизм. Но армяне за свои долгие века чего только не насмотрелись, прошли через ад, но

от своей христианской религии не отказались. Да и сейчас нелёгкие времена для армян. Геноцид 1915-го, Геноцид 1988–1990-го, землетрясение 1988-го, Карабах, блокада до сего дня, безработица. Столько задач и проблем, разве решишь все! Вот армяне и уезжают на заработки из Армении, снова приезжают, поддерживают и помогают родным, женятся, играют свадьбы, рожают детей. Это жизненный круговорот, и он не без проблем, просто у нас их больше, чем у других наций. Говорят, Бог даёт больше испытаний тому, кто сильнее и терпеливее. Возможно, это и так.

Асмик АРУТЮНЯН,
медицинский работник, 61 год

ТОВАРИЩ ЧУГУРЯН

Яродилась и выросла в городе Эчмиадзине Армянской ССР. В начале 1970-х был у нас учитель русского языка, товарищ Чугурян. В советское время в армянских школах, если кто помнит, к учителям обращались с приветствием «товарищ», прибавляя к этому торжественному обращению фамилию. Если сравнить мои и его тогдашние годы, ему было, наверное, около шестидесяти лет. Он преподавал русский язык и литературу. Не могу столько лет спустя судить о его знании русского языка, но на армянском языке он говорил забавно, как-то припеваючи. Нам казалось это смешным, и ученики, украдкой передразнивая, повторяли за ним забавные словечки. Он был невзрачным, невысокого роста, с голубыми глазами – большими и грустными – и немного крупноватыми зубами, никак не подходившими его лицу. Одним словом – он ничем не выделялся и едва ли запомнился бы мне, не стань он

однажды героем в моих глазах.

А случилось следующее. В восьмом классе, на уроке истории армянского народа, преподаватель, рассказывая о мусалерцах, их героической обороне от турок в 1915 году, вдруг сообщил, что товарищ Чугурян был среди защитников на горе Мусадаг у побережья Средиземного моря. Более сорока дней защитники Мусадага удерживали вершину горы, пока французские корабли не спасли их, перевезя в Порт-Саид. Мы все окаменели. Как это! Оказывается, наш товарищ Чугурян – герой, а мы об этом не знали! Мы попросили пригласить на следующий урок безвестного смельчака. Он нам не отказал, пришёл и принёс с собой два музыкальных инструмента – гитару и кяманчу, которую он нежно называл кеман. Преподаватель истории попросил Чугуряна рассказать, что он помнит из тех давних трагических событий 1915 года. И он стал рассказывать.

– В то время мне было всего восемь лет. По всей Западной Армении и Турции шла депортация армянского населения и резня. По тому, как в нашем доме всё время плакали женщины, бабушка, мама, тётя, я понимал, что где-то снова убиты наши родственники. Плач женщин каждый раз предвещал очередную павшую душу. Очередь дошла и до нашего села, раскинувшегося у подножия горы Муса. Помню, как армянскому населению был дан приказ за семь дней подготовиться к депортации. Но уже на следующую ночь взрослые подняли меня и моих братьев среди ночи и тихо приказали следовать за ними. Всё село поднялось на гору Муса, неся на себе оружие, продукты, гоня перед собой скотину. Нам, детям, было вначале интересно, но потом наступили тяжёлые дни, особенно в конце, когда, истекая кровью, наши отцы, деды и даже матери отбивали атаки регулярных войск Талаат-паши. Мусадаг был отчаянным островком мужества. Многие погибли, погибли мои родители, два старших брата, дядя. Детям, в том числе и мне, восьмилетнему отпрыску армянских рабочих, судьба приказала повзрослеть за несколько дней и начинать помогать взрослым. Помню, что нечего было есть, вся трава вокруг была съедена, в ход пошли корни. По ночам на вершине горы жгли костры, чтобы привлечь проходящие корабли, а днём на длинные шесты надевали флаги с воззванием о

помощи. И помощь пришла в виде кораблей французской военной эскадры – корвета «Жанна д'Арк» и крейсера «Гишен». Многие из нас попали в Ливию, а оттуда – в Россию. В России я прожил 12 лет, а потом переехал в Армению. Вы уже взрослые ребята, – сказал нам учитель, – и я вам советую прочесть книгу Франца Верфеля «Сорок дней Мусадага». Это не проза, это песня мужеству. Верфель написал её в 1933 году. Это не только памятник Геноциду, а прежде всего учебник сопротивления и противостояния палачам.

Он помолчал, затем взял в руки гитару и красивым протяжным голосом стал петь патриотические песни, затем зазвучала армянская кяманча и западноармянские народные песни, которые Чугурян выучил ещё в юности.

Тот урок мы запомнили на всю жизнь. Книгу Франца Верфеля мы, конечно, все прочитали, как прочитали и то, что за эту книгу Гитлер выгнал Верфеля из Австрии. Он переехал в Париж. Гитлер выгнал его из Парижа, он тайно перебрался в Испанию, потом, через Португалию – в Америку. Гитлер хотел превратить его в изгоя, а он стал всемирно известным писателем, воспевшим отважных людей, борющихся за свою землю, веру и свободу.

За городом Эчмиадзин по дороге в Ереван есть село Мусалер, в котором живут потомки защитников горы Муса. Мы с товарищем Чугуряном ездили туда всем классом, беседовали с жителями, слушали истории о мужестве народа.

Я уже была студенткой, когда в селе Мусалер (в 1976 году) народ построил памятник героям Мусадага. Он стоит как символ мужества на взгорье, сооруженный из красного туфа, на лицевой стороне просматривается окаймленный рельефом орел – символ смелости и красоты человеческого духа. Не знаю, как сейчас, но в 1980-е годы каждый сентябрь оставшиеся в живых мусалерцы и их потомки проводили традиционный сбор, чтобы почтить память защитников Мусадага.

Последний раз я видела товарища Чугуряна на встрече выпускников в 1985 году...

Я часто бываю в Армении, потому что у человека есть потребность ощущать свою землю под ногами, ощущать родной дом, родную речь вокруг. Если хотите, эта потребность идет

откуда-то изнутри, прорывается на свет как трава в поле – неудержимо и неизбежно. Хочется очередной раз окунуться в знакомые сердцу традиции и обычаи земли предков, впитать тепло родины, которая олицетворяет детство, юность, друзей и родных. В этом году во время отпуска мы снова всей семьёй побывали на родине. Казалось, всё по-прежнему, но, приглядевшись к жизни соотечественников, поразила одна неприятная, скорее шокирующая детали: замужеству армянских девушек с иранцами. Надо сказать, что иранцев в Ереване встречаешь на каждом шагу. Почти весь торговый бизнес в их руках, а вот армяне, которые хотят работать и зарабатывать, уезжают из страны. И они, надрываясь, зарабатывают, чтобы содержать семьи и родных, оставшиеся дома, но при этом рвут свою связь с родиной, на это вообще нет времени. У армян есть упорство во всём, именно благодаря этому упорству мы существуем из века в век, но у нас почти отсутствует умение, а может быть, и смелость анализировать свои поступки, предвидеть, к чему они приведут нас в будущем. Вот и выходят наши армянки за мусульман, выходят в своей стране, рождая новых мусульманских потомков. Я ничего не имею против мусульман. Но давайте не забывать, что наши предки, окружённые со всех сторон иноверцами, погибали в Османской империи в первую очередь только потому, что были христианами и всеми силами старались сохранить свои традиции, язык и религию – элементы, цементирующие армянскую нацию. И поэтому очень и очень больно, что мы закрываем глаза на происходящее сегодня в Армении. Как бы всё это не выросло в новую проблему (наподобие Геноцида и Карабаха), ростки которой надо решать в данный момент, а не потом, когда будет слишком поздно.

И напишут через сто лет книгу о том, как исчезали на своей исконной земле армяне...

Азадуи ОВАКИМЯН,
историк, 50 лет

ПУСТОСЛОВИЕ УБИЛО ВРЕМЯ

Я родилась 20 апреля 1965 года. В тот год Армения впервые открыто скорбела по убиенным армянам Западной Армении – жертвам Геноцида. В городе проходили митинги, в церквях – поминальные литургии. Мои родители были ереванцами, но родители папы были из **Константинополя** (Стамбула). Деда и бабушку, к моему сожалению, я не застала в живых. Когда я немного подросла и спросила маму, кому обязана таким именем¹⁸, мама сказала, что так захотел папа, ибо год его рождения олицетворял свободу слова. Оказалось, что до этого в Советской Армении тема Геноцида воспринималась властями как пропаганда «армянского национализма» и находилась под запретом.

С детства я зачитывалась армянскими историческими романами. Любовь к своему народу, обладающему высокой культурой и разносторонними природными дарованиями, привела меня к профессии учителя истории.

Не знаю, как описать то, что творится в моей душе. Сказать, что я удовлетворена тем, что сейчас происходит с сознанием армянского народа, это значит ничего не сказать. И если бы затрагивалась другая тема, а не тема Геноцида, я бы призналась, что счастлива – счастлива тем, что мы уже не те – подавленные и униженные, подвергшиеся тяжелой дискриминации и истреблению, молчавшие от страха, готовые смириться с судьбой, только бы спасти ту горсть армянства, которая уцелела чудом. Я очень рада, что армяне решили отметить достойно траурную дату столетия Геноцида и в очередной раз

¹⁸ «Азадутюн» – свобода (арм.).

громогласно заявить о своих требованиях и проблемах. Это правильно! Нужно говорить, писать, рассказывать, делиться непреходящей ноющей болью, признавать ошибки прошлого, свои ошибки и промахи, но только не молчать! Хватит, намолчались за 70 лет.

Я всегда старалась обходить тему Геноцида, так как мне непонятно многое в тех кровавых событиях, несмотря на то что я историк. Кажется, тысячу раз всё перечитано, изучено, но всё равно где-то там, в подсознании возникает вопрос: что же случилось с нашим народом? Почему двум миллионам армян **Западной Армении** не удалось организовать достойный отпор резне и уничтожению? Наверное, многие сейчас подумают, что мне легко говорить, проживая в свободном государстве. Нет, совсем нелегко. Всегда, как только заходит разговор на тему Геноцида, у меня возникает тот же вопрос: ПОЧЕМУ? Почему так вышло? Даже читая в учебнике истории: «Армянский вопрос и Геноцид армян – это следствие справедливой борьбы армянского народа за своё существование, национальную консолидацию и восстановление государственности на своей родине», опять же грешу на предков и думаю: какой борьбы? Борьбы простого населения и добровольцев-фидаинов? А где же были представители армянских политических партий и сливки нашей интеллигенции? Где были армянские капиталисты Стамбула, сидели на своих золотых, выводя новую прибыль? Это ведь уму непостижимо – почти два миллиона душ пустить под турецкий ятаган...

Однажды ещё студенткой я готовила доклад на тему «Армянские национальные политические партии Западной Армении». Шел 1985 год, и, как несложно догадаться, доклад был приурочен к 70-летию Геноцида. Роясь в книгах, я наткнулась на очень интересный эпизод из жизни народного героя **Андраника Озаяна**. В 1907 году, находясь в Варне, Андраник бросил в лицо одному дашнаку, защищавшему позиции своей партии: «Хочу остаться простым человеком среди людей, чем быть богом среди вас. Кровь ваша на голову вашу. Если в один прекрасный день эти выдающие себя за революционеров турки вас не повесят, то не считайте меня человеком. Настанет день, когда и эти революционеры станут, как султан

Хамид, зверьми и всех вас растерзают». Андраник отказался встретиться с младотурецкими руководителями, удалился от активной деятельности и вскоре во главе армянских добровольцев отправился воевать против турецкой армии на стороне болгарских вооруженных сил. После этого доклада я в прямом смысле слова заболела темой партии Дашнакцутюн. Наши преподаватели о многом умалчивали, а возможно, не имели права говорить. Но я чувствовала, что они чего-то недоговаривают, и взялась за поиски. Тогда не было Интернета, и приходилось часами просиживать в читальных залах библиотек, выписывая интересующую информацию. Действие сложное, но в какой-то мере захватывающее. Вскоре у меня собралось столько материала, что можно было бы защитить диссертацию. Мой папа, который в прошлом был историком, но потом поменял профессию и ушёл в строители, наблюдая за мной, удивлялся: «Зачем это тебе?»

– Хочу знать достоверную историю, – ответила я. – Ты представляешь, как только речь заходит о дашнаках, все меняют тему или же говорят, что многое ещё непонятно.

– А что тут непонятного, – сердито сказал отец. – Люди хотели мирным путём решить вопрос.

– Вот как! – воскликнула я, ругая себя, что сразу не обратилась к нему. – Да твои дашнаки после младотурецкого переворота и падения власти султана отошли на 180 градусов от курса освободительной борьбы. Это надо же официально заявить, что Турецкая Армения является неотделимой частью империи! Разве это приемлемо?

– Да ты у нас прямо революционерка, – отметил мою воодушевлённость отец. – Падение власти султана с ликованием восприняли все христианские народы. И кстати, многие турки тоже. Все думали, что скоро обретут свободу и законные права, ведь почти сразу было получено право издавать свои газеты, печатать книги, открывать клубы, изучать свой язык. Комитет младотурок «Единение и прогресс» громко провозглашал: «Армяне в Ване, Битлисе и Диярбакыре, болгары в Румелии и сербы, арабы в Йемене, турки в Эрзуруме, Трабзоне, Кастамону, друзья в Хоране не в состоянии больше терпеть эту тиранию. Причина стольких бедствий – в нашем разъеди-

нении. Объединимся». Вот дашнаки и попались на удочку.

Я смотрела на отца и удивлялась его знаниям по интересующей меня теме. Ведь он наизусть продекламировал «Воззвание» комитета младотурок «Единение и прогресс»!

– Но это не единственная причина сближения Дашнакцутюн с младотурками! Им нужны были тёплые места в турецком парламенте, – не сдавалась я. – Они только и знали, что расхваливали себя за то, что проторили своей борьбой тропинку для младотурок, претендуя на то, чтобы делить с младотурками власть и иметь равные с ними позиции, мол, они это заслужили.

– Ты там была? – рассердился отец. – Что ты так прицепилась к дашнакам?! К укреплению своих позиций стремились и гнчакисты, и рамкаварская партия. Все они больше грызлись между собой, чем против исламистов. Да, соглашусь, что не оказались они дальновидными и не оценили вовремя создающуюся обстановку.

– Стыд и позор, – я чуть не плакала, – потопить в своём тщеславии все чаяния народа. А дашнаки, как бы ты их ни защищал, виноваты больше всех. Они взяли на себя обязательства по защите прав своего народа, но купились на лесть. Младотурки везде и всюду расхваливали их, мол, единственным представителем армянского народа они признают Дашнакцутюн, глумясь над армянским патриаршеством и преимущественным правом западных армян. А дашнаки, польщенные этим обманом, во имя нескольких депутатских мест и выгодных государственных должностей предавали забвению дело освобождения народа и вместо того, чтобы разоблачать младотурок, сотрудничали с ними, усиливая и утверждая власть Иттихада.

– Успокойся, – строго сказал отец. – Ты не имеешь права осуждать их. Да, они оказались не настолько мудрыми, чтобы раскусить предательские замыслы младотурок. Но идея армянской государственности всегда была для них делом жизни, что бы там ни писали историки и критики. Дашнаки продолжали надеяться на проведение реформ и верить дипломатии европейских держав.

– Лучше бы собрали силы, объединили все партии и народ,

ведь между ними никогда не было сотрудничества, не было общей линии борьбы, отвечавшей интересам собственного народа.

– Согласен с тобой, – наконец-то сдался отец. – В то время пока армянские партии соревновались в риторике, показывая своё европейское образование, армянский народ оставался разъединенным. Пустословие убило время, что стало гибельным для нашего народа.

– Значит, ты согласен, что большую долю ответственности за это несла партия Дашнакцутюн?

– Мы не имеем права их обвинять. Мы не очевидцы, и нам никогда не быть на их месте. Но то, что дашнаки слишком поздно приняли решение тайно вооружать население, неоспоримый факт. Они не успели... Даже после убийства тридцати тысяч армян в Адане они не могли поверить, что это было организовано младотурецким центром. Армяне убедились, что конституция была всего лишь обманом и фикцией и что она, вопреки обещаниям младотурок, никоим образом не устанавливала в стране справедливость и безопасность.

Я не помню, каким образом мы прекратили наш спор, но в конце мы оба пришли к единому мнению, что отсутствие единства среди армянских политических партий стало одной из главных причин, давшей возможность младотуркам осуществить свою смертоносную антиармянскую программу.

Прошло четыре года. У папы случился сердечный приступ, скорая помощь не довезла его до больницы, ему было 77 лет. А год спустя, в феврале 1990 года, к нам переселилась папина сестра с семьёй из Баку, это случилось из-за погромов. Моя бедная тётя всё время плакала. Они оставили в Баку всё: квартиру с имуществом, машину, работу. Их спрятали и вывезли к границе соседи – есть среди них и настоящие люди. Тогда мне в душу закралась мысль: хорошо, что папа не дожил до этого геноцида...

Через несколько дней после их переезда от мужа моей тётки я неожиданно узнала, что мой дед по отцовской линии был дашнаком...

Тигран ТЕР-КАРАПЕТЯН,
архитектор, 57 лет

МОИ ПРЕДКИ БЫЛИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ

24 апреля 2014 года. Я, потомок погибших во время Геноцида армян из рода Тер-Карапетян, стою в Армянской Апостольской Церкви Нижнего Новгорода, переполненной людьми разных возрастов. За два года я пришёл сюда второй раз. Оба раза – 24 апреля. Свечи освещают грустные, сосредоточенные лица. У многих на глазах слёзы. В 99-й раз армяне собрались на заупокойной молитве, чтобы почтить память погибших во время Геноцида 1915 года. Сегодня эта небольшая церковь стала для армян-нижегородцев воплощением Родины, которую они здесь осязают, чувствуют и находятся под защитой Бога. Нас в церкви немного, наверное, не больше двухсот человек. Мы, сегодняшние современные армяне разных статусов и социальных положений, являемся потомками осиротевших, спасшихся от резни и уцелевших после Геноцида армян. Нас горсточка, но мы представляем народ. Очень и очень жалею и виню себя в том, что знаю о своих погибших предках мало. Нет уже в живых моих родителей, представителей второго поколения после Геноцида. Я отношусь к третьему, а мой сын, соответственно, к четвёртому поколению. Вот такая цепочка, в которой я мало что знаю о своих спасшихся предках – о моём прадеде Карапете и его двоюродном брате Мовсесе.

Мои предки из города Тигранакерта. Брат моего прадеда служил дьяконом в армянском храме Тигранакерта «Сурб Киракос» и уже собирался принять монашеский сан, когда начались погромы и истребление армян в Западной Армении. Число церквей и монастырей в Западной Армении в то время

достигало 2200. Каждое село имело свою церковь и священника. Вокруг них армяне строили свою духовную, культурную и образовательную жизнь, через них воспринимались как единство. С древних времён армяне стараются ходить в церковь семьями. Младшие члены семьи, глядя на старших, учатся молиться, креститься. Именно в церкви прививается первое чувство любви к Богу и Родине, и армянин проходит с этим чувством через всю жизнь. Во мне это чувство горит ярким пламенем. Наверное, оттого что мои предки были священнослужителями, я с болью вбирал в себя информацию о том, что в годы массовых депортаций¹⁹ и бойни армянского населения Западной Армении были осквернены, разграблены и разрушены тысячи церквей. Многие храмы стали могилами для наших в них убежище армян. А многие неразрушенные церкви были превращены в мечети. Некий армянский священник из Софии, обращаясь к Католикосу армян (Католикосу Геворгу Пятому выпало пасти армянский народ в самый мрачный период его истории), писал: «Ваше Святейшество, народ истребляется, уничтожается, и нет того, кто мог бы протянуть руку помощи, возвысил бы голос протеста. Возденьте руки, Святейший Отче, стучитесь во все двери, кричите, умоляйте, делайте все возможное и невозможное, чтобы остановить руку палача».

Армяне ждали и надеялись, что катастрофу должны остановить великие державы. Увы.

Полтора миллиона отнятых жизней. Трагедии Геноцида суждено было кровавым смерчем пронестись по христианам и осколками разбитых жизней осесть в памяти народа-мученика. Нам поистине трудно жить с этими осколками в душе. Неужели и сейчас великие державы не осознают, что так нельзя поступать с целым народом?

¹⁹ 1913–1922 годы.

Левик ТАТЕВОСЯН,
экономист, 40 лет

ОТ ОДНОГО МАЛОГО ИНЦИДЕНТА В ШКОЛЕ

В школе моего сына назвали чуркой. Он, боясь моего вмешательства, продержал в себе обиду целую неделю, до повторного оскорбления – «нищий армяшка». Так как он до этого инцидента два года занимался каратэ, двум обидчикам досталось здорово. Всё это я узнал, когда меня вызвали в школу к директору, чья речь меня неприятно удивила безграмотностью в области истории. Смысл ее речи, если облагородить ее долей цензуры, сводился к тому, что не принято в культурном цивилизованном обществе «махать кулаками».

От её слов мне стало дурно, и я расстегнул ворот рубашки. Увидев крест, она вдруг удивлённо спросила: а вы что, христиане?

Забегая вперёд, скажу, что всё благополучно завершилось в этом, казалось бы, мелком и незначимом инциденте, но меня до сих пор мучает другое: то, что мы, армяне, слишком осторожные, скромные и даже робкие, когда дело касается нашей нации. Всё время боимся не так сказать, не там промолчать. А вдруг о нас плохо подумают, ведь по отдельности каждый из нас – лицо нации! Нужно быть терпеливым и прощать! Но до каких пор?! До каких пор столетний осадок страха и робости, что мы не у себя дома, будет преследовать нас? До каких пор нам быть непрошеными гостями, даже несмотря на то, что армяне ничего не отбирают у живущих рядом коренных жителей, а работают как волы, чтобы обеспечить свои семьи достойной жизнью? Замалчивание держит нас в неизвестности и делает нашу нацию просто иностранцами, иноземцами, непонятно откуда взявшимися, а не одним из самых древних

народов мира и не самой древней христианской нацией, пережёсанной столько бед за веру. Может, нам надо во весь голос заявлять о себе и сообщать требовать то, что нам принадлежит в Турции – наши земли? И, возможно, тогда представители других народностей будут знать, что армяне не просто культурная цивилизация – они современники ассирийцев, вавилонян и что они тоже православные, ибо приняли христианство раньше Рима, в 301 году. И то, что они рассеяны по всему свету и не живут на своей земле, не их вина!

Вот так, от одного малого инцидента в школе, мои мысли и уязвимая душа перешли на глобальные темы.

Мои предки были из **Таронского** округа Западной Армении, о них я мало что знаю. Никто в семье о депортации почти не говорил. Чего-то боялись, а может быть, старались забыть. Но деда Аво (Аветис) иногда всё-таки прорывало, и он начинал расхваливать родной край, который он сам мало помнил. Ему во время Геноцида было около девяти, и чтобы спасти сына, мать проколола ему уши, повесила серьги и надела платье его старшей сестры. Во время Геноцида многих мальчиков спасли именно таким способом. Сестру в дороге скитаний потеряли, а вот Аветиса удалось спасти. Самое тяжкое было потом, когда нельзя было освободить душу от непосильного горя и хоть немного поделиться с кем-нибудь несправедливой судьбой. Жить с тяжёлой ношей, которая не давала спать, напоминая о прошлом кошмаре, – это не жизнь, а участь смертника. Внутренняя депрессия от стыда и чувства униженного достоинства остались в нашей нации навсегда. Почему наши предки должны были молчать? Кому это было на руку? Как можно смотреть на то, как немислимым враньем извращают до неузнаваемости столетнюю историю, в которой Геноциду уже нет места? Если послушать турок, рассуждающих о причинах «депортации», то становится ясно, что их песня совсем из другой оперы, не имеющей ничего общего с нашей. Порочный круг отговорок и замалчивания истины, а ведь если вдуматься, заговор молчания вокруг армянской проблемы – это очередная защита преступления в международном масштабе, не по отношению к армянскому народу, а вообще – преступления! И поэтому наши рассказы в этой книге, отражающие

по сути лишь толику трагической истории армянского народа, – это честный человеческий поступок по отношению к невинным жертвам Геноцида. Погибших надо помнить, а живым знать правду. Мне нравится то, что книга выйдет на русском языке. Ведь и люди других наций смогут узнать о Геноциде что-то новое, а после и подставить нам дружеское плечо в этом вопросе – вопросе признания Геноцида армян.

Варужан МАРТИРОСЯН,
автослесарь, 65 лет

К ЧЕМУ БЕРЕДИТЬ НЕЗАТЯГИВАЮЩИЕСЯ РАНЫ?

Мои предки из **Хавудзора**, который находился на территории Западной Армении, в районе нижнего течения реки Хошаб. Из всего рода Тер-Мартirosян (18 человек, из которых восемь детей) спаслись всего трое. Всё, что я знаю, – это то, что в нашем роду было трое священников и все трое погибли, спасая свою паству. Так, последний из них, Варужан Саркаваг, чьим именем я назван, за одну ночь переправил в Восточную Армению 30 девушек, которых курды отобрали для себя и закрыли на ночь в церкви. Варужан в это время, спрятавшись, следил за курдами, а когда наступили сумерки, он спас девушек. Он не мог оставить свою церковь и вернуться через некоторое время назад. Через месяц он был повешен турками.

Мой дед Смба́т был участником **Шатаханской самообороны**. Насколько я знаю, он попал в Шатах с армянами из Хавудзора, уходя от погромов и резни. Армяне в Шатахе сра-

жались, как и мусалерцы, героически и самоотверженно. Они все бы погибли, если бы не русские войска, пришедшие им на помощь. К тому времени остались в живых двоюродный брат деда и его сестра. Перебравшись в Восточную Армению, они пустили корни в Спитаке. Дед женился на местной армянке. Там родился мой отец. В 1988 году, после землетрясения, потеряв четверых членов семьи, мы уехали из Армении в Россию. Отец пересказывал со слов деда, что во время Геноцида русские казаки и солдаты, шедшие по следам отступавших турецких войск, ужасаясь зверствам турок над мирным армянским населением, плакали, не стесняясь своих слез. А оставшиеся в живых армяне находились в шоковом столбняке. Их уже ничем нельзя было пронять. Они были душевно опустошены. Годы спустя я, интересуясь историей армянского народа, прочитал, что министр внутренних дел Турции **Талаат-паша** в сентябре 1915 года телеграфировал губернатору **Алеппо**, что надо ликвидировать все армянское население, не щадя даже грудных детей. Турки и курдские банды действовали самым варварским образом. Потеряв человеческий облик, палачи с чудовищной беспощадностью бросали детей в реки, сжигали женщин и стариков в церквах и жилых помещениях, продавали девушек и подростков-мальчиков. Я с ужасом и омерзением читал о зверствах убийц – этот осадок во мне остался навсегда.

Вот поделился прошлым своих родных, а сам всё думаю: зачем я это делаю, да и вообще, зачем писать об этом целую книгу? К чему беречь незатягивающиеся раны? Что это даст? Столько лет мы, армяне, почти ничего существенного не делаем, чтобы был признан Геноцид, только говорим, ахем и охаем, а в местах, где мы живём, мало кто знает о том, что вынес армянский народ во имя веры. Наверное, мы молчим потому, что стесняемся той бесповоротной потери целой страны, стольких городов и церквей, стольких людей, а от нас даже через сто лет отмахиваются, словно от ноющей зубной боли. Лучше вырвать зуб, и дело с концом. И вырывают постепенно всё, что напоминает об армянах. Как-то я прочитал, что согласно данным ЮНЕСКО, из 913 храмов, которые уцелели после Геноцида 1915 года, к 1974 году 464 были полностью

уничтожены, 252 находились в руинах, а 197 подлежали незамедлительному восстановлению под угрозой уничтожения. Правительство Турции, чтобы уничтожить следы армянского населения в Западной Армении, и по сей день уничтожает армянское культурное наследие на своей территории, но вместо того, чтобы понести наказание, Турция становится членом ЮНЕСКО! Посмотрите, что творится! А чтобы армянского духа даже не чувствовалось, после 1928 года начался процесс изменения армянской топонимики – названий населенных пунктов, рек, озер, гор и других объектов Западной Армении. К примеру, поселение Мокс в провинции Васпуракан было переименовано в Мюкюс, затем в Бахчисарай, а в итоге – в Хусейние, Бердах стал Динлендже, Андзай – Гёрушлу, Севан – Ортаджа, Арен – Гёлдузлу, **Аджн** превратился в Саимбейли в честь организатора армянских погромов в самом Аджне в 1920 году. Остров Ахтамар был переименован в Акдамар, город Ани – в Анны (парадокс, но по по-турецки Аны означает «память»), гора Арарат – в гору Агры, а сохранившиеся памятники во всех «научно-исторических» источниках представлены без ссылки на их армянское происхождение. Правда, радуется, что не рискнули переименовать **Карс**, слишком много в нём ещё армянского. Говорят, Карс очень похож на Гюмри и что до сих пор в городе сохранились дома из черного базальта, такие строили в Армении в начале XX века. На некоторых домах – фамилии владельцев на армянском языке и даты, обрывающиеся на 1921 годе. Очень странно, что эти барельефы не сбиты...

Вспоминая все это, я шаг за шагом приходил к мысли, что книга с историями о Геноциде от имени третьего и даже четвертого поколения армян, на чьих предков обрушился Геноцид, нужна. Я думаю, в Нижнем Новгороде мало кто из русских знает о нашей трагедии, пусть знают правду, а то подумают, чего это армяне через сто лет всполошились. Ведь это вон когда было!

Аспрам МКРТЧЯН,
педагог, 56 лет

ПОМНЮ И ТРЕБУЮ

Я родилась и выросла в селе Вананд Баграмянского района Армении. Село наше находится на армяно-турецкой границе, которая проходит по реке Аракс, самой большой пограничной реке. По ту сторону реки видны сёла, но я никогда не знала, чьи они: турецкие или курдские, мне всё равно. Главное для меня то, что предки тех и других были участниками Геноцида. В детстве на уроках истории мы воочию видели земли **Западной Армении**, земли наших дедов. До них рукой было подать. И уже тогда у меня щемило сердце от того, что у нас отобрали эти земли, а предков изгнали и убили.

Мой дедушка рассказывал, что когда они, убегая от турецкого ятагана, переходили реку Аракс, стояла весна, снег таял в горах и воды реки бурлили вовсю. Измученным и истощённым людям некуда было деваться. От страха, что за ними все еще гонятся турки, они бросались в реку, надеясь достигнуть другого берега, такого спасительного в своей близости... Многих унесла холодная река. Сердце моё горело ненавистью и презрением, когда я смотрела по ту сторону реки, но, подрастая, я поняла, что это не выход из положения и что негативными чувствами ничего не добьёшься.

Возможно, потому, что хотелось многое узнать о нашем прошлом и помочь другим в знаниях, я и стала педагогом – преподавателем армянского языка. Я очень люблю свой народ, наши традиции и многовековую армянскую культуру. Вот уже несколько лет, как я переехала в Нижний Новгород. Здесь живут мои дети: сын и дочь с моими внуками. Я не выдержала одиночества, да и дети настойчиво звали к себе. Через некоторое время я поняла, что хранить свою культуру, религию, язык на родине намного

легче, чем здесь, в России. У меня сердце болит, когда слышу, как наши нижегородские армяне, приходя в армянскую церковь, говорят на русском языке. Я ничего не имею против русского языка, я за дружбу и между нашими народами, и между нашими церквями, но в данный момент, вдали от Армении, армянская церковь – это небольшой островок нашей родины, наш дом, где мы принадлежим только себе и Богу. Неужели нельзя хотя бы на несколько часов, создав «маленькую Армению», вернуться в свой мир? Многие говорят на русском языке не потому, что не знают родного, говорят просто по привычке, а привычка переходит в повседневность, которая заражает нашу молодёжь. И говорят наши дети на всех языках мира, но только не на своём, забывая его постепенно, а это уже тенденция, и направление ее совсем не то. Цель организаторов **Геноцида армян** и заключалась в том, чтобы искоренить армян, их религию, культуру, язык. Вот и выходит, что мы оказались первыми врагами самим себе. Помню, как мы, педагоги, готовились в школах к 24 апреля. Хотелось дать своим ученикам правильную информацию о Геноциде, чтобы эта информация не калечила детей, не унижала их, а наоборот – подталкивала к желанию жить и созидать на благо родины, чтобы родина была могущественной, сильной и богатой, чтобы мы могли доказать нашим врагам – нас невозможно убить. Мы будем жить во что бы то ни стало.

В этот день мы всей школой поднимались на самые высокие точки местности, чтобы провести там вечер: жгли костры, читали стихи, рассказывали истории своих семей. Были и минуты молчания, были и клятвы, а потом сочинения на темы «Никто не забыт», «Мои предки», «История нашей семьи».

Тема Геноцида была и будет болью армянского народа, независимо от времени. Время нас не вылечило, оно нас превратило в гранит.

И пройдя сквозь это время, я удивляюсь одному: почему турки не понимают, что признание факта Геноцида важно для них самих? Как можно жить столько лет, не очистив совесть от прошлых злодеяний? А что касается других стран, которые боятся признать нашу трагедию, я думаю, что они осознают нашу правоту, но не хотят портить свои отношения с Турцией. Но разве это правильно? Совестью ли человеческой они

руководствуются?

Мэри АВАНЕСЯН,
магистр международных отношений, 24 года

ТА НЕВЫЦВЕТШАЯ ЗАРИСОВКА

А ни... Когда речь заходит о Геноциде армянского народа, моя память непроизвольно выталкивает из своих глубин единственную зарисовку из биографии моего прадеда, и слёзы сами появляются на глазах. И тогда я хорошо понимаю тех людей, которые, рассказывая о своих предках, невольно, сами того не желая, плачут, словно всё происходило совсем недавно. Та невыцветшая зарисовка повествует об одном из самых трагических эпизодов жизни моего прадедушки Арутюна Абраамяна, 1901 года рождения. Он был родом из города **Эрзурум**, что в **Западной Армении**, где жил со своими родителями и двумя младшими братьями. Еще юношей Арутюн начал вести дневник, в котором описывал наиболее значительные события в его жизни. К сожалению, одной из первых записей в его дневнике стало повествование о жестоких гонениях эрзурумского населения в мае 1915 года, непосредственно коснувшихся его семьи.

...Осенью 1914 года почти всё мужское население Эрзурума было призвано в турецкую армию, как говорили тогда – на большую войну с русскими. Из разговоров взрослых Арутюн понял, что армяне с русскими воевать не хотят и даже решили, что будут симулировать. Откуда им было знать, что у турок на них были другие планы. Арутюну тогда исполнилось 13 лет, и из мужчин он остался в семье за старшего, ибо отца с дядей призвали в армию. Всю зиму от мужчин Эрзурума, ушедших на фронт, не было вестей, жёны и дети очень за них переживали, не зная, что им готовит новый год.

А ранней весной 1915 года в семье Абраамянов случилось радостное событие – на свет появилась долгожданная девочка, которую братья назвали Ани, в честь одного из самых мо-

гущественных и прекраснейших городов Древней Армении. Приглядывая за младшими братьями, Арутюн, усевшись в тени своего любимого тутового дерева, которое посадил его дед, раскрыл дневник, чтобы написать о радостном дне, о котором он и его братья так давно мечтали. Они почему-то представляли белокурую светлоглазую девочку, которой, несмотря на запреты мамы, они будут приносить различные лакомства, дарить благоухающие цветы и с которой будут бегать по узким улочкам города, играя в догонялки. И чудо случилось – Ани родилась в начале апреля. Даже в первые дни жизни стало понятно, что на свет появилась удивительно красивая девочка с большими голубыми глазами, напоминающими морскую гладь при ярком свете солнца.

Весна 1915 год. Эрзурум.

В тот год весна в Эрзуруме, несмотря на холодный климат, выдалась необыкновенно ранней и теплой. О наступлении весны говорило всё: горный воздух, окутавший весь город ароматом распускающихся цветов и горных трав, ласковое щебетание птиц, бодрые голоса жителей, что наполнили улицы Эрзурума, задорный смех детворы, которая без устали, с утра и до самого вечера бегала, придумывая не по годам замысловатые игры. Арутюн и его братья заботились о новорожденной сестре с первого дня ее жизни и были так увлечены этим «взрослым» занятием, что напрочь позабыли о своих друзьях-одногодках, забросили учебники и тетрадки и даже не обращали внимания на озабоченные лица взрослых. А меж тем соседки, приходившие навещать их маму после родов, тяжело вздыхая, о чём-то перешёптывались. До Арутюна и его братьев долетали обрывки слов: Сарыкамыш... разоружили... говорят, истребили... в городе аресты... Но мальчиков дела взрослых заботили мало, их более интересовала малышка: видя, как она кривится, предпринимая первые попытки улыбнуться, мальчики весело хохотали. Мама, глядя на них утирала слёзы и тоже улыбалась. Ани росла тихой и радостной – она жила в своих ангельских снах.

Дедушка Арутюн писал, что хлопоты с сестрой приносили им неизмеримое счастье и, как ни странно для тех тревожных дней, наполняли их дом покоем и гармонией.

Но однажды майским утром покой и домашний уют Абра-

амянов и тысячи других семей были нарушены. В то утро Арутюн и его братья проснулись от странных звуков: то был вой, вспомнит потом мальчик. Ани тихо посапывала в своей кровати. Открыв окно, ребята испугались: жуткие переливы плача, криков, лая собак и грубых приказов оглушили их. И вдруг – толпа женщин и детей, бежавших в сторону церкви Святой Богородицы! И в это самое мгновение в комнату ворвалась их мама. Завернув Ани в одеяльце и собрав на скорую руку узел с продуктами, она приказала ребятам быстро одеваться и следовать за ней.

– Что случилось? – спросил Арутюн. Младшие братья в страхе прижались к нему.

– В сёлах погромы, скоро они дойдут и сюда. Люди в страхе бегут кто куда. Надо выбираться из города. Говорят, всех христиан... – она не договорила, прикрыв ладонью рот, словно испугавшись своих же слов.

Не прошло и пяти минут, как они оказались на улице и, слившись с толпой, побежали, в страхе не разбирая пути, думая лишь о том, как бы уйти подальше от родного дома. Постепенно толпа рассеялась, люди разбредались в разные стороны. А они всё шли и шли в сторону российской границы. Некоторое время спустя Арутюн заметил, что вдали, со стороны города, появилось огромное облако густой пыли. И вот уже отчетливо стал слышен частый топот конских копыт, словно всадники спешили на пожар. И тут, как назло, заплакала всегда спокойная Ани.

– Бегите, прячьтесь! – крикнула мать и, отдавая Арутюну узел с едой, попросила: – Уводи братьев, береги их.

И он не посмел послушаться матери, схватил братьев за руки и побежал в сторону валунов. Спрятав братьев, он решил взглянуть и посмотреть, где спряталась мать, но увидел страшную картину: к отставшей далеко от них обессиленной матери стремительно приближался один из всадников. Мама Арутюна отрешённо смотрела в противоположную от детей сторону, и вот она встрепенулась, прижала к себе уже успокоившуюся дочь, метнулась в сторону. Там тоже лежали большие камни, и Арутюн удивился, что мать не догадалась раньше спрятаться за ними. Она была похожа на подбитую птицу, уводившую

охотников подальше от гнезда. У камней она сделала вид, что упала, но Арутюну было видно, как мама успела оставить Ани меж двух камней, напоминавших скалы, а сама побежала дальше, продолжая держать руки так, словно несла малышку. Однако её задумка не сработала. Всадник резко развернул коня и направился туда, где лежала крошечная Ани. Через мгновение Арутюн увидел, как тот достал из ножен меч и вонзил его в беззащитное дитя и лишь потом настиг беззащитную женщину, которая, воздев руки к небу, осматривала окрестности, желая узнать – спрятались ли её сыновья. Арутюн, наверное, на мгновение потерял сознание, так как ощутил вдруг, что братья с тихим плачем дёргают его за руки. Он открыл глаза. Жгучая боль поглотила его молодое сердце, медленно наполняя ненавистью и чувством мести. Ребята долго сидели в укрытии, боясь выйти. Наступила жуткая ночь. Животный страх заставлял их вздрагивать при каждом шорохе, и только под утро они забылись в тревожном сне. Первый луч солнца коснулся Арутюна, разбудив его своим теплом. Он поёжился от холода, посмотрел на спящих братьев и, оглядываясь, спустился с холма. Вокруг было тихо. Почти бегом он достиг того места, где лежали убитые мать и Ани. Найдя острый камень он, вытирая по-мужски скупые слёзы, начал рыть могилу. Вздвогнув от шума, вскочил на ноги. Подошли братья Оганес и Мовсес и молча стали ему помогать. Но вот не выдержали, разрыдались...

Солнце клонилось далеко за полдень, когда они, похоронив маму и сестру, вернулись к месту ночлега. Поев немного хлеба с сыром, они стали ждать вечера, решив, что в темноте легче выйти незамеченными из окрестностей города. По дороге всё время проезжали турецкие солдаты, иногда они сопровождали беглецов. Но вот под вечер показалась группа беженцев – сбежавшие из города эрзурумцы, избегая главной дороги, пытались уйти через горы к границе. Они рассказали, что в городе всех армян согнали в колонны для депортации, что многих убили, а они чудом смогли сбежать. Вместе с этими беженцами лишившиеся матери, отца, родного дома и всех родных Арутюн, Оганес и Мовсес направились в незнакомые края и после долгих испытаний оказались в местности под названием Ани Пемза, где позднее их поместили в детский дом.

Арутюн старался никогда не разлучаться с братьями...

Почему я решила поделиться этим повествованием прадеда? Потому что общие слова об истории Геноцида, о жестокости, злобе и бессердечности человеческой сущности, которая стремится к реализации либо собственных, либо политических целей, не передали бы состояние нашей армянской души. Если ознакомиться с историей армянского народа, легко понять, что во все времена армяне были миролюбивым народом-созидателем, занимающимся наукой, искусством, коммерцией, образованием. Они оказали немало услуг тем государствам, подданными которых они являлись, и очень многое дали Османской империи. По свидетельству многих научных и художественных источников, турки воевали и побеждали за счёт армянского трудолюбия. В то время как турки ходили в походы, завоёвывая всё новые территории, армяне развивали земледелие, ремёсла, промышленность и торговлю, изготавливали порох и оружие, строили дворцы и мечети, украшали строения золотыми орнаментами, деревянной и каменной резьбой. Армянские архитекторы Турции поражали иностранцев грандиозностью своих построек. Но одна из мечетей Стамбула, «Нури-Османие Джамиси», знаменитая своей красотой, всё же не очень чтима даже современными турками, ибо всем им известно, что в её постройке – до последнего рабочего – принимали участие только армяне.

Я не знаю, какое развитие получила бы история армянского народа в Турции, если бы он отказался от своей независимости, не стремился сохранить самобытность, не утвердился бесповоротно в христианской вере и безусловной верности и надежде, связанных с единоверцами – русскими. Возможно, и не пришлось бы христианскому армянскому народу пережить такие страдания.

Современная армянская молодежь считает, что, несмотря на пережитую армянским народом трагедию, мы не имеем права игнорировать турецкую молодёжь, считать их врагами. Мы обязаны осветить все минусы и плюсы истории Османской империи в ее отношении к своим подданным, а это означает в первую очередь, что мы сталкиваемся с необходимостью диалога в решении Армянского вопроса общими уси-

лиями.

Эльмира САРКИСЯН,
пенсионерка, 60 лет

МНЕ ГОВОРЯТ, ЧТО Я ЗЛОПАМЯТНАЯ

24 апреля 2014 года, в День памяти погибших во время Геноцида 1915 года, в Армянской Апостольской Церкви «Аменапркич» собрались армяне-нижегородцы. Их пришло, конечно, больше, чем на обычную воскресную службу, но все же слишком мало для этого события. Что удерживает армян в такой день дома? Желание в одиночку почтить память, зажечь свечу у иконы, а потом сходить на рынок или по другим делам? Почему? Всего лишь один день в году! Сегодня я пришла в церковь с внуками, они не пошли в школу. Я напишу завтра объяснительную записку на имя классного руководителя. Мне кажется, в школе должны знать, как и чем живут семьи их учеников, в какой атмосфере они воспитываются. Я не навязываю армянство внукам насильно – этого нельзя навязать, но ощущение любви к народу, к родине, к культуре и к своей истории воспитывать надо. Ведь это нормально, когда мы не хотим быть похоронены живьём и говорим о своей истории, о национальной драме, поминаем погибших. Если мы сами не вытащим из забвения **Армянский вопрос**, им никто не захочет заниматься. Мне иногда говорят, что я злопамятная. Я предпочитаю быть такой, но только бы история моей родины – Армянский вопрос – не была забыта, уничтожена, чтобы два миллиона погибших и не похороненных наших предков не были вычеркнуты из нашей памяти, памяти мира. Всем нам известно, что нелегко быть армянином и сохранять свою культуру в диаспоре, но это надо делать – на эту борьбу нас заставил пойти Геноцид. Так почему же мы должны, как турки, молчать об этом?!

Армине НЕРСЕСЯН,
студентка-магистрант, 21 год

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ НАРОДОВ

Геноцид оставил глубокий след в памяти армянского народа. Сто лет требований, сто лет стука в закрытые двери и закрытые сердца – как только хватает терпения у нашего народа?

Кажется, сама судьба привила армянам эту непоколебимую уверенность: если сегодня не отстаивать правду, завтра и отстаивать будет нечего. Эту правду кто-то обязательно переписет, заменит на свою, как ее заменили турецкое правительство и Азербайджан. Ведь стали армянские земли турецкими? Стали. Стал армянский народ захватчиком? Стал. По истории турецкого народа, это армяне пришли в Турцию и стали завоёвывать турецкие земли, убивать и терзать их народ. Откуда турецкой молодёжи знать теперь правду? Ведь правда по сути своей – неуловимая, ускользающая материя – вот она есть, а вот и след ее простыл.

А что сделал Азербайджан? Взял и придумал себе геноцид. Придумал и вписал в свою историю новые эпизоды, сюжеты, новые цифры жертв, черным по белому вписал в их исторические книги. Можно ли тогда удивляться неустановленному диалогу между нашими поколениями? Ведь мы и молодежь говорим на разных исторических языках.

Тогда давайте придумаем геноцид и для других народов, о которых почти не говорят и чьи исторические земли, как и армянские, стали азербайджанскими. Разве знаем и вспоминаем мы талышей, татов, будухцев, хризов, хиналугов, лезгинов? Где они, веками жившие на своей родине? Ответ один: насильственно ассимилированы. То же самое хотели сделать и с нашими предками, да не вышло.

В 1915 году армяне не сразу поняли, что нужно с ору-

жием в руках отстаивать свободу и независимость народа. Но нельзя думать, что армянское население **Западной Армении** покорно отдавало себя на заклятие. Армяне **Вана**, прибегнув к самообороне, успешно отразили атаки врага, удерживали город в своих руках до прихода русских войск и армянских добровольцев. Вооруженное сопротивление превосходящим силам противника оказали армяне **Шапин-Гарахисара, Муша, Сасуна, Шатаха**. Сорок дней продолжалась эпопея защитников горы Муса в Суеии. Самооборона армян в 1915 году – героическая страница национально-освободительной борьбы нашего народа. Моим сверстникам есть чем и кем гордиться.

Мне кажется, что каждый армянин – патриот, безумно любящий всё армянское: песни, танцы, любые проявления культуры. Если бы это было не так, разве смогли бы рассеянные по всему миру армяне сохранить язык и веру?

Тысячелетиями находясь на перекрестке караванных дорог, армяне вбирали в себя философию и культуру разных народов, что делало их сильными и толерантными. Вот уже более четырехсот лет в Иране мирно и дружелюбно соседствуют мусульманская мечеть и Армянская Апостольская Церковь. Более ста лет искренне и сердечно армяне выражают глубокую благодарность мусульманам всего Арабского мира, Северной Африки, Средней Азии, Северного Кавказа и Поволжья за братский приют и человеческую помощь, оказанную армянам, чудом спасшимся во время Геноцида в Турции.

А как много можно сказать о взаимообогащающей культуре, литературе, издательском деле, спорте и политике Армении и России; судьбы народов тесно переплетены, но нельзя забывать, что очень много армяне достигли благодаря русскому языку и русской культуре, благодаря великой дружбе русского и армянского народов, дружбе, испытанной веками и войнами с общими врагами.

Историческая наука пришла к выводу, что уже в начале X века в Древней Руси существовала первая армянская община. Взаимоотношения между Россией и Арменией всегда были тёплыми и основывались на культурной, духовной и ре-

лигиозной близости двух народов. И сегодня рассеянные по свету армяне взирают на Россию как на гарант стабильности на Кавказе, считают, что только благодаря усилиям России на Кавказе сохраняются мир и стабильность.

Геноцид армян – это не только история Турции и Армении, но и России, роль которой почему-то редко подчёркивается. Геноцид – это история не только преступника и жертвы, но и третьей стороны, которая за жертву заступилась. Необходимо знать, что если бы Россия не вмешалась в эту трагедию, то число жертв Геноцида выросло бы в разы. И то, что большевики получили от Ленина приказ вывести войска из Западной Армении, а Сталин отдал Карабах Азербайджану – не вина русского народа. Если копнуть историю, то мы найдем множество причин воспевать дружбу наших государств. Почти тысячу лет назад армяне потеряли свою государственность и в течение многих веков находились под властью персов и турок. В войне с Персией в 1828 года русский генерал Паскевич разбил персидские войска, и к России тогда отошли Ганжинское и Эриванское ханства с армянским населением. Таким образом, часть армянского народа была спасена от персидского ига, Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Царское правительство и российское общество не оставались равнодушными к судьбе армян и тем или иным способом выступали в их защиту. Во время вспышек турецких зверств – с 1894 по 1918 год – в России было создано множество комитетов помощи армянам. Уже в начале Геноцида по личному приказанию императора Николая II русские войска предприняли ряд мер для спасения армян, в результате которых было спасено 375 тысяч армян Западной Армении.

Я всегда гордилась и горжусь своим народом. Горжусь поколением наших дедов, благодаря которому сохранилось много нравственно-духовных ценностей нашей нации, нашей древней цивилизации. Я поражаюсь их стойкому умению противостоять бедствиям, желанию жить в дружбе и любви, созидать и строить мир, противостоять войнам и насилию. В доказательство вышесказанному приведу единственный пример из жизни народа **Карабаха**.

После Геноцида 1915 года турецкая агрессия по отношению

к армянам Карабаха, Баку и Шуши дорого обошлась народу. В 1918–1920 годах каждый пятый житель края пал в борьбе с бандами турко-мусаватистов. Более того, Карабах в интересах большевиков был пожертвован Сталиным в новообразованную АзССР. Свободолюбивому Карабаху надели оковы на целых 70 лет. Но, несмотря на все жизненные трудности, армяне Карабаха проявили беспрецедентную самоотверженность, готовность пожертвовать собой ради свободы.

Прошлый век оставил множество вопросов, и возможность их решения – только в наших руках, в руках людей мира. Ни один призрак прошлого не может просто так раствориться во времени, он когда-нибудь даст ростки, а возможно, они уже появились. Нельзя закрывать на эти проблемы глаза, чтобы не совершить более серьёзных ошибок и подвести мир к новым войнам.

Нарине БАГДАСАРЯН,
мастер маникюра, 22 года

БОГ ДАЛ, БОГ ВЗЯЛ

Моей бабушки уже нет в живых, но она навечно жива в моем сердце. Это была добрая и очень молчаливая женщина по имени Азгуш. Взрослые рассказывали, что раньше бабушка была весёлой, жизнерадостной певуньей. К моему сожалению, я никогда не слышала, как она поёт.

С каким нетерпением я ждала лета, когда наша семья, как обычно, выезжала отдыхать в Армению, к бабушке. Она в прямом смысле слова дрожала над внуками. Не дай Бог, если кто упадёт, она тут как тут. Обнимет, поцелует, обработает ранку. Помню, как она говорила: «Берегите себя, мы и так

много потеряли... а то не дай Бог... не дай Бог». Однажды я в старом бабушкином сундуке нашла потрепанный фотоальбом, было ясно – снимки в нем очень старые. Все фотографии были черно-белыми, некоторые даже пожелтевшими, а на них красовались в основном мужчины. Одна из этих фотографий особенно сильно меня заинтересовала, и я стала расспрашивать бабушку о ней. Она грустно ответила, что это ее братья и дед. Я допытывалась, почему я их никогда не видела? Чуть сдерживая слезы, она произнесла фразу, которую я запомнила, кажется, на всю жизнь: «Аствац твэц, Аствац верцрэц»²⁰.

Как оказалось, в 1915 году мой прапрадед жил в селе Парнегух (насчет названия я не уверена и могу ошибаться), что находилось в Западной Армении. Наш предок был, как говорила бабушка, «кулаб» – это значит богатый. Однажды, где-то в начале 1914 года, его сына, то есть одного из братьев бабушки, взяли в плен турки и, угрожая расправой, назначили встречу с родственниками, якобы поговорить о выкупе сына. Мой прапрадед, надеясь на положительный исход, собрал все золото в доме и направился к туркам. Конечно, он не вернулся.

Когда речь заходит о Геноциде армян, я вспоминаю пожелтевшие фотографии, пронзительно грустные глаза бабушки и её фразу: «Бог дал, Бог взял». Меня до сих пор удивляет бабушкино смирение перед смертью родных. Я жалею, что была тогда маленькой и не могла сказать бабушке, что смерть не от Бога, то работа дьявола. А обличьем дьявола в то время были турки, забывшие о совести и чести, о писаниях Корана, о человеческом достоинстве и о том, что неминуемо придёт время, когда за содеянное придётся отвечать перед всем миром.

²⁰ Бог дал, Бог взял (арм.).

Вруйр МАЛХАСЯН,
повар, 42 года

ИМЕНА, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ ЗАБВЕНИЮ

Я думаю, что не стоит нам с Турцией сильно ворошить прошлое и оскорблять друг друга в вопросе Геноцида. Надо сесть за стол переговоров и поговорить по-мужски. Я понимаю, что турецкие власти, дипломаты и политики этого не желают, но от этого уже не уйти. Говоря открыто, они припёрты к стене. Иногда в мою голову закрадываются странные мысли, и я начинаю думать «от обратного». А что бы мы сделали на их месте, если, не дай Бог, наши предки наломали бы таких дров? Мне думается, что с большим трудом, но мы бы признали исторические ошибки предков. Мне очень хочется в это верить. Но и на это ведь тоже нужно мужество.

В истории Армении много трагических страниц, из которых **Геноцид 1915 года** по своему масштабу – самый кровавый и безжалостный. К великому сожалению, он стал неотъемлемой частью нашей истории и нашей памяти. Однако Турция должна понять, что те кровавые события – часть и их истории, истории Османской империи. Ведь там, где армяне винят османов в содеянных злодеяниях, часто можно встретить чистые молитвы за души мусульман, что под не меньшим страхом смерти кидались на помощь армянам, пряча их в своих домах, уводя в безопасные места, покровительствуя им, словно ангелы во плоти человеческой. Например, мою бабушку Вартишах с её родителями и младшим братом спасла их соседка Фатима. Она жила с мужем и детьми на краю города. Когда начались погромы, она переодела убежавших от преследования армян в турецкую одежду, а после выдала их за своих родственников, якобы приехавших погостить. Когда муж её пришёл с работы, то очень рассердился на жену, но поняв, что за проступок жены ответ придётся держать и ему, замолчал на целую неделю. Потом он запряг телегу и увёз своих «гостей» подальше от дома, то есть к русской границе. До-

ждавшись ночи, мои предки перешли реку Ахурян и попали в **Восточную Армению**. Тогда бабушке Вартишах было всего двенадцать лет. Когда она выросла и вышла замуж, у неё родилась дочь, и она назвала её Фатимой, а главное, мы все знали, что она названа в честь бабушкиной соседки-турчанки.

Все согласятся, что книга «Сто первая весна» очень важна. Это ещё один памятник, на котором будут написаны имена погибших во время Геноцида, имена прошедших ад и малоизвестные имена турок, давших возможность не погибнуть многим армянам. И ничего, что имён в книге будет немного, они олицетворяют всех наших предков – эти имена не подлежат забвению.

Мехак ЗАКАРЯН,
строитель, 60 лет

МЕР ЕРКИР

От моих предков я никогда не слышал словосочетания «**Западная Армения**», как и армянские земли они никогда не называли Турцией; они говорили «мер еркир», что означает – наша родина. Мы, внуки и правнуки деда Ованнеса и Нигяр-бабо, так привыкли к этому, что в детстве думали: как только вырастем, обязательно поедem в сказочную страну – мер еркир. Лет до четырнадцати мы заслушивались рассказами о богатой, красивой стране, о храбрецах-**фидаинах**, о народном герое **Андранике**, а повзрослев, поняли, через какую трагедию, через какие непроходимые страдания прошел наш народ.

Ованнес и Нигяр были родом из **Эрзурума**, что в Западной Армении. До женитьбы их семьи жили по соседству в ар-

мянском тахамасе²¹. Поженились они в 1913-м, а год спустя у них родилась голубоглазая красавица. Армяне Эрзурума выделялись своими свободолюбивыми взглядами, и именно в этом городе в 1881 году была создана организация «Паштпан Айрениц»²², а в 1891-м – организация партии **Дашнакцутюн** и партия **Гнчак**, к которым примыкали как местные армяне, так и группы фидаинов, боровшихся за национальное освобождение. Род моих предков был разделён на две фамилии – это были Закаряны и Ованнесяны, активные участники подпольной борьбы против турецкого ига. О лидерах гайдуцкого движения Эрзурума – Николе Думан, Сепухе, Кайцак Аракеле в наших семьях до сих пор рассказывают легенды.

В том 1914 году партия Дашнакцутюн, проводившая очередную съезд в Эрзуруме, отклонила требование младотурецких властей относительно военных действий против России, что очень разозлило турок. Начались новые погромы и аресты. Многие армяне ушли в это время из Эрзурума в город Баязет. Ушли и Закаряны. По дороге их окружил отряд четников, завязался неравный бой. Рассказывали, что моя бабушка Нигяр, положив ребёнка под кусты, наравне с мужчинами отстреливалась от уголовников, из которых и был сформирован вражеский отряд. Многие тогда погибли, погибла и дочь моего деда, а сам он был ранен. С большим трудом уходя от преследования, люди добрались до Баязета. На их счастье, Баязет в это время был взят русскими войсками. Шла Первая мировая война. Русские врачи и помогли моему раненому деду. Вскоре город вновь был сдан туркам, в результате чего в декабре баязетцы вынуждены были переселиться в Восточную Армению. Ованнес и Нигяр остановились в Эчмиадзине. Своим трудолюбием мои предки добились многого. Построили дом, родили сына, который в свою очередь дал жизнь шестерым сыновьям и шести дочерям.

24 апреля 1915 года – точка отчёта самой страшной земной трагедии под названием Геноцид. Пережитая армянским народом трагедия прочно осела в нашей памяти, осела и закрепилась

²¹ Тахамас – квартал (арм.).

²² «Защита Отечества» (арм.).

настолько, что мы, вспоминая и говоря о Геноциде, забываем, что с тех пор прошло почти сто лет. Мы страдаем, молимся за души невинно убитых людей, словно это было вчера, словно вчера мы потеряли родину предков. Наша душа не успокоится и не примирится с тем, что «мер еркир» пока в плену.

Кристина НАВАСАРДЯН,
юрист, 32 года

А КАЗАЛОСЬ, ЧТО ВСЁ БЫЛО ТАК ДАВНО

О том, что в Нижнем Новгороде пишется книга, посвящённая 100-летию Геноцида армян, я узнала недавно. Воодушевленная огромным желанием поведать то, что слышала от мамы, я поняла, насколько трудно выразить в словах все нахлынувшие чувства. А казалось, что всё было так давно...

Прадед моей мамы с материнской стороны был гончаром из **Вана**. Звали его Гигол Григорян или Брданц Гигол. Задолго до начала страшных событий он был уже женат и имел четверых детей: Хиаса, Андраника, Гехецик и Ануш. Когда начались новые погромы и гонения, жена Гигола Сона была беременна пятым ребёнком.

После массовых убийств в Ване небольшая группа мирных жителей, в том числе и семья Григорян во главе с прадедом Гиголом, ночью оставила свои дома, забрав только необходимое, что можно было нести на плечах. В сопровождении маленького гайдуцкого отряда они направились в сторону реки Аракс. **Гайдуки** великолепно ориентировались в этих местах, знали каждый камень, каждый куст и вели колонну самым безопасным путем. Но от преследования турецких солдат оторваться не удалось. Если рассчитать пройденный путь на карте по пря-

мой, это примерно 300 км, почти шесть часов езды на машине. Они долго шли без остановок, оказывая яростное сопротивление жандармам, которые гнались за ними по пятам. Скудные запасы еды быстро закончились. Обессиленным людям с каждой минутой идти становилось все труднее и труднее. Но особенно тяжело приходилось жене Гигола и ещё одной молодой беременной. Муж ее погиб во время самообороны, дети были слишком малы, чтобы передвигаться самостоятельно. Одного она привязала к спине, другого, восьмимесячного мальчишку, несла на руках. Каждый нёс или ребёнка или оружие и припасы, помочь ей было некому. Казалось, отряд оторвался от погони и можно было запутать следы и пробраться к Араксу, но измученный голодом младенец стал непрерывно плакать, чем снова привлек внимание преследователей. И снова завязалась перестрелка, но силы были неравны. Все сознавали, что шансов на спасение у них почти не осталось. Наступила темнота, ребёнок замолчал, у него иссякли силы, и тогда женщина сделала то, на что не каждый решится: пожертвовала самым дорогим на свете – собственным ребенком. Долго ей пришлось обнимать и прижимать его к груди, она знала, что растает с ним навсегда, но и остаться с ним не могла. Трёхлетний мальчонка стоял рядом, а под сердцем был ещё один. И когда наконец голодный мальчик заснул, она оставила спящего ребенка под кустом ради спасения остальных людей и продолжила путь, не проронив слезы. Наверное, пыталась казаться твердой в своем нелегком решении. Но нет-нет да оборачивалась, словно не веря, что могла поступить так безжалостно со своим малышом.

– Может, пожалеют... – шептала она, но понимала – пощады не будет, ребенок обречен.

Так они достигли Аракса. Гайдуки помогли им пересечь реку и вернулись обратно, чтобы помочь другим людям. Мне не известно, как сложилась судьба остальных людей, как неизвестно, сколько ещё семей спасли отважные армянские бойцы. Григоряны поселились в деревне Хошхотан – ныне Воскеваз Ноемберянского района округа Тавуш – и все начали сначала. Сона скоро родила девочку, которую назвали Тамарой. Шестой ребенок в семье родился после Геноцида, это была бабушка моей мамы Арус.

Старший сын Гигола, Хиас Григорян, позднее стал председателем сельсовета. Второй сын, Андраник, погиб в 1943 году на фронте.

Прабабушка Сона дожила до глубокой старости и умерла во сне. До последних секунд жизни она хранила в сердце надежду на возможность возвращения в родной Ван, в свой дом, и умерла, так и не найдя последнего пристанища на земле предков.

Мой отец тоже имеет западноармянские корни. К сожалению, из рассказа отца помню только отдельные факты. Мой прадед – Вираб Навасардян был одним из влиятельных и богатых людей города **Карса**. Поняв, что оставаться в Карсе опасно, он, будучи уверенным, что родные прислушаются к его мнению, настоял на том, чтобы его братья и сестры покинули родные края. Насколько помню из рассказов, в это время смерть настигла его жену. Он пересек Аракс вместе с детьми и, убедившись, что они в безопасности, вернулся в Карс – помочь остальным. Турецкие солдаты к этому времени уже начали погромы и бесчинства в городе. Он вернулся в **Восточную Армению**, но убийство армянского народа в Карсе заставило его содрогнуться. Обосновавшись в Каракилисе (позже переименованном в Кировакан, ныне – Ванадзор), он женился вторично на моей прабабушке Хумаш. Она тоже родом была из Карса. Мой дед впоследствии назвал своего сына Вирабом – в честь своего отца, моего прадеда. Жизнь нанесла много ударов моим предкам. Это и интервенция 1918-го, организованная младотурецким правительством после вывода русских войск из Армении (тогда фронт против турок удерживал лишь армянский полк в 35 тысяч солдат). Это и **Караклисское сражение** вместе с **Сардарапатским и Баш-Апаранским**. Это и турецко-армянская захватническая война. Поражение Армении в турецко-армянской войне 1920 года имело особенно трагические последствия для Александропольского и Лорийского уездов. Используя союз с большевиками, турки в нарушение всех юридических норм на протяжении шести месяцев продолжали погромы, убийства, издевательства над измученным войнами народом...

Слишком много было пролито крови и слишком большие были потери, чтобы всё это забылось и ушло из памяти...

Я юрист и знаю, на что идут люди, чтобы отвоевать несколько метров своей территории, если она незаконно оказалась у соседа. Иногда из-за этих нескольких метров дело доходит не только до оскорблений, но и до суда. А мы потеряли целую страну, родину предков и за сто лет так и не смогли её вернуть. Почему? Неужели нет высших юридических инстанций, куда может обратиться целая нация? Конечно, есть...

Грануш МКРТЧЯН,
пенсионерка, 63 года

МЫ НЕ ДУМАЛИ, ЧТО КАРС ОТДАДУТ

Мой отец, Ширак Умуршатович Мкртчян, родился в селе Амзакарак **Карсской** области в 1915 году. Он не видел Геноцида, но последствия тех страданий, которые перенес в османской Турции армянский народ, находившийся на краю моральной и физической гибели, долго преследовали спасшихся людей. И вследствие этого мой отец рос под впечатлениями от рассказов родных о том, что жизнь армян и их имущество были в постоянной опасности, что их ежедневно убивали, грабили, оскорбляли, разоряли. Бедное голодное детство и рассказы о погромах и насилии наложили отпечаток на жизнь моего бедного отца. Глаза его слезились, когда он рассказывал о райской земле Карса, откуда был изгнан его народ. До конца жизни он говорил, что они не верили, будто станут скитальцами. По словам моего отца, наш дед до Геноцида имел мельницу и парикмахерскую. Одно другому не мешало, да и помощников у него было немало.

Весной 1915-го до Карса стали доходить слухи о массовых погромах **Сасуна, Муша, Трапезунда, Эрзурума, Себастии,**

Вана, но когда появились беженцы, люди ужаснулись их состоянию. В Карсе никто не думал, что их крепость могут отдать туркам, и поэтому из города в **Восточную Армению** уходили лишь беженцы, местные армяне не спешили. Но дед мой решил всё же пережить смутные времена в Восточной Армении, видно, Геноцид и беженцы заставили его испугаться за семью. И он увел ее в приграничный район. Моему отцу тогда было несколько месяцев.

Лишенные элементарных человеческих условий и прав, мои предки став скитальцами, едва выжили. Они не знали, что им делать: заводить хозяйство, строить жильё или возвращаться в Карс. Желание увидеть родной дом взяло верх, и они вернулись.

1918 год своими кровавыми делами – погромами и насилием – как-то обошел их село, они избежали судьбы многих ограбленных и убитых. В это время решалось – быть или не быть армянскому народу. Сардарapatская победа немного оладила пыл турок. Но пришёл 1920 год. Турция объявила разтерзанной Восточной Армении войну. Ей было мало, что Западная Армения перестала существовать. Мужчины села, не представляя масштабов военной силы, брошенной на лоскуток Армении, организовали самооборону, создав небольшой отряд. Во все времена армянские мужчины, защищая свои земли и семьи, становились символом бесстрашия и самоотверженности. Мужчины села не знали, что армянская армия отступает, прикрывая беженцев разорённых турками сёл. Не знали, а то бы тоже отступили, но они вступили со своими старыми винтовками в бой и почти все погибли. Мой раненый дед принёс весть об этом в село и приказал женщинам собрать всех детей и подняться в горы. А турецкий ятаган косил христиан, которые падали, как пшеничные колосья, чтобы через век снова дать ростки... Чем закончится война, навязанная обессиленному армянскому народу, никто не сомневался. Власть заключили мирный договор, ставший позорным камнем на шее армян всех времён.

1921 год. Семья Мкртчян и небольшое количество их односельчан остановились в селе Аджихалил Артикского района у города Александрополя. В семье было четверо детей: мой отец

Ширак и три его сестры. Всех четверых за неимением средств к существованию родители отдали в американский приют. Через некоторое время Ширака забрали, а когда, немного обжившись, решили забрать и дочерей, оказалось, что самую красивую из них, Пайцар, удочерили и увезли в неизвестном направлении. До конца жизни мой отец искал сестру, но, к сожалению, так и не нашёл...

Юрий ЗМРУХТЯН,
предприниматель, 56 лет

БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ

В 1973 году, когда мне исполнилось пятнадцать лет, мы жили в городе Октемберяне Армянской ССР, в квартале с соответствующим названием – Ахпарашен, в дословном переводе «богатое братство». Ахпарами называли армян, репатриированных из других стран в Советскую Армению. Многие по призыву Родины оказались в Армении в тяжелые послевоенные годы. В стране царили нищета и голод, и люди, прибывшие из более благополучных стран, пережили глубокий шок. Мои предки приехали из Америки в 1947 году. До моего рождения в Ахпарашене Змрухтяны выстроили большой дом из красного туфа. После рождения четырёх девочек я оказался долгожданным мальчиком в семье. Вообще в роду отца после 1915 года всегда рождалось по одному мальчику, как говорится, для поддержания рода. У моего деда было пять дочерей и один сын, то есть мой отец, у него родились четыре дочери и я, у меня две дочери и один сын. Как видите, число дочерей мы постепенно уменьшаем, но традиции иметь одного сына придерживаемся.

Почему я начал своё повествование с 1973 года? В тот год от рака умер мой дед. Ему было всего 68 лет. А на сороковой день после него умерла его старшая сестра, наша Сандухт-бабо, в которой мы души не чаяли. Она всё время жила с нами. Это был добрейший человек с прекрасной ангельской душой, красивыми голубыми глазами, толстой косой и очаровательным неувядающим румянцем. Всю свою любовь и нежность она отдавала нам, детям своего брата, так как сама никогда не была замужем – она хромала на обе ноги. Когда в доме бывали гости, она удалялась в свою комнату, стесняясь показываться им на глаза. Мы, домочадцы, привыкли к её хромоте, а она, переваливаясь с одного бока на другой, всё время хлопотала по дому. А как она пекла! А какие соленья заготавливала на зиму! Моя мама целовала её в благодарность и всегда говорила: «Вах, Сандухт-джан, цает танем (возьму твою боль), и что бы я без тебя делала!»

Сандухт-бабо всегда говорила, мол, не дай Бог единственному брату уйти раньше её – она этого не переживёт. Так оно и случилось. Она не пережила смерть своего брата Манвела...

1900 год. Анкара. В семье мастера ювелирных дел Саркиса Змрухтяна родилась третья дочь, которую на восьмой день окрестили и нарекли именем Сандухт. До 1915 года у моего прадеда родился сын Манвел, потом ещё две дочери. Сандухт – девочка неопишуемой красоты – росла весёлой и умной и в четырнадцать лет стала настоящей сказочной принцессой. Однажды Саркис заболел и не мог пойти в мастерскую, поэтому заказчику, приехавшему из самого Константинополя, пришлось прийти к нему домой. (Прадед жил в провинциальном городке.) Нужно подчеркнуть, что Саркис был искусным мастером в четвёртом поколении. Его предки могли так подменить изумруд в украшении, что никакая экспертиза не догадалась бы. Между прочим, фамилия наша редкая: змрухт – означает «изумруд», а Змрухтян – Изумрудов, надеюсь, не потому, что они искусно подменивали камни...

Когда заказчик, а это был сорокалетний турецкий паша, увидел Сандухт, у него отвисла челюсть. Он даже забыл, зачем явился. Саркис взмахнул рукой, и дочь удалилась, чай гостю подавала мать Саркиса. С тех пор паша стал навещать к

ним в дом. То одно закажет, то другое. А приходиться старался под вечер, когда Саркис закрывал мастерскую.

В Первую мировую войну турки озлобились на армян. Главные причины были – преданность армянского населения русским и непокорённый свободолюбивый дух армян. Армян называли ненадёжным тылом, который в любое время мог повернуть против турок. А отказ партии Дашнакцутюн сотрудничать с турками против русской армии только подлил масла в огонь.

Однажды турецкий паша долго о чём-то наедине разговаривал с отцом Сандухт, а потом выскочил из комнаты, хлопнул дверью и был таков. Саркис вышел позже, бледный и обеспокоенный. Через несколько дней Саркис приказал домочадцам собираться в дорогу, мол, уйдём от греха подальше. Оказалось, турецкий паша предлагал за Сандухт большой выкуп, и уже не в первый раз. Саркис прямым текстом сказал, что его дочери никогда не быть женой турка, вера не позволяет. После долгого спора турок сказал, что всё равно Сандухт будет его, потому что скоро всех армян в Турции уничтожат, а так он всех спасет. «Что наверху написано, внизу не изменить», – сказал Саркис, – и поэтому Сандухт разделит участь христиан». За два дня до решения уйти в дом приходили трое армян, которым Саркис передал деньги и золото, как потом рассказывала Сандухт, на оружие для армян. Он просил всех вооружаться, так как в провинциях погромы шли уже полным ходом. Семья Змрухтян из 15 человек и несколько других семей (человек 30) выехали небольшой колонной из городка рано утром. Путь лежал в Карс, знаменитый своей непобедимой крепостью. Весь день ехали без происшествий и уже успокоились, но с наступлением темноты на колонну внезапно напали непонятно откуда взявшиеся всадники. Завязался бой, который так же внезапно закончился. Налётчики исчезли, а вместе с ними исчезла и Сандухт.

Девушку привезли в пустынную деревню. Ей старались угодить, заставили умыться и переодеться, а вскоре она увидела турецкого пашу и всё поняла. Лстивый турок сказал, что она будет его третьей женой и от неё зависит, будет ли она самой любимой из них или нет. На её уговоры, плач и просьбы

он не реагировал, лишь хмурил брови, а вконец разозлился, когда она сказала, что ей легче умереть, чем стать его женой. Надругавшись над ней, он решил, что теперь ей некуда от него деться, и заснул. А Сандухт выскользнула из постели и, надев его одежду, которая была ей велика, на цыпочках выскользнула во двор мимо спящих слуг.

Во дворе на привязи стояли лошади. Сандухт, взобравшись на коня, поскакала в уходящую ночь. Но она не была искусной наездницей, и конь не понимал, чего от него требуют: он то вставал на дыбы, то пускался вскачь. Сандухт не знала, в какую сторону ей скакать, вокруг были огромные камни и рвы, она просто положила на удачу и пришпорила коня. Поняв, что погоня близка, девушка стала в ужасе звать на помощь. Перед тем как конь её сбросил, ей почудилось, что впереди показались всадники... Сандухт пришла в себя от боли – она лежала на соломе в подводе, а рядом, пригорюнившись, сидела мать.

– Майрик, – позвала Сандухт и попыталась сесть, но тут же закричала от боли. Телегу остановили, вокруг собрался народ, обрадованный, что дочь Саркиса пришла в себя.

Первые дни все думали, что девушка ушиблась – отлежится и встанет, но в городе, через который они проезжали, найденный армянами фельдшер сказал, что Сандухт нужна операция, что-то с тазобедренными суставами. Отец стал искать больницу, но тут начались погромы. Все старались быстрее покинуть город и уйти от резни. Ушли и Змрухтяны. До Карса они дошли через три месяца. Прячась, откупаясь, сражаясь, потеряв в дороге почти всех, Саркис наконец дошёл до русских и спас Манвела и Сандухт.

Военный врач, осмотрев Сандухт, сделал заключение, что девушку надо было оперировать раньше, или же надо ехать в Европу, там операция ещё возможна. К этому времени Сандухт уже стала потихоньку передвигаться, переваливаясь с одной ноги на другую. Саркис, не жалея спрятанного в подкладках одежды золота, смог перебраться с детьми в Америку, где бедной Сандухт сделали операцию, но что-то пошло не так, и она стала ещё больше хромать. С тех пор Сандухт не разлучалась с братом, который её очень любил. Манвел же-

нился рано, в восемнадцать лет, выбрав в жёны девушку из родных мест. В 1923 году у него родился сын, которого он назвал Саркисом в честь отца, умершего годом раньше.

А в 1947 году он с женой и большой своей семьёй – пятью дочерьми, одна из которых была замужем, зятем, сыном и Сандухт – переехал в Армению. Их было десять человек, радовавшихся, что возвращаются к своим истокам – к родине, вере, истории, языку. Увидев бедную послевоенную родину, они не пали духом, стали жить, строить, работать, радуясь, что у них под ногами своя земля, которой нужно гордиться в любом её состоянии, потому что она своя. В Армении мой отец женился на армянке из Западной Армении, и до 1958 года у них родились четыре девочки и, наконец, я.

Родился, как видите, не зря, мне надо было рассказать миру об армянской девушке Сандухт из Западной Армении, которая в 1915 году ни за какие драгоценности мира не захотела изменить своей вере. Перетерпев столько боли и несправедливости, она каждый вечер перед сном молилась и благодарила Бога за прожитый день, за подаренное счастье видеть брата и нас, его детей, благодарила за то, что Бог не оставил её и вызволил из рук врага.

Валерий КАРАПЕТЯН,
пенсионер, 74 года

РВУЩЕЕ ДУШУ ПИСЬМО

Родился я в Баку, но в 1970-х годах после смерти родителей уехал работать на Север. В Баку оставался младший брат с семьёй. О своих корнях я мало задумывался. Знал только, что мои родители из города Муш. К нам часто приходили в

гости друзья родителей, тоже родом из Западной Армении. Для меня их разговоры были как обрывки из кошмарных снов: тогда я почему-то не вдумывался в те воспоминания взрослых и мало сочувствовал им. Мне даже казалось, что они говорят совсем не о себе. Было странно слушать их беседы вполголоса – в их интонациях мои уши ловили некий страх, в каждом произносимом слове – неуверенность. Все это мне совсем не нравилось, и я всегда старался улизнуть от них в другую комнату.

Рос я общительным ребёнком, что пугало маму. Она всегда предостерегала и предупреждала меня: не ходи далеко, не верь, не общайся, не слушай их, не соглашайся... Детская душа была закутана в ворох предостерегающих страхов.

А я всегда верил в дружбу народов. Верил, когда был пионером, комсомольцем, когда был студентом. У нас в политехе учились ребята из Армении. Хорошие ребята. Я дружил с ними, они жили в общежитии, и я часто приглашал их к себе домой. Мама им радовалась, угощала, расспрашивала о жизни в Армении, а после неизменно начинала уговаривать отца уехать в Ереван. Но отец махал рукой и говорил: куда уж нам!

Перед новым 1990 годом я позвонил брату, который вдруг сказал, что отношения у армян с азербайджанцами после сумгаитских событий обострились, что даже друзья-азербайджанцы его обходят и косятся. Я попросил его приехать с семьёй ко мне, но он ответил, что уехать всегда успеет. Не успел... Потеряв жену, он еле успел спасти дочь, перебрался в чём был в Подмоскowie, к родителям жены. Кошмар пережитого долго преследовал их. Я как мог помогал им восстановить прежний образ жизни, но не получалось, так как их боль от потери жены и матери, разрушенные мечты и планы оказывали своё воздействие. Непонимание. Как можно было людям, живущим годы бок о бок, так поступить? Однажды, как-то вскользь, у меня мелькнула мысль, что, наверное, и с родителями нашими такое же случилось? Стал копаться в Интернете. Читал всё подряд о Геноциде, голова пухла от противоречивой информации. На армянских сайтах было одно, на азербайджанских – совсем другое. Одним словом,

бросил я копошиться во всём этом. В 2000 году поехал проведать брата и вдруг у него обнаружил книгу о Геноциде армян. В ней было много архивных документов и писем, касающихся Геноцида христиан Западной Армении: армян, греков, ассирийцев, арабов. Одно из этих писем пронзило сердце так, что стало трудно дышать. Господи! Какой же я был олух и тупица! Мои бедные родители, они ведь пережили весь этот ад! Даже столько лет спустя, перечитывая это письмо, чувствуешь муки, а перед глазами – мои бедные, сгорбившиеся родители, говорившие вполголоса о Муше.

Из письма доктора Завриева министру иностранных дел Сазонову

Вашему высокопревосходительству известно в общих чертах о невыносимом положении, какое создано для армян в Турции. Получаемые постепенно подробности выясняют нам глубоко мрачную картину:

1. В течение весны и лета этого года почти во всей турецкой армии особыми приёмами, частично, но без послабления, вырезаны почти все армяне, забранные в солдаты. Погибло таким образом много десятков тысяч мужчин в лучшем возрасте.

2. Почти из всей Киликии, Зейтуна и Сиваса изгнано поголовно всё армянское население. Из него была выделена большая часть более молодых мужчин, которых куда-то угнали. О судьбе их нет сведений, и их, без сомнения, убили. Все остальные без исключения были погнаны пешком без какого-либо имущества в Месопотамию. Огромная масса женщин и детей падала от изнурения, тонула, переходя реки, и погибала от голода и жажды. Отстающих безжалостно убивали. Молодых девушек куда-то уводили. В Месопотамии их хотят, будто бы, расселить между кочевниками. Весьма большое число их уже приняло ислам.

3. Западная часть Эрзурумского вилайета и часть Харпутского и Диарбекирского пока ещё мало пострадали, но очередь, вероятно, дойдёт и до них.

4. Город Муш и вся роскошная Мушская долина превращены в развалины: сожжены большинство домов и все церк-

ви и монастыри. Население вырезано, кроме тех, которые успели бежать в горы Сасуна. Весь Сасун пока уцелел, но он окружен курдами и войсками. Люди мужественно держатся, но у них уже не хватает патронов. Провизия тоже на исходе. Таким образом, гордый Сасун скоро падёт, если не подоспелет помощь.

5. Ушедшие с отступающими от Вана русскими войсками около 200 тысяч армян хлынули в Закавказье и Эриванскую губернию. Очевидцы, посылающие оттуда телеграммы, не могут без слёз описывать всего, что творится в этой голодной человеческой массе, оставшейся без врачебной помощи и нуждающейся решительно во всём. Холера и другие эпидемии уносят ежедневно более трёхсот человек. Телеграфируют, что сотни трупов остаются непогребёнными за неимением ни материальных средств, ни нужной организации. Гибель этих несчастных людей неизбежно рождает угрозу разноса эпидемии по всему Кавказу, по мере распределения беженцев по деревням...

Армянский народ в Турции обрекается на гибель. Вашему высокопревосходительству известно, кто является вдохновителем и руководителем всего происходящего и за что против этого народа так разъярились германо-турки. По счастью, пока ещё не всюду удалось осуществить злой умысел. У армянского народа нет иного защитника, который мог бы что-либо сделать, кроме России.

В тревожном сомнении и в положении человека, лишаящегося последних душевных сил и веры в святость руководившей им идеи, я обращаюсь к Вам, ища опору в Вашей человечности и Вашем сознании государственного интереса России, связанного с сохранением армянского народа.

*Петроград. 3 сентября 1915 г.
АВПР. Политархив. Д. 3479, п. 19–20.*

Мне очень хотелось бы, чтобы это письмо вошло в книгу. Не для того, чтобы породить новую ненависть, нет. Мы не тот народ. Сейчас многие отрицают факт Геноцида, а такие документы нужны, чтобы восторжествовала правда. Быть может, и патетично звучит, но я в это глубоко верю.

Осанна ТОРОМЯН,
педагог, пенсионерка, 69 лет

БАБУШКИНА ИСПОВЕДЬ

То, чем я хочу поделиться, говорилось вслух единожды, но никогда ни с кем не обсуждалось, никогда не пересказывалось и не подвергалось анализу и критике. Это слишком интимное, слишком личное. Я никогда не думала, что могу это рассказать и тем более сама захочу это рассказать. Наверное, пришло время, чтобы закрылись те рты, которые говорят, что мол, армяне – интриганы, зачем поднимать вопросы столетней давности? Когда-то погибли предки, а они сейчас хотят сорвать куш. Мы хотим только справедливости, чтобы с миром покоились наши предки, чтобы успокоились наши души, чтобы из сердца ушли злость и ненависть.

Через год мне будет семьдесят лет, и возраст мой позволяет говорить те вещи, которые я не смогла бы сказать лет 40 назад. Хотя чем-то старость хороша, она позволяет нам быть открытыми. Чем ближе к Богу, тем свободнее чувствуешь себя здесь, на земле, и говоришь лишь правду, но не хочется уходить из жизни с мнением, что она, жизнь, слишком грязна и несправедлива, чтобы захотеть родиться вторично. В последнее время часто вспоминаю бабушку, ушедшую из жизни с тяжёлой душой. Наверное, ей надо было исповедаться, было бы намного легче, душа бы освободилась от груза. Но она не захотела исповедаться в русской церкви, боясь, что священник не сможет понять её исповедь. От воспоминаний о бабушке становится тоскливо, особенно в холодной ночи, когда воют собаки. Они не лают, воют, протяжно и омерзительно, словно вытягивают из тебя последние капли самообладания и попытки успокоиться.

Закрываю глаза, и снова представляю убийство прабабушки и её старшего сына, снова крики и плач, свист пуль

и стальной визг сабли. Не подумайте, что это происходило перед моими глазами, нет. Я ведь родилась в 1945 году, я стала видеть эту, уже потускневшую в памяти картину после того, как внучка, приехавшая из Нижнего Новгорода, сказала, что в армянской общине одна писательница собирает книгу воспоминаний о Геноциде. Я сразу подумала: вот оно, пора... Но собралась с духом только через полгода. Спасибо, что на мой звонок ответили и наша встреча состоялась, а то я думала, что опоздала...

В 1917 году после долгих скитаний и мучений семья моего прадеда, который был родом из Муша, добралась до Александрополя. Дед в молодости то ли был дашнаком, то ли сотрудничал с ними, точно не знаю, но участвовал в перевозке оружия из Александрополя и Тбилиси в Западную Армению. К великому горю семьи, прадед, его брат и два брата прабабушки были убиты в дороге. Бог забрал к себе и двух ангелочков, прабабушкиных восьмилетних сыновей. В семье оставались её старший двенадцатилетний сын, пятнадцатилетняя дочь и две невестки – жёны её братьев, каждая с двумя детьми. А в Александрополь они дошли только потому, что туда направлялся дед, возможно, у него были там знакомые из дашнаков.

Но когда наши дошли до города, он был переполнен беженцами из Западной Армении. И не только этот город – вся Восточная Армения была раздета и голодна, тут ещё начались болезни, но наши держались, уйдя из города в ближайшее село. В 1920 году турки навязали раненой, не отошедшей от резни Армении войну. Из истории все знают, что русские солдаты тогда по приказу Ленина уже покинули кавказскую границу и там стояли лишь армянские солдаты, уставшие от войн, грязные, голодные и раздетые, павшие духом, как и весь народ. Армения возвала ко всем государствам мира, прося защиты и помощи, ведь должна была погибнуть последняя горстка оставшихся в живых армян, но мир притворился глухим и более того, большевики, сговорившись с турками, старались держать нейтралитет.

Когда турецкие войска заняли Александрополь, они стремились учинить Геноцид и в Восточной Армении. В занятых

селах уезда они грабили и без жалости уничтожали население. Бабушка всех спрятала в хлеву, а сама осталась в доме. Когда турки стали её мучить, требуя золота, которого у неё не было, сын, услышав крики матери, выскочил с палкой из хлева и набросился на турок. Куда уж было бедному мальчику сладить с ними! Турки убили и мать, и сына, стали обыскивать хлев. Погибли все, но пятнадцатилетнюю дочь, красавицу Мариам турки изнасиловали до потери сознания. Думая, что она мертва, ее бросили и ушли.

Целый месяц Мариам пряталась в холодном доме, зализывая, как раненая волчица, раны. Говорю – волчица, так как в ней рождалась ненависть к своим насильникам и ярость зверя. Оправившись немного, она поняла, что ей надо во что бы то ни стало уйти как можно дальше от этого страшного места, укрыться, спрятаться от невыносимой боли, рвущей тело и сердце. Оплакивая свою судьбу и родных, она дошла до Араратской долины. Нищенствовала почти три месяца. Когда поняла, что в положении, – хотела повеситься, но одна добрая женщина взяла её к себе в помощницы по хозяйству. Про себя Мариам придумала историю, в которую все поверили, мол, семья мужа погибла, а она осталась одна. Вскоре родился мальчик, которого Мариам сначала хотела задушить как дитя позора и унижения, но плач ребёнка остановил её. Страдания привели её к мысли о самоубийстве, но она преодолела и её.

Сын Размик рос злым, непокорным, с неудержимым взрывным характером. Он мог даже при всех наброситься на мать с кулаками. Как ни старалась Мариам воспитать в мальчике добро, любовь и веру, ничего не вышло. Несмотря на то что была возможность выйти замуж, Мариам обходила мужчин за километр, ибо они ей напоминали о насилии турок. Так и не выйдя замуж, она, работая на колхозном поле, смогла сколотить небольшое хозяйство и домишко. В конце 1939-го Размика забрали в армию, а в 1941-м началась война. Вернулся Размик с войны в 1944 году, израненный, злой на весь мир, но с женой Настей, медсестрой, которая его полюбила (непонятно за что). Через год родилась я. Бабушка в Насте души не чаяла, жалела её и даже хотела устроить её работать, но Размик, мой отец, не разрешил. Он следил за женой и матерью,

всё время кричал и приказывал им, а однажды даже избил жену за то, что она зашла к соседям. Избиения стали повторяться, мать моя, по словам бабушки, ходила вся в синяках, и тогда бабушка по просьбе невестки украдкой купила ей билет на поезд и Настя исчезла, оставив двухлетнюю дочь на попечение свекрови. С исчезновением жены отец не мог смириться и упрекал мать в стоворе против него. Однажды бабушка не вытерпела и сказала, что посадит его в тюрьму. Он, избив бабушку, исчез. Через месяц бабушка уехала со мной в Армавир к дальним родственникам.

Дом наш она не продала, оставила ключ соседям, но никогда не интересовалась отцом. Я как-то привыкла, что у меня есть только бабушка. В 1965 году, когда мне исполнилось 20 лет, она заболела. Она и до этого болела, но тут слегла. Врачи не верили, что ей лишь 65 лет, она выглядела очень старой. Сердце её устало, как и душа. Она очень просила меня выйти замуж, я в это время встречалась с русским парнем, который и стал моим супругом.

Мы уехали на его родину в Нижегородскую область. Муж мой был работающим и скромным и очень уважал бабушку, которая от его внимания таяла. Бабушка умерла в 1968 году, когда у меня родилась дочь Мариам (Мария). Когда дочке исполнилось полгода, бабушка решила рассказать мне свою историю, так я всё и узнала. Я ходила как во сне, мне казалось, что мне рассказали придуманную драму, но бабушка сказала, что перед смертью и Богом она бы не рискнула обманывать, а рассказала потому, что боялась: вдруг я после её смерти начну выискивать свою родословную.

Через неделю бабушка умерла.

Бабушкину исповедь я ношу в себе почти полвека, она не выходит из сердца. Кто знает, сколько еще преступлений против человечности, причинивших море страданий оставшимся в живых, осталось вне поля нашего зрения? Сколько поломанных судеб? Какой мерой измерить боль и страдания? Не верьте, когда говорят, что это было давно и время лечит. Осознание униженного достоинства, испытанного позора и бесчеловечности к твоему народу никогда не пройдёт. Оно притупляется, но не проходит...

Карина ЛИСОВА (АЙВАЗЯН),
медработник, 42 года

Я РОДИЛАСЬ И ВЫРОСЛА В РОССИИ

К обязанности или же, если угодно, привязанности к своему армянскому происхождению я отношусь спокойно. Я очень люблю свою нацию, свой народ, его культуру и традиции, но в то же время я впитала в себя и русскую культуру, которая меня вскормила и вырастила на примерах своих героев. Иногда мне приходится трудно, ибо я сравниваю, взвешиваю эти две культуры: через призму одной я зачастую вижу и хорошее, и плохое в другой. Я вижу, что русские очень открыты, они свободные, простые, и быть одержимыми некой проблемой не в их характере. Армяне тоже имеют своё собственное лицо. Лицо это интернациональное и доброжелательное, но они слишком приросли к своей истории, их мысли буквально измучены Геноцидом. Чтобы читатель не удивлялся моему такому не очень любезному откровению, скажу, что я родилась и выросла в России, в Ульяновске, а в 2010 году переехала с семьёй в Нижний Новгород. Замужем я за русским, но в душе, как ни крути, я осталась армянкой. Говорить на армянском языке не пытаюсь, но по-армянски понимаю. До шестнадцати лет родители часто возили меня и сестру в Ахалкалак, где жили наши дедушки и бабушки. Предки нашего рода – из **Карса**, который власти Советской России буквально отфутболили от Армении, отдав его Турции, подарив при этом туркам более двадцати тысяч квадратных километров территории, отдав армянонаселенный Нахиджеван под юрисдикцию Азербайджана, а потом и Нагорный Карабах. Идея советизации Кавказа привела к союзу Советской России и кемалистской Турции. Результатами этого союза стало непризнание Севрского мирного договора и унижающий армян грабительский Александропольский договор.

Меня иногда спрашивают, почему армяне молчали первые полвека, ведь о Геноциде вообще ничего не говорилось. Мои родители объясняют это страхом, мол, на тему Геноцида было наложено табу и даже упоминание о нём считалось национализмом. Вот и выходит, что политическая целесообразность не позволяла нашей стране публично демонстрировать искренность чувств и намерений в отношении своей нации. Мои русские родственники мужа о Геноциде не спрашивают, они достаточно хорошо знают этот вопрос. Особенно после того, как я им распечатала из Интернета и дала прочесть открытое письмо писателя и публициста Зория Балаяна президенту Российской Федерации В.В. Путину. Письмо под названием: «Проблема Карабаха – это проблема России». Я рекомендую прочесть это письмо нашим русским друзьям. Поверьте, сразу отпадут все вопросы о Геноциде, и вы больше не будете говорить: «Вот уж эти армяне, не живётся им спокойно, опять Геноцид вспомнили!» Вышеуказанное письмо опубликовано изданием «Голос Армении» в Интернете.

Я приветствую издание книг, брошюр, каталогов о Геноциде на русском языке. Ведь армяне один раз в год переговорят о Геноциде, а потом снова каждый в свой футляр спрячется. Да, я тоже такая, не думайте, что я лучше! И ещё, может, армяне пересмотрят учебник истории России и попросят учёных в раздел о Первой мировой вставить и главу о Геноциде армян.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Адам ГРИГОРЯН,
маркетолог, 23 года

**«ОСТАВЬТЕ СМЕРТЬ ЧТИТЬСЯ
В ПАМЯТИ, НА УСТАХ ЖЕ
ГЛАГОЛЬТЕ О ГЕРОЯХ...»**

Я полон жизни. Мой дух памяти устал от скорби! Он требует весны, он требует силы и почвы под ногами. О, утраченный и позабытый дух героев, вернись же к нам! Дух жизни, учи нас тому, что позабыли сумрачные лабиринты наших душ...

Я начинаю вспоминать, что стало причиной страха, я начинаю понимать, что станет причиной жизни...

Первое, что мне вспоминается, это наш курс армянского языка. Десяток юношей и девушек раз в неделю усаживались за круглый стол и с глубокомысленными лицами рассматривали родной алфавит. Надписное h обозначает придыхание, держали мы в голове. «Совсем как во французском», – радостно отмечал учитель, будто найдя фонарь в темной путанице наших мыслей. Нам это помогало слабо. В особенности парням. Там, где прилежание девушек давало результаты, мальчишеские амбиции и зачастую шапкозакидательство разбивали острыми хребтами наше произношение со всеми придыханиями и эйективными согласными. Девушки ушли далеко вперед, мы же – армянские иванушки-дурачки – топтались на месте. Как опытный учитель отказывается вести класс, в котором учится ее чадо (ведь детскому упрямству сложно всерьез воспринимать предмет от собственной матери!), по тем же причинам армянской грамматике следовало отказаться от нас еще на первых порах.

– Это же наш язык, мы дома все разговариваем на нем, – усмехались мы, – неужто он не поддастся нам!

Но вскоре самоуверенность в глазах потухала, и мы, тяжело вздохнув, понимали всю неминуемость предстоящей работы. Не может быть, чтобы на этом языке я разговаривал с родными все эти годы! Это потом пришло понимание, что в каждой букве армянского алфавита чувствуется почти властная продуманность формы. «Армянам Бог издревле дал и Крест, и высь Масиса, и святость алфавита».

Было начало апреля. Помню, мы проходили лейтмотив патриотизма в стихах Чаренца. Многие из нас ко второму году обучения читали «Ветер» в оригинале практически без запинок:

Порыв,
Опять порыв –
Осенняя беда.
Клубится пыль, взлетают к небу смерчи,
Как будто ошалевшие стада,
От ужаса несутся прямо к смерти.

Совсем незаметно мы перешли к подготовке Дня памяти жертв Геноцида. В Армянской церкви намечалось поминальное мероприятие с молебном.

– А у меня дед прошел через Геноцид, – объявил вдруг Армен.

Весь класс уставился на него. Этот тихий второкурсник, кроме своей бесполезной застенчивости, отличался одной примечательной деталью: в руке у него вечно был ежедневник, который он с ученической прилежностью заполнял никому неизвестными записями. Со временем этот ежедневник шутовски оброс таинственностью похлеще Манускрипта Войнич. Армен постоянно препирался на наши просьбы раскрыть секрет этих страниц, что, безусловно, добавляло очков их загадочности. И в этот раз, едва он начал про своего деда, как с треском распахнул алую корочку ежедневника, впопыхах нацарапал там целую строку и так же живо закрыл его.

– Они направлялись в Муш, – сказал он глухо. – Прошли слухи, что там со всей округи собираются армяне для защиты города. Вот мужчины села и направились на сбор. Но до Муша

не дошли, – глаза его вернулись к ежедневнику, блеснули, но записывать что-то он, видимо, передумал и, запинаясь, продолжил: – По дороге почти всех их перебили турки. Оставшись в живых, дед бежал в Европу, где вскоре и скончался от горя.

После недолгого молчания, охватившего класс, Армену задали вполне безобидный вопрос, но он надолго засел у меня в голове. Тогда я не совсем понимал такую странную избирательность моей памяти.

– А как он спасся? – спросил один из парней.

– Не знаю, – покачал головой Армен.

Я подумал про своего прадеда, он был из Тарона. Мать рассказывала, как в 1915 году, точно как дед Армена, быть может, и бок о бок с ним, он со всем своим родом направился в город – позже эту бойню, до которой им была не судьба дойти, назовут «Мушской самообороной». По дороге на них напали отряды заключенных, выпущенных османами из тюрем для «расчистки земель». У прадедушки вырезали весь род, а спасся он благодаря тому, что его – четырнадцатилетнего мальчишку – подобрали полумёртвого на обочине сёстры милосердия французского Красного Креста.

К чему я все это пишу?

В свои неполные двадцать четыре года я часто вспоминаю то безоблачное время учения, тех юношей и девушек, какими мы были, – детей нового поколения, уверенных и молодых, с бурлящим внутри котлом воспоминаний, которые мы, как должно, принимали за свои.

Вот мы – недопатриоты, потому что подкармливалось наше самосознание родительскими рассказами об ужасах Геноцида, но для взрослого организма это блюдо было слишком горьким.

Вот мы – недокосмополиты, потому что покинули мы землю предков не по нашей воле, и весь мир предстал пред нами кромешным морем, и ослеплял он нас сотнями маяков, наши же еще не окрепшие души не понимали, к какому берегу причалить.

Что мы есть и для чего мы здесь?

Каждый из нас хоть раз в жизни чувствовал себя на обочине мира.

Поколение 2000-х, мы – чаши, с самого рождения наполняемые горьким вином. Мы на чужих столах, истории смертей переливаются за край и пятнают скатерти. Дух жизни, где же ты! Нам рассказывали о погибших, и среди мертвых мы не отыскали ни одного живого. Нас учили преданности и любви, но кроме беспросветной обиды на мир нам сложно было вынести что-то еще. Сухие пальцы истории скорбно поглаживали головы юнцов, и сердца наши застыли от убогой скарденности этого тепла.

В чем же дело, спрашиваю я поколение предыдущее?

Отчего эти юноши знают о смерти каждого из своего рода, но ни слова о тех, кто силой невиданного мужества и служения миру спасал их предков?

Быть может, не так нам подавали историю о Геноциде? Вопросы жизни отнюдь не решаются смертью, точно так же Геноцид не состоит исключительно из тьмы смертей, но есть в нем и свечение героев, их судеб и тех поразительных историй, что должны знать живые.

На средних курсах университета я познакомился с одним парнем, которого все звали Рыжим. Почему Рыжий, я так и не понял. Волосы его – кучерявая ночь: черные кудряшки вразнобой вились смешными пружинками и закрывали высокий лоб. Многие подшучивали, будто он ими ловит радиоволны, оттого знает ответы на все вопросы; умом он был наделен не по возрасту большим, а любознательностью ненасытной. Мы не то чтобы дружили, но пару раз мне довелось погостить у него. Родители его работали консульскими агентами, потому квартира часто пустовала, и Рыжий, словно безграничный властелин пустого замка, в мешковатом халате, худой и бледный, одиноко бродил среди книжных полок родительской библиотеки в поисках всего мира, и тех его уголков, что по какой-то случайности остались ему еще не известными. Помню отчетливо те книжные стеллажи и тот кабинет, в котором пахло темнотой. И вот однажды я лениво водил пальцем по толстым книжным коркам в надежде отыскать заглавие, что заинтересует меня, и наткнулся на целый стеллаж с книгами о Геноциде армян. Замечу, Рыжий не был армянином. Но он был голоден до всего мира, до самых отдаленных его уголков,

и, проникая в глубь земного шара, он пытался объять необъятное – поистине рериховские мотивы светились в его душе. Как оказалось, заинтересовавшие меня книги он проглотил еще в школе. С тех пор история Армении стала частой гостьей в калейдоскопе наших с ним бесед. И однажды Рыжий сказал мне одну вещь, которую я не сразу понял.

– Многие твои соотечественники, – сказал мне Рыжий, – зациклены на плохом. Ты не обижайся, но мне кажется, что многие армяне гордятся Геноцидом. Точно так же, как итальянцы гордятся тем, что они потомки великой Римской империи, а евреи – Иисусом и Эйнштейном, армяне повсюду доносят свой плач о жертвах Геноцида, педалируя эту тему в знак своей исключительности. Не грешно почитать память убитых, но как по мне, так грешно очернять эту самую память по любому поводу.

Конечно, его слова больно уязвили мою гордость. Я разозлился, голос мой звучал на повышенных тонах. Как смеет он так говорить о моем народе, негодовал я. Да откуда ему вообще об этом знать! Сейчас же, много лет спустя, я начинаю если не принимать его слова, то хотя бы находить мотивы, побудившие эти мысли родиться. Быть может, и правда мы зациклились только на плохом?

Запах взрыхленной земли, травы, камня, еще не остывшего от дневного зноя, и... запах крови. Весенний лист, вмятый копытом в глубокий кашеобразный след, тяжелые вспененные гривы утомленных лошадей, их бесовское ржание над призрачными колоннами людей. Шуршание сухого горного песка под стоптанными ботинками и поиски лиц среди обездоленных, голодных и осиротевших, среди тех, кто повзрослел слишком рано и состарился вконец, – неужели из всего этого материала мы слепили монумент, но отнюдь не памяти, а скорее окаменевшее доказательство своей исключительности как народа?

«У вас полно добродетелей, которыми нужно гордиться, но никак не Геноцидом», – вспоминаю я слова Рыжего.

Моему поколению нужны герои. Мне нужны герои. Хоть капля светлой краски должна упасть в чернильный котел истории, прежде чем с лица земли уйдет последний рассказ о

Геноциде. Героев много, я знаю это, я в это верю. Нужно лишь копнуть глубже, в суть событий. Взглянуть на судьбы с иной стороны. Задаться вопросами другого толка. Не теми, где рыдает «ЗА ЧТО?» а теми, где «БЛАГОДАРЯ КОМУ?»...

Но что я знаю о героях? Геройские поступки... Я пытаюсь вспомнить... Прометей, сын титана Япета и Клименты, украл у Зевса спрятанный от людей огонь и принес его обратно смертным. Он защищал слабых, заведомо зная о своей уязвимости. Желая помочь людям, он обрек себя на чудовищные страдания. Гора, кандалы, орел и заново отрастающая печень – причина столетних страданий героя. Или же подрывник Роберт Джордан, прибывший в испанский отряд партизан, чтобы взорвать мост и предотвратить наступление фашистских войск. Американец беззаветно сражался за дело чужого, но любимого им народа. Путем немислимых усилий, переживаний и потерь он обрушил злополучный мост, а позже, совсем рядом, в том же лесу, прижавшись к дереву и ощущая окровавленную ладонью кучу сосновых игл на снежной земле, встретил свою смерть. Смерть чистую. Смерть щедрую.

Нет, все не то. Повествование мое зашло совсем не в те дебри. И не о тех героях я затеял этот рассказ. Первый есть плод мифа, придуманного задолго до изобретения электричества; второй же герой – персонаж, вышедший из-под пера Хемингуэя. Однако вектор выбран верный. Вот ради кого надо раскапывать старые архивы, «включать червя», как любят говорить журналисты. Ради людей, которые шли на возможную гибель не ради своего только народа, но ради всего человечества; стояли у обрыва, но Дух жизни раскрывал перед ними свои крылья и они, не ведая страха, отрывались от земли и устремлялись ввысь. Дух жизни, будь с нами и учи нас!

...Весна 1916 года. Поэт Сергей Митрофанович Городецкий стоял в центре города Ван, теплый ветер вперемешку с крупинками песка обжигал его уставшее, но светлое лицо, за спиной берег озера Арчак, впереди – оскверненная церковь. От нее остались только стены.

«Долго нельзя уйти от этих развалин, – писал Городецкий. – Крыши нет, стены разрушены до высоты окон: от звонницы осталось два столба с перекладиной, ниши в стенах обуглены и

закопчены. Память невольно хочет обмануть вас, отодвинуть эту ужасную картину куда-нибудь в прошлое, заставить поверить тому, что не сейчас, не теперь, в двадцатом веке христианской культуры это сделано – но нет, вы видите кое-где совсем новую облицовку стен, совсем свежую краску в остатках росписи и вы чувствуете тяжелый запах, идущий от бесформенных груд пепла, щебня и камней. Это – свежие могилы».

Шестью месяцами ранее в качестве корреспондента газеты «Русское слово» он приехал в Тифлис, где по счастливой случайности познакомился с Ованесом Туманяном. Они ужинали за общим столом, говорили о России, Армении, и, конечно же, о Геноциде. Городецкий всеми силами рвался на фронт, некая всеобъемлющая сила толкала его туда, и этому невозможно противиться. «Я еду в Ван», – сообщил он своему новому другу.

– Собирайте и спасайте детей-сирот. Они там бродят, живут в развалинах. Совсем одичали, – наставлял его Туманян. Армянский поэт много говорил о своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Позже Городецкий в письме к Туманяну признается: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном вашем доме».

В тяжелые дни Первой мировой войны Городецкий, как и многие другие русские деятели, встал на защиту Армении. Приехав в Ван, он развернул большую работу по спасению детей-сирот. Родившись в Санкт-Петербурге, поэт полюбил новую для себя страну, она возбудила в нем «счастливым трепет»; и любовь Городецкого была настоящей, ведь встретил он избраницу не во всей ее красе, а в миг большого горя, растоптанную и разоренную, печальную и тоскующую. Городецкий не мог прийти в себя, перемены в нём происходили с поразительной быстротой. Развалины армянских городов и сел на фоне волшебной природы Вана рождали в нем следующие строки:

Горе озеро таит,
Кости в поле тлеют.
Хлеб несобранный лежит,
Новый хлеб не сеют.

Там, где был приют красы,
Сельской жизни счастье,
Бродят сумрачные псы,
С одичавшей пастью.

Все его переживания в строках докладных писем, словно художественная стенография, отправлялись в Россию, чтобы разнести слово о Геноциде. Чтобы ничто не прошло бесследно. Молодой поэт в возрасте 32 лет самоотверженно работал санитаром в лагере для больных сыпным тифом. Временами трехчасовой сон принимался им как благодать небес. Он исхудал, глаза впали, но огонь внутри разгорался все сильнее – его питал весенний цветущий пейзаж Вана.

«Словно в снежных хлопьях снега, – писал он, – или в жемчужных ожерельях стояли сады в цвету. Красавицы ветки всюду просовывались в развалинах, обвивали их и осыпали лепестками. Контраст зияющей смерти и разрушения с непобедимой весной был потрясающим. А смерть, не стесняясь, показывала свои язвы. Всюду на улицах лежали втоптаные в землю тряпки, останки убитых...»

В октябре 1917 года Городецкий выехал из Вана. Ехал он на легкой двуколке-таратайке. Вдруг лошадь, испугавшись чего-то, рванула, таратайка разбилась. С тяжелым переломом ноги поэт остался жив. Шел второй месяц, как он лежал в больнице. Однако с уходом русских войск турки вновь активизировались и начали захватывать город. Превозмогая мучительные боли, иногда вплоть до потери сознания, Городецкий с тяжелым сердцем оставил Ван. Но утешало его одно: он «вез будущее Армении: шесть фургонов детей. Боже, какая это всеискупающая радость – море детских голов, гроздь детских черных глаз, лесок загорелых ручюнок! Работа в Ванском приюте всегда давала наибольшее удовлетворение. Создать им, потерявшим все, круглым сиротам, сносные условия жизни, когда кругом ад и смерть – настоящая радость. Ведь в этих маленьких птенцах – семена всей будущей жизни страны... Ведь должны же кончиться после этой войны все исторические испытания несчастного народа, должны же ручьи слез и крови смениться хрустальными ручьями горной гремучей воды,

должны же в кругу вулканов зацвести сады, и тысячью синих струй должен подняться дым мирных очагов!»

Сергей Митрофанович Городецкий прожил светлую, тяжелую, но благодетельную жизнь и умер в возрасте 83 лет в родном Санкт-Петербурге. Он пронес через свою жизнь самые искренние чувства к миру. В 1928 году он написал Ованесу Туманяну: «Я собирал сирот армян, которых вывез через Бегрикальское ущелье в Игдыр из Вана, несколько сот. Я их таскал на руках, этих черноглазых ребят, а теперь они пережились и выросли. Мечтаю увидеть их. Может быть, есть какие-нибудь брошюры на армянском языке по этому вопросу. Простите, что я так бесцеремонно вас утруждаю, но меня очень все это волнует».

Примеров таких душевных клятв Армении гражданами других стран – море. И не все они заканчивались так же счастливо: многие погибали на далеких для себя полях, отдавшись служению чужой, но полюбившейся стране, они служили миру, и души их реяли над склонами и мчались в погоню за Духом героев. Отринув границы и языки, мчались на помощь поэты Александр Кушлю, Сергей Заров, Юрий Верховенский, ополченские роты, полуроты, русские солдаты, иностранные благотворительные организации: Американский благотворительный комитет помощи Ближнему Востоку, Фонд мэра города Лондона, Датский женский союз, русский Красный Крест, Земский союз городов России, Татьянанский комитет (великой княжны Татьяны Николаевны) с его местными отделениями. Через Центральное справочное бюро Татьянинского комитета по регистрации и розыску армянских беженцев было разыскано свыше 500 тысяч беженцев, более 20 тысяч детей, из которых половина знала только свое имя и ничего больше.

Все они, протянувшие руку помощи в те трагические годы, являются лишь вершиной айсберга незаслуженно забытых имен летописи Геноцида.

Они – это те, благодаря кому должно говорить: не только из погибших состоял Геноцид, но и из живых. И познакомившись с их судьбами, хочется крикнуть: «Оставьте смерть чтиться в памяти, на устах же глагольте о героях!»

Постскриптум.

Едва я закончил работу над чистовым вариантом моего повествования, как мне сообщили любопытную новость. В Нижегородском городском архиве нашли один документ касательно интересующей меня темы. Документ этот оказался письмом ратника-ополченца 42-й саперной ополченской полуроты Василия Занозина, которое он адресовал своей жене – Матрене Ивановне. Семейное письмо неясно каким образом попало в управленческую документацию нижегородского уездного начальника и таким образом сохранилось до наших дней. Письмо несло в себе весть холодную и безумную – и этот тяжелый дух ничуть не развеялся сквозь время, а наоборот, будто ждал момента выплеснуться наружу. Привожу его целиком, с некоторыми орфографическими изменениями.

27 декабря 1914 года.

«...у нас тут турки разжигают костры и жгут на кострах маленьких ребятишек армян. И бегут из Турции к нам. Собирают наши солдаты по дороге, снегу много, они разутые бегут, у некоторых отцов и матерей нет. Идут как без пастуха овцы... К нам приехало... 1000 человек ребятишек... так что на них смотреть страшно, слезы прошибают. На них нет никакой одежды, разуты ходят по снегу и плачут, ищут своих родителей».

Сколько лет было этому солдату? Скольких детей ему посчастливилось держать в своих объятиях, пока тяжелый топот войны не раздался перед их дверью? Удалось ли ему спастись и многих ли спас он сам?

О, Дух памяти, отыщи образ его среди тех, кто оказался в забвении. Отведи ему укромное место в своем сердце!

Побольше о героях, шепчу я вслух и складываю письмо в карман. Побольше о героях!

По просьбам читателей автор включает в повествование два своих рассказа, посвященных обсуждаемой теме и опубликованных ранее в книге «Возвращение» (2007 г.).

Ли́дия ГРИГО́РЯН

НУБАР

Джамиль долго ходил по узеньким улочкам старого Стамбула, старательно выбирая отдаленные от центра места, где вероятность встретить знакомых сводилась к нулю. С Босфора дул холодный ветер, но он, поёживаясь, не спешил покинуть безлюдные улицы, ибо до возвращения домой надо было, во-первых, успокоиться после драки с однокурсником – греком Сакисом, а во-вторых, хотелось миновать распросов родителей. Признаки жестокой драки явно отпечатались на его лице в виде синяков и царапин. Вспоминать высказывания однокурсника в адрес турок ему было неприятно, но как он ни старался, ни о чём другом думать не мог.

Всё началось с того, что недавно на одном из занятий по истории речь зашла о последних изданиях турецких писателей, которые более или менее касались истории. Преподаватель подверг резкой критике турецкого писателя Орхана Памука, ибо высказывания последнего не совпадали с официальной турецкой пропагандой. Слова писателя касались полутора миллионов армян, убитых в османский период. И преподаватель, и многие студенты считали, что подобные высказывания – не что другое, как результат внешнего давления. Таких диспутов в последнее время становилось всё больше. Вот и вчера все думали, что, как прежде, поговорят и забудут, но не тут-то было: вдруг как ужаленный вскочил грек Сакис и накинулся на преподавателя. Он был возмущён тем фактом, что к правде турецкую молодёжь не

подпускают, но зато «Майн кампф» Гитлера переиздаётся многократно.

– Не этот ли интерес к данному изданию, – спрашивал Сакис, – привёл к тому, что двадцатидвухтысячная еврейская община в Турции стала мишенью исламистов?

Студенты были возмущены, стали что-то выкрикивать, а преподаватель, подняв руку, потребовал тишины и сказал:

– Любой нации, живущей на чужбине, нелегко адаптироваться. Но как бы трудно ни было евреям, грекам и армянам, нельзя быть неблагодарными государству Турции, которое их приютило.

– Приютило? – возмутился Сакис. – Неужели армяне, живущие на своей земле в Западной Армении, жили на чужбине? За что их погнали с родных мест в горы и в пустыни, убивая и насилуя? Не для того ли, чтобы сегодня в построенных ими городах жили турки, а в сёлах – курды?

– Вы забываетесь! – разгневался преподаватель. – Дай вам волю, вы и грехи германских нацистов по отношению к евреям навяжете нам.

– Мир пришёл к тому, что именно безнаказанность совершённого турками преступления по отношению к армянам на их исторической родине спровоцировала Геноцид евреев нацистской Германией и целую полосу других преступлений этого рода, – ответил смело Сакис.

Джамиля поразило то, что не все студенты были возмущены поведением и высказываниями Сакиса. Многие сидели, повесив головы.

Он долго ругал себя вчера, что не воздал этому наглому греку по заслугам. И вот сегодня Сакис как бы в подтверждение своей правоты стал распространять в институте листовки. В Джамиле вызрало униженное национальное самолюбие, и он, даже не читая листовки и не имея ничего против других наций, ибо его отец всегда отзывался о любой нации с уважением, полез в драку. Кто-то вызвал полицию, но Сакис исчез. Появившийся через час ректор института объявил, что Сакис исключён из института...

Джамиль, вспомнив о листовке, полез в карман. Одну он, не понимая зачем, всё же спрятал. Первые строчки листовки были оторваны, но дальше шло: «...Заключительная стадия

уничтожения армян осуществлялась по тщательно разработанному правящей младотурецкой партией “Единение и прогресс” плану. Этот чудовищный свод инструкций (документ стал известен через британскую разведку лишь в январе 1919 года) предписывал местным властям, в частности: выслать армян в пустыни Месопотамии и уничтожить их в пути либо по прибытии туда, подстрекать и натравлять мусульманское население на армян; уничтожать всех мужчин, священников и учителей в первую очередь; девушек и детей обращать в ислам. Предусмотренные меры надлежало держать в секретности и осуществлять одновременно, чтобы не дать армянам времени для подготовки на самозащиту».

Джамиль, скомкав бумажку, размахнулся, чтобы выбросить, но вдруг передумал и положил обратно в карман. «Ну и идиот! – подумал он о Сакисе. – Вот тупица, откуда он это взял? Ведь по фактам нашей истории, османская армия начала завоёвывать территории, брошенные российской армией после революции, а армянские силы не только оказывали серьёзное сопротивление, но даже нападали на турецкие сёла и вырезали население. Как можно учить одну и ту же историю, но говорить разные вещи?»

Раздумывая об однокурснике, Джамиль не заметил, как подошёл к дому. Стало совсем темно. Думая, что родители и младший брат уже спят, он тихо, чтобы не всполошить домашних, миновал прихожую и зал. Повернул было уже в свою комнату, но его остановил голос отца.

– Джамиль, что случилось? Ты никогда так не запаздывал. – Увидав синяки на лице сына, он удивился ещё больше. – Что это всё означает?

– Подрался с однокурсником.

– А из-за чего, можно узнать?

– Из-за его абсолютной неосведомлённости о событиях давних лет.

– А ты у нас осведомлённый учёный, – улыбнулся в усы отец. – Это из-за каких таких давних событий?

– Отец, я знаю, ты сейчас скажешь, что я не прав.

– Твой ответ означает, что ты сам не уверен в своей правоте. Рассказывай, – приказал он.

Джамиль не знал, с чего начать и вдруг облегчённо вспомнил про листовку.

– Вот из-за этого, – он, расправляя скомканную бумажку, протянул её отцу.

Тот начал читать и чем дальше вчитывался в строчки, тем бледнее становилось его лицо. Наконец он закончил и, не отводя взгляда от строчек, глухо спросил:

– Почему... почему именно тебе было вручено это, с какой целью?

– Почему только мне, – пожав плечами, отетил Джамиль. – Листовки с таким и другим содержанием он многим успел раздать. Его вот за это и за длинный язык исключили из института.

– Проблема входит в совершенно новую форму, – тихо, но внятно сказал Кемал. – Только гласность и серьёзное изучение первоисточников спасёт нашу молодёжь от нового кровопролития.

– Ты это о чём, отец? – удивился Джамиль.

– Я о том, сын мой, что всё, что здесь написано, сущая правда, – сказал Кемал, понимая, что сказанное им для сына окажется шоком.

– Как, как ты можешь это говорить? – воскликнул Джамиль. – И главное, так уверенно! Я не хочу... нет, не могу поверить, что это говорит мой отец!

Они замолчали, но ненадолго. Кемал, вдруг резко повернувшись, схватил сына за руку: «Пойдём». Они вошли в кабинет. Усадив сына в кресло и сев напротив, он неожиданно спросил:

– Джамиль, ты любишь свою бабушку Нубар?

– Что? – опешил Джамиль, услышав совсем не то, чего ожидал. – Бабушку? Конечно, люблю. А при чём здесь бабушка? – спросил подозрительно он.

– А при том, что твоя бабушка, то есть моя мать, – армянка.

– Как ар-мян-ка? – ещё не веря сказанному, по слогам спросил он, вставая с места.

– Я давно хотел тебе рассказать об этом, но как-то не выходило, и вот видишь, как получилось. Я знаю, что тебе трудно в это поверить, но всё, что написано на этом листочке, правда.

И то, что я тебе сейчас расскажу, тоже правда. – Он посмотрел на сына и, не дав тому опомниться, стал рассказывать:

– Твоей бабушке было восемнадцать лет, когда её село окружили и заполонили турецкие заптии. Людей, не предупреждая, выгоняли из собственных домов, а кто противился, того убивали на месте. Так у Нубар, то есть у моей мамы, на глазах погибли дед и бабушка, не желавшие покидать дом. Отца и многих других пригнали с поля, и они присоединились к колонне уже в пути. Куда и почему их гонят с родных мест, никто не знал, им ничего не объясняли. За любой вопрос или недовольство в адрес турецких солдат тут же раздавались выстрелы. Согнанные двигались, обходя главные центральные дороги. Хоть к ним прибавлялись новые колонны людей из других мест, численность их катастрофически уменьшалась. Люди гибли от голода, жажды, от зверского насилия, от похищения людей курдскими разбойническими налётами, – рассказывал тихим печальным голосом Кемал.

Вдруг раздался раскаты грома, и электричество погасло. Джамиль вжался в кресло. По оконным стёклам бешено стал барабанить дождь, выбивая своей дикой пляской то, что кричала его душа: «Не-прав-да! Не-прав-да! Не-прав-да!»

Кемал встал, подошёл к высокому небольшому столику на кривых ножках, где стоял подсвечник с тремя массивными свечами и зажгёт их. Пламя нехотя стало разгораться и постепенно преобразовать комнату, растекаясь своей таинственно дрожащей тенью по стенам. Кемал посмотрел на съёжившегося в кресле сына и подумал, что, наверное, поспешил со своим откровением, но, понимая безысходность своего положения, продолжил рассказ:

– Нубар потеряла счёт дням этого ада и была бы рада упасть и не встать, но шла через силу, жалея своих родных: отца, мать и двух младших братьев, одного из которых, больного, она тащила насильно за руку, нести не было сил. На колонну измученных людей в начале пути турецкое население смотрело с ненавистью и старалось отнять последнее, что у них было. В основном это были деньги и золото, которые не отобрали ещё заптии. Но чем дальше они уходили от

родных мест, тем больше менялось и отношение населения. Смотрели по-разному: где с жалостью, где с непониманием и удивлением, а где и с безразличием. Влачившиеся через силу люди потеряли человеческий облик и были похожи на преступников. Последнее, что она помнила из того кошмара, – они проходили через небольшое турецкое село, которое встретило их молчанием и безлюдьем. Оно было последним турецким населённым пунктом на их пути, дальше начинались предпустынные арабские деревеньки. Вдруг, когда они шли по узкой улочке, по которой можно было пройти рядами по три человека, раздались шум и выстрелы в конце колонны. Солдаты, шедшие рядом с колонной, побежали на шум. И тут открылась калитка высокой каменной ограды и кто-то, схватив Нубар за руку, затащил её во двор. Калитка быстро захлопнулась и она, ошеломлённая, с больным братом, руку которого она так и не отпустила, оказалась вне колонны. Рядом стоял мужчина. Приложив палец к губам, мол, молчи, он, присев на корточки, некоторое время смотрел в щель ограды на улицу. Оказалось, что это был кзлбаши, староста деревни Омар, которого накануне известили о колонне армян и приказали жителям села не выходить из своих домов.

– Ты хочешь сказать, что это был твой отец? – постепенно приходя в себя спросил Джамиль.

– Да, это был твой дед, – подтвердил Кемал. – Так моя мама оказалась в семье своего будущего мужа, которому она впоследствии стала второй женой. А брата её, как ни старались, спасти не удалось. Он умер на третий день...

– Почему она нам ничего не рассказывала?

– Она боялась за мужа и его семью, за меня, – ответил с болью Кемал. – Но до глубокой старости она каждый день поднималась на плоскую крышу жилого дома и часами смотрела в ту сторону, куда ушла колонна. Её поддерживала вера в то, что надо только переждать какое-то время и родные вернуться. Им обязательно позволят вернуться! Нубар промолчала всю свою жизнь, никому не рассказывая о своём прошлом, но оставалась преданной своей вере. А когда я, её единственный сын, после смерти отца решил переехать в город со своей семьёй, она наотрез отказалась куда-то уезжать. Осталась в свои

восемьдесят восемь лет в селе, в семье младшего сына от первой жены покойного мужа, где её – ты ведь знаешь – любят и почитают как родную мать.

– Но откуда ты всё это знаешь? – ещё на что-то надеясь, спросил громко Джамиль. Пламя свечей, до сих пор сочувственно внимавшее в тиши рассказу, колыхнулось от его громкого голоса, брызжа искрами, как бы соглашаясь с вопросом: откуда?

– Перед тем как мы должны были уехать, она позвала меня в свою спальню и долго рассказывала о себе и о судьбе своего народа, чья кровь теперь течёт в жилах у меня и моих сыновей. Она рассказывала о тех местах, где родилась, вспоминая, называя и описывая всё до мелочей. После, ошеломлённый повествованием, я провёл весь день в одиночестве, не замечая того, что ухожу всё дальше и дальше от села. Очнувшись, я вдруг понял, что иду именно в ту сторону, куда, по словам матери, ушли армяне. Несмотря на то что я знал свою мать как умную и серьёзную женщину, непохожую на других, мне казалось, что всё, что я услышал, – неправда. Но тут же, вспоминая то, как мать изо дня в день поднималась на плоскую крышу нашего дома и совершала правой рукой какие-то непонятные знамения, я вдруг понял, что она крестилась и именно так, как крестятся христиане. Где-то внутри меня рождалось желание узнать всю правду, а название и описание матерью её родных мест только усилило стремление узнать достоверную историю предков. И тогда я решил не верить и не осуждать, пока сам не узнаю правды.

– Но всё, что ты рассказал... всё это... – Джамиль не знал, как назвать эту неведомую ему ещё одну модель Холокоста, – почему мы не знаем об этом?

– Мы не виноваты, ибо в наших учебниках по истории говорится, что это армяне убивали турок, а не наоборот. Мол, они с целью обретения независимости объединились с царской Россией против Османской империи, вследствие чего Талаат-паша инициировал переселение армян по пустыне в Сирию.

– Но это же была депортация, – перебил отца Джамиль, защищая честь турецкой нации из последних сил. – Разве можно называть депортацию Геноцидом?

– Мы, не зная истории, не знаем правды. Я побывал в тех местах, о которых мне рассказала твоя бабушка, и застал в живых немногих очевидцев 1915 года. Но они есть!

– Это были армяне?

– Это были и армяне, и их соседи-турки, которые знали о резне. Они помнят и знают правду, но боятся рассказывать, ибо многие, очень многие погибли из-за того, что укрывали своих соседей.

– Если там с тех пор ещё живут армяне, как же они остались в живых?

– Это в большинстве омульманенные армяне, поменявшие веру.

– И они помнят бабушку?

– Они не помнят её, но помнят её родителей и даже указали на дом, где они жили. Там сейчас живёт молодая турецкая семья, которая понятия не имеет, что это не дом их предков. Если бы ты видел, в каком страхе были эти люди, рассказывающие о правде, столько лет держащейся в тайне, ты бы понял, что это правда. Они говорили, но боялись, что об этом узнают власти.

– Я не хочу в это верить, не хочу. Это неправда!

Кемал подошёл к сыну и обнял его.

– Я тоже не хотел в это верить, но мне пришлось это сделать. Надо не только поверить, но и успокоить бабушку. Показать, что мы на ее стороне. Она столько лет одна... Она очень любит нас и всё ещё ждёт родных... из пустыни. – В глазах Кемала стояли слёзы. – Поверь, родной, для меня было во стократ тяжелее, чем сейчас тебе, когда я узнал, что моя мать не турчанка и даже не мусульманка, а армянка. Одно название этой нации уже вызывало во мне протест, я был уверен, что это они начали погромы в те годы. – Он помолчал, потом, покачав осуждающе головой, продолжил: – Так что твой однокурник прав. Такова политика нашего государства. После 1923 года, когда у нас была провозглашена республика и декларирована политика признания не национальных, а лишь религиозных меньшинств, все армянские школы, церкви и армянская пресса были закрыты. А оставшиеся в живых армяне из страха говорили на турецком языке, в результате чего выросло поко-

ление, отрезанное от своих корней. Тема Геноцида армян с тех пор осталась запрещённой – никто об этом не рассказывал и не писал, что и приводит к отрицанию этого факта.

– Почему же не говорят? – возразил сын, дотрагиваясь осторожно до синяка под глазом. – Ещё как говорят!

– У нас об этом стали говорить в последний год, и то под натиском других государств.

– Что ты хочешь этим сказать? – удивился Джамиль. – Что все знают об этой теме, кроме нас?

– Поройся в Интернете, посмотри сайты политиков других стран, – предложил отец. – Я вот обнаружил, что в мире все, кроме наших нескольких союзнических государств, давно знают эту историческую правду.

– Я видел кое-что, но злился, что нас хотят оболгать. Но если даже это не так, разве мы виноваты? Это было в османской Турции и очень давно.

– Но это сделала наша нация, не легче ли признать это и извиниться?

– Ты... ты так об этом говоришь, будто объявляешь приговор, а ведь возможно, что бабушка давно с этим смирилась, – с трудом сказал юноша.

– Если бы она смирилась, то поменяла бы веру, – тихо сказал Кемал, – а она осталась преданной кресту, символу её земных страданий.

– Она не поменяла веру?

– Нет. И твой дед принял это как должное, она ведь носит под одеждой крестик. Муж пытался уговорить ее не делать этого, боясь за неё, но, видя её молчаливое упорство, стал уважать жену и даже охранял её покой, когда она молилась. Но он скрывал всё, включая её происхождение, ибо боялся за жизнь жены. Мы тоже должны принять это как должное и должны гордиться ею. Она очень сильный человек!

В комнате повисла тишина, только пламя свечей, уменьшаясь постепенно, иногда виновато потрескивало и угасало, будто не выдержав всей тяжести печали молчания, повисшей в воздухе.

...Рассвет пробудил Кемала раньше обычного. На душе было беспокойно. Вчера после ухода сына он так и не прошёл

в спальню и заснул на диване в кабинете. Он долго думал, надо ли было рассказывать сыну о происхождении своей матери, и решив наконец, что сделал всё правильно, заснул беспокойным сном. Всю ночь ему снилась мать. Она, одетая как всегда в свой чёрный траурный наряд, который пронесла всю жизнь, стояла на плоской крыше их жилого дома и смотрела вдаль. Он же удивлялся тому, что мать смотрит не в сторону пустыни, а совсем в другую сторону.

Кемал, услышав, что жена уже хлопочет на кухне, вышел из кабинета.

Мальчики ещё спали. Он, попросив налить ему чаю, подсел к столу и вдруг встретился с вопрошающим взглядом жены и понял, в чём дело: он не совершил утреннего намаза. Смущённо опустив голову, он приступил к завтраку. Телефонный звонок прервал их молчание. Кемал, напряжённо слушая по телефону, почти не говорил, только иногда вставлял дрожащим голосом слова: сделаю, привезу, хорошо, выезжаем...

– Это Омар, – голос его дрожал. – Мама при смерти, ей плохо со вчерашнего дня. Буди детей, надо ехать.

Как он ни старался держаться, у него ничего не получалось: из глаз покатились слёзы. Жена, причитая по-женски, ушла будить мальчиков, и тут он дал волю своему горю, разрыдавшись почти в голос, чего с ним никогда не было. Слишком велико было ощущение груза трагедии.

В село по ухабистым дорогам доехали только к вечеру. В доме брата было торжественно печально, вполголоса переговаривались женщины у комнаты матери. Две из них при виде Кемала встали и, осуждающе покачав головой, вышли.

– Что случилось? – глядя им вслед, спросил он у брата.

– Она запретила читать из Корана, – сообщил ему удивлённый поведением матери Омар.

– Не хочет – не надо. Будем делать так, как она пожелает, – ответил тихо Кемал и прошёл к матери. В руках у него был небольшой свёрточек. Никто, кроме него, не знал, что это армянский молитвенник, взятый им у старого армянина в торговой лавочке на краю Стамбула. Он долго упрашивал старика продать ему что-либо, касающееся его веры. Но только

тогда, когда он сказал, что хочет купить для матери и что она армянка, тот наконец поверил ему и просто подарил изрядно потрёпанную книжечку с крестом на обложке. Незнакомые ему доселе буквы были кое-где стёрты, отчего написанное название было похоже на послеоперационные, не везде исчезнувшие рубцы.

Он положил молитвенник во внутренний карман пиджака, и ему всю дорогу казалось, что он ощущает на груди тепло.

– Мама, – окликнул Кемал неподвижную женщину с величественно строгим лицом, возлежащую на высоких подушках. – За его спиной стоял Джамиль, по-новому, пристально глядя на бабушку, к которой он всегда относился с трепетной любовью. Женщина открыла глаза. Казалось, она с трудом возвращается из далёких закоулков памяти. Осмотрев внимательно окруживших людей, она остановила взгляд на Кемале.

– Мернем кез, айрик, ду верадарцар!²³ – вдруг воскликнула она на незнакомом для всех языке. В её словах было столько радости, смешанной с болью, что все вздрогнули, хоть и не поняли ни слова.

– Выйдите, – попросил всех Кемал, – пожалуйста, выйдите! Джамиль, – окликнул он сына, – останься. – Из всего сказанного матерью он знал лишь одно слово «айрик», что означало «отец», и понял: мать бредит. Она всегда говорила, что он похож на её отца. Такой же светловолосый и голубоглазый, отчего ей всю жизнь было за него страшно, ибо он выделялся среди турецких черноволосых ребятишек.

– Мама, это я, твой сын, – сквозь слёзы почти простонал он.

– Да-да, я знаю, что это ты, – отвечала бедная, истерзанная ожиданием женщина, переходя на турецкий язык. – Я знала, что дождусь тебя, отец! Бог вознаградил меня за моё терпение! Мы вернёмся в наш дом, там нас ждут...

Плечи Кемала содрогались от немногого плача; он развернул свёрточек и вложил в руки матери молитвенник. Она поднесла книжечку к глазам и, осознав, что у неё в руках, стала истоиво креститься и целовать молитвенник, шепча что-то опять на армянском языке.

²³ Умереть мне за тебя, отец, ты вернулся! (арм.)

– Айр мер, вор еркнкум эс²⁴, – слышали отец с сыном, ничего не понимая, но все же зная, что это молитва. Джамиль непроизвольно повторял за бабушкой незнакомые слова незнакомой молитвы, уже нашедшие в его душе место.

...По истечении третьего дня после смерти матери Кемал со своей семьёй возвращался в город. Он настоял на том, чтобы захоронить тело матери в далёком от их села районе, объясняя родным, что это последняя воля умершей. Встретившийся им пастух после долгих, настойчивых расспросов тайком показал им место, где раньше находилось армянское кладбище. Он считал себя наполовину христианином, ибо его отец был армянином и спасся в далёкие времена лишь потому, что его спас сосед-турок. То, что армяне и их следы всё же уцелели в этих местах, очень удивляло Джамиле. Кемал с сыном, поднявшись на холм за селом, убедились, что это действительно заброшенное армянское кладбище. Всюду валялись обломки окаменевших костей и камни, на которых под ржавым мхом угадывались надписи на армянском языке. «Следы исчезнувшей жизни, остатки исчезнувшей Армении», – подумал Джамиль, помогая отцу, и сердце сжалось от неведомой до сих пор непонятной тоски и протеста. А с трёх сторон на них виновато смотрели горы и два уцелевших на высоком выступе тополя, как свидетели мрачного злодеяния.

За небольшую плату пастух пообещал ухаживать за могилой, которую со всех сторон Кемал и Джамиль обложили уцелевшими обломками могильных плит и хачкаров. При выезде из села Кемал в очередной раз оглянулся на кладбище, откуда сиротливыми взглядами их провожали деревья с устремлёнными в серое небо обломанными ветвями. Он вытер слёзы и обнял поникшего за эти дни сына. Теперь их пожизненно связывало общее горе, которое им, словно эстафету от предков, передала Нубар.

2000 г.

²⁴ Отец наш, сущий на небесах (арм.).

Ли́дия ГРИГО́РЯН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Весть о том, что дядюшка Арут возвращается из Америки, разнеслась по посёлку мгновенно. Люди недоумённо пожимали плечами: мол, старик совсем выжил из ума! Надо же додуматься: вернуться из самой Америки на эту каменистую и потрескавшуюся от жары землю.

Весь день народ, собравшись у Дома культуры в центре посёлка, судачил, говорил о сущности здравомыслия, о том, что сесть на осла – это один недостаток, а слезть с осла – недостаток в квадрате. Уж если сел на осла, держись и гляди вперёд гордо, чтоб не смешить людей.

Лишь сосед Арута семидесятилетний Месроп покручивал в задумчивости усы и оставался невозмутимым. Он помнил, как эти же люди с жадностью обсуждали Арута, когда три года назад тот всё-таки собрался ехать в Америку к сыну. Сын, уехав до этого на гастроли в Чикаго, взял да и не вернулся в Армению. Односельчане называли тогда Арута чуть ли не предателем родины.

«Пустомели, – подумал сердито Месроп. – Не зная о содержании души человека, осуждают. Наверно, о таких вот сплетниках и говорил мудрец Грасиан: “Говори, коль хочешь, чтобы я тебя узнал”. Ох, пустомели».

Месроп знал, каких переживаний стоил соседу выезд в Америку, но чего не сделаешь ради любимого чада. По морю жизни плыть нелегко, оно усеяно рифами бесчестья, глупости и невежества. Кто знает, к какому рифу прибило бы сына соседа, не будь отца рядом с ним.

Отдав скотину дочери, что была замужем и жила на одной с ними улице, Арут распродал дом почти со всем имуществом и вместе с женой отправился в Америку. Целый год от него не было вестей, но вот однажды к Месропу прибежала радостная

дочь Арута – Ануш. В руках у неё было письмо. После первого письма опять наступило затишье на целый год, и опять письмо. И вот по истечении третьего года вдруг пришла весть, что сосед его возвращается с семьёй на родину.

Идя домой от сельской площади, Месроп всю дорогу обвинял себя, что не смог тогда уговорить Арута не уезжать. Ох, как много неразумного в жизни, думал он. Даже опыт возраста не помог Аруту. Ведь сколько натерпелся по дорогам спюрка перед тем, как попасть в Армению, и вот опять скитания. Месроп знал, что отец Арута родился в Измире. Пережив ужасы Геноцида, он оказался с двоюродным братом в Бейруте, где и женился. А когда подрос сын Арут, решил уехать в Советскую Армению, тогда как брат со своей семьёй уехал в Америку, на родину жены.

Месроп прошёл в свою комнату, нашёл на книжной полке письма соседа и, сев на тахту, принялся перечитывать их в очередной раз.

«...Поначалу жили мы как в раю. Были деньги, вырученные за дом и сад.

Приходили армяне, спрашивали о жизни на родине и удивлялись, что мы не в обиде на жизнь в Армении. Говорят, что всех приезжих что-то не устраивало на родине, вот они и уехали за океан. До нашего приезда сын устроился в какой-то театр, но оказалось, что без английского языка – никуда. Выучил язык за год, вышел на сцену. Видели мы с женой его выступление – не понравилось. Слова какие-то холодные, без души. Ему самому не нравится. Я его пожалел, а вот мать ему всё в глаза и сказала, что не выйдет из него артиста, если он не будет думать и говорить на родном языке. Мол, человек должен душу вложить в творчество, против души не пойдёшь. А он играет без души, ибо думает не о чувствах, а о том, как бы не забыть слова на иностранном языке. Мы бы вернулись домой, но сын не соглашается. Стыдно ему вернуться бедняком, а на родине, мол, и дома-то нет, продали. А одного его тут оставлять да надеяться на дальних родственников, которые уговорили его остаться, пообещав золотые горы, не хочется. Как можно неопытного юношу оставить в этой чужой стране и уехать. Ведь сойдёт с пути, растворится в чужом. Здесь многие чтят обычаи и традиции, но, к сожа-

лению, у них совсем иные понятия о домашнем очаге. Молодёжь здесь стремится сначала сделать карьеру, а уж потом думать о личной жизни. Очень мне не нравится, что наши парни здесь женятся на “чужих” (итальянках, англичанках...), от этого сплочённость в спюрке не та, которая была бы при родстве друг с другом. Трудно нам с женой видеть всё это. За то время, что мы прожили на родине, мы как-то оттаяли и согрелись, забыв про чужбину, и вот опять... Что-то мы сделали не так, не смогли воспитать сына, не смогли вложить в него любовь к своей земле. Я всегда старался оградить его от всех проблем, что оказалось совсем неправильным. Вырос он, не ведая трудностей, всё ему легко давалось. А то, как живут родители, он не понял и не прочувствовал. Это страшно. Я мечтал сохранить патриархальные устои в семье, но увы! Мне трудно представить, что, будь жив мой отец, я бы мог против его воли настоять на выезде на чужбину, а вот мой сын смог... Ты прости, Месроп-джан, что жалуясь тебе. Мне некому всё это высказать, а душа горит. Если не удастся уговорить сына вернуться, то хотя бы женю его, чтобы совсем не сбился с пути, а потом соберёмся с женой назад. Девушек здесь наших много, а вот парней не ахти...»

Месроп отложил письмо и задумался. В душе был слышен голос соседа. Он явно представлял, как тот со слезами на глазах пишет это письмо, как ему совсем одиноко там, за океаном. Тяжко вздохнув, Месроп вышел во двор, держа второе письмо в руках.

Воздух прогрелся по-весеннему, пахло ароматом земли и растений. В соседнем саду, который принадлежал раньше Аруту, трудились пять человек: молодая семья с двумя подростками и крепким дедом, у которого в прошлом году умерла жена. По хозяйке было видно, что скоро в семье будет ещё прибавление. Весело переговариваясь, они подвязывали лозы винограда к натянутой в три ряда проволоке. Впервые в жизни вид весенних садовых хлопот теснил душу Месропа. Ему стало тяжело от мысли, что Арут в это время, наверно, вспоминает о своём хозяйстве... Зайдя за угол, откуда не было видно сада, Месроп сел на выступ высокого фундамента каменного дома и взялся за второе письмо.

«...Здесь всё можно покупать в кредит. Сын купил машину, стал таксистом. Потом взял в долг небольшой домик. Мы его женили, но опять же нет никакой возможности приехать. Надо помочь сыну. Ежемесячно на оплату долгов уходит больше половины его заработка. И в таком положении многие наши соотечественники. Я подыскал себе не ахти какую работу, она не радует душу, хотя меня сейчас, по-честному, ничто не радует. Круг друзей, если его так можно назвать, слишком узок, все заняты добыванием этих проклятых денег. Некуда пойти, поделиться мыслями и то не с кем. Вот скажи, Месроп-джан, ответь мне, дураку, что это за болезнь такая – странствование? Необъяснимая печаль давит меня. Ведь одно дело, когда наши отцы были изгнаны со своих земель, бежали от смерти и поселились чёрт-те где, чтобы начать жизнь с нуля. Но ведь совсем другое, когда такие дураки, как я, а таких немало, продают дом, бросают родных и друзей и оказываются на чужбине. Если бы ты видел, сколько здесь несчастных, которым даже трудно заработать на хлеб. У них страх в глазах, страх за завтрашний день. Пони-маешь, Месроп, такой же страх я видел в глазах беженцев из Сумгаита и Баку несколько лет назад. Но то были беженцы! А эти в погоне за сладкой жизнью покидают родину, сами не ведая, что творят. Неужели нельзя сделать жизнь сладкой, когда своя земля под ногами? А ведь нет, едем за океан, не зная языка, не имея специальности, как будто нас тут ждут с распростёртыми руками. А на самом деле всё иллюзии! Во-круг всё блещет, всего полно, но попробуй дотронуться рукой – неумолимо гаснет блеск и убегает, убегает все дальше. Многие, бросив на родине всё, окунувшись в этот жестокий круг, вдруг прозревают и стараются кричать так, чтобы их услышали на родине те, которые только собираются в путь. Кричат, потому что поняли: отсутствие Родины – это вечная ностальгия, вечный комплекс неполноценности, ибо каких бы высот и богатств ты ни достиг тут, в конце приходишь к тому, что всего полно, но в то же время ничего нет... одна пустота, под ногами не твоя земля. И тогда спасает только тот факт, что хоть и далеко, но есть на земле уголок под названием Родина...»

Угнетенный содержанием писем соседа, которые были перечитаны не раз, Месроп впал в долгие раздумья. Причин на то было немало. Ну взять хотя бы то, где будет жить его сосед после возвращения? У его дочери дом небольшой, а семья дай Бог здоровья: взрослых четверо да малышей трое. Тревога души привела его всё-таки к дому Ануш. Та хлопотала во дворе по хозяйству. Обрадовавшись, что ему не надо заходить в дом, Месроп окликнул её.

– Дочка, а ну-ка подойди на пару слов.

– Пройдёмте в дом, дядюшка Месроп, – пригласила она, – свёкор дома, пообщаетесь.

– Мы и так почти каждый божий день с ним общаемся, – сказал, улыбаясь Месроп, – да и свёкор твой небось дрыхнет как всегда, будто новорождённый, не ведая, что лень – большой порок.

Ануш весело рассмеялась.

– И что вы с ним не ладите, дядюшка Месроп?

– Ну, это отдельный разговор, – добродушно ответил Месроп. – Самое трудное в любых ситуациях нашей жизни – это найти лёгкий выход. Твой свёкор просто изобретатель, он нашёл выход из любых ситуаций – это сон.

Увидев, что рассмешил Ануш не на шутку, он продолжил:

– Ты мне вот что скажи, когда приезжают ваши и где они остановятся?

– Разумеется, у нас, – удивилась Ануш последнему вопросу. – А там посмотрим. Я вчера с папой по телефону говорила, приезжают через неделю.

– Через неделю, говоришь, – повторил задумчиво Месроп.

– А ты не слышала, в посёлке случайно никто дом не продаёт?

– Только Асатряны, но это от нас далековато, да и дом там громадный. Бог их знает, сколько они за него просят, что второй год продать не могут. Я об этом тоже уже думала, – с грустью поделилась Ануш. – Говорила своим, не продавайте дом... я ведь присмотрела бы... да и вы рядом, – добавила она чуть погодя.

– Куда бы они без денег поехали, – защитил Арута старик, но, увидев печальное лицо молодой женщины, поспешил поменять тему разговора. – Ну да ладно, я думаю, образуется

всё, передавай мужу привет. Небось в поле давным-давно, не то что некоторые?

– С раннего утра, – улыбнулась Ануш. – Дядюшка Месроп, я так рада, что наши возвращаются, хоть многие и не одобряют их поступок. Я так соскучилась, что моченьки нет, скорей бы их увидеть!

– А ты не слушай, что дурные языки говорят, – рассердился Месроп. – Отец твой за сыном поехал, чтобы вернуть его, а не затем, чтобы жить на чужбине. Я тоже рад, что они возвращаются. Ты приходи, если будут известия, держи меня в курсе, – попросил он на прощание.

Со своими думами Месроп и не заметил, как почти дошёл до дома. Ещё издали у их гаража он увидел машину сына. Что-то рано Рубен приехал с работы, подумал он.

Сыном он был очень доволен. Выучился на врача, женился на хорошей девушке, медсестре, купил машину. Теперь вместе работают в районной больнице. Подойдя ближе к дому, он увидел Рубена и своего соседа. Они так были увлечены беседой, что не заметили подошедшего.

– Что за шум, а драки нет, – вмешался Месроп.

– Да вот, отец, говорят, дядюшка Арут из Америки возвращается, – поделился новостью сын.

– А вы радовались так шумно или удивлялись? – спросил, улыбаясь, Месроп.

– Скорее удивлялись, – сказал сосед. – И зачем только дом продал? Куда теперь они?

И тут какая-то мысль так поразила Месропа, что он, открыв рот, чтобы ответить соседу, так и онемел. Но быстро придя в себя сказал:

– Ты вот удивляешься, что он продал дом, а я удивляюсь, как ты мог его купить. Семья у тебя большая, а дом не очень.

– Большой дом стоил больших денег, – ответил сосед. – Тогда у меня еле-еле и на этот дом денег хватило.

– А сейчас хватило бы? – хитро спросил Месроп.

– Хватило бы, – ответил, ничего не подозревая, сосед, – да чего уж базарить. Я и здесь немало чего пристроил.

– За пристройки можно денежку получить, – продолжал гнуть свою политику Месроп.

– Какие денежки? – не понял сосед. – Ты о чём это, дядюшка Месроп?

– А о том, сынок. Говорят, Асатряны свой дом продают. Не дом, а хоромы! Продавай этот дом мне со своими пристройками и покупай хоромы. Не сегодня так завтра у тебя ещё ребёнок родится, совсем тесно будет.

Он хотел ещё что-то сказать, но громкий хохот сына, с интересом следившего за ходом беседы, не дал ему договорить.

– Ну и хитрец! Ну ты даёшь, отец! Значит, правда, что твой друг возвращается? – Он повернулся к соседу. – Давай, соглашайся быстрее, пока старик не передумал! Больше такого варианта тебе в жизни никто не предложит! Ай да отец! – продолжал смеяться он. – А говорил, что денежки на похороны копишь?

– Значит, придется не помирать, – ответил ему старик и опять повернулся к соседу. – Ты что молчишь?

– Предложение заманчивое, но мне надо с отцом посоветоваться.

– Молодец, Араз-джан! – одобрил Месроп. – Хороший ты сын. Иди, советуйся, но только до вечера, а то я могу ведь передумать и хоромы купить для друга.

И опять раздался громкий хохот, но теперь они смеялись все трое.

На следующий день по посёлку вдруг поползла ещё одна новость: дядюшка Месроп выкупил бывший дом Арута, чтобы вернуть его прежнему хозяину, а новый сосед на вырученные деньги покупает дом у Асатрянов.

Люди, ещё не переварив вчерашний шок с возвращением Арута, перешли на обсуждение новой темы. Около клуба собралась толпа, и опять люди судачили и недоумённо пожимали плечами: мол, теперь старик Месроп выжил из ума. Это надо же додуматься вернуть дом, купленный на собственные деньги, соседу! Народ разошёлся не на шутку, но в конце концов, пускай и кривя душой и с большой натяжкой, сделал заключение: дядюшка Месроп совершает очень доброе дело. И что беда могла приключиться с каждым из них, и кто знает, чего могут ещё натворить их собственные дети. И что было бы неплохо, если бы посёлок помог дядюшке Месропу.

И потянулся народ вереницей к дому Месропа, как к святому истоку, но перед этим каждый зашёл домой, чтобы вынуть из потаённых мест сбережённые на трудный день деньги. Месроп, помогая соседям с переездом, не сразу понял, что привело односельчан к его дому, ибо никогда бы не подумал, что его поступок мог получить в людских сердцах такой живой отклик. А когда до него дошло, что люди тоже хотят принять участие в покупке дома для Арута, он чуть не расплакался, так как ещё вчера осуждал этих людей за их чёрствые души и длинные языки. Взволнованный и радостный от мысли, что ошибся в людях, он вышел к ним и, не зная с чего начать, молчал. С седыми волосами и бородой куда блее этих волос, в рубашке навыпуск он был похож на отшельника, вернувшегося из пустыни к людям, и толпа, потрясённая его почти библейским видом, тоже невольно примолкла. Положение спас Константин, мужчина сорока лет, любивший шумные сходки и споры.

– Дядюшка Месроп, – начал он, – мы тут пораскинули мозгами и решили... – он вдруг замялся, не зная, как сформулировать решение, приведшее их сюда, и от этого рассердившись на самого себя, вдруг вспылал: – Ты того... не думай, что Арут только твой сосед, он ещё и наш односельчанин, и мы... того... в общем... мы тоже хотим внести деньги в стоимость дома.

Люди, удовлетворённые сбивчивой речью Константина, с беспокойством ждали, что ответит замешкавшийся Месроп. Но вот тот улыбнулся и сделал шаг вперёд.

– Имущество и богатство может быть украдено, потеряно или же сожжено, – сказал он взволнованно, – но порядочность и мудрость остаются. В мире постоянного страдания самое большое счастье не богатство, а честность и чистое сердце. Спасибо вам за ваше решение!

Люди хоть и не уловили глубокого смысла слов Месропа, остались довольны тем, что их поступок одобрен. Сразу поднялся шум. Кто-то громко говорил и выразительно жестикнул, что привычно для армянских мужчин, кто-то смеялся, а женщины, расчувствовавшись, вытирали слёзы. И неведомо, сколько бы длился шум людской толпы, если бы положение не спас отец Араза, глава соседской семьи. Перебивая гомон, раздался его громкий и решительный голос.

– Ну, вот и хорошо, что так вышло, а то мне со вчерашнего дня не очень нравилась вся эта затея с продажей дома.

– Как это не нравилась, – удивился его сын Араз. – И что именно, отец?

– А то, что ты взял деньги с Месропа за пристройки. Человек доброе дело делает, а ты!? Верни деньги за пристройки, сукин ты сын!

Что тут началось! Люди хохотали, толкая друг друга кулаками, кричали что-то одобрителное в адрес отца Араза, аплодировали. Шум становился все беспорядочнее, неугомоннее, живее, перейдя в почти сумасшедшее ликование, и Месроп, видя, что веселью не будет конца, поспешил вмешаться.

– Константин, бери бумагу с ручкой и принимай у народа деньги. Кто сдаст деньги, пусть подходит помогать с переездом. Рубен, – окликнул он сына.

– Да, отец, – отозвался тот, подходя к нему.

– Возьми кого-нибудь из мужчин, нарежь овцу для хашламы²⁵.

– Будет сделано, – улыбнулся тот, глядя на всех весёлыми глазами.

– Эмма, – окликнул Месроп жену, – забирай к нам женщин, готовьте столы. Мы теперь быстро управимся с такой командой.

И правда, к вечеру работа, рассчитанная на два дня, была закончена. Люди, радостно переговариваясь, мыли руки и подходили к пылающему очагу, сложенному прямо во дворе из больших камней. В большом котле доваривалась баранина. Женщины расставили столы в длинную шеренгу, накрыли их скатертями с яствами. Чего только не было на столе: плов с курицей, сыры домашнего приготовления, овощи, жаренная на вертеле овечья печень, домашнее вино в красных глиняных кувшинах. Места хватило всем. Жена Месропа со своей невесткой и с Ануш разнесли хашламу и тоже подсади к столу. Все изрядно проголодались, и Месроп поспешил начать трапезу.

²⁵ Хашлама – блюдо из вареной молодой баранины со специями и почти всегда цельковой картошкой.

– Мои благородные односельчане! – начал он. – У нас, у армян, есть очень хорошая поговорка: «Ближний сосед иногда лучше дальнего родственника». Сегодня мы доказали самим себе, что нами избран путь дружбы и добрососедства и что мы отныне можем открыто смотреть друг другу в глаза. У всех нас бывают и беды, и проблемы, ведь жизнь не всегда милосердна. Сохранять всегда равновесие не каждому дано, а биться одному головой о стену, когда приходит беда, так это можно сотрясение мозга получить. – Раздался дружный смех. – Я хочу, чтобы мы сегодня подняли лишь один тост, ибо с приходом Арута нам будет за что пить. Так вот, выпьем за то, чтобы нам в любых жизненных испытаниях не было одиноко, чтобы мы всегда знали, что рядом есть плечо, на которое можно опереться.

Месроп закончил, встал, а за ним встали и все мужчины, собравшиеся к нему на подмогу. Выпили стоя, ощущая при этом, что общее доброе дело сделало их счастливыми. До полуночи во дворе Месропа слышались смех и песни...

Неделя прошла быстро. Весь посёлок уже знал, что Арут возвращается не один. С ним жена, сын, невестка и недавно родившийся маленький Месроп. То, что Арут назвал своего внука именем соседа, растрогало всех.

– Они стоят друг друга, – говорили люди и, улыбаясь, одобрительно покачивали головами.

А тем временем дядюшка Месроп с двумя односельчанами возвращался из города. На часть собранных денег была куплена необходимая мебель и большой антикварный замок, ключ которого он с оставшимися деньгами собирался вручить Аруту. Месроп сидел в кабинке грузовика со своими односельчанами. Ветер играл с его седыми волосами, бросая их на лицо, но он не замечал этого. Он улыбался своим думам, ибо явственно представлял себе картину: изумлённо-растерянное и счастливое лицо своего соседа, когда тому вручат ключ от дома. Он даже крикнул от удовольствия и чуть ли не рассмеялся в голос, до того забавной казалась ему проделанная операция с покупкой дома. Рядом сидевшие мужчины рассматривали на дядюшку Месропа и тоже по-доброму улыбались, догадываясь, о чём тот думает.

Смеркалось. Зелень, буйно радуя глаз, покрыла каменистые склоны. Обнажёнными оставались лишь дальние, едва видневшиеся громады скал. Величественна и строга природа Армении, а иногда и жестока к своим жителям, которые, невзирая ни на что, самоотверженно любят свою родину.

Мужчины, любуясь родными местами, уже забыли, что ещё вчера они удивлялись возвращению Арута из «сказочной» Америки на эту каменистую и потрескавшуюся от жары землю. Сегодня они, с любовью оглядывая родные места, думали, что были бы удивлены, если бы Арут не вернулся.

2003 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Коротко о главном от А до Я

ՀԻՇՈՒՄ ԵՄ ԵՎ ՊԱՀԱՆՁՈՒՄ

Символ мероприятий, посвященных 100-летию Геноцида армян, – цветок незабудка, который почти на всех языках имеет один смысл: помнить, не забывать. В цветке графически изображены 12 каменных плит ереванского Мемориала жертв Геноцида армян «Цицернакаберд», а пять лепестков цветка символизируют пять частей света, где рассеялись армяне после Геноцида и создали армянскую диаспору.

А

АБДУЛ-ХАМИД II (1842–1918) – турецкий султан, правил с 1876 по 1909 г. Известен также по прозвищу «красный султан», которое получил за организацию кровавых погромов армян. В начале своего правления султан объявил себя сторонником реформ и парламентарного строя. Стремясь заручиться доверием «новых османов» и европейских государств, провозгласил в декабре 1876 г. конституцию, в разработке которой принимал участие Григор Отыян (армянский общественно-политический деятель, публицист). Но уже в 1887 г. Абдул-Гамид II распустил парламент, установил самодержавный режим, ввёл жесточайшую цензуру, запретил употребление слов «революция», «свобода», «Армения» и др. Жестоко подавил освободительные движения болгар, македонцев, армян. Возвысил на уровень государственной политики **панисламизм** и паносманизм. Попытался предотвратить обсуждение **Армянского вопроса** на **Берлинском конгрессе 1878 г.**, а после него с помощью специально созданных

конных отрядов **«гамидие»** и турецких войск организовал убийство свыше 300 тыс. армян (погромы армян 1894–1896 гг.). После **Младотурецкого переворота 1908 г.** был низложен и арестован.

АДАНА – город в **Армянской Киликии**. Административный центр Аданского **вилайета**, куда входили четыре **санджака** – Ичель, Козан (Сис), Джебел-Берекет и Адана. Первые погромы армянского населения турецкие власти учинили в Адане в 1909 г., накануне которых было освобождено из тюрем около 500 преступников. Мусульманскому населению было роздано большое количество оружия и боеприпасов. Погромы произошли во всех гаварах Аданского вилайета и в ряде районов вилайета Алеппо. Были разрушены и сожжены десятки армянских населённых пунктов. Жертвами резни стало 30 тыс. человек, из них 20 тыс. – в Аданском вилайете. В 1915 г. население Аданского вилайета составляло 403,4 тыс. человек, из коих 178 тыс. – армяне. Функционировали армянские школы и церкви. Большая часть промышленных предприятий, ремесел, а также торговля находилась в руках армян. В 1915 г. новые погромы и депортация армянского населения с родной земли привели к полнейшему упадку экономики вилайета. После окончания Первой мировой войны, когда Киликией овладели французы, часть армян вернулась в родные места. 4 августа 1920 г. под руководством М. Таматяна была провозглашена независимость **Армянской Киликии**. Однако по **Турецко-французскому соглашению** 1921 г. французы 5 января 1922 г. передали вилайет во власть Турции, и 150-тысячное армянское население Киликии под угрозой новых погромов вынуждено было эмигрировать в Сирию, Ливан и Грецию. Ныне немногочисленное армянское население сосредоточено в городах Мерсин и Тарсон.

АДЖН, Харган или Аче, город в Горной Киликии. В XII–XIV вв. – в составе Киликийского армянского государства. В XV в. Аджн захватили турки-османы. В 1915 г. имел 35 тыс. жителей, из коих 30 тыс. – армяне. Во время геноцида 1915 г. армян депортировали в район Дейр эз-Зора, где большая часть их погибла. После поражения Турции в Первой мировой войне Аджн был отдан под власть Франции. В 1919 г. до 8 тыс. избежавших гибели аджнцев вернулись в родной город. Однако в результате тайных пере-

говоров между Францией и турецким правительством французские войска покинули **Армянскую Киликию**, оставив на произвол судьбы мирное население **Аджна, Урфы, Айнтапа, Мараша, Сиса**. Воспользовавшись этим, турки предали армян резне, захватив перечисленные выше города. В марте 1920 г. Аджн окружили кемалистские войска, и город потерял связь с внешним миром. 9 марта жители Аджна отправили делегацию к французским властям Киликии с просьбой о помощи, но, не получив ее, аджнцы во главе со своим предводителем адвокатом Карапетом Чаляном образовали Высший совет самообороны Аджна, председателем которого стал духовный предводитель Аджна Петрос Сарачян. Были сформированы четыре роты, эскадрон из 60 всадников, созданы органы Красного Креста и обеспечения обороны. Мужскому населению от 16 до 55 лет были розданы 432 винтовки и 200 бомб. Были вырыты окопы, возведены укрепления. 1 апреля турки начали наступательные действия. После ожесточенных боёв им удалось занять монастырь св. Акопа, но город, полностью окружённый, продолжал героически обороняться. Ожесточённые бои имели место 30 апреля, 20–23 мая, 8–9 и 25 июня. 5 августа 200 добровольцев во главе с Арамом Кайцаком (Терзян), приблизившись незаметно к турецким позициям, уничтожили боевое прикрытие, захватили тяжелое орудие, перетащили его на площадь Аджна и открыли огонь по туркам. Нанеся противнику большой урон, защитники Аджна 20 сентября заняли село Румлу. Тем временем турецкое правительство, боясь мировой огласки такой длительной обороны, по приказу М. Кемалья бросило на Аджн большое подкрепление пушками, боеприпасами и войском. Город подвергся артиллерийскому обстрелу. Сотни оборонявшихся, среди которых были и женщины, пали на боевых позициях. 15 октября Аджн был захвачен и сожжен, население – 6 тыс. армян (в их числе дети, женщины и старики) – были зверски убиты. Лишь 365 защитникам Аджна удалось прорвать окружение и уйти.

АЙНТАП (турецк. Газиантеп). В составе Турции с начала XVI в. В XVIII в. в окрестностях Айнтапа имелось 100 сёл, населённых исключительно армянами. Впоследствии турецкие власти поселили здесь курдов, а армянам было навязано тюркоязычие.

В начале XX в. население Айнтапа составляло 50 тыс. человек, из них 20 тыс. – армяне. Армянское население занималось преимущественно ремеслами и торговлей. Благодаря открытию армянских школ родной язык вновь вошёл в быт населения. В Айнтапе имелось шесть армянских церквей, 17 училищ, издавался журнал. Во время **Геноцида** 1915 г. армянское население Айнтапа было депортировано в пустыню **Дейр эз-Зор**. После поражения Турции в Первой мировой войне избежавшие гибели армяне вернулись в Айнтап. Однако турецкие власти продолжили гонения армян, и с апреля 1920 по февраль 1921 г. армяне вынуждены были обороняться. Одним из видных организаторов Айнтапской самообороны был священник Нерсес Тавугчян. Оборона города была разделена на 11 районов, был создан отряд, который установил связь с французскими войсками. Бои продолжались до 30 мая 1920 г. Согласно подписанному 30 мая 1920 г. в Анкаре франко-турецкому перемирию, французские войска должны были покинуть Айнтап. Видя, что надеяться на французские силы не приходится, армяне решили в случае дальнейших турецко-французских столкновений соблюдать вооружённый нейтралитет. Однако возобновившиеся 29 июля посягательства со стороны турок в отношении армян Айнтапа вынудили последних вновь прибегнуть к самообороне, которая продолжалась до 8 февраля 1921 г. Но после заключённого 20 октября 1921 г. в Анкаре **Турецко-французского соглашения** (оно предусматривало прекращение состояния войны между сторонами и вывод французских войск из Киликии) армяне Айнтапа были вынуждены покинуть родной город и рассеяться по разным странам.

АКАНДЖИ, регулярные разбойничьи отряды, созданные Османской империей в конце XVIII в. специально для совершения набегов, грабежей оседлых христианских поселений – армянских, греческих, ассирийских. Интересен тот факт, что слово аканджи (akinci) означает «совершающий набег», «разбойник».

АЛАШКЕРТ, в древности Вагаршакерт. Город и гавар в восточной части **Эрзурумского вилайета** на территории **Западной Армении**. Алашкертская долина с древних времен является одним

из наиболее плотно населённых чисто армянским населением районов. Несмотря на то что гавар систематически подвергался нашествию кочевых племён, в середине XVIII в. здесь насчитывалось свыше 360 армянских сёл. В 1829 г. тысячи алашкертцев во избежание расправы за помощь русской армии в ходе Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) вынуждены были эмигрировать в **Восточную Армению** и обосноваться в бассейне оз. Севан. В 1890-х гг. турецкая власть в целях изгнания армян из приграничного с Российской империей Алашкерта развернули здесь деятельность отрядов «**гамидие**». В ходе Первой мировой войны Алашкерт несколько раз был взят и оставлен русскими войсками, вследствие чего в 1914–1916 гг. армянское население подвергалось систематическим погромам и выселению. Во время переселения 1914 г. почти полностью было истреблено население сёл Молла-Сулейман и Заткан. В результате очередного турецкого нашествия в марте – апреле 1918 г. последнее армянское население Алашкерта перешло в **Восточную Армению**. В 1918–1919 гг. значительная часть этих переселенцев погибла вследствие голода и эпидемии.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬКИЙ ДОГОВОР 1920 г. Мирный договор, завершивший армяно-турецкую войну, был подписан на тот момент ещё не признанным кемалистским правительством Турции и фактически потерявшим власть правительством Первой Республики Армении в ночь со 2 на 3 декабря 1920 г. в Александрополе (Гюмри) правительством Армянской ССР. Согласно договору, к Турции отходили Карсская область и Сурмалинский уезд (свыше 20,7 тыс. кв. км), тогда как районы Нахичевани, Шарура и Шахтагты объявлялись временно находящимися под протекторатом Турции, где впоследствии посредством плебисцита будет установлена особая администрация. Армения лишалась права вмешиваться в дела этой администрации, независимо от того, какую форму она примет, и признавала «неоспоримую историческую, этническую и юридическую связь с Турцией» районов, отходивших к Турции. Армения лишалась права вводить обязательную воинскую повинность, а также признавала аннулированным Севрский мирный договор. Она обязывалась отозвать из Европы и США свои делегации, а кроме того, признавала ан-

нулированными все договоры, которые были ранее заключены во вред Турции или затрагивали ее интересы. Турция получала право контролировать железные дороги и прочие пути сообщения Армении, «принимать военные меры» на территории Армении. Оккупация турецкими войсками территорий, которые признавались по договору частью Армении (Александропольский уезд), могла быть прекращена в случае выполнения Арменией всех условий договора (что фактически означало возможность для Турции бесконечно продлевать оккупацию). Договаривающиеся стороны соглашались на возвращение на свои места в пределах бывшей границы всех беженцев, за исключением тех, которые выселились в течение мировой войны и в рядах противника дрались против своего правительства, и тех, которые принимали участие в погромах. Согласно ст. 7, обе стороны «отказывались от всяких претензий по возмещению убытков, понесённых во время Первой мировой войны». Александропольский договор был подписан через несколько часов после того, как представители дашнакского правительства заключили соглашение с полпредом РСФСР Лерганом об установлении советской власти в Армении. 4 декабря 1920 г. в Ереван вступила Красная армия. Советское правительство Армении отказалось признать договор и объявило его аннулированным.

АЛЕППО (ХАЛЕБ) – город на северо-западе Сирии, административный центр одноимённой мухафазы (губернаторства). В 1880–1890-х гг. в Алеппо и мухафазе проживало около 70 тыс. армян. Армянская колония жила полнокровной общественно-политической и культурной жизнью: действовали (с XVI в.) многочисленные учебные заведения, культурные союзы, создавались рукописи, высокохудожественные произведения искусства. Значительна была роль армянской епархии. В 1895 г. большое число армянских поселений: **Алеппо**, Антакия, Килис, Биреджик, Назиб, **Мараш**, **Айнтап**, **Урфа** – была подвергнута погромам, грабёжам, убийствам. Только в Алеппо было убито 1000 человек. **Кесабские** армяне оказали сопротивление 30 тыс. турецких башибузуков и укрепились вне города у села Карадуран. Турки вошли в Алеппо и истребили оставшихся там армян, разграбили и предали огню их дома, школы, церкви. Во время геноцида 1915 г. Алеппо стал

крупным пунктом концентрации депортированных армян. Здесь были умышленно депортированы депутаты турецкого парламента – армянский писатель Г. Зограб и общественный политический деятель В. Серенкюлян. О совершённых актах варварства турок свидетельствуют многочисленные факты, приведённые в воспоминаниях немецкого педагога М. Нипаге и турецкого политического деятеля Наим-Бея (в 1915–1917 гг. секретарь Комитета по делам депортации армян в Алеппо). По свидетельству различных источников, в некоторых лагерях из десятков тысяч депортированных оставались в живых несколько тысяч, а то и сотен.

АМАЗАСП СРВАНЦТЯН (армянский фидаи начала XX в.) – участвовал в армяно-татарской резне 1905–1906 гг. В 1906 г. организовал оборону города Гандзак от кавказских татар (азербайджанцев). В 1908 г. вместе с дашнакскими деятелями был арестован царским правительством и выслан в Сибирь на 15 лет, но в 1913 г. бежал в Европу. Во время Первой мировой войны командовал 3-й армянской добровольческой дружиной. Его дружина участвовала во многих боях. В 1915 г. участвовал в боях за освобождение Вана, затем в боях за Битлис и Хизан. В феврале 1917 г. в России был назначен командующим полицейскими отрядами в Алашкертском районе. Активный участник мартовских событий 1918 г. в Баку – командовал армянской бригадой численностью в 3500 человек и четыре месяца отбивал атаки турецко-азербайджанской Кавказской Исламской армии. Вскоре уехал в Персию, по завершении Первой мировой войны вернулся в Армению, был назначен командиром армянской армии в регионе Нор-Баязет. В 1920 г. принимал участие в турецко-армянской войне. После установления советской власти был арестован и в феврале 1921 г. жестоко убит коммунистами в ереванской тюрьме.

АНДРАНИК ОЗАНЯН (1865–1927) – армянский народный герой, легендарный полководец, один из выдающихся руководителей национально-освободительной борьбы армянского народа против турецкого деспотизма. Возглавлял героическую самооборону армян в **Сасуне**, **Тароне** (1894–1896), Аракемоцванке (собор Апостолов, Муш, 1901), Васпуракане (1902–1904). Командир армянского добровольческого отряда болгарской армии в пе-

риод первой Балканской войны (1912–1913), командир **первого добровольческого отряда Кавказской армии** в годы Первой мировой войны, генерал-майор русской армии, награжден болгарским и русскими орденами. Одержанные им победы являются образцом военного искусства и стратегии. «Имя Андраника было окружено ореолом славы... Среди бойцов он пользовался непререкаемым авторитетом... считался народным героем», – писал А.И. Микоян. Скончался во Фресно (США). Прах Андраника позднее был перевезен в Париж на мемориальное кладбище Пер-Лашез, а после 1991 г. перезахоронен в Армении, где установлен памятник герою.

АРМИН ВЕГНЕР (Армин Теофил, 1886–1978) – немецкий поэт, писатель-антифашист. В 1915–1916 гг. находился в Месопотамии в качестве офицера санитарной службы в армии генерала фон дер Гольца. Одновременно был военным корреспондентом нескольких немецких газет. В период пребывания в Турции Вегнер стал очевидцем злодеяний младотурецких властей. В отличие от многих немецких военнослужащих, безразлично взиравших на убийства и страдания армян, Вегнер тщетно пытался обратить внимание общественности Германии на эти зверства. В 1919 г. выступал с публичными лекциями в городах Германии, рассказывая о страданиях высланных в пустыню армян. В том же году написал «Открытое письмо президенту США Вудро Вильсону», добиваясь наказания виновников Геноцида. Поднял вопрос об оказании моральной и материальной поддержки уцелевшим жертвам, требовал возвращения в христианскую веру тысяч женщин и детей, насильственно обращённых в ислам, права на возвращение в родные места и компенсации за потерянное имущество. Выступил в защиту народного мстителя С. Тейлеряна, убившего Талаата, а также написал предисловие к стенографическому отчёту судебного процесса, вышедшему в Берлине в 1921 г. под названием «Процесс **Талаат-паши**». На резню армян в Измире в 1922 г. откликнулся статьёй «Крик с Арарата». Многие его работы посвящены трагической участи армян.

АРМЯНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ и АРМЯНСКИЙ ВОПРОС. Первые контакты Армении и Древней Руси прослежи-

ваются по крайней мере с VII в. К этому времени с армянского языка на русский уже было переведено «Житие Григория Просветителя», а с русского на армянский – «Житие Бориса и Глеба». Характерно, что уже в этот период торговый путь с юга через Персию к Белому морю назывался «Армянской дорогой». Затем сведения об армянах начали проникать в Киевскую Русь после 988 г., в связи с браком между князем Киевской Руси Владимиром и сестрой императора Византии Василия (армянина по происхождению), княгиней Анной. Вместе со своей невестой князь Владимир Святославич привез из Византии армянских священников, архитекторов, врачей и других специалистов, которых расселил в Киеве и его округе. Историческая наука пришла к выводу, что уже в начале X в. в Древней Руси появилась первая армянская община. В XI в. в Киевской Руси насчитывалось уже около 40 тысяч армян. Армянские архитекторы участвовали в строительстве храмов и других объектов в разных городах Киевской Руси, в частности в строительстве архитектурных шедевров Владимиро-Суздальского княжества. В свою очередь русский художник Фрол расписывал городскую храм армянской столицы Ани. Во многих церквях и монастырях на Руси отдельные часовни, притворы и приделы посвящались армянским святым. Русские князья неоднократно приглашали армянских воинов для участия в борьбе с половцами. Слава армянских лекарей на Руси была столь значительна, что им было доверено лечение князя Владимира Мономаха. Таким образом, наши народы знали друг друга и успешно взаимодействовали задолго до того, как на политической карте Евразии появились многочисленные государственные образования. Армяне были очень преданы своим братьям по вере. Согласно летописному источнику, в 1552 г., во время взятия Казани русскими войсками, армянские пушкари, состоявшие у татар на службе, отказались стрелять по русским войскам, а когда их принудили, то стреляли поверх голов. В знак благодарности армянам Иван Грозный посвятил верхний ярус одного из девяти приделов Покровского собора в Москве (храм Василия Блаженного), построенного в честь взятия Казани, Святому Григорию Армянскому (Просветителю). Понимание того, что армяне оказывали положительно кардинальное влияние на экономику страны, заставляло российских правителей созда-

вать для них новые привилегии. При царе Алексее Михайловиче в 1667 и 1673 гг. между Россией и Армянской торговой компанией из Нор-Джуги (Иран) были заключены договоры, согласно которым армянским купцам даровалась не только привилегия свободной торговли на водных путях от Астрахани до Архангельска, но и право транзита через Россию и Западную Европу. Большое число армян перебралось в Московскую Русь в XVI в., когда пришлые тюркские племена окончательно уничтожили государственность в Великой Армении и поделили страну на **Западную** и **Восточную Армению**. В основном среди армян-переселенцев были купцы, строители, врачи, художники, ювелиры и ремесленники.

Подвергаясь жестокому национальному и социальному гнѐту, а также религиозным преследованиям со стороны турецких пашей и персидских ханов, армянский народ Западной и Восточной Армений стал искать пути избавления от иноземного ига. Взоры армян обратились на Россию, которая к тому времени стала сильным государством. И если до XVII в. связи между Россией и армянами носили в основном торгово-экономический характер, то в XVII–XVIII вв. они приобрели политическую окраску, что привело к формированию программы освобождения армянского и грузинского народов с помощью России. Одним из активных создателей этой программы был **Израэл Ори**, который в 1701 г. вместе с **архимандритом Минасом Тиграняном** прибыл в Москву, чтобы обратиться к русскому государю Петру I с особым письмом от армянских меликов (князей): *«Спаситель Христос да даст силу войску вашему, которое нам способляти будет... О, коликая слава и колкое почитание имети будет величество ваше у Бога и у королей и у принципсов христианских во Европе, а наипаче во всѣм мире, кроме короны, которую имети будешь на небе вечную. Коликие миллионы христиан молити будут вечно ради величества вашего, для ради толикой милости и любви».*

Пётр I внимательно выслушал просьбу о заступничестве от персидского ига и пообещал помочь Армении сразу же после окончания войны со Швецией. Израэл Ори, получив звание полковника русской армии во главе специального русского посольства был направлен в Персию. А Петр I, закончив войну со Швецией, в 1721 г. предпринял свой известный Каспийский поход, в кото-

ром русские войска заняли Дербент, Решт, Баку и ряд районов Прикаспия. Овладение армянским Карабахом, составлявшим северные провинции Персии, тогда не состоялось, у Российской империи ещё не было достаточных сил. Тем не менее армяне узнали о возможностях реализации военно-политического содружества с Россией во имя освобождения своей страны. В результате политические связи между двумя народами стали крепнуть. В ноябре 1723 г. Петр I подписал указ, по которому армянам, жившим на Северном Кавказе и в прикаспийских областях, предоставлялся ряд привилегий, им отводились места для поселений в прикаспийских территориях и предусматривалась значительная помощь. В эти годы из Карабаха в Кизляр, Моздок и другие города прибывали тысячи армянских поселенцев. Многие армяне за их вклад в развитие торговли России с зарубежьем получили дворянские титулы: Лазаревы, Атрапетовы, Абамелеки, Аргутинские, Деляновы, Лорис-Меликовы и др. Вслед за Петром I политику переселения армян в Россию продолжила императрица Екатерина II: *«Мы даём дозволение выходцам из-за Кавказских гор селиться и признаём за полезное основать города для армян»*. С тех пор существуют города и районы компактного проживания армян в Краснодарском и Ставропольском краях, в Астраханской, Ростовской, Николаевской, Херсонской, Одесской областях. Так, в 1778 г. армянами на правом берегу Дона был основан город Новый Нахичеван, ставший впоследствии большой составной частью Ростова-на-Дону. В нескольких километрах от него расположен населённый армянами Мясниковский район с центром Чалтырь, в котором восемь сёл, пять из них были основаны в 1779 г. Помимо этого существовали обширные армянские общины в различных городах России: Каменец-Подольске, Астрахани, Москве, Санкт-Петербурге и в других населённых пунктах.

В 1804–1813 гг. Россия вела войну за освобождение от власти персов **Карабаха** и других восточных армянских земель. После подписания Трактата о завершении русско-персидской войны в октябре 1813 г. к России вместе с карабахскими меликствами (княжествами) перешли шесть других восточноармянских провинций, а также Гянджинское ханство, преимущественно с мусульманским населением, а чуть позже российскими стали Бакинское,

Шакинское, Ширванское и Талишское мусульманские ханства. В 1828 г по царскому рескрипту из Ереванского, Нахичеванского ханства и Ордубадского уезда была создана новая административная единица: Армянская область. Так было осуществлено присоединение к России всех восточноармянских земель. Вырвав армянскую территорию у персидских шахов, Россия отдала её армянам. Очень даже возможно, что без этого исторического поступка родины у армян сегодня бы не было. Таким образом, решение о политическом союзе с Россией было принято армянскими меликами в союзе с иерархами Армянской Апостольской церкви.

В отличие от своих соотечественников в Западной Армении, армяне Восточной Армении, войдя в состав России, получили возможность для национальной консолидации, подъёма экономики, развития культуры и образования. Армяне стали полноправными гражданами России.

В ходе Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) русские войска овладели армянскими городами **Карсом**, Баязетом и **Эрзурумом**. Однако в результате Адрианопольского договора 1829 г. русские войска были выведены из **Западной Армении**, а эти города возвращены Турции. Нетерпимость турок к армянскому населению особенно усилилась после победы России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., когда восточные армяне представили прошение наместнику Кавказа, а армянские общественно-политические круги Османской империи официально обратились к русскому командованию и двору с просьбой о содействии в защите интересов западных армян при выработке условий мирного договора с Турцией. Воспользовавшись этим обращением, Россия включила в **Сан-Стефанский договор 1878 г. ст. 16**, согласно которой Турция обязывалась провести реформы в населённых армянами местностях. Великобритания настояла на созыве **Берлинского конгресса 1878 г.**, чтобы пересмотреть Сан-Стефанский договор и не дать России воспользоваться плодами победы над Турцией. На Берлинском конгрессе ст. 16 была заменена на **ст. 61**, подтверждающую обязательства турецких властей провести реформы в отношении армянского населения, но контроль над выполнением этих обязательств возлагался уже не на Россию, а на подписавшие Берлинский трактат европей-

ские державы. По Берлинскому трактату от Турции к России отошли Карс и Ардаган с прилегающими территориями.

Начало XX в. в Османской империи было ознаменовано тайным со-
вещанием лидеров **младотурок**, идейных вдохновителей и зачин-
щиков **Геноцида армян**. Одержимые сначала идеей **панисламизма**
(весь мир только для мусульман), а затем **пантюркизма** (Великая
Турция, простирающаяся на значительной части Европы и чуть
ли не на всей Азии) они намерены были раз и навсегда покончить
с **Армянским вопросом**. Искоренив весь армянский народ и вы-
шибив этот клин, вбитый в мусульманское море, если не ассими-
ляцией, то изгнанием, если не изгнанием, то погромом и уничто-
жением, они навсегда заставят замолчать европейские державы.
Всю свою ненависть младотурки обрушили на армян, которые
страдали за симпатию к России. Русская дипломатия, взяв на себя
роль «защитницы армян», стала инициатором новой программы
реформ в армянских областях Турции (**Армянские реформы
1912–1914 гг.**), и после долгой волокиты, в которой участвовали
посольства 6 держав, обязала Турцию осуществить программу
реформ (**Русско-турецкое соглашение 1914 г.**). По соглашению
армяне должны были получить довольно широкую автономию
в области управления: суд, производства, службы, употребление
родного языка и др. при контроле со стороны европейских дер-
жав, прежде всего России. Но программа осталась неосущест-
влённой, так как началась страшная и беспощадная война. В
историю она войдёт как Первая мировая – жестокое время, когда
был осуществлён первый геноцид XX в. – **Геноцид армян 1915 г.**
20 сентября 1914 г. русское посольство в Константинополе извести-
ло Петроград о том, что у русско-турецкой границы начались
большие маневры и что турки вооружают мусульманское на-
селение «для предстоящей резни армян». А 16 (29) октября ту-
рецкие военные корабли обстреляли российские черноморские
порты Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Ялту, Новорос-
сийск. Россия вынуждена была объявить войну Турции. Кав-
казский фронт растянулся от Аджарии до Персии. **Николай II**
обратился к армянскому народу со специальной прокламацией:
*«Армяне! В возвышенном порыве народы всей Великой России от
запада до востока поднялись на Наш призыв. Армяне, после пя-
тивекового деспотического ига, под которым много ваших изне-*

*могали и тогда, когда так много других подвергаются еще более
гнусным оскорблениям, час свободы, наконец, пробил для вас. Рус-
ский народ не без гордости вспоминает своих славных армянских
детей. Ваша вековая верность – для Нас залог тому, что вы жде-
те в эти торжественные дни исполнять все ваши обязанности
с непоколебимой верой в окончательный успех наших армий и
правоту. Армяне! Соединенные с вашими кровными братьями (с
турецкими армянами) под скипетром ЦАРЯ, наконец, вы узнае-
те сладости свободы и правосудия».*

Приподнятый дух обращения государя сплотил армян во имя об-
щей победы. И к концу 1914 г. в русской армии солдатами и
офицерами уже служили от 150 до 200 тысяч армян. Военные
действия на Кавказском фронте начались (декабрь 1914 г.) на-
ступлением турецких войск в **Карском** направлении, но вско-
ре русские войска остановили наступление турок и перешли в
контрнаступление. Потеряв у Сарыкамыша 80 процентов своего
состава, **Энвер-паша**, военный министр Турции, заявил, что по-
ражение под Сарыкамышем, где наравне с русскими сражались
отряды армянских добровольцев, стало результатом армянской
измены и что настало время депортировать армян из восточных
областей. Это заявление стало предлогом к разоружению при-
мерно 100 тысяч солдат-армян в османской армии и началу ре-
прессий по всей Османской империи против армянского патри-
архата, армянского национального собрания, депутатов-армян
и всего армянского народа **Западной Армении**.

Газета «Кавказское слово» в заметке «Снова, как прежде» писала:
*«Опять вся армянская земля сделалась ареной кровопролития и
опустошения, опять десятки тысяч армян – голодных и холод-
ных, покинувших свои вековые пепелища, тянутся по снежным
высотам в новые края. Смерть и безумие косят их ряды, ужас и
отчаяние гонят их вперед. Дети замерзают, старики падают,
женщины бросаются в пропасть. Так вот они, ужасы и жертвы
войны, о которых читали, про которые слышали, а теперь уви-
дели собственными глазами».*

Волна милосердия прокатилась по всей Российской империи. Для
оказания помощи изувеченным войной и гонениями армянским
переселенцам и беженцам создавались всевозможные гумани-
тарные общества: Комитет имени великой княжны Татьяны Ни-

колаевны, Всероссийский союз городов, дамские комитеты на местах, Главный Кавказский комитет и т. д. Во многих городах России начался сбор пожертвований в пользу беженцев-армян. В результате успешных военных действий русские войска на протяжении 1914–1916 гг. заняли значительную часть **Западной Армении**. Однако к тому времени на этих территориях не осталось армянского населения, поскольку с началом войны в Турции развернулась оголтелая антиармянская пропаганда и население было уничтожено или депортировано турецкими властями. Объявив всех армян «русскими агентами» и «врагами империи», турецкое правительство осуществило **Геноцид армян** Западной Армении.

Успехи русской армии армяне связывали с воссозданием государственности. Но вскоре стало ясно, что у царского правительства было намерение колонизировать занятые земли и заселить их русскими переселенцами с Кубани и Дона для образования «новоевфратского казачества» в качестве надёжной защиты и опоры русского царизма. В этой связи царские власти всячески препятствовали переселению в Западную Армению армян с Кавказа, а также возвращению армянских беженцев, уцелевших от резни. Но подготовка по переселению русских в Западную Армению затянулась, и царские власти были вынуждены разрешить армянским беженцам вернуться на родину. Однако при этом армяне не могли получить назад свои земли, т. к. они были объявлены госсобственностью России и могли быть даны только в аренду. Осуществление планов колонизации Западной Армении было прервано Февральской революцией 1917 г., свергнувшей царское самодержавие. После победы в России Октябрьской революции русские войска вышли из войны и покинули области Западной Армении, оголив Кавказский фронт. Воспользовавшись этим, Турция решила не только вернуть себе Западную Армению, но и захватить Восточную Армению и всё Закавказье.

10 февраля 1918 г. турецкие войска перешли в наступление и до конца апреля заняли Ерзнка, Эрзурум, Сарыкамыш, Карс, а к 15 мая и Александрополь. Под натиском многократно превосходящих сил противника армянские войска отступали, прикрывая толпы западноармянских беженцев, вторично покидавших оставляемые войсками местности. После занятия Александрополя ту-

рецкое командование направило часть своих войск на Караклис (**Караклисское сражение**), другая группировка начала наступление в направлении Сардарапата (**Сардарапатское сражение**), а 9-я дивизия – на Баш-Апаран (**Баш-Апаранское сражение**), имея целью прорваться к Еревану и выйти в тыл армянским войскам. Армяне сознавали, что от исхода сражения зависит судьба народа, решается вопрос – быть или не быть Армении. Это сознание сплотило воедино представителей всех слоёв армянского народа – крестьян, солдат, интеллигенцию, духовенство, ремесленников, в сражении участвовали представители всех армянских политических партий. Сражение завершилось победой армян. 28 мая 1918 г. была провозглашена Республика Армения. Осенью 1920 г. Армения была советизирована. По Московскому (советско-турецкому) договору 1921 г. Советская Россия незаконно уступила Турции (без участия армянской стороны) территории Армении – Карс и Ардаган, Сурмалинский уезд (святиной для армян горой Арарат). Под протекторат Советского Азербайджана был передан Нахичеванский уезд, а спустя несколько месяцев был незаконно передан и Нагорный Карабах. Этому во многом способствовала восточная политика большевиков, которые, провозгласив Турцию локомотивом «мировой социалистической революции» на мусульманском Востоке, пожертвовали как исконно армянскими западными и восточными территориями, так и геополитическими интересами России...

Российский фактор всегда был и остается одним из главнейших ориентиров армянского народа. Мы все хорошо знаем нашу историю, мы все хорошо знаем корни нашего единства, которое было закреплено и на поле брани, и в дипломатических сражениях. Россия и Армения являются друг для друга надёжными и уже проверенными партнерами. На международной арене Россия и Армения выступают практически с единых позиций. Мы объединены тесными многопрофильными связями, приверженностью общим идеалам и традициям, глубокими взаимными симпатиями. Успешно взаимодействуем в научно-технической, экономической, военной, культурной, духовной и экономической сферах. Наши связи, наши истоки являются залогом честного взаимодействия наших стран и твёрдым гарантом стабильности и безопасности Российской Федерации и Республики Армения.

АРМЯНСКАЯ КИЛИКИЯ. Армяне впервые поселились в Киликии (юг современной Центральной Турции), на северо-восточном берегу Средиземного моря, в I веке до н. э. В истории не было государства, подобного Киликии, которое обладало бы 30 крупными одновременно действующими морскими портами. Оно стало крупным центром политической и культурной жизни армян: имело сильную армию, мощный торговый флот, свою монету, заключало торговые соглашения с Венецией, Генуей и другими городами и странами. В начале XVI в. Киликия была завоёвана турками. За столетия иноземного владычества в Киликии обосновались, помимо турок, различные кочевые племена – курды, черкесы, цыгане и др. Но даже после организованных турецкими властями в 1894–1896 и в 1909 гг. погромов армян преобладающее большинство населения Киликии составляли армяне (по данным армянского Константинопольского Патриаршества, 377 тысяч на 1912 г.). По тайному соглашению, заключённому в годы Первой мировой войны между Англией и Францией, Киликия после поражения Турции должна была отойти к Франции. После поражения Турции и заключения **Мудросского перемирия 1918 г.** между представителями Антанты и Турции (ст. 16 предусматривала уход турецких войск из Киликии) Армянский легион (6 тыс. бойцов) был переброшен французами в Киликию. Уцелевшие после резни и депортированные армяне стали возвращаться на родину, но французская администрация не приняла необходимых мер для обеспечения безопасности армянского населения. На местах у власти остались турецкие чиновники, мусульмане не были разоружены, воспользовавшись этим, кемалистские войска и местные чиновники стали расправляться с армянским населением. В январе 1920 г. после 20-дневных боёв и потери 11 тыс. человек жители **Мараша** вынуждены были перебраться в Сирию. Жители г. **Аджна** (до 1914 г. – 35 тыс., в 1920-м – 6 тыс. чел.) после семимесячного сопротивления, потерпев поражение, сумели прорвать кольцо и уйти – спаслось всего 380 защитников города. 6 тыс. урфийских армян в начале 1920 г. были вынуждены переселиться в Алеппо (до 1915 г. в **Урфе** проживало 30 тыс. армян). 1 апреля турками был осаждён Айнап. Благодаря героической обороне 18 тыс.

айнтапских армян избежали резни, но вынуждены были переселиться в Сирию. В 1920 г. турки уничтожили оставшихся в живых армян **Зейтуна**. После того как началось сближение Франции с кемалистами (**Турецко-французское соглашение 1921 г.**), Армянский легион подвергся частичному, а вскоре и окончательному роспуску. Армянский легион принимал участие в обороне городов Киликии. Таким образом, по существу, кемалисты уничтожили армянское население Киликии. Французское правительство не только не выполнило своих союзнических обязанностей, но и отдало Армянскую Киликию на растерзание Турции.

АРМЯНСКИЕ РЕФОРМЫ 1912–1914 гг. – это программа мероприятий в Западной Армении и населённых армянами местностях Османской империи. Проект Армянских реформ был разработан первым драгоманом русского посольства **А. Мандельштамом** на основе Майских реформ 1895 г. и проекта, представленного **Константинопольским армянским патриаршеством**. В проекте предлагалось следующее. Образовать одну область из шести армянских вилайетов (Эрзурум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харберт, Себастья). Генерал-губернатором области должен быть христианин, назначенный на пять лет. Ему должны подчиняться полиция, жандармерия, все административные служащие, в том числе и судьи. В его распоряжение предоставлялись также войска, административный совет с шестью советниками (три мусульманина и три христианина). Законы, приказы и решения должны публиковаться на трёх основных языках: турецком, армянском и курдском. Каждая народность имела право иметь свои школы и управлять ими. Предусматривалось также распустить курдские конные отряды **гамидие**, вернуть отнятые у армян земли. Воспользовавшись начавшейся Первой мировой войной, младотурецкое правительство объявило соглашение недействительным.

АРМЯНСКИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ. Ещё до начала войны армянские общественные круги, воспользовавшись решением царского правительства (23 июля 1914 г.) о пополнении русской армии добровольцами и надеясь, что создание армян-

ских добровольческих отрядов будет содействовать освобождению **Западной Армении**, а также обеспечению физического существования армянского народа, начали переговоры с наместником Кавказа И.И. Воронцовым-Дашковым об организации отрядов. Царское правительство было уверено в симпатиях армянского народа к России и в сентябре 1914 г. разрешило реализовать этот проект, дав туманные обещания относительно автономии Западной Армении. Армянские политические партии, представители духовных и светских кругов призвали армян Закавказья и диаспоры пополнить русские войска и армии дружественных стран Антанты добровольцами. Первоначально были организованы четыре армянских добровольческих отряда. Командирами были назначены **Андраник** (А. Озаян), получивший впоследствии звание генерала русской армии (I отряд); **Дро** (Д. Канаян) (II отряд); **Амазасп** (А. Срванцян) (III отряд); **Кери** (А. Гафавян) (IV отряд). Позднее были организованы ещё три отряда под командованием **Вардана Ханасори (С. Мехрабяна)**, Григора Авшаряна (Авшарова) (после его гибели – Г. Бжшкяна) и О. Аргутяна.

К концу 1915 г. численность армянских добровольцев достигла 10 000 человек. Армянские добровольцы героически сражались также в составе армии стран Антанты, приняв участие в военных действиях против Турции на Ближнем Востоке, в боях за Сирию и Ливан, а также в Киликии.

В декабре 1915 г. на основе армянских добровольческих отрядов в составе русских частей были созданы армянские стрелковые батальоны. После Октябрьской революции и заключения **Брестского мира** Советская Россия вышла из войны, выведя с Кавказского фронта свои войска. Значительная часть бывших армянских добровольческих отрядов составила костяк регулярной армии Республики Армении.

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС – это целый комплекс проблем политической истории армянского народа, связанных с его стремлением к воссозданию суверенной государственности на своей исторической территории. Возникновение Армянского вопроса предопределено утерей Арменией национальной государственности. Он стал составной частью Восточного вопроса, то

есть политики великих держав Европы на Ближнем Востоке, их борьбы за сферы влияния в Османской империи, и раздел турецких владений к середине XIX в. Впервые Армянский вопрос получил своё отображение в 1887 г. на **Берлинском конгрессе** европейских держав. Конгресс собрался для пересмотра условий **Сан-Стефанского мирного договора** между Россией и Турцией. Однако он значительно ухудшил условия, касающиеся **Западной Армении**. По настоянию западных держав, прежде всего Англии, населённые армянами Эрзурум, Баязет и Алашкертская долина были возвращены Турции, к тому же было отказано в предоставлении Западной Армении автономии в составе Турции. Попустительство западных держав сказывалось и далее; так, Турция, проигнорировав ст. 61 Берлинского трактата об улучшении и реформах в областях, населённых армянами, и о гарантиях их безопасности, усилила преследования в отношении армянского населения империи (разжигание мусульманского фанатизма, постоянные грабежи и убийства, произвол и беззаконие местных властей, попытки насильственного обращения армян в ислам, ужесточение цензуры, бесчинства курдских племён, создание отрядов «гамидие» и др.), которые сводились в конечном счёте к физическому уничтожению армянского этноса. Вокруг вопроса о реформах началась сложная борьба, продолжавшаяся до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. Вступая в эту войну на стороне Германии, Османская империя надеялась осуществить свою мечту – устранить Россию с Кавказа, создать «Великий Туран», в котором должны были объединиться мусульманские народы Ближнего Востока, Кавказа, России, Средней Азии. На этом пути препятствием воспринималась не только Россия, но и армянский народ, проживавший в двух частях Армении – Западной и Восточной. Младотурецкое правительство решило, что прежде всего надо провести полную ликвидацию армян Западной Армении и таким образом разрешить Армянский вопрос. Воспользовавшись состоянием войны, под видом выселения из прифронтовой полосы младотурецкое правительство организовало и осуществило депортацию и Геноцид более полутора миллионов армян Западной Армении и Турции. **Геноцид армян** Западной Армении, Киликии лишил эти территории армянского этноса.

После Октябрьской революции в октябре 1917 г. советское правительство объявило об одностороннем выходе из Первой мировой войны без аннексий и контрибуций. Вскоре оно пошло на сепаратный мир с Германией, предоставив ей огромные территориальные уступки. 3 марта 1918 г. Советской Россией, Германией и её союзниками был подписан **Брест-Литовский договор**. По пункту 4 этого договора советское правительство обязалось вывести российские войска не только из освобождённых Российской территорией **Западной Армении**, но и передать Турции часть территории **Восточной Армении**, находившейся ранее в составе Российской империи. Для армянского народа Восточной Армении, которая была переполнена после Геноцида армянскими беженцами, создалось отчаянное положение, так как Турция возобновила наступательные действия. В середине мая 1918 г. турецкие войска захватили Александрополь, создавая реальную угрозу захвата Еревана. В героических сражениях под **Сардарпатом, Караклисом и Баш-Апараном** армянские войска сумели остановить продвижение вражеских войск, чем ликвидировали нависшую угрозу полного физического уничтожения армянского народа. 28 мая 1918 г. вслед за Грузией и Азербайджаном была провозглашена независимость Армении. В 1919–1920 гг. правительство Республики Армения делало всё возможное, чтобы решить Армянский вопрос с помощью западных государств, объединить Западную и Восточную Армению в единое независимое государство.

10 августа 1920 г. победившие в Первой мировой войне союзные державы подписали с османской Турцией мирный договор в Севре, пригороде Парижа. В числе союзников **Севрский договор** подписала и Республика Армения, которая была признана в дипломатических сферах Антанты. По Севрскому договору союзные державы и османская Турция признавали Республику Армения с территорией в 150 тыс. кв. км, включая вилайеты Ван, Битлис, Трапезунд, Эрзурум, с выходом к Чёрному морю. Но союзные державы не брали каких-либо обязательств по претворению данных пунктов договора в жизнь. Гарантом в вопросе о выяснении границ между Турцией и Арменией были определены США (президент Вудро Вильсон). США, конечно, стремились получить мандат не на развалины голодающей, истерзанной Армении, а

на Армению, омываемую Чёрным, Средиземным и Каспийским морями, поэтому, будучи вполне последовательными и верными себе, они отказались от роли арбитра между Турцией и Арменией и от мандата на Армению. Между тем Турция отказалась признать Севрский договор.

29 ноября 1920 г. в Армении была установлена советская власть. Последовавшие за этим событием **Московский договор (1921), Карсский договор (1921), Лондонская конференция (1921), Лозаннская конференция (1922–1923) и Лига Наций** оказались неспособными в какой-либо мере облегчить участь народа, подвергшегося **Геноциду и депортации**. Многочисленные декларации и гарантии западноевропейской дипломатии по Армянскому вопросу, договоры и ноты, щедрые обещания не принесли никакой пользы армянскому народу.

Составной частью Армянского вопроса является проблема Нагорного **Карабаха**. В 1918–1920 гг. мусаватистское правительство Азербайджана неоднократно пыталось захватить Нагорный Карабах, Нахичевань и Зангезур. Однако армянское население этих областей с оружием в руках отстаивало своё право и землю от посягательств. Весной 1921 г. азербайджанцы получили армянский Нахичевань, и его статус был подтвержден **Московским договором 1921 г.** между Советской Россией и Турцией. 4 июля 1921 г. «Кавказское бюро» под наблюдением Иосифа Сталина проголосовало за присоединение Карабаха к Советской Армении. Спустя сутки бюро решило, «исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами», Нагорный Карабах оставить в пределах АзССР. В июле 1923 года советская власть, создав Нагорно-Карабахскую автономную область, утвердила ее административные границы. Область, населенная преимущественно армянами (94% общей численности населения), оказалась оторванной от Армении. В Москве надеялись, что новая мусульманская советская республика станет хорошим примером для Персии, Аравии и Турции и поспособствует их присоединению к мировой революции. Нагорный Карабах, где армянское население составляло подавляющее большинство, стал единственным случаем в советской федеративной системе, где члены одной этнической группы, имеющей собственную союзную республику, руководили автономной об-

ластью, входящей в другую республику. Армяне Карабаха неоднократно ставили вопрос о своём воссоединении с родной Арменией. Существует, например, Постановление Президиума Совета министров СССР 1977 г. (П-61, 11-4133), в котором говорится: «Вследствие ряда исторических обстоятельств несколько десятилетий назад Нагорный Карабах искусственно был присоединён к Азербайджану».

Система, в которой на проблемы Карабаха и Геноцид 1915 г. было наложено табу, начала уходить из-под ног в феврале 1988-го, когда в Сумгаите начались армянские погромы. Именно тогда карабахским армянам удалось мобилизовать свои силы благодаря имеющимся в наличии автономным институтам. Они использовали областной Совет для принятия резолюции о выходе из состава Азербайджана в феврале 1988 г. В этом смысле Нагорный Карабах оказался первым из ряда мятежных регионов, включая Чечню и Абхазию, которые воспользовались своим автономным статусом как трамплином для отделения. В современных условиях Армянский вопрос воспринимается как стремление армян всего мира к восстановлению исторической справедливости, созданию реальных условий для консолидации армянской нации, сохранению самобытности армян диаспоры, воссоединению с родиной-Арменией отторгнутых от неё территорий.

АРМЯНСКОЕ ПАТРИАРШЕСТВО КОНСТАНТИНОПОЛЯ (церковная организация армянской общины) создано в 1461 г. Патриаршество ведало учебными заведениями, благотворительными учреждениями, типографским делом не только армян Константинополя, но и всей Турции, защищало интересы армян перед турецким правительством. Являясь высшим духовным органом армян и обладая определёнными привилегиями в светской области, Армянское Патриаршество играло большую роль в общественно-политической и культурной жизни армян Османской империи. Роль и значимость Армянского Патриаршества Константинополя сохранилось и в период подъёма национально-освободительного движения, хотя оно и придерживалось умеренных позиций, опасаясь возбуждения мусульманского фанатизма, однако явилось инициатором включения в **Сан-Стефанский договор 1878 г.** положений относительно

улучшения состояния западных армян. Поскольку условия Сан-Стефанского договора не удовлетворили армян, Армянское Патриаршество направило делегацию на созываемый европейскими державами **Берлинский конгресс 1878 г.** Но и решения конгресса не изменили ситуацию. Армянское Патриаршество не раз пыталось воздействовать на турецкое правительство и побудить его выполнить условия **ст. 61 Берлинского трактата** относительно осуществления реформ в **Западной Армении.** Именно в этот период отношения Армянского Патриаршества с правящими кругами Турции ухудшились. Во время погромов в 1894–1896 гг. и Геноцида армян в период Первой мировой войны Армянское Патриаршество Константинополя было лишено какой-либо возможности оказать помощь армянскому населению Османской империи. Многие представители армянского духовенства Константинополя, Западной Армении и населённых армянами местностей Османской империи стали жертвами массовой резни и депортации; немало армянских священнослужителей приняло участие в героической самообороне армян в ряде местностей Османской империи, погибнув с оружием в руках.

АРХИМАНДРИТ МИНАС ТИГРАНЯН – потомок старинного княжеского рода Мелик-Израэлян. В 1680 г. в диарбекирском монастыре Св. Апостолов принял монашество, в 1684 г. был рукоположен в иеромонахи. С 1694 г. в сане архимандрита служил настоятелем монастыря Мецараниц Сурб Акоб в Нагорном Карабахе. Владел английским, французским, немецким, итальянским, русским, турецким, персидским языками. В апреле 1699 г. стал участником исторического тайного совета армянских старейшин в селе Ангехакот в Сюнике, где было принято решение обратиться к России и ряду западноевропейских государств с просьбой о военно-политической помощи Армении. Вместе с **Израэлем Ори** в 1701 г. был направлен советом в Москву на правах постоянного представителя при русском дворе. В 1716 г. по поручению Петра I участвовал в секретной миссии в Персидскую (Восточную) Армению, побывал в Эчмиадзине и Карабахе. 16 ноября 1716 г. в гандзасарском монастыре был рукоположен в епископы и назначен предводителем российских армян. Посто-

янно жил в Астрахани, где находился епархиальный центр. Регулярно наезжал в Петербург для консультаций при дворе. Сыграл видную роль в укреплении **армяно-российских отношений**. В 1740 г. по старости и слабости здоровья отошел от дел.

АХПЮР СЕРОБ, также известен как Сероб-Паша (1864 – 1 ноября 1899), – наиболее видный представитель армянского фидаинского движения 1890-х гг. Прославился как защитник крестьян, которые дали ему прозвище «Ахпюр Сероб» («Родник Сероб»), сложили о нём многочисленные песни и поговорку: «Бог – на небе, Сероб – на земле». Одержал ряд побед над курдскими формированиями и высылавшимися против него регулярными войсками (в Шамиране, Джргоре, Согорде, Нембуте, Сасуне, Хатвине). Вместе с ним участвовала в боях и его жена Сосе Майрик. В селе Гелиегузан был осажден турецким батальоном. Он вырвался, потеряв в бою двух братьев и сына Акопа; Сосе Майрик была ранена и попала в плен. 1 ноября 1899 года Ахпюр Сероб был отравлен предателями-армянами по наущению местного правителя, курдского аги Башире Халила, получившего за это орден от султана. Убийц выследил и уничтожил Геворк Чауш, а Башире Халила убил Андраник, отославший снятый с убитого орден в бюро партии в Женеве.

Б
БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 гг. (две войны), произошедшие незадолго до Первой мировой войны, в результате которых страны Балканского полуострова потеснили турок с европейской территории. Первая война носила освободительный, антитурецкий характер. Балканский союз (Сербии, Черногории, Греции и Болгарии) планировал полностью лишить Османскую империю владений в Европе, что ему и удалось сделать (за Турцией сохранился лишь Стамбул и небольшие территории возле него). Вторая война – между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией, Черногорией и Турцией – с другой. Болгария была побеждена и лишилась большей части своих приобретений в первой войне, Османская империя вернула Адрианополь. В итоге Османская империя потеряла большую часть своих европейских владений. Албания получила независимость. Болгария,

Сербия, Греция и Румыния увеличили свои территории. Балканские войны ускорили развязывание Первой мировой войны и подготовили почву для возобновления Армянского вопроса, а вопрос реформ в Западной Армении вновь стал предметом рассмотрения со стороны международной дипломатии.

БАШ-АПАРАНСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1918 г. После распада Российской империи советское правительство объявило о выходе России из участия в Первой мировой войне. 3 марта 1918 г. Советской Россией с Германией и её союзниками был подписан Брест-Литовский договор. По 4-му пункту этого договора советское правительство обязалось вывести войска не только с освобождённых Россией территорий Западной Армении, но и передать Турции часть Восточной Армении, находившейся ранее в составе Российской империи (Карсский и Ардаганский округа). Русские войска покинули области Западной Армении, оголив Кавказский фронт.

10 февраля 1918 г. турецкие войска перешли в наступление и до конца апреля заняли Ерзнка, Эрзурум, Сарыкамыш, Карс, а к 15 мая и Александрополь. Под натиском многократно превосходящих сил противника армянские войска отступали, прикрывая толпы западноармянских беженцев, покидавших оставляемые войсками местности. Баш-Апаранское сражение 1918 г. произошло 23–29 мая одновременно с **Караклисским и Сардарapatским сражениями**. Турецкое командование приняло решение нанести удар по Еревану с выходом в тыл армянским частям, перешедшим в контрнаступление в районе Сардарапата. Чтобы сорвать этот план, армянское командование перебросило с Сардарapatского фронта в Баш-Апаран часть сил под командованием Дро (6 тыс. чел.). Большую помощь регулярным частям оказали армянские, а также езидские ополченцы во главе с **Джангир-агой**. Турецкие захватчики были разбиты и отброшены. В Апаране, районном центре Армении, воздвигнут памятник героям Баш-Апаранского сражения.

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 г. был созван (13 июня – 13 июля) по инициативе Австро-Венгрии и Англии в целях пересмотра **Сан-Стефанского договора**, которым завершалась Русско-ту-

рецкая война 1877–1878 гг. В целом Сан-Стефанский договор был благоприятен для армян, ибо **Высокая Порта** обязывалась осуществить в **Западной Армении** реформы. Стремясь включить **Армянский вопрос** в повестку дня конгресса и добиться выполнения турецким правительством обещанных по Сан-Францисскому договору реформ, армянские политические круги Константинополя направили в Берлин делегацию во главе с А. Хримяном. (Мкртич I Ванеци – армянский общественно-политический деятель, Католикос всех армян с 1893 г.). Однако делегацию не допустили к работе конгресса, а **Армянский вопрос** был обсуждён 4 и 6 июля. В итоге в Берлинский трактат вошла статья № 61 в следующей формулировке: *«Блистательная Порта обязуется осуществить без замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением»*. Тем самым устранялась реальная гарантия осуществления армянских реформ – наличие русских войск в населённых армянами областях. Всё это заменялось нереальной общей гарантией наблюдения порядка со стороны держав. По Берлинскому трактату Армянский вопрос из внутреннего вопроса Османской империи превратился в международный вопрос, став предметом корыстной политики империалистических государств и мировой дипломатии, что имело роковые последствия для армянского народа. Наряду с этим Берлинский конгресс явился поворотным этапом в истории армянского народа, стимулировал армянское освободительное движение – пришло убеждение, что освобождение от турецкого ига возможно лишь путём вооружённой борьбы.

БИТЛИС, Багеш – город в Западной Армении, в нынешнее время является центром одноименного турецкого ила. Соответствует части провинций Алдзник и Туруберам Великой Армении. В XVI в. Битлисом овладели турки-османы, однако, справившись с рядом турецких нападений, битлисцы вынудили их принять свою внутреннюю автономию во главе с курдскими лидерами. В XVII–XVIII вв. значительно пострадал в результате постоянных стол-

кновений между курдскими племенами. Вытеснялось коренное население города Битлиса и десятков армянских сел. Автономия была ликвидирована турецким правительством в 1849 г. после разграбления Битлиса турецкими войсками: на бывшей территории ханства был основан Битлисский вилайет, не пользовавшийся никакой автономией. В конце XIX – начале XX вв. площадь вилайета составляла более 27 тыс. кв. км. В 1894–1896 гг. во всех армянских населенных пунктах Битлиса были учинены погромы и грабежи, было вырезано около 1000 армян. Многие были насильственно обращены в магометанство. Тем не менее вплоть до 1915 г. армяне оставались в вилайете самой многочисленной этнической группой. Во время Геноцида армянское население города Битлиса было полностью истреблено. Только в Битлисской казе было уничтожено 15 тыс. армян. Погромы осуществляли части регулярной турецкой армии под непосредственным руководством губернатора Вана Джевдеда. Избежавшая гибели немногочисленная часть армянского населения нашла убежище в Восточной Армении.

БРЕСТСКИЙ МИР 1918 г. Брест-Литовский мирный договор, заключён в Брест-Литовске 3 марта между Советской Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Брестский мир ознаменовал поражение и выход России из **Первой мировой войны**. Советская сторона выдвинула ряд условий, однако предложения были отвергнуты Германией и её союзниками. Представитель Германии потребовал даже исключить Армянский вопрос из работы комиссии, на что последовал протест советской делегации, заявившей, что для неё небезразличен вопрос о судьбе Польши, Литвы, Курляндии и Армении и что в переговорах с турецкой стороной «Армянский вопрос играл крупнейшую роль». Советская делегация также заявила, что в отношении Западной Армении был выдвинут тот же принцип, как и в отношении областей Российского государства, пострадавших от войны, то есть принцип восстановления политической самостоятельности.

В условиях продолжавшегося наступления германских войск, тяжёлого экономического положения России советское правительство вынуждено было принять все условия Четверного союза и 3 мар-

та 1918 г. подписало унижительный Брестский мир. Согласно ст. IV договора и русско-турецкому дополнительному договору того же числа, Турции передавались территории **Западной Армении** и фактически часть **Восточной Армении** (Карсский и Ардаганский округа). РСФСР обязывалась не вмешиваться «в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов», восстановить границу «в том виде, как она существовала до Русско-турецкой войны 1877–1878 года», распустить на своей территории и в «оккупированных турецких провинциях» (т. е. в Западной Армении) все армянские добровольческие дружины и т. д.

Российская делегация расценила это как «откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов» России и лишение армянского народа прав на самоопределение. 13 ноября 1918 г. Брест-Литовский мирный договор был аннулирован советским правительством. Вплоть до подписания **Московского договора 1921 г.** правительство РСФСР считало границы 1914 г. единственно законными на Кавказе.

В

ВАН, город в **Западной Армении**, на восточном берегу озера Ван. Древнейшая столица Армении, основанная Сардури I (835–824 гг. до н. э.). Исторически находится в гаваре Тосп провинции Васпуракан Великой Армении. С первой половины XVI в. – в составе Османской империи. В 1878–1880 гг. здесь проживало 250 тыс. армян. Деспотический режим султана **Абдул-Гамида II** нанес армянскому населению тяжёлый удар: периодически повторяющиеся погромы, проникновение и заселение большого числа курдских племён из Северной Месопотамии, резня, насильственное обращение в магометанство, депортации привели армян, с одной стороны, к вынужденной эмиграции, с другой – к самозащите. К началу XIX в. Ван являлся одним из центров национально-освободительной борьбы армянского народа. Здесь действовали организации «Союз во имя спасения», «Чёрный крест», «Оруженосец», издавалась газета «Ашхатанк» (Труд) – орган партии **«Дашнакцутюн»**. Ван состоял из двух армянских районов: Айгестан и Кахакамеч, находившиеся в 5–6 км друг от друга, а на территории между ними

жили турки. По данным Константинопольского армянского патриаршества, в Ванском вилайете 45% (200 тыс.) населения составляли армяне, 29% – курды и езиды, 18% – ассирийцы, 7% – турки, остальные 5% – евреи и кавказские горцы. Было 12 армянских церквей, восемь национальных учебных заведений, более 55% ванских армян были грамотны. Большой известностью пользовались армянские ювелиры, кузнецы, оружейных, шалевых, ковровых и полотняных дел мастера. В районе Айгестан находились английское, персидское, русское и французское консульства. Потерпевшие поражение на Кавказском фронте отступавшие турецкие войска с присоединившимися к ним вооружёнными курдскими бандами под предлогом «неверности» армян и их симпатии к русским безжалостно разоряли армянские сёла, грабили имущество, в результате чего к началу 1915 г. к горожанам Вана прибавилось 70 тыс. армян, перебравшихся сюда из окрестных сёл. Армянское население Вана приняло меры для отражения нападения турок в обоих армянских районах города. Был образован «Военный орган армянской самообороны Вана», созданы службы обеспечения и распределения продуктов, медицинской помощи, оружейная мастерская, женский союз (изготовление одежды для бойцов). Самооборона началась 7 апреля 1915 г. Несмотря на то что Ван подвергался ожесточённому обстрелу и противник постоянно пополнял свои войска, во второй половине апреля бои ещё продолжались. В рядах защитников уже сражались женщины, девушки и подростки. Озлобленные неудачей турки стали свирепствовать в округе Вана, вырезая не успевшее уйти мирное население, в результате погибло около 24 тыс. армян, были разграблены и сожжены свыше 100 сёл. В начале мая турки были вынуждены снять осаду и отступить, ибо передовые части русской армии и отряды армянских добровольцев приблизились к Вану. 6 мая защитники и население Вана со слезами на глазах наконец-то встретили своих освободителей. Во время Геноцида 1915 г. ванские армяне понесли тяжёлые потери (26–28 тыс. жертв), но Ванская самооборона стала вдохновляющим примером для армян других местностей. К сожалению, в июле вследствие неожиданного отступления русских войск армянское население было вынуждено оставить пределы своей родины

и ценой новых жертв (около 50 тыс.) перейти в Восточную Армению и другие районы Кавказа. Впоследствии 25 тыс. армян вернулись в свои дома, но в 1918 г. под угрозой уничтожения вынуждены были эмигрировать. Ван лишился последнего армянского населения...

ВАРДАН ХАНАСОРИ (Саркис Меграбян), стоял у истоков создания партии **Дашнакцутюн**. В 1890-е гг. – один из руководителей партийной деятельности в Иранском Азербайджане, где организовывал переброску людей и оружия для партизанской войны в Турции. Прославился как руководитель Ханасорского похода. Летом 1905 года в связи с начавшейся армяно-татарской резней Вардан был отозван на родину в Нагорный Карабах, где возглавил армянскую самооборону в области. После начала Первой мировой войны благодаря объявленной в России амнистии вступил в русскую армию и с 1915 г. возглавлял Араратскую бригаду армянских добровольцев на Кавказском фронте, во главе которой освободил Ван.

ВЕРФЕЛЬ Франц Виктор (1890–1945), австрийский писатель, гуманист. Участвовал в Первой мировой войне, затем – в революционных событиях 1918 г. Вершиной творчества Верфеля явился роман «Сорок дней Муса-дага» (1934) Автор использовал опубликованные свидетельства многих очевидцев событий. Верфель изучил историю армянского народа, его культуру и религию, проникся пониманием боли и чаяний армянского народа, справедливости его дела. Всё это стало залогом создания произведения, в котором судьба армянского народа осмыслена на примере горстки героических защитников горы Муса, державших оборону 53 дня.

ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ – условное наименование восточной части Армении. Вошло в обиход в конце IV в., когда царство Великой Армении, ставшей ареной соперничества соседних мощных держав, было в 387 г. разделено между Римской империей и Сасанидским Ираном. Около $\frac{3}{4}$ страны (области Великой Армении – Айратат, Васпуракан, Тайк, Арцах) вошли в состав Восточной Армении, оказавшейся под владычеством

Сасанидов. В обеих частях Армении на первых порах сохранялась власть армянских царей. Раздел Армении не нарушил этнической, экономической, религиозной, духовно-культурной целостности страны, чему во многом способствовали создание армянского алфавита и начавшийся в V в. мощный культурный подъём. Громадную роль в сохранении религиозно-культурного единства сыграла Армянская церковь, которая не только явилась опорой культурного развития, но и сумела в длительной и упорной борьбе сохранить свою национальную самобытность. В XVI–XVII вв. большие бедствия принесли Армении непрерывные турецко-персидские войны за владение Арменией. В 1655 г. Восточная Армения отошла к сефевидскому Ирану, а **Западная Армения** – к османской Турции.

Близость России к Восточной Армении содействовала возникновению идеи обеспечения для армянского национально-освободительного движения военно-политического союза с Россией и её покровительства.

В ходе русско-иранской войны, несмотря на содействие Франции и Англии, Иран потерпел поражение и признал **по Гюлистанскому договору (1813)** переход значительной части Восточной Армении под владычество России. После новой русско-иранской войны (1826–1828) по **Туркменчайскому мирному договору** завершилось присоединение к России основной части Восточной Армении. В отличие от Западной Армении, судьба Восточной Армении во второй половине XIX и начале XX вв. слилась в русле единых судеб народов Российской империи. Появились условия для развития экономической, политической и культурной жизни.

Г

ГАЙДУКИ, хайдуки (от венг. haiduk – пехотинец), бойцы, ведущие вооруженную борьбу против турецкого ига (XV–XIX вв.) в Венгрии, Болгарии, Сербии, Хорватии, Македонии, Молдавии, Валахии, Балканах, а также в **Западной Армении – фидаи** (араб. – жертвы).

ГАМИДЕИ – отряды, иррегулярные конные полки из курдов в Турции. Названы по имени султана **Абдул-Гамида II**, организовавшего эти полки в 1891 г. для погромов и резни армян-

ского населения и подавления армянского освободительного движения в **Западной Армении**. Гамидеевские командиры и рядовые гамидеи получали от турецкого правительства жалованье, оружие, боеприпасы. Кроме того, они имели право безнаказанно захватывать землю и имущество армян, красть детей и женщин. Всего было сформировано около 30 отрядов, которые приняли непосредственное участие в Геноциде армян (1894–1915 гг.).

ГЕВОРГ ЧАВУШ (ЧАУШ) (1870–1907), Казарян Геворг, родился в 1870 году в с. Мктинк Западной Армении. Учился в школе монастыря св. Карапета (Муш). Отучившись четыре года, Геворг, видя мучения своего народа, ушел из монастыря в Алеппо на заработки для приобретения оружия. Через несколько недель по возвращении в Сасун он вступил в состав одной из первых гайдуцких групп – в отряд Арабо, а после смерти последнего перешел в отряд **Ахпюра Сероба**. В одном из сражений убил самого влиятельного чауша султана, за что и получил прозвище Геворг Чауш. Принял участие в самообороне Сасуна, отличился в боях у Талворика (1893 г.). В 1900–1907 гг. группа Геворка Чауша вела успешные бои против турецких карателей. В Сасунской самообороне 1904 г. командовал южным участком обороны. После поражения самообороны перебрался в Ван, затем вернулся в Тарон. В 1905 г. группа Геворка Чауша вела бои с турецкими войсками у Харса, Алваринджа. Выступал за создание армяно-курдского союза против турецкого владычества. Погиб 27 мая 1907 г. во время Сулухского боя. Похоронен в Муше.

ГЕНОЦИД (от греч. Genos – род, племя и лат. caedo – убиваю), международное преступление, выражающееся в действиях, совершаемых с целью уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Термин ГЕНОЦИД был введен в обиход в начале 1930-х годов польским юристом, евреем по происхождению Рафаэлем Лемкиным, а после Второй мировой войны получил международный правовой статус как понятие, определяющее тягчайшее преступление против человечества.

ГЕНОЦИД И ДЕПОРТАЦИЯ АРМЯН – первый геноцид XX в. Положение армян Западной Армении, томящихся под игом деспотического режима турецких султанов, было всегда тяжёлым. На враждебные отношения армян с турками, безусловно, влиял целый ряд противоречий, в том числе территориальные и религиозные, но важнейшим из них является цивилизационная несовместимость. Антагонизм (от греч. antagonisma – спор, борьба) между оседлыми армянами и кочевыми турками носил именно цивилизационный характер, хотя, к сожалению, бытует утверждение, что отношения у армян с Турцией испортились только из-за их прорусской ориентации. На то время, когда созрела эта ориентация, в этих «терпимых» отношениях уже нечего было портить, да и вообще, о каких отношениях идёт речь, если изначально все христианские поселения на завоёванных территориях были обложены непомерными оброками и налогами. Армяне Османской империи, не будучи мусульманами, считались второразрядными гражданами – зимми. Армянам запрещалось носить оружие, они должны были платить более высокие налоги, чего только стоит налог **Нуфус**. Армяне-христиане не имели права свидетельствовать в суде. Враждебность к армянам усугублял приток мухаджиров – мусульманских беженцев с Кавказа (после Кавказской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) из новообразованных балканских государств. Изгнанные христианами со своих земель, беженцы переносили свою ненависть на местных христиан. До XVIII в. турки, постепенно вытесняя армян с их земель, ещё воздерживались от массового уничтожения армян, ибо нуждались в земледельцах, строителях и бесплатной рабочей силе. Но в конце XVIII в. в Османской империи были созданы регулярные разбойничьи отряды **«Акынджи»**, которые использовались для притеснения христиан. Религиозное противостояние армян, не желавших отказаться от христианства, сделало их ненужным элементом на своей исторической родине. Подвергаясь тяжелому гнету, армяне стремились избавиться от жестокого турецкого господства мирным путём, лелея надежду иметь автономию в рамках сильной и единой Турции. Благодаря международной дипломатии (**Сан-Стефанский и Берлинский договоры 1878 г.**) возродилось национальное самосознание армян: возникали кружки,

политические партии, печатались журналы, газеты. В 1882 г. в Эрзурумской области было создано одно из первых армянских объединений – «Сельскохозяйственное общество», призванное защитить армян от грабежей, осуществлявшихся курдскими и другими кочевыми племенами. В 1885 г. была создана первая армянская политическая партия Арменакан, платформа которой предусматривала достижение местного армянского самоопределения при помощи просвещения и пропаганды, а также военной подготовки для сопротивления государственному террору. В 1887 г. возникла социал-демократическая партия Гнчакян (**Гнчак**), целью которой было освобождение турецкой Армении путём революции с участием всех этнических групп и создание независимого социалистического государства. Наконец, в 1890 г. в Тифлисе прошёл первый съезд наиболее радикальной партии **Дашнакцутюн**. Программа партии предусматривала автономию в пределах Османской империи, свободу и равенство для всех групп населения, а в социальной части опиралась на создание крестьянских коммун как основных элементов нового общества. Понимая, что независимость Армении может стать реальностью, правительство Османской империи устраивало репрессии и погромы, увеличивало налоги. Геноцид 1894–1923 гг. является логическим продолжением многовековой политики турок и не имеет никакого отношения к политическим симпатиям армянского народа.

Начался он в городе **Баязете** (1877 г.), в котором было убито 1400 армян. В 1879 г. из 122 деревень Алашкертской равнины 111 были полностью разрушены, а мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом. Все возмущения, протесты и восстания армян турецкие власти подавляли при помощи конных полков из курдов (**гамидеи**) и воинских подразделений, разрушая беспощадно деревни и города. В 1894 г. в г. **Сасуне** было уничтожено 12 тыс. армян, в **Ване** – 20 тыс., в 1895 г. по всей **Западной Армении** – 300 тыс., в 1896-м в **Константинополе** – 9570, в районе **Вана** – 8 тыс., в 1904 г. вновь в Сасуне – 5640, в 1909 г. в **Ада-не** – 30 тыс. Протестуя против нерешённости армянских проблем, гнчакисты в сентябре 1895 г. решили провести большую демонстрацию, однако на пути демонстрантов встала полиция. В результате десятки армян были убиты и сотни ранены. Поли-

ция отлавливала армян и передавала их софтам – учащимся исламских учебных заведений Стамбула, которые забивали их до смерти. Резня продолжалась до 3 октября, а 8 октября мусульмане убили и заживо сожгли около тысячи армян в **Трабзоне**. Это событие стало провозвестником организованной османскими властями серии массовых убийств армян в Восточной Турции: Эрзинджане, Эрзуруме, Гюмюшхане, Байбурте, Урфе и Битлисе.

Дашнаки воздерживались от публичных акций, но резня 1895 г. привела их к решению захватить Оттоманский банк. 26 августа 1896 г. группа хорошо вооружённых дашнаков захватила здание Османского банка в Стамбуле, взяв европейский персонал в заложники, и, угрожая взрывом банка, потребовала от турецкого правительства провести обещанные политические реформы. Представитель российского посольства и директор банка Эдгар Винсент уговорили напавших покинуть здание под личную гарантию безопасности. Однако власти распорядились начать избиение армян ещё до того, как группа дашнаков покинула банк. В течение двух дней при очевидном попустительстве властей турки забили до смерти более 6000 армян.

Среди первопричин такой политики по отношению к армянам у турок была, во-первых, доктрина пантюркизма. Она была направлена прежде всего против армян, так как превращение Турции в государство одной нации – турецкой – надо было начинать с ликвидации проживавшего в стране многочисленного армянского населения, которое веками не желало принимать новую веру – ислам. Во-вторых, Турция находилась на пути реализации своей идеи – создания Великого Турана – государства, включившего бы в себя весь Кавказ, Крым, Казахстан, Среднюю Азию (кроме Таджикистана) и российские территории от Чёрного и Каспийского морей вместе с Поволжьем, Уралом, Сибирью и Якутией, что привело бы к возрождению империи в расширенном (за счёт тюркских народов Кавказа, Центральной Азии и России) составе. На съезде младотурецкой партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») в Салониках в ноябре 1910 г. был принят лозунг «Турция только для турок». Турецкие делегаты впервые открыто заговорили о полной «османизации всех турецких граждан».

«Я хочу, чтобы на этой земле турок и только турок жил и безраздельно господствовал. Пусть будут истреблены все нации, какой

бы религии они ни принадлежали, кроме турок, – восклицал Назым во время секретного собрания правления младотурецкой партии «Иттихад ве теракки». – Эту страну надо очистить от всех нетурецких элементов. Религия для меня не имеет никакого значения. Моя религия – Туран. Государство у нас должно стать исключительно тюркским, ибо существование у нас других наций даёт повод к постоянному вмешательству Европы, надо насильно отуречить эти элементы».

Итоги Балканских войн 1912–1913 гг., а особенно поражение Турции в первой Балканской войне, убедили младотурок в несостоятельности программы османизма, потому что удар шёл на этот раз не от великих держав, а от вчерашних подвластных христианских народов – болгар, греков, сербов, македонцев, черногорцев. Турки начали смотреть на инородцев уже не просто с недоверием, а с ненавистью, обвиняя их в вероломстве, измене и прочих грехах. Политика тюркизма predetermined по заранее составленному плану геноцид турецкого правительства по отношению к армянам, сирийцам, арабам, болгарам, грекам, сербам. Ещё до Первой мировой войны были задействованы войска, спецслужбы, полиция, жандармерия, уголовные элементы и непросвещённые массы, которым внушалась антихристианская пропаганда. К середине декабря 1913 г. в Стамбул прибыла военная миссия генерала Лимана фон Сандерса (группа германских офицеров и солдат численностью около 800 человек), которая была наделена широкими полномочиями. С помощью немцев турки стали проводить коренную реорганизацию и перевооружение армии. Для разработки способов уничтожения немусульманского населения Турции был создан специальный орган во главе с доктором Назымом, доктором Бехаэтдин Шакиром и министром просвещения Шюкри.

2 августа 1914 г. Турция подписала секретный договор с Германией, одним из пунктов которого было изменение восточных границ Османской империи для создания коридора, ведущего к мусульманским народам России, что подразумевало искоренение армянского присутствия на изменённых территориях. Эта политика была публично озвучена оттоманским правительством после вступления в войну 30 октября 1914 г. В обращении присутствовало утверждение о «естественном» объединении всех

представителей турецкой расы. 12 ноября 1914 г. партийным организациям Турции по случаю вступления в войну был разослан секретный циркуляр ЦК «Иттихад ве теракки»: «...Мы преследуем непосредственную цель – осуществление нашего национального идеала, который требует, чтобы мы, разбив нашего московского врага, довели нашу империю до её естественных границ, которые охватили бы и объединили все наши соплеменные народы...» В связи с этим высказыванием следует отметить, что армянский этнический клин являлся важным геополитическим фактором в Малой Азии. Как отмечал министр иностранных дел царской России Сергей Сазонов, «армяне были последним христианским народом, ещё оставшимся под властью турок, покровительство которых входило в задачу России». В целях освобождения Западной Армении от турецкого ига и пополнения действующей на Кавказском фронте русской армии было сформировано армянское добровольческое движение. В этом были заинтересованы как армянские политические силы, так и царское самодержавие. Первые армянские добровольческие отряды отправились на Кавказский фронт в ноябре 1914 г. В конце ноября 1914 г. лидеры «Иттихад ве теракки» заявили: «На Кавказе армяне явно выступили на стороне русских и являются помехой стремлениям Турции; ответственность за турецкие неудачи всецело ляжет на вас, армян». И иттихадисты приступили к «решению **Армянского вопроса**» путём ликвидации армянского народа. «Если довольствоваться частичной резнёй, – отмечал идеолог «Иттихад ве теракки» Назым, – как было в 1909 г. в Адане и других районах, то это вместо пользы принесёт вред, так как мы рискуем пробудить элементы, которые также собираемся смести с дороги – арабов и курдов; опасность увеличится втрое и затруднится осуществление нашего намерения. Если чистка не будет всеобщей и окончательной, то вред вместо пользы неизбежен. Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идёт война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы будут поставлены перед свершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; не-

обходимо уничтожить всех до единого». А турецкий министр внутренних дел Талаат заявил, что война – самый удобный момент очистки страны от гяуров (христиан): «Весь мир находится в процессе войны, у всех держав своих проблем по горло. Кто будет вникать, что происходит внутри Турции?!»

Армянский народ до последнего уповал на помощь и защиту великих держав, но ничего не было получено, ибо армянский вопрос для «великих держав» был лишь предметом дипломатических торгов и средством вмешательства во внутренние дела Османской империи. На уничтожение армян у Германии имелся «совершенно определённый план: смести армянский клин, составляющий в своём роде остров в безбрежном мусульманском море, переселить армян в пустынные области Турции и по линии Багдадской дороги в интересах своих торговых целей» с выходом к Персидскому заливу, с расширением своих колониальных владений. Франция же пыталась закрепиться в Киликии и Сирии. Англия в свою очередь стремилась к расчленению Османской империи и установлению контроля за её владениями в стратегических регионах: Северной Африке (Египет – Суэцкий канал), Палестине, Ираке, Армянском нагорье. США также стремились распространить своё влияние на Малую Азию, мечтая найти опору в лице армян и «независимой Армении». Россия разрабатывала собственный план по отношению к армянам. «Если немцам и туркам нужна Армения без армян, если им необходимо уничтожение армянского клина, если они хотят истребить барьер между российскими мусульманами, курдами и турками, то задача России, – утверждал министр иностранных дел России С. Сазонов, – воссоздать во что бы то ни стало этот армянский клин». Таким образом, Геноцид армян 1915 г. был предreshён тем, что в геополитическом и экономическом аспектах наличие или отсутствие армян было выгодно одним силам и невыгодно другим. Уничтожение армян открывало просторы пантюркизму, и, наоборот, наличие армянского государства в Западной Армении обеспечивало выход России в Малую Азию и Средиземное море.

Воспользовавшись нестабильной обстановкой на фронтах Первой мировой войны, турецкое правительство осуществило геноцид жителей Западной Армении, объявив всех их «русскими агентами», «врагами империи». В феврале 1915 г. военный министр

Энвер отдал приказ об уничтожении армян, служащих в турецкой армии (в начале войны в турецкую армию были призваны 60 тыс. армян в возрасте 18–45 лет, то есть наиболее боеспособная часть мужского населения). Этот приказ был выполнен с беспрецедентной жестокостью. Вскоре был нанесён удар по армянской интеллигенции. 24 апреля 1915 г. министр внутренних дел **Талаат** под предлогом мнимого армянского восстания приказал арестовать и выслать вглубь Анатолии представителей армянской интеллектуальной элиты. 800 человек – писателей, журналистов, врачей, учёных, представителей духовенства, в том числе депутатов парламента Турции, – арестованных без суда и следствия, депортировали, многие были убиты в пути. Жертвами начавшегося Геноцида стали писатели Григор Зограб, Даниел Варужан, Сиаманто, Рубен Зардарян, Рубен Севак, Аратшес Арутюнян, Тлкатинци, Ерухан, Тигран Чекюрян, Смбат Бюрат. Среди депортированных находился и великий армянский композитор Комитас. Не вынеся душевных потрясений, он лишился рассудка. Так было положено начало программе полного уничтожения армянского народа. Посол США в Турции Г. Моргентгау отмечал: «Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это был действительно новый метод резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целой нации». Такая же оценка депортации содержалась в сообщении германских консулов из вилайетов Турции. В июле 1915 г. германский вице-консул в Самсуне сообщал, что проводимая в вилайетах Анатолии депортация имеет целью или уничтожение, или обращение в ислам всего армянского народа. Из мест постоянного проживания армян сводили в караваны, которые направлялись вглубь империи, в Месопотамию и Сирию. Массовые расправы перемежались с физическими и психическими пытками, которые имели всё тот же трагический финал, что и во всех случаях геноцида. Женщины и дети становились жертвами унижений, надругательств, в том числе сексуальных. Их «депортировали», гоня как скот под щёлканье бича и улюлюканье охочих до добычи курдских разбойников и турецкого сброда. В пути они умирали от усталости, жажды и голода, а те, кто оставался после всего этого в живых, попадали в концентрационные лагеря. Ми-

нистр внутренних дел Талаат в секретной телеграмме губернатору Алеппо требовал положить конец существованию армян, не обращать никакого внимания ни на возраст, ни на пол, ни на угрызения совести. Геноцид, начавшийся сразу по всей Турции, был всеохватывающим и невыносимо жестоким. Были уничтожены сотни тысяч армян, согнанных в концентрационные лагеря **Рас ул-Айна**, **Дейр эз-Зора** и др. В результате Геноцида армян, осуществлённого младотурками в 1915–1916 гг., погибло 1,5 млн чел. Около 600 тыс. армян стали беженцами; они рассеялись по многим странам мира, пополнив собой уже имеющиеся и образуя новые армянские общины. Образовалась всемирная армянская диаспора – Спюрк. В августе 1915 г. министр внутренних дел Турции цинично заявил своему правительству: «Действия в отношении армян в основном осуществлены, и Армянского вопроса больше не существует».

Сравнительная лёгкость, с которой турецким погромщикам удалось осуществить Геноцид армян Османской империи, объясняется отчасти неподготовленностью армянского населения, а также армянских политических партий к надвигающейся угрозе истребления. Во многом облегчила действия погромщиков мобилизация армянских мужчин в турецкую армию, а также ликвидация армянских руководителей и интеллигенции на начальном этапе геноцида. Определённую роль сыграло и то, что многие армяне считали, что неподчинение турецким властям, отдававшим приказы о депортации, может привести лишь к увеличению числа жертв. Однако в некоторых местностях армянское население оказало туркам упорное сопротивление. Вооруженное сопротивление во много раз превосходящим силам противника оказали армяне Вана, Шапин Гарахисара, Муша, Сасуна, Шатала. Сорок дней продолжалась эпопея защитников горы Муса в Суэтии. Самооборона армян 1915 г. – героическая страница национально-освободительной борьбы народа. Уничтожение армян продолжалась и в последующие годы. В 1918 г. в Карсе, Ардагане, Александрополе было ликвидировано 100 тыс. армян, в 1919–1920 гг. в Киликии – 61 тыс. В 1922 г. в Смирне вместе с армянами были убиты греки и евреи, всего около 200 тыс. человек. В конце 1880 г. число армянских граждан на территории Османской империи и Западной Армении составляло

2 500 000 человек. К 1923 г. их осталось менее 100 тыс. После распада Российской империи и в годы интервенции Геноцид армян стал осуществляться во всей Восточной Армении, в том числе в Нагорном Карабахе. В карабахской столице г. Шуши после захвата её 23 марта 1920 г. войсками азербайджанских националистов за три дня и три ночи было вырезано свыше 20 тыс. армян, превращены в руины 7000 домов, библиотеки, церкви, кладбища, пантеоны.

Итак, к Геноциду армян следует отнести: 1) уничтожение 1,5 млн армян в Западной Армении и других частях Османской империи, осуществлённое младотурецкими правителями в течение 1915–1923 гг.; 2) массовые убийства армянского населения в Восточной Армении и Закавказье в целом, совершённые турками, вторгшимися в Закавказье в 1918 г., и кемалистами во время агрессии против Армянской Республики в сентябре – декабре 1920 г.; 3) организованные мусаватистами погромы армян в городах Баку и Шуше в 1918 и 1920 гг. (с учётом погибших вследствие чинившихся турецкими властями периодических погромов, начиная с конца XIX в, число жертв Геноцида армян превышает 2 млн чел.); 4) актами Геноцида являются массовые убийства, избиения, истязания, изнасилования армян в Сумгаите в феврале 1988 г. и в Баку в январе 1990 г., совершённые бандами азербайджанских шовинистов при попустительстве властей и правоохранительных органов Азербайджана.

Сходство между Геноцидом армян в 1915–1923 гг. в Османской империи и 1988–1990 гг. в Азербайджанской ССР налицо. В обоих случаях Геноцид был применён в качестве ответа на стремление армян самоопределиваться на своей земле, вернуть себе право на свою национальную территорию и воссоединить свою разобщённую родину. В обоих случаях имели место действия разные по масштабам, но одинаковые по характеру, определяемые **Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказания за него**. Поле поражения Турции в Первой мировой войне лидеры партии младотурок были обвинены в том, что втянули империю в пагубную для неё войну, и преданы суду. Среди предъявленных военным преступникам обвинений было и обвинение в организации и осуществлении резни армян в османской Турции. Однако приговор в отношении ряда лидеров младотурок

был вынесен заочно, т. к. после поражения Турции им удалось бежать из страны. Смертный приговор в отношении некоторых из них (Таалат, Бехаэдин, Шакир, Джемал-паша, Саид, Халим и др.) был впоследствии приведён в исполнение армянскими народными мстителями организации «**Немезис**». Осуществлённый турками Геноцид в отношении армян нанёс громадный ущерб материальной и духовной культуре армянского народа. В 1915–1916 и последующие годы были уничтожены тысячи армянских рукописей, хранившихся в армянских монастырях, разрушены сотни исторических и архитектурных памятников, осквернены святыни народа. Пережитая армянским народом трагедия отразилась на всех сторонах жизни и общественного поведения армянского народа, осела в его исторической памяти. Воздействие психологических последствий Геноцида испытало как поколение, ставшее непосредственной его жертвой, так и последующие поколения. Геноцид армян 1915 г. в Османской империи признан многими государствами. Первым это в 1965 г. сделал Уругвай, примеру которого последовали Россия (1995 г.), Италия (2000 г.), Франция (2001 г.), Германия (2005 г.), Голландия (2004 г.), Бельгия (1998 г.), Польша (2005 г.), Литва (2005 г.), Словакия (2004 г.), Швеция (2010 г.), Швейцария (2003 г.), Греция (1996 г.), Кипр (1982 г.), Ливан (1997 г.), Канада (1996 г.), Венесуэла (2005 г.), Аргентина (1993 г.), Ватикан (2000 г.), Чили (2007 г.). Геноцид армян признали также Европейский парламент и Всемирный совет церковей. Официально признали и осудили Геноцид армян, а также объявили 24 апреля Днем памяти жертв Геноцида армянского народа 42 из 50 штатов США. Парламентами нескольких европейских стран приняты законы, предусматривающие уголовную ответственность за отрицание Геноцида армян. Однако Турция по-прежнему отрицает массовое убийство армянского населения Османской империи во время Первой мировой войны...

ГНЧАК (арм. – колокол), (с 1909 г. – Социал-демократическая партия), армянская политическая партия, основанная в 1887 г. в Женеве группой студентов армян из России, издававшей газету «Гнчак». Социальную основу партии составляли разночинная интеллигенция, ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне, городская и сельская мелкая буржуазия. За короткие сроки были

созданы организации партии в Турции, США, России, Персии, Болгарии, Румынии, Египте и т. д. Гнчак явился порождением нового этапа армянского национально-освободительного движения, когда на смену кружкам пришли политические партии. В опубликованной в 1888 г. программе Гнчак ближайшей целью признавалось освобождение **Западной Армении** от турецкого ига посредством общенационального восстания и создание путём объединения армянских земель независимой республики.

ГРАНТ ДИНК (1954–2007) – известный журналист, главный редактор армянской газеты Стамбула «Агос». Грант Динк родился в 1954 г. в турецкой провинции **Малатия**. Ему было семь лет, когда родители перевезли его в **Стамбул**. Среднее образование он получил в армянской школе в Стамбуле. Окончил Стамбульский университет, получив специальности зоолога, а затем и философа. Начиная с 1996 г., Динк возглавлял газету «Агос», выходящую на турецком и армянском языках. 53-летний Динк получил известность в Турции тем, что писал на острые темы, в частности о Геноциде армян. За это он неоднократно подвергался судебным преследованиям. В 2005 г. его приговорили к шести месяцам тюрьмы по статье «оскорбление турецкой нации», но затем обвинения были сняты. Журналисту неоднократно угрожали физической расправой, прежде всего представители ультраправых турецких организаций. Грант Динк подчёркивал необходимость демократизации в Турции и задевал вопросы свободы слова, прав меньшинств, прав человека, вопросы, касающиеся армянского общества в Турции, пропагандировал мир между армянами и турками. Грант Динк был убит 19 января 2007 г. перед редакцией своей газеты турецким националистом Огюном Самастом. После убийства в Турции состоялись многотысячные акции протеста под лозунгом «Мы все Гранты Динки». 22 июля 2011 г. Огюн Самаст был приговорен к 21 году и шести месяцам заключения за убийство и ещё к одному году и четырём месяцам заключения за незаконное хранение оружия.

ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813 г., завершил Русско-персидскую войну 1804–1813 гг. Договор оформил включение в состав России Дагестана, Грузии, Имеретии, Гурии, Мин-

грелии, Абхазии, а также ханств Карабахского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакин-ского и Талышинского. Договор предоставлял России исключительное право иметь военный флот на Каспии. Русские купцы получили право свободной торговли в Иране, а иранские – в России.

Д

ДАШНАКЦУТЮН (Ай Хегапохакан Дашнакцутюн – Армянский Революционный союз), армянская национальная партия. Создана в 1890 г. в Тифлисе. Основателями партии и её лидерами явились Х. Микаелян, С. Заварян, Ростом (С. Зорьян) и др. Возникновение Дашнакцутюн было обусловлено подъёмом национально-освободительного движения в Западной Армении. Борьба за освобождение западных армян от турецкого деспотизма и решение **Армянского вопроса**, являлись главными задачами партии, для решения которых Дашнакцутюн считала вооруженные выступления, а также использование помощи западных держав в России. Направив своих членов в Западную Армению, Иран, Восточную Армению, в города Закавказья, Дашнакцутюн за короткие сроки создала свои организации в Карсе, Александрополе, Ереване, Карабахе, Ганзаке, Баку, в России. Бюро в Тифлисе взяло на себя руководство созданием организаций партии в Западной Армении, установлением связей с уже действовавшими в Западной Армении гайдуцкими группами (**фидаи**).

Хотя партии Дашнакцутюн удавалось временами успешно руководить национально-освободительной борьбой западных армян, однако в целом это движение не увенчалось успехом. Армянским политическим партиям не удалось выработать единую программу действий, тщетными оказались попытки объединить гайдуцкие группы, не получила реального воплощения идея единого фронта нетурецких народов Османской империи против общего врага, хотя некоторые деятели партии Дашнакцутюн выступали за создания союза с курдами, арабами и т. д. Надеясь при помощи младотурок (оппозиционных султанскому режиму), получить внутреннюю автономию в Западной Армении, партия Дашнакцутюн охотно шла на контакты с ними, за что подверглась критике со стороны армянских политических кру-

гов. После **Младотурецкого переворота 1908 г.** партия Дашнакцутюн развернула бурную деятельность, полагая, что свержение султанской монархии принесёт свободу всем христианским народам Турции, но **Аданские погромы 1909 г.** показали истинное лицо младотурок и привели к окончательному разрыву Дашнакцутюн с младотурками. В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Дашнакцутюн защищала Антанту. Она приняла активное участие в организации Армянского добровольческого движения. Во время Геноцида армян многие члены партии Дашнакцутюн приняли участие в героической самообороне армянского населения в ряде местностей **Западной Армении и Киликии** и погибли в боях с погромщиками. Члены партии Дашнакцутюн приняли активное участие – в составе регулярных армянских частей – в **Сардарпатском, Баш-Апаранском и Караклиссском сражениях** с вторгшимися в Восточную Армению турецкими захватчиками в мае 1918 г. Без побед в этих сражениях восстановление армянской государственности в форме Республики Армении было бы невозможно. С образованием Республики Армении партия Дашнакцутюн стала правящей партией, лидеры её последовательно возглавляли правительство Республики. В начавшейся турецко-армянской войне 1920 г. Армения оказалась в полной изоляции. Потерпевшая поражение Армения была вынуждена заключить **Александропольский договор 1920 г.**, по условиям которого она понесла большие территориальные потери. В тот же день правительство Республики Армении заявило о своём отказе от власти. 29 ноября 1920 г. Ревком Армении объявил Армению Советской, а партия Дашнакцутюн продолжила свою деятельность в Спюрке.

На современном этапе партия Дашнакцутюн продолжает считать своей основной задачей решение **Армянского вопроса**.

ДЖАНГИР-АГА (1874–1938), один из предводителей **езидов** Западной Армении, активный участник освободительной борьбы против турок. Происходил из рода племенного вождя. С конца 1820-х гг. поддерживал тесные отношения с армянами Вана, совместно с ними вёл борьбу против угнетения и насилия со стороны турецких властей. Выступал за союз с армянами. В 1909 г. произошла встреча Джангир-аги и **Андраника**, положившая на-

чало их боевой дружбе. Джангир-ага поддерживал армянских гайдуков, оказывал им военную и материальную помощь. В мае 1918 г. он со своей конницей, состоявшей из езидов, вместе с армянскими войсками под командованием генерала Драстамата Канаяна и генерал-майора Мовсеса Силикяна разбили турецкие отряды во время битвы при **Баш-Апаране и Сардарапате**, после которой османская армия прекратила дальнейшее наступление на Армению. За мужество и верность, проявленные в этих боях, его называли «преданным союзником армянского народа». В Ереване ему установлен памятник.

ДЕЙР ЭЗ-ЗОР – город в Сирии, на правом берегу Евфрата. В 1914 г. Дейр эз-Зор и окружающая его пустыня были избраны младотурецким правительством в качестве основного места концентрации изгнанных из **Западной Армении** и районов Турции армян. Только в пустынях от Дейр эз-Зора до Мосула погибло 200 тысяч армян (1915–1916). Немногие уцелевшие армяне впоследствии поведали миру о пережитых ими ужасах, о подлинных масштабах осуществлённого злодеяния.

ДЖЕМАЛЬ-ПАША (1872–1922) – османский военный и политический деятель, полномочный военный и гражданский администратор Сирии (1915–1917), известный деятель движения младотурок. 5 июля 1919 г. военный трибунал в **Константинополе** заочно приговорил Джемалю к смертной казни за вовлечение Турции в войну и организацию массовых убийств армян, а также (специально) за убийства арабов. Джемаль сбежал в Афганистан, где в качестве военного советника участвовал в модернизации афганской армии. Позднее перебрался в Тифлис, где в 1922 г. был убит членами партии Дашнакцутюн Петросом Тер-Погосяном и Арташесом Геворгияном в рамках операции «**Немезис**» по уничтожению виновников Геноцида армян в 1915 году.

ДИАРБЕКИР, Кара-Амид, город в **Западной Армении**, на берегу реки р. Тигр. Один из древнейших населённых пунктов Армянского нагорья (упоминается с конца II тысячелетия до н. э.). С середины XVI в. город попал под власть Османской империи. Накануне Первой мировой войны в Диарбекире проживало 470

тыс. человек – армяне, арабы, езиды, турки, курды, ассирийцы, зазы, греки, евреи и др. Город, расположенный на пути, связывающем Северную **Месопотамию** с Ираном, являлся одним из заметных центров торговли и ремесел, находившихся в руках армян. Здесь действовали две армянские церкви, 10 армянских школ, культурные общества. В ноябре 1895 г. в городе были учинены первые большие армянские погромы, погибло 3000 человек, разорению и грабежам подверглись 18 тыс. домов, было ранено 1500 человек. До основания были разрушены и разорены торговые точки армян и два пригородных армянских села. По данным французского консула Г. Мейрье, материальный ущерб составлял два миллиона турецких лир. Местами армяне, прибегнув к самообороне, сумели отбросить фанатичную мусульманскую толпу; несколько тысяч человек нашли убежище во французском консульстве, католических церквях ассирийцев и капуцинов. Погромы 1894–1896 гг., организованные турецкими властями, имели катастрофические последствия. Из-за вынужденной эмиграции многие районы полностью лишились своего армянского населения. По данным **Константинопольского армянского патриаршества**, после всех гонений в 1912 г. в вилайете проживало 124 тыс. армян. Уничтожив в июне 1915 г. наиболее влиятельных представителей армянской общины, турецкие власти до октября угнали в **Рас-ул-Айн** подавляющее большинство армян Диарбекира.

ДРО (**Канаян Драстамат**, 1883–1956), армянский политический и военный деятель, член партии **Дашнакцутюн**. Учился в русской гимназии в Ереване, затем в военном училище в Пятигорске. В 1908 г. перебрался в Западную Армению (Баязет), руководил переброской оружия из Восточной Армении. Во время Первой мировой войны командовал вторым армянским добровольческим отрядом, принимал участие в боях на Кавказском фронте. В конце 1917 г. был назначен комиссаром армянского корпуса. В 1918 г. принял участие в **Баш-Апаранском сражении** против турецких интервентов, командуя войсками прикрытия. В 1920 г. был назначен военным министром Республики Армении. До начала января 1921 г. выполнял обязанности командующего войсками Советской Армении. В феврале 1921 г. принял участие

в выступлении против советской власти. В последующие годы – эмигрант (жил в Румынии, Ливане). Участвовал в деятельности Американского национального комитета армян без родины (АНЧА), содействовавшего размещению армян-беженцев в Западной Европе и США. Умер в Америке.

3

ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ – условное наименование западной части Армении, вошло в обиход в конце IV в., когда царство Великой Армении, ставшей ареной соперничества соседних мощных держав, было в 387 г. разделено между Римской империей и сасанидским Ираном. Та часть Великой Армении (западная), которая отходила Риму, продолжала называться Великой, или Внутренней, Арменией. Стоявшие во главе неё армянские нахарары являлись по существу федератами (союзниками на договорных началах) империи, в отношении которых не устанавливался контроль римских правителей и которые были обязаны выполнять военные повинности в отношении империи. Арабо-византийские войны ослабили Арабский халифат и создали условия для независимости Багратитской Армении, которая охватывала преобладающую часть Великой Армении: Васпураканское царство, Таронское княжество, Арцахское княжество, Карское и Сюникское царства, Тайское куропалатство.

Когда в Армении, одном из первых государств, где христианство стало официальной религией (301 г.), была создана Месропом Маштоцом письменность (IV в.), развивалась наука, культура (V в.), изучались труды историка и поэта Мовсеса Хоренаци, философа Давида Непобедимого, математика и географа Анания Ширакского, тюркские кочевые племена из Алтая и Центральной Азии волна за волной, сменяя друг друга, вторгались на территорию Армянского нагорья, Малой Азии и Кавказа, разрушая на своем пути цветущие города и села, уничтожая памятники культуры, уводя в плен и обращая в рабство мирное население. Когда армяне с жадностью и в совершенстве осваивали новые достижения в литературе, философии, богословии, математике и экономике, тюрки искали свободные территории и пастбища для своих стад. Это было одной из основных причин, толкавших тюркские кочевые племена на постоянные передвижения и захват новых

территорий. Таким образом было захвачено и Армянское нагорье, в результате чего к коренным народам Малой Азии и Кавказа – армянам, грекам, арабам, грузинам и другим – добавились различные пришлые тюркоязычные племена и курдские племенные союзы, на основе которых в регионе образовался турецкий народ, а впоследствии Османская империя. Армения оказалась безоружной перед начавшимися нашествиями турок-сельджуков, в результате чего во второй половине XI в. Армения и почти вся Малая Азия оказались под их господством. На территории Западной Армении возникли разные сельджукские эмираты. В некоторых местах продолжали существовать армянские княжества – Торникяны в Сасуне, Хегенекяны в Васпуракане и др. Нашествие монголов нанесло сокрушительный удар по армянскому нахарарскому сословию, принесло бедствия Армении и армянскому народу. На территории Армении обосновались кочевые туркменские племена, которые непрерывно вели между собой войны до начавшейся борьбы между Ираном и османской Турцией. В 1639 г. Западная Армения попала под владычество Турции. Её территория была распределена между Эрзурумским, Карским, Ванским, Баязетским, Чалдырским, Диарбекирским и Себастиийским пашалыками; здесь же сохранилось несколько полунезависимых армянских общин, наиболее известной из которых был **Сасун**. Западная Армения занимала большую часть некогда единой Армении – около 230 тыс. кв. км с армянским населением около 2,5 млн человек. Если учитывать армян по всей Османской империи, в том числе в Константинополе, Смирне и других городах, то эта цифра в середине XIX в. приближалась к 3 млн. Сразу после захвата Западной Армении Османская империя приступила к решительному изменению ее демографической ситуации, стремясь уменьшить число армян в армянских областях. В руки предводителей их племен и феодальной знати переходили лучшие пахотные земли и пастбища, принадлежавшие армянам. Не только экономически, но и с правовой точки зрения армяне попадали в зависимость от турецкой верхушки и предводителей курдских племен и аширетов-шейхов, ага и беков. До XVIII в. турки, постепенно вытесняя армян с их земель, ещё воздерживались от массовых убийств, ибо нуждались в строителях, земледельцах, банкирах, ремесленниках.

Но постепенно сохранившие христианскую религию народы становились ненужным элементом на своей земле. После поражения Османским государством в **первой Балканской войне** на Армянское нагорье с Балкан в большом количестве переместились турецкие беженцы. Заселение Западной Армении турками, курдами, черкесами и лишение армян земли составляло лишь одну сторону вопроса. С другой стороны, власти постоянно провоцировали столкновения между пришельцами и местными армянами, настраивали их друг против друга. Более того, часто руками курдов и черкесов османские власти осуществляли армянские погромы, преследуя две важные цели: искусственно понизить численность армян на их родине и достичь такого положения, чтобы ни в одном из армянских вилайетов они не составляли абсолютного большинства. Несмотря на тяжелые условия, насильственную и добровольную эмиграцию, погромы и преследование христиан-армян, заселение страны курдами, большинство населения Западной Армении вплоть до XIX в. составляли армяне. **Русско-турецкая война 1877–1878 гг.**, предварительный **Сан-Стефанский договор** и **Берлинский конгресс 1878 г.** создали новую обстановку в Западной Армении, сделав **Армянский вопрос** международной проблемой. Это обстоятельство, с одной стороны – освобождение Болгарии, с другой – фактическое выдворение Османской империи из Европы, поставили перед турками задачу создания «собственной родины». Используя политические противоречия между ведущими державами, султан **Абдул-Гамид II** сорвал проведение реформ в Западной Армении под предлогом намерения осуществить реформы во всей стране. Турция понимала, что существование в ее пределах подданных-христиан всегда будет служить поводом для вмешательства в дела Турции европейских государств. И вот для того, чтобы не потерять своих владений и раз и навсегда избавиться от притязаний европейских государств, Турция принялась истреблять христиан, а также применила тактику насильственного обращения в ислам. Единственной христианской нацией, угрожавшей спокойствию Турции, были непокорные, свободолюбивые армяне. Чтобы заткнуть рот господам европейцам и доказать им, что в Армении нет армян, Турция применила оружие – курдов и черкесов. В 1891 г. была создана состоявшаяся

исключительно из курдов и содержащаяся за счет османского правительства конница «**Гамидие**». Армянское население в подавляющем большинстве было богаче, что подогревало фанатиков, которым разрешили грабить и резать.

Если мы свяжем воедино все факты, то убедимся, что разорения, притеснения, насилие и преследование армян, раздробление армянских областей было неслучайным. Это была заранее обдуманная политика, имевшая своей конечной целью полное истребление армянского народа. А истребив всех армян, можно было заселить Армению черкесами и курдами, которым до этого через духовенство внушалось, что если Россия возьмет верх в Первой мировой войне, армяне перережут всех курдов в Западной Армении. Воспользовавшись состоянием войны, младотурки приступили к массовому уничтожению западных армян и присвоению их многовековой родины. Геноцид 1894–1923 гг. в Западной Армении является логическим продолжением многовековой политики турок на завоёванной земле, начатой еще **Абдул-Гамидом** и доведенной до конца кемалистами, и не имеет никакого отношения к политическим симпатиям армянского народа. Армян вырезали не только в пограничных с Россией регионах Западной Армении, но по всей территории Турции. Идеологи пантюркизма намеренно подстрекали турок к неприязни и нетерпимости по отношению к армянам, обычно более богатым и просвещенным, чем турецкое и курдское население. Затем был объявлен джихад, что создало атмосферу «охоты на армян». Было дозволено все: красть, поджигать, насиловать, пытать, калечить, убивать. На всей территории Западной Армении и Турции началась разнузданная антиармянская истерия, была разработана политическая программа решения **Армянского вопроса** посредством депортации и резни армян. В результате **Геноцида армян 1915–1916 гг.** Западная Армения лишилась своего исконного населения.

ЗЕЙТУН – город в Горной Киликии. Предки зейтунцев переселились в Киликию после падения (1045 г.) царства Багратуни. В свою очередь, когда пало Киликийское армянское царство (1375 г.), часть жителей равнинной Киликии – переселенцев из Ани, Сасуна, Вана – ушла в горы и основала у подножия горы

Пирит поселение Зейтун. До 1865 г. это была Зейтунская автономия с 29 сёлами и 27 460 жителями, из которых мусульманами были 8000. Горцы занимались виноградарством, животноводством, оружейным делом. Армянские князья имели свои отряды. Как ни пытались турецкие власти подчинить себе зейтунцев, у них ничего не получалось. Походы турок в 1780, 1782, 1808, 1819, 1829, 1840, 1860 гг. потерпели поражение. И тем не менее с 1865 по 1877 г. зейтунцы вынуждены были принять турецкого каймакама. Накануне Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) зейтунцы восстали из-за притеснения турецких властей и предприняли попытку установить связь с действующими в Западной Армении русскими войсками для получения оружия, но помощь не была оказана. После окончания войны турецкое правительство сосредоточило свои войска против Зейтуна. 400 повстанцев во главе с князем Папиком Енитуняном (Нор-Ашхарян) поднялись в горы и продолжили борьбу. Боясь огласки и вмешательства европейских держав, власть в результате переговоров пошла на уступки: уменьшила размеры налогов, сделала Енитуняна главой города, освободила из тюрьмы арестованных зейтунцев. На некоторое время зейтунцев удалось усмирить. Погромы 1894 г. вынудили зейтунцев подготовиться к самообороне. В октябре 1895 г. после резни армян в Мараше турецкие войска (50–60 тыс.) двинулись на Зейтун. Более двух месяцев зейтунцы (шесть тыс. бойцов) оказывали туркам упорное сопротивление. Не сумев завладеть Зейтуном, власти прибегли к помощи иностранных консулов, те заключили с зейтунцами соглашение, по которому повстанцам была дарована амнистия, был назначен правитель-христианин и население на пять лет было освобождено от налогов. Во время Геноцида 1915 г. зейтунцы были депортированы в месопотамские пустыни, где были истреблены или стали жертвами нечеловеческих условий существования. После поражения Турции в Первой мировой войне часть избежавших гибели зейтунцев возвратилась в родной город, но в 1921 вновь была депортирована.

Е

«ЕДИНЕНИЕ И ПРОГРЕСС» (İttihad ve terakki) – турецкая политическая партия. Основана 21 мая 1889 г. под названием «Общество османского единства». Ее целью было восстановление кон-

ституции 1876 г. и созыв парламента. Позже была переименована в «Османское общество единения и прогресса» и объединилась с парижской группой младотурок. Общество издавало свои газеты в Стамбуле, Измире, Женеве, Каире, подвергало критике режим Абдул-Гамида II. Через год это общество приняло решение объединиться с парижским отделением иттихадистов, и его лидеры вошли в ЦК общества. 23 июля 1908 г. в результате вооруженного переворота иттихадистов была провозглашена конституция. После этого члены тайного ЦК перебрались в Стамбул, а вскоре возглавляемое ими общество было провозглашено политической партией. Одержимые идеями пантюркизма, лидеры партии в годы Первой мировой войны задумали и осуществили программу массовой депортации и физического уничтожения армянского населения империи, вошедшей в историю как Геноцид армян. После поражения Турции в Первой мировой войне в Стамбуле состоялся судебный процесс младотурок.

ЕЗИДЫ – древнейший этнос. История езидов и езидизма, одной из древнейших религий мира, насчитывает свыше пяти тысяч лет. Религия, отождествляющая верховное божество с Солнцем, берет начало во времена Шумера, Вавилона и Ассирии. Несмотря на то что езиды являлись монотеистами, последователями единобожия, на протяжении всей своей истории они были гонимы. На протяжении веков езиды оборонялись и защищали свою землю от завоевателей, сохранив на сегодняшний день религию предков и свою самобытность. Отсутствие государственности привело к тому, что в разных странах их называют по-разному: в Турции – турки-езиды, в Ираке – арабы-езиды, также курды-езиды. Многим кажется, что езиды и курды – это один этнос. Несмотря на то что существует много общего в языке, быте, культуре, в некоторых традициях, это отдельная этноконфессиональная группа с отличным от курдов мышлением, менталитетом. Более того, езиды никогда не участвовали в резне армян и сами сильно пострадали от турецкого ятагана – было убито приблизительно 500 тыс. человек. В Западную Армению езиды попали в XI в., переехав с северных земель Ирака. В Первую мировую войну езиды воевали на стороне русских с Османской империей, борясь с Геноцидом армян. Среди военачальников были езиды, которые

сражались в рядах освободительного движения вместе с армянами. Одним из них являлся Джангир-ага, в столице Армении Ереване ему установлен памятник. После Первой мировой войны езиды мигрировали в Российскую империю, в страны Европы, Армению, Грузию. В основном проживают на севере Ирака и странах Европы. В Армении сегодня проживают свыше 60 тыс. езидов. В Армении для этой народности создана письменность на основе русской графики, ведётся преподавание в начальной школе, издаётся газета «Данге Эздия» («Голос езидов»).

И

ИСРАЭЛ ОРИ (1658–1711) – один из выдающихся деятелей армянского освободительного движения. В составе делегации, искавшей поддержки в борьбе армян против иранского и турецкого ига, посетил Константинополь, Венецию, Париж, Дюссельдорф, Вену. В 1699 г. вместе с меликом Сафразом созвал в Ангехако-те (Армения) тайное совещание одиннадцати сюникских меликов, на котором было принято обращение к ряду западноевропейских государств с просьбой о помощи. В 1701 г. приехал в Москву, где получил от Петра I и жившего там в изгнании грузинского царя Арчила II обещание поддержки планов освобождения Армении. Произведённый в чин полковника, Исраэл Ори в 1707 г. участвовал в русском посольстве в Иране. Умер, возвращаясь в Москву.

К

КАРАБАХСКИЙ ВОПРОС. По **Гюлистанскому договору 1813 г.**, завершившему девятилетнюю Русско-персидскую войну, Карабахское ханство с Гюлистанским краем, Нахичеванское ханство, Елизаветпольская губерния и другие армянские регионы из состава Персии (в которой они **находились** с 1639 г.) вошли в состав России. На этих территориях жили и другие народности и племена, в том числе и турки (тюрки), которых сначала называли кавказскими татарами, а потом, чтобы отличить кавказских мусульман от крымских, стали называть азербайджанскими татарами. На армянских территориях, принадлежавших по Гюлистанскому договору России, было создано искусственное государственное образование, которое, как писал

историк Е.А. Пахомов, «провизорно назвали Азербайджаном». В Азербайджан вовлекали многих мусульман Кавказа, спекулируя общностью религии. Тюрки Закавказья, находившиеся под влиянием турецкой партии «Мусават», продолжили **Геноцид армян 1915 г.**, начавшийся в Западной Армении, вырезав почти всех армян в Карабахе Баку, Гандзаке, Елизаветполе, Кировабаде, Шуше, куда началась активная миграция азербайджанцев. Так что будет правильным считать, что Карабахский вопрос возник не в 1988 г., а в начале XX в. Азербайджан стал считать эту территорию своей. В этих устремлениях его поддерживало российское правительство. В 1918 г. была провозглашена Независимая Карабахская Республика, а летом 1921 г., Армения объявила Нагорный Карабах своей неотъемлемой частью. Но новообразованная Азербайджанская ССР отказалась передать эту территорию Армении, стремясь включить ее в состав своей республики, и до 1923 г. здесь продолжались военные столкновения между армянами и азербайджанцами. В 1923 г. Нагорный Карабах без какого либо совета с его народом (94% населения – армяне) был передан правительством РСФСР под протекторат Советского Азербайджана. Баку предоставил Карабаху автономный статус. Армяне Карабаха неоднократно ставили вопрос о своём воссоединении с родной Арменией. Однако рассмотрение Карабахского вопроса так и не состоялось. К 1988 г. Карабах был одним из отсталых регионов СССР. Экономика НКАО финансировалась Баку по остаточному принципу, развитие производительных сил, производственных и национально-культурных потребностей не поощрялось, изучение истории армянского народа и армянского языка в школах было запрещено, любая связь с Армянской ССР расценивалась как проявление сепаратизма, велась политика выдавливания армян с исконных земель. Перестройка 1985 г. зародила в карабахских армянах надежду на возможное воссоединение с Арменией. В 1987 г. населением Карабаха были собраны десятки тысяч подписей под просьбой воссоединения, но ЦК КПСС и Верховный Совет СССР не отреагировали на просьбу. В феврале 1988 г. внеочередная сессия Совета народных депутатов автономии приняла решение о выходе НК из Азербайджана и присоединении к Армении. Межнациональный конфликт между азербайджанцами и армянами приобрёл катастро-

фический характер. Последовали погромы и депортации армян Сумгаита, Баку, Кировабада, Нахичевани, Мингечауре, Ханларе, Казахе, Шеки. 2 сентября 1991 г. была провозглашена Независимая Карабахская Республика. Военный конфликт длился до 1994 г. Азербайджан вынужден был принять посредничество России. Была создана Минская группа ОБСЕ, составившая текст договора, который был подписан в 1994 г. в Бишкеке, в результате чего была прекращена война. Этот договор действует по сей день. В результате конфликта Азербайджан были вынуждены покинуть около полумиллиона армян, а Армению – почти 200 тыс. азербайджанцев. В настоящее время НКР де-факто является независимым государством, имеющим все атрибуты государственности: конституцию, законы, органы управления, вооруженные и политические силы, государственную символику. Она признана только Арменией, Абхазией, Южной Осетией и Приднестровской Молдавской республикой. Зарубежные представительства НКР действуют в Москве, Ереване, Вашингтоне, Париже, Сиднее, Бейруте, где координируют свою работу с армянскими посольствами. Непризнанная республика имеет шесть представительств за рубежом: в Армении, России, США, Ливане, Франции и Австралии. Окно в мир для Нагорного Карабаха открыто гораздо более широко, чем для других непризнанных республик – Абхазии, Приднестровья или Южной Осетии. Благодаря армянской диаспоре Независимая Карабахская Республика, или Нагорный Карабах (по-армянски Арцах), со столицей г. Степанакерт, несмотря на свой непризнанный статус, уже давно стала частью международного сообщества и бизнеса.

КАРАКЛИССКОЕ СРАЖЕНИЕ 1918 г. произошло 24–29 мая между турецкими оккупантами и армянскими войсками во время происходивших одновременно **Сардарapatского и Баш-Апаранского сражений**. Армянские войска, сосредоточенные у Караклиса, насчитывали 6 тыс. солдат при 70 орудиях и 20 пулемётах. Турки имели 10 тыс. солдат, 70 орудий и 40 пулемётов. 26 мая турки получили солидное подкрепление. На помощь армянским войскам поспешили ополченцы – крестьяне окрестных сёл. 25–28 мая произошли ожесточённые бои. Хотя туркам удалось 30 мая занять Караклис и учинить зверскую расправу

над его населением, а также над жителями окрестных сёл, тем не менее, столкнувшись с сильным сопротивлением у Караклиса, Сардарапата и Баш-Апарана турки были вынуждены прекратить своё продвижение вглубь Восточной Армении и отступить. Командующий турецкими войсками на Кавказе Вехиб-паша впоследствии, во время переговоров в Батуме, признавал, что Караклисское сражение было исключительным в истории происходившей войны; армяне доказали, что они могут быть лучшими воинами мира.

КАРС – город в **Западной Армении** на берегу Карса, притока реки Ахурян, с 928 по 961 г. – столица Армянского царства Багратидов, с 961 по 1064 г. – столица армянского Карсского царства. С 1878 по 1917 г. – российская Карсская область с генерал-губернатором. После погромов 1890-х гг. вынужденная эмиграция армян из Западной Армении в Карс обрела масштабный характер (по переписи 1897 г. – 73 тыс., в 1913 г. – 113 тыс. чел.). В целях упрочения своих позиций царское правительство в течение 25 лет поселило здесь 20 тыс. русских. В Карсе были русская церковь, русское кладбище, русская школа, где, кстати, учился великий армянский поэт Егише Чаренц. В 1914–1917 гг. в Карсе нашли прибежище тысячи армян-беженцев из различных районов Западной Армении. Карсская крепость считалась одной из неприступных на Кавказе, и взять ее было практически невозможно, но в результате предательской политики Закавказского сейма по **Брест-Литовскому мирному договору** 3 марта 1918 г. Карсская крепость без сопротивления была передана Турции. Овладев Карсом, турецкие войска истребили более 10 тыс. армян. Сотни тысяч были вынуждены переселиться в Александропольский, Эчмиадзинский и Ереванский уезды. После поражения в **Первой мировой войне** турки оставили Карс, и в город вступили английские войска. В мае 1919 г. Карс был передан Республики Армении, и значительное число армян вернулось в свои дома. 10 августа 1920 г. в Севре между Турцией и победившими в Первой мировой войне государствами (Великобританией, Францией, Италией, Японией, Бельгией, Польшей, Португалией, Грецией, Румынией, Арменией, Чехословакией, Королевством сербов, хорватов и словенцев) был подписан

Севрский мирный договор. Однако этот договор остался лишь на бумаге. Турция сделала всё, чтобы предотвратить его утверждение, начав турецко-армянскую войну. Кемалистские войска 30 октября 1920 г. заняли Карс, истребив 8 тыс. армян. Оставшееся в живых армянское население было вынужденно эмигрировать в направлении Эрзурума и дальше. Под давлением Советской России правительство Советской Армении было вынуждено подписать **Карсский договор 1921 г.** и тем самым признать нынешние границы Турецкой республики. В 1945 г. были предъявлены территориальные претензии СССР к Турции, согласно которым территория бывшей Карсской области должна была быть разделена между Грузинской и Армянской ССР. Но, исходя из изменившихся геополитических реалий, с началом «холодной войны» в 1953 г. Советский Союз отказался от этих претензий.

КАРСКИЙ ДОГОВОР 1921 г. заключён 13 октября по окончании Карсской конференции 1921 г. между кемалистской Турцией, с одной стороны, и советскими республиками Закавказья – с другой. Согласно ст. 1, считались утратившими силу договоры, которые были заключены между правительствами, осуществлявшими в прошлом суверенность на территории договаривающихся сторон. Тем самым признавался аннулированным Александропольский договор 1920 г. Признавались недействительными также те договоры, которые были заключены с третьими государствами и касались закавказских республик. Но это не распространялось на **Московский договор 1921 г.**, заключённый между РСФСР и Турцией. Ст. 2 была особенно важна для Турции, поскольку, согласно ей, стороны не признавали никакой договор или международный акт, который мог быть навязан посредством силы. Это означало, что Советская Армения не признавала Севрский мирный договор 1920 г. По ст. 3 аннулировался капитуляционный режим. Ст. 4 определяла границу между Турцией и республиками Закавказья. Ст. 5 подчёркивала, что Турция, Армения и Азербайджан согласны, чтобы новообразованная Нахичеванская автономная республика была под покровительством Азербайджана. Ст. 6–9 относились к взаимоотношениям Турции и Грузии. Остальные статьи определяли правовое положение граждан сто-

рон, устанавливали порядок обмена пленными, касались упорядочения экономических, финансовых и прочих вопросов.

КЕРЫ (1858–1916) Гафавян Аршак – один из выдающихся деятелей армянского национально-освободительного движения. Член партии Дашнакцутюн. В 1895 г. во время резни в Карине возглавлял вооруженную группу, охранявшую резиденцию армянского духовного предводителя. В 1903 г. с конной группой гайдуков Торгома перебрался в **Сасун**, принял участие в Сасунской самообороне 1904 г. Был одним из организаторов самообороны армян Зангезура. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Керы являлся командиром 4-го **армянского добровольческого отряда**, принял участие в Сарыкамышской операции (1915). Проявил себя умелым военачальником. В 1916 г. по пути на Мосул у Ревандуза Кери попал в окружение со своим отрядом, но, проявив находчивость, сумел вывести бойцов из окружения, а сам пал в бою. Похоронен в Тифлисе.

КОНВЕНЦИЯ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И НАКАЗАНИИ ЗА НЕГО – документ, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. и определяющий с международной правовой точки зрения явление геноцида, действия, являющиеся актами геноцида, а также меры предупреждения геноцида и наказания за него. Вошла в силу 12 января 1951 г. В разработке и принятии конвенции существенную роль сыграл Р. Лемкин – польский юрист еврейского происхождения, который во время судебного процесса над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге (1945–1946) был советником обвинителя от США. В пяти (из 19) пунктах конвенции перечисляются действия, каждое из которых считается актом геноцида: 1) убийство членов группы; 2) причинение им серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства; 3) преднамеренное создание для группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её; 4) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде группы; 5) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Согласно конвенции, виновные за действия геноцида или за какое-либо из них должны быть на-

казаны независимо от того, являются ли они избранными конституционным путём правителями, общественными деятелями или частными лицами, независимо и от того, участвовали они в действиях геноцида лично, были соучастниками преступления, участвовали в организованном в целях геноцида заговоре, подстрекательстве к геноциду или попытке совершить геноцид. Конвенция не признаёт юридической давности при наказании за геноцид: наказание могут осуществлять как национальные, так и созданные для этой цели международные трибуналы. Поэтому государства – участники конвенции обязуются принять необходимые законодательные акты для осуществления её положений, в частности предусмотреть в своих уголовных законодательствах особые меры по наказанию за действия геноцида.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ (ныне Стамбул) – столица Османской империи в 1453–1923 гг. Армяне проживали в Константинополе с раннего средневековья. В 572 г. здесь была создана армянская церковная община, а в 1461 г. создано Армянское патриаршество. Во второй половине XIX в. здесь проживало уже 250 тыс. армян – представители крупной торговой буржуазии, духовенства, ремесленников, интеллигенции. С 1847 г. армянская община Константинополя имела Национальное духовное и высшее собрания, а в 1860 г. Османской империей была принята и утверждена Национальная конституция западных армян, состоящая из 99 глав, под названием «Положение об армянской нации». Армянский патриарх признавался «главой нации» и посредником в исполнении законов государства. Константинополь являлся центром духовной жизни армян. В XIX в. здесь имелись армянские учебные заведения, духовные семинарии, типографии, издавались армянские газеты и журналы. Армянская интеллигенция была представлена писателями, учителями, врачами, журналистами, учёными, редакторами-издателями, деловыми людьми, игравшими заметную роль в экономической и культурной жизни Османской империи. С развитием капиталистических отношений в Турции и возникновением турецкой национальной буржуазии начались конфликты с нетурецкой буржуазией, которая к середине XIX в. заняла важные ведущие позиции в империи. Для защиты интересов армян Турции в

Константинополе была сформирована армянская делегация для участия в Берлинском конгрессе 1878 г., но конгресс не оправдал надежд. Чтобы привлечь внимание османского правительства и европейских держав к выполнению хотя бы условий ст. 61 **Берлинского трактата**, армяне Константинополя неоднократно предпринимали определенные шаги. Так, в 1890–1895 гг. в городе проходили протесты, манифестации, мирные демонстрации, которые разгонялись жандармами, учинявшими резню и убийства. Воспользовавшись началом Первой мировой войны, младотурецкое правительство 24 апреля 1915 г. начало аресты армянской интеллигенции Константинополя. Были арестованы и высланы свыше 800 человек – писатели, журналисты, врачи, представители армянского духовенства. Часть депортированных была убита по пути, другие – по прибытии к местам назначения. 24 апреля отмечается армянами мира как день памяти жертв Геноцида 1915 г. В дальнейшем из Константинополя были высланы ещё 10 тыс. человек. Репрессии, убийства продолжались и в последующие годы. После поражения Турции в Первой мировой войне в Константинополь были введены английские, французские и итальянские войска. В город стали возвращаться армяне, покинувшие столицу в начале войны. В 1919–1920 гг. в Константинополе состоялся судебный процесс над лидерами партии «Единение и прогресс», обвинёнными во втягивании Турции в войну, а также в осуществлении Геноцида армян.

В настоящее время в Константинополе (Стамбуле) проживает около 58 тыс. армян. Руководство армянской общиной осуществляет Армянское патриаршество. Имеются армянские школы, издаются газеты и журналы.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ для депортированных армян. В течение лета и осени 1915 г. вокруг городов Алеппо, Бабе, Зиарте, Семге, Мескене, Ракке, Рас-ул-Айне, Хаме, Хомсе, Дамаска появились концентрационные лагеря для депортированных армян. Армяне гибли не только от рук турецких палачей, но и от голода, эпидемий. Оставшихся в живых в других лагерях армян перемещали в расположенные к востоку от **Дейр эз-Зора** пустыни. Подобные перемещения постоянно повторялись, становясь причиной гибели тысяч армян. Так, только в пустынях от Дейр эз-Зора

до Мосула погибло 200 тыс. человек (1915–1916 гг.). Немногие уцелевшие армяне впоследствии поведали миру о пережитых ими ужасах, о подлинных масштабах осуществлённого злодеяния.

Л

ЛОЗАННСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (1922–1923) была созвана после провала англо-греческой интервенции против Турции (1919–1922). Состоялась в июле 1923 г. в Лозанне (Швейцария). Участвовали Великобритания, Франция, Италия, Греция, Япония, Румыния, Югославия, Турция и США. Участие СССР было ограничено (Россия, Украина и Грузия). На конференции был обсуждён и Армянский вопрос. Несмотря на то что армянская делегация не принимала участия, конференции был представлен меморандум, в котором предлагались возможные решения Армянского вопроса: создание «Армянского национального очага» на определённой президентом США В. Вильсоном территории Советской Армении путём присоединения к ней части Западной Армении с выходом к Чёрному морю; создание «Армянского национального очага» в Киликии. Но турецкая делегация решительно отвергла эти идеи, заявив, что она не имеет ни в своих восточных областях, ни в Киликии такой территории, где бы турки не составляли большинство населения и которую было бы возможно отделить от родины. Кроме того, Турция уже установила «добрососедские отношения» с уже существующей «независимой Арменией», то есть с Армянской ССР, и не представляет какой-либо «иной Армении». Государства Антанты, преследовавшие корыстные цели в Турции и на Ближнем Востоке, пошли на уступки Турции за счёт законных интересов меньшинств (армян, греков, болгар, и т. д.). Таким образом, Турция не только присвоила Западную Армению и Киликию, но и воспрепятствовала возвращению многих тысяч армян на родину. Советская делегация выразила готовность предоставить пристанище армянским беженцам в России и на Украине.

М

«МАЙСКИЕ РЕФОРМЫ» 1895 г. – программа административных, судебных и прочих реформ в Западной Армении, составлена послами Великобритании, России и Франции в Константинополе

(согласно ст. 61 Берлинского трактата) и представлена правительству султана 11 мая 1895 г. (отсюда и название «майские»). Проект предусматривал в основном упрочение центральной власти в шести армянских вилайетах – Эрзуруме, Битлисе, Ване, Себастии, Харберте, Диарбекире; развитие общественной жизни, упорядочение производства и экономического состояния, а также защиту христиан от произвола курдских племенных вождей. Программа Майских реформ не предоставляла армянам особых прав, но тем не менее она встретила сопротивление со стороны османского правительства. На протесты, демонстрации армян правительство ответило резнёй армян. Погромы возобновились, жертвами их стали 300 тыс. человек.

МАЛАТИЯ, Мелитине – город и гавар в Харберском вилайете на территории Западной Армении. В XV в. городом овладели турки-османы и включили его в состав Себастиийского эялета. Несмотря на притеснения и вынужденное принятие армянами магометанства во второй половине XIX в. в 25 сёлах Малатии армяне составляли больше половины населения. Гавар всё время подвергался нападениям и погромам. В конце 1890 г. здесь была создана гнчаковская организация «Молодая Армения», которая в 1892 г. вошла в состав партии **Гнчак**. 20 октября 1895 г. в Малатии начались погромы массового характера. Члены партии Гнчак приняли активное участие в оборонительных боях. Для участия в погромах из тюрем были выпущены уголовники, но армянам удалось отбить атаку, овладеть оружейными складами и отбить у курдов награбленное имущество. Убедившись, что сопротивление нелегко сломить, власти предложили перемирие. Успешное сопротивление было организовано также и в с. Адиаман. В тех местах, где армяне не прибегали к самозащите и самообороне, было большое количество жертв. За время погромов 1895 г. в Малатии погибло 1500 армян. Полностью лишился своего населения пос. Джрмут. В конце 1909 г. гнчаковская и дашнакская организации совместно организовали новую оборону с. Адиаман. В канун геноцида армянское население Малатии составляло 25 тыс. человек, из коих 15 тыс. проживало в городе, а остальные 10 тыс. – в уцелевших сёлах. С февраля 1915 г. начались аресты и убийства интеллигенции, дашнакских и гнчаков-

ских деятелей, военнослужащих. С 30 июня тремя караванами начала осуществляться депортация армянского населения Малатии. После капитуляции Турции в Первой мировой войне около 2000 оставшихся в живых армян вернулись на родину, но в 1919 г. кемалистские власти возобновили преследование армян, и часть малатийских армян эмигрировала в Сирию. Многие из оставшихся приняли магометанство. Часть малатийских армян в 1927 г. репатриировалась в Армянскую ССР.

МАНДЕЛЬШТАМ А.Н. (1869–1939) – российский дипломат, юрист и историк, профессор международного права Петроградского университета. В 1898–1914 гг., находясь в Турции в качестве первого драгомана российского посольства в Константинополе, принимал участие в обсуждении Армянского вопроса, подготовке проектов проведения реформ в Западной Армении. Он автор фундаментального труда «Судьба Османской империи», написанного в 1917 г. на основе изучения огромного количества официальных документов, турецких источников и собственных наблюдений. В специальном разделе, посвящённом депортации и массовой резне армян в Турции, приводится множество свидетельских показаний и достоверных фактов, изобличающих виновников преступлений – младотурецких правителей. Мандельштам писал: *«Именно младотурецкое правительство с заранее обдуманном намерением хладнокровно декретировало уничтожение армянского народа... С безжалостной твёрдостью турецкое правительство запрещало и отклоняло всякое милосердное вмешательство... С большей жестокостью, чем при султане Абдул-Гамиде, оно казнило тех турок, которые осмелились помочь армянам»*. Армянскому вопросу посвящены и другие исследования Мандельштама: «Младотурецкая держава» (1915), «Лига Наций и Армянский вопрос перед державами» (1926).

МАРАШ, Германике – город в Киликийской Армении, в бывшем Алеппском вилайете, на берегу реки Джахан. Во второй половине XI в. являлся центром обширного армянского княжества. В конце XII – начале XIII в. – в составе Киликийского армянского государства. С XVI в. под властью Турции. С давних времён был населён армянами. В 1914 г. имел 40 тыс. армянского населения

(из 70 тыс.). Армяне занимались в основном торговлей и ремеслами, а также земледелием. Во время геноцида 1915 г. армянское население Мараша было депортировано и в большинстве своём истреблено. Избежавшие гибели марашцы пополнили армянские общины в ряде стран; часть их впоследствии обосновалась в Восточной Армении.

МЛАДОТУРЕЦКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1908 г. произошёл в Турции в результате борьбы младотурок против режима султана Абдул-Гамида II. Весной 1908 г. офицеры-младотурки подняли в Македонии восстание, требуя восстановления конституции 1876 г. Восстание явилось началом переворота. Придя к власти под лозунгами свободы, равенства и братства, младотурки превратили свою организацию в политическую партию «Единение и прогресс» и в течение нескольких лет установили в стране такой диктаторский режим, который мало чем уступал тирании султана. Пребывание младотурок у власти в период с 1909 по 1918 г. принесло стране значительное ухудшение экономического положения и дальнейшее обострение национального вопроса. В 1913–1918 гг. страной правил младотурецкий триумvirат (**Энвер, Таалат и Джемаль**), который установил режим жесточайшей диктатуры, подавлявший любое свободомыслие, и организовал кровавый Геноцид армянского народа в 1915 г. и втянул страну в **Первую мировую войну** на стороне Германии. Эта война кончилась полным политическим крахом младотурок, поражением и распадом Османской империи.

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 1921 г. был крупной удачей турецкой дипломатии. Он был подписан в период, когда руководство Советской России всячески поддерживало кемалистскую Турцию, игнорируя её захватнические намерения в отношении Армении. Фактически вопросы, непосредственно касающиеся Армении, были решены за её спиной. Ст. 1 была направлена против **Северского мирного договора 1920 г.**, отмены которого добивалась Турция. Последняя часть ст. 1, ст. 2, ст. 3 и три приложения договора касались территориальных границ. К Турции отходили южная часть Батумской области и Ардвин – от Грузии, Карсская область и Сурмалинский уезд – от Армении. Отделялись от Ар-

мении и отдавались Советскому Азербайджану в качестве автономной территории Нахичеванский уезд, большая часть Шарур-Даралагязского уезда и небольшая часть Ереванского уезда, при этом отмечалось, что Азербайджан не уступит этого суверенитета третьему государству. В ст. 2 говорилось, что Турция согласна освободить Батум с окружающей территорией и «уступить» его Грузии – при условии, что местному населению будет предоставлена широкая автономия, а Турции – право свободного беспешинного транзита через порт Батум. Эти условия были тяжелы для Грузии, а особенно для Армении (от неё отделялась почти половина территории). Согласно остальным статьям стороны признавали право народов Востока на независимость и свободу (ст. 4), соглашались передать вопрос выработки международного статута Чёрного моря и проливов будущей конференции приморских стран (ст. 5), признавали утерявшими силу все заключённые до этого между двумя странами договоры, а Советская Россия освобождала Турцию от всех денежных и иных обязательств, принятых по прежним договорам, заключённым между Турцией и царским правительством (ст. 6).

МУДРОССКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1918 г. заключено 30 октября в порту Мудрос (о. Лемнос) между представителями Антанты и Турции. В статьях, непосредственно затрагивающих интересы Армении, говорилось, что все военнопленные и интернированные армяне должны быть собраны в **Константинополе**, чтобы без всяких условий быть переданными союзникам (ст. 4); ст. 11 предусматривала эвакуацию турецких войск из Закавказья, причём оставшиеся войска должны быть удалены, «если союзники требуют того при изучении положения на местах»; ст. 16 предусматривала уход турецких войск из Киликии; ст. 24 гласила: «В случае беспорядков в одном из армянских вилайетов союзники сохраняют за собой право занять часть его». Верховный совет Антанты принял решение об отделении Армении, Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии от Османской империи. Однако в дальнейшем державы Антанты не предприняли серьёзных шагов для претворения в жизнь пунктов Мудросского договора о перемирии. Кемалистское правительство добилось фактической отмены Мудросского перемирия.

МУШ – город на территории Западной Армении. Мушская область в начале XX в. имела в своём составе свыше 200 населённых пунктов. Армянское население составляло 60–65%. Накануне Первой мировой войны только в Муше проживало 12450 армян, которые занимались в основном ремеслом и торговлей. Действовало пять армянских церквей и семь школ. Погромы армянского населения Мушской области начались в марте 1915 г. Население Муша и окрестных сёл насчитывало 94 тыс. человек. Из-за разногласий армянских руководящих деятелей относительно организации самообороны и сопротивления местное армянское население не было готово к самообороне, в результате чего турецкие погромщики без труда захватывали и вырезали целые армянские сёла. (Гомс, Цронк). От полного уничтожения армян Муша спасло приближение русских войск и армянских добровольцев. И вновь руководители Муша упустили возможность организовать вооружённое выступление против турок, что настоятельно предлагал землякам фидаи, член партии **Дашнакцутюн** Акоп Котоян. Когда русские получили приказ отступить, армяне оказались лицом к лицу с турецким войском, которое в июне окружило армянский квартал города. Армяне поспешно стали готовиться к самообороне, формируя боевые группы, в которые входили и женщины. Дети и старики поставляли защитникам продовольствие, воду, оказывали медицинскую помощь. 29–30 июня 1915 г. произошли ожесточённые бои между хорошо вооружёнными, численно превосходящими силами турок и армянским населением Муша. Армяне упорно защищались, вели уличные бои, сражались за каждый дом, нередко происходили рукопашные схватки. Акоп Котоян был трижды ранен, но не покинул позиций. Части защитников (около 700 бойцов) удалось прорвать кольцо осады и уйти в горы. Муш был полностью разорён, но бои продолжались. Жители сёл Карнен, Алиджан, Авран, Варденис оказали турецким войскам сопротивление, а жители сёл Мехти, Сортар, Поклан, Бахлу, Кварс с боями поднялись в горы. Большая часть защитников и мирных жителей погибла в ожесточённых боях в районе монастыря св. Карапета. Избежавшим гибели армянским крестьянам удалось спасти Евангелие св. Карапета, гомилиарий (сборник лучших проповедей), резную дверь монастыря Аракелоц. 125 мушцев нашли впоследствии убежище в Восточной Армении.

Н

НАРЕК – ГРИГОР НАРЕКАЦІ (Нарекский), монах (951–1003), армянский поэт, богослов. Родился в семье ученого-епископа. Почти всю жизнь провел в обители Нарека, где преподавал в монастырской школе. Его «Книга скорбных песнопений» – самое крупное поэтическое произведение, состоящее из 95 глав-молитв, обращенных к Богу и Богоматери. В Армении эту святую книгу называют «народной Библией», а также просто «Нарек». Ее читают над тяжелобольными и умирающими.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1860 г. – Положение, регулирующее внутреннюю жизнь западных армян. Национальная конституция была принята армянским Национальным собранием Константинополя 24 мая 1860 г. и утверждена **Высокой Портой** 17 марта 1863 г. под названием «Положение об армянской нации». Утверждая данную конституцию, турецкое правительство стремилось ограничить жизнь армян рамками их национально-религиозных вопросов, отвлечь их внимание от общегосударственных политических задач, надеясь, что предоставлявшаяся иллюзия «национальной власти» приблизит армянские общественно-политические круги к турецкой государственности, повысит престиж Турции в Европе как правового и демократического государства. Конституция состояла из 99 статей. Армянский патриарх признавался «главой нации» и посредником в исполнении законов государства. К наиболее активным действиям Национальной конституции относятся 1870–1890 гг., когда патриарх Мкртич I Ванеци представил турецкому правительству справку о разорении западных армян, чем фактически впервые было зафиксировано существование Армянского вопроса в Османской империи. Вторично об Армянском вопросе подал справку (1877–1878) патриарх Н. Варжапетян. Деятельность армянских конституционных органов активизировалась во время Балканских войн 1912–1913 гг., когда Армянский вопрос вновь был поставлен на повестку дня, и при их участии было заключено Русско-турецкое соглашение 1914 г. относительно армянских реформ. Во время **Первой мировой войны** многие депутаты и деятели армянских национальных органов Константинополя разделили участь армян-

ского народа, став жертвами Геноцида. Некоторые положения Национальной конституции и сегодня используются патриаршеством и армянской общиной Константинополя в их сношениях с государством.

«**НЕМЕЗИС**» – название операции (по имени древнегреческой богини мщения Немезиды) по осуществлению актов возмездия в отношении лидеров турецкой партии «Единение и прогресс», виновных в организации и осуществлении Геноцида армян 1915 г. Декретом Османской империи от 16 декабря 1918 г. лидеры партии «Единение и прогресс» и ведущие деятели турецкого правительства Таалат, Энвер, Назим, Джемал, Бехаэтдин Шакир и др. были преданы суду по обвинению в вовлечении Турции в войну, а также в организации депортации и Геноцида армян. Они были заочно приговорены к смертной казни, что не было выполнено, так как после поражения Турции в Первой мировой войне лидеры младотурок были вывезены из Константинополя на германском судне в Германию. Состоявшийся осенью 1919 г. в Ереване IX съезд партии Дашнакцутюн принял решение привести приговор в исполнение. Были рассмотрены 650 имён исполнителей и пособников геноцида, отобран 41 главный виновник. Операция «Немезис» была тщательно подготовлена, в ходе её исполнения не пострадал ни один случайный человек.

НЖДЕ (Гарегин Тер-Арутюнян, 1886–1955) – армянский политический военный деятель. Член партии Дашнакцутюн. Учился в школе на родине, в Нахичевани, окончил среднюю школу в Тифлисе (1902), поступил на юридический факультет Петербургского университета, но вскоре оставил учёбу. В 1907 г. окончил офицерскую школу в Софии (Болгария). В 1911 г. вместе с Андраником организовал армянскую добровольческую роту, которая во время I Балканской войны приняла участие в действиях против Турции в составе болгарских войск. Умелое руководство и личная храбрость Нжде были высоко оценены болгарским командованием, он был награждён боевым орденом. С началом Первой мировой войны Нжде перебрался в Тифлис, вступил в армянское добровольческое движение и был назначен заместителем командира 2-го добровольческого отряда. В мае 1918 г.

принял участие в **Караклисском сражении**. С первых дней образования Республики Армении занимался формированием и обучением национальной армии. В ноябре 1918 г. был назначен командующим войсками в Зангезуре. Успешно организовал оборону Зангезура от турецко-азербайджанских сил. Опасаясь, что в результате заключённого 10 августа 1920 г. соглашения между Советской Россией и Республикой Арменией Зангезур, Карабах и Нахачивань могут быть заняты войсками Советского Азербайджана, Нжде не признал этого соглашения, 25 декабря 1920 г. провозгласил Автономную Сюникскую республику и возглавил её правительство. В апреле 1921 г. это образование было переименовано в Республику Нагорной Армении, а Нжде был назначен её спарпетом. Благодаря Нжде Зангезур, успешно защищённый от притязаний Азербайджана, остался в составе Армении, где в ноябре 1920 г. была провозглашена советская власть. В 1921 г. Нжде перебрался в Иран, затем жил в Болгарии, некоторое время в США. В 1944 г. был арестован в Болгарии и перевезён в СССР, предан суду и осуждён на длительный срок. Умер в тюрьме г. Владимира. Прах Нжде был в 1983 г. перевезён в Армению. Перу Нжде принадлежит ряд поэтических и публицистических произведений, опубликованных в разные годы на страницах армянской зарубежной печати.

НИКОЛ ДУМАН (1867–1914) – деятель армянского национально-освободительного движения, народный герой Армении. Родился в семье священника. В 1887 г. окончил Шушинскую епархиальную школу. Преподавал в армянских школах Северного Кавказа, в 1891 г. был учителем в Тавризе. С 1893 г. преподавал в школе в селе Галасар области Сельмас, где принимал активное участие в армянской национальной и политической жизни как член Союза армянских революционеров (Дашнакцутюн). После армянской резни в Турции в 1894–1896 гг. целиком посвятил себя национальному движению и организации самообороны.

НУФУС – практиковавшийся в Турции ежегодный налог на детей мужского пола в христианских семьях, вводимый с самого их рождения. Нуфус часто был неподъёмным для армянской семьи, так как их вынуждали платить огромное количество дополни-

тельных налогов, от которых были избавлены сами турки и все мусульмане государства. В этом случае ребёнка отнимали у семьи и отдавали в янычары. Кроме дополнительных налогов (на нивы, огороды, сено, хлеб, овец, овчарню, кизяк, саманник, конюшню, на женитьбу, на устройство дорог, на наследство) армяне платили также налоги, которыми обкладывалось все население Турции, независимо от религии.

О

ОСМАНИЗМ, оттоманизм – политическая доктрина в Османской империи. Выдвинута в конце XIX в. младотурками. Первоначально декларировала равенство всех подданных Османской империи без различия их национальности и религии. Но после прихода младотурок к власти в 1908 г. превратилась в орудие их борьбы против национальных требований нетурецких народов империи и в идеологическое обоснование необходимости их отуречивания с целью создания «единой османской нации».

П

ПАНИСЛАМИЗМ – религиозно-политическая идеология, возникшая во второй половине XIX в. Панисламизм являлся официальной идеологией Османской империи в период правления султана **Абдул-Гамида II**. Панисламизм в определении панисламистов XIX в. получил следующее содержание: все территории, населённые мусульманами, должны быть освобождены от иноземного ига; мусульманам следует объединиться во всемирное исламское государство – халифат, жизнедеятельность которого должна регламентироваться законами шариата. Для Абдул-Гамида II эта концепция стала религиозно-политической доктриной, обосновывающей необходимость сохранения и расширения владений Османской империи как всемирного государства мусульман (турецкий султан вплоть до 1924 г. считался халифом, т. е. духовным главой всех мусульман).

ПАНТЮРКИЗМ – политическое течение, распространённое в государствах, населённых тюркскими народами, в основе которого лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности. Сфор-

мировалось во второй половине XIX века. Движение началось среди тюрков в Крыму и на Волге, изначально стремившихся объединиться с тюрками Османской империи против растущего российского господства и царизма.

В советской исторической энциклопедии следующее определение: «Пантюркизм – агрессивная расистская доктрина, согласно к-рой все народы, говорящие на тюркских языках, являются одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое, простирающееся от Балкан до Сибири, господство Турана».

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЗАПАДНАЯ АРМЕНИЯ. Первая мировая война 1914–1918 произошла между двумя блоками государств: Австро-Германским (Германия, Австро-Венгрия, Турция, с 1915 г. – Болгария) и Антантой (всего 34 государства, ведущие – Великобритания, Франция, Россия, с 1917 г. – США). По своему характеру война была захватнической: все основные ее участники преследовали экспансионистские цели. Армяне **Западной Армении** связывали с этой войной своё освобождение и восстановление государственности с помощью России. Провозглашенное Николаем II как главная цель вступления России в войну «освобождение христиан Востока» привлекло на её сторону восточноармянские общественно-политические круги, национальные партии и армян России.

Двухмиллионное армянское население России дало в годы войны русской армии свыше 200 тыс. солдат. Начавшаяся война резко осложнила положение западных армян. Младотурецкое правительство Турции стремилось привлечь западных армян на свою сторону, предлагая создать добровольческие отряды в составе турецкой армии, побудить восточных армян поднять восстание против России. Западные армяне отвергли эти предложения. А в Восточной Армении с началом войны началась энергичная деятельность по организации Армянских добровольческих отрядов в составе российской армии. Власти России поддержали эту идею. Военные действия на Кавказском фронте происходили главным образом на территории Западной Армении. Война началась наступлением турецких войск, под натиском которого русская армия отступила, оставив противнику Алашкертскую равнину. В декабре 1914 г. 3-я турецкая армия начала Сарыка-

мышскую операцию с целью последующего захвата Карса. Однако русская армия перешла в контрнаступление – турки потеряли около 70 тыс. человек и были вынуждены отойти на исходные позиции. Уже в первый период военных действий на Кавказском фронте в Турции развернулась антиармянская пропаганда. Вопреки фактам распространялись измышления о неверности западных армян, их массовом дезертирстве из турецкой армии, организации армянами саботажа и восстаний в тылу турецких войск. В начале войны в турецкую армию было призвано около 60 тыс. армян. Вскоре они были обезоружены, направлены на тяжелую работу в тыл, а затем поголовно уничтожены. Армянское население лишилось своей наиболее боеспособной части. В апреле 1915 г. под видом депортации армянского населения из прифронтной полосы младотурецкое правительство приступило к варварскому уничтожению армянского населения; жертвами Геноцида 1915–1916 гг. стали не менее 1,5 млн человек. В Ване, Муше, Сасуне, Урфе, Шапин-Гарахисаре армянское население прибегло к самообороне и оказало турецким погромщикам отчаянное сопротивление. Весной 1915 г. русские войска освободили Ван, который находился в руках турецких войск 80 дней, что спасло от неминуемой гибели тысячи армян Васпуракана, которые после отхода русских войск перебрались в Восточную Армению. В ходе Алашкертской операции (июль – август 1915 г.) русские войска прорвали фронт Кавказской армии на Карсском направлении, облегчили действия английских войск в Месопотамии. В декабре 1915 г. – феврале 1916 г. русская армия под командованием генерала Юденича успешно осуществила Эрзурумскую наступательную операцию, в результате которой русские войска 3 февраля заняли Эрзурум. Одновременно другие части русской армии овладели портами Риза и Трапезунд. К лету 1916 г. большая часть опустошённой Западной Армении без армянского населения была занята русскими войсками. Успехи русской армии на Кавказском фронте стимулировали оживление переговоров между Англией и Францией по вопросу раздела территорий Османской империи, в том числе и Западной Армении, и привели к подписанию **Сайкса – Пико соглашения 1916 г.** В июне в занятой русскими войсками Западной Армении было учреждено генерал-губернаторство. Царское самодержавие, забыв о данных

С

САЙКСА – ПИКО, СОГЛАШЕНИЕ 1916 г. – секретное соглашение между Великобританией и Францией о разделе азиатских владений Османской империи. Заключено в Лондоне между французским послом П. Камбоном и английским министром иностранных дел Э. Греем в форме обмена нотами. Названо по имени дипломатов, подготовивших проект соглашения, – М. Сайкса (Великобритания) и Ф. Жорж-Пико (Франция). 6 марта 1916 г. результаты достигнутого между ними соглашения были сообщены правительству России. Термины «Армения» и «Армянский вопрос» вообще не фигурировали в документах. Получив 16 марта согласие России на планы раздела Турции, союзники подтвердили ее права на Константинополь и проливы, а также обещали ей области Западной Армении (Эрзурум, Трапезунд, Ван, Битлис) и часть Курдистана. Остальные владения Османской империи делились между Францией, Великобританией, Италией и на некоторую часть устанавливалось международное управление по согласованию с Россией и другими странами. Текст соглашения Сайкс–Пико был опубликован в конце ноября 1917 г. правительством Советской России и объявлен аннулированным.

САН-СТЕФАНСКИЙ ДОГОВОР (1878 г.). В середине 1870-х гг. усилилось освободительное движение балканских народов против турецкого ига. Россия, открыто выступившая в защиту оставших славянских народов, в начавшейся Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. одержала полную победу. В ходе этой войны русские войска освободили значительную часть Западной Армении, заняли города Алашкерт, Ардаган, Баязет, Карс и Эрзурум. 3 марта 1878 г. в местечке Сан-Стефано был подписан мирный договор, согласно которому Болгария, Сербия, Черногория и Румыния освобождались от турецкого владычества, а к России отходили часть Бесарабии и города Батум, Ардаган, Баязет и Карс. Остальная территория Западной Армении, освобожденная русскими войсками, возвращалась Турции. По требованию западноармянской общественности в этот договор была включена специальная 16-я статья о предоставлении определенных гарантий и прав западным армянам в составе турецкого госу-

дарства. Однако все требования России, включенные в условия Сан-Стефанского договора, о гарантиях для армян, живущих в Турции, были ликвидированы **Берлинским конгрессом** европейских стран, созванным по настоянию Англии и Австро-Венгрии. После этого конгресса Турция открыто заявила, что Армянский вопрос нужно разрешить только путем физического уничтожения западных армян.

САРДАРАПАТСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1918 г. произошло 21–28 мая между армянскими регулярными воинскими частями и ополченцами с одной стороны и вторгнувшимися в Восточную Армению турецкими оккупантами – с другой, в районе железнодорожной станции Сардарapat. После победы в России Октябрьской революции русские войска покинули области Западной Армении. Воспользовавшись этим, правящие круги Турции решили вернуть себе Западную и захватить Восточную Армению и всё Закавказье. 10 февраля 1918 г. турецкие войска перешли в наступление и до конца апреля заняли Ерзнка, Эрзурум, Сарыкамыш, Карс, а к 15 мая и Александрополь. Под натиском многократно превосходящих сил противника армянские войска отступали, прикрывая толпы западноармянских беженцев. После занятия Александрополя турецкое командование направило часть своих войск на Караклис, другая группировка начала наступление в направлении Сардарапата, а 9-я дивизия – на Баш-Апаран, стремясь прорваться к Еревану и выйти в тыл армянским войскам. Несмотря на то, что 21 мая турки заняли станцию Сардарapat, 22 мая армянские войска перешли в наступление и отбросили турок на 15–20 км. Воспользовавшись тем, что армянские войска не стали их преследовать, турки закрепились на высотах к юго-западу от ст. Аракс в ожидании подкрепления. Армяне сознавали, что от исхода сражения зависит судьба народа, решается вопрос – быть или не быть Армении. Это сознание сплотило воедино представителей всех слоёв армянского народа – крестьян, солдат, интеллигенцию, духовенство, ремесленников, в сражении участвовали представители всех армянских политических партий. Армянское командование разработало план нанесения решающего удара и разгрома турецких войск. Понеся

большие потери, турки отступили к Александрополю. Сражение завершилось победой армян, значительная часть Восточной Армении была спасена от захвата турками. 28 мая 1918 г. была провозглашена Республика Армения. Сардарapatское сражение наряду с происходившими в это же время **Кара-клинским и Баш-Апаранским сражениями** явилось блестящей страницей истории освободительной борьбы армянского народа. Оно доказало, что залогом успеха является единство народа. В ознаменование победы, одержанной армянским народом в Сардарapatском сражении, на месте сражения в 1968 г. сооружён мемориальный комплекс.

САСУН – горная область в Западной Армении, исторически входила в состав провинции Алдзник Великой Армении. С установлением османского владычества в I четверти XVI в. в Сасун начался приток курдских племён, вытеснявших армян с их исторических земель при поддержке турецкого правительства. Подобная политика, проводимая в отношении христиан-армян, имела тяжёлые последствия для всех армян Западной Армении. Захватывая армянские владения, курды основывали собственные княжества. Тем не менее верхняя часть Сасуна успешно отстаивала свою независимость. К началу XX в. на территории независимого Сасуна было свыше 400 населённых пунктов из коих 250 были чисто армянскими (50 тыс. чел.). В 1890-х гг. турецкие власти приняли решение покончить с независимым положением армян Сасуна. Поводом для похода на Сасун стали спровоцированные армяно-курдские столкновения. В 1891–1893 гг. сасунцы несколько раз отразили нападение кочевых и местных племён курдов. В 1894 г. регулярные турецкие войска, осадив Верхний Сасун, сломили героическое сопротивление армян и устроили чудовищную резню. Были разорены 48 сёл, убито 16 тыс. армян, разгромлены десятки церквей, школ в Шенике, Семале, Агби, Гелнегузана, Талворике, Ишханадзоре, Хаззо, Хулпе, Хианке. Армяне, ведя упорные бои, отступили к горе Андок. За месяц оборонных боёв истощились силы, иссякли продовольствие и боеприпасы. Женщины, сражавшиеся бок о бок с мужчинами, чтобы не попасть в руки врага, бросались со скал в ущелье. Резня в Сасуне побудила правительства Великобритании, Франции, и

России представить турецкому правительству программу проведения в Западной Армении реформ, предусмотренных Берлинским конгрессом 1878 г. Турция обязывалась осуществить реформы в населённой армянами Западной Армении, а также обеспечить для всех подданных свободу совести и равенства в гражданских правах. Турецкие войска, разорив сёла и вырезав беззащитное население, испугались огласки и оставили на время Сасун в покое. Но весной 1904 г. десятитысячное турецкое и пятидесяти тысячное курдское войска развернули наступление на Сасун. Вести о погромах по всей Западной Армении вынудили свободолюбивых сасунцев подготовиться к самообороне. Оборону Сасуна возглавляли Грайр, Геворг Чавуш, Андраник. Двухмесячная самооборона с потерями 8 тыс. человек вновь побудила великие державы вмешаться. Первая мировая война дала Турции возможность уничтожить Сасун. В марте 1915 г. туда вторглись турецкие войска и курдские банды. С марта по август шли ожесточённые бои. Под натиском превосходящих сил противника армяне были вынуждены отступать. Армянские бойцы из Талворика, нанеся внезапный удар, захватили важные позиции, чем помогли своим соотечественникам разорвать кольцо и выйти из окружения. Турецкие погромщики уничтожили большую часть армянского населения – 45 тыс. из 60 тыс. человек. Избежавшие гибели 15 тыс. человек перешли в Восточную Армению и обосновались в нынешних Талинском и Аштаракском районе. В настоящее время более чем в десяти сёлах Сасуна Западной Армении ещё проживает некоторое число армян, частично курдоязычных, но ещё помнящих свои корни...

СЕВРСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1920 г. подписан 10 августа в Севре (близ Парижа) между султанским правительством Турции и победившими в Первой мировой войне союзными государствами (Великобритания, Франция, Италия, Япония, Португалия, Румыния, Армения, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Хиджаз). Согласно условиям этого договора, Турция отказывалась от верховной власти над Фракией, от островов в Эгейском море, Кипра, Египта и арабских провинций. Азиатская Турция урезывалась до пределов Западной Анатолии. Хиджаз получал независимость, а Египет, Палестина, Сирия и Месопотамия

(Ирак) передавались Лигой Наций под мандаты Великобритании и Франции. Раздел Севрского мирного договора, озаглавленный «Армения», включал статьи от 88-й по 93-ю. Турция признавала Армению как «свободное и независимое государство». Турция и Армения соглашались подчиниться президенту США по арбитражу границ в пределах областей Трапезунд, Эрзурум, Битлис и Ван и принять его условия относительно доступа Армении к Чёрному морю через порт Батум. Условия Севрского мирного договора влияли на будущее Армении. Было условлено, что границы Армении, Грузии и Азербайджана будут определяться прямыми переговорами между этими государствами. В случае если этим странам не удастся достичь согласия, то союзные державы должны были решить эту проблему с помощью специальной комиссии для определения границ на месте. В ноябре 1920 г. президент комиссии Севрского мирного договора В. Вильсон представил своё решение относительно границ Армении европейским державам. По его решению Армения должна была получить две третьих части вилайетов Ван и Битлис, почти весь вилайет Эрзурум, большую часть вилайета Трапезунд, включая и порт. В совокупности эти территории составляли площадь примерно в 100 тыс. кв. км. Объединившись с существовавшей в Закавказье Республикой Арменией, независимое армянское государство обладало бы более чем 150 тыс. кв. км территории с выходом к Чёрному морю. Севрский мирный договор мог бы способствовать решению Армянского вопроса и предоставить армянскому народу достаточно территории для его национальной консолидации. Однако Турция сделала всё, чтобы предотвратить утверждение Севрского договора, начав турецко-армянскую войну.

СУМГАИТСКИЙ ПОГРОМ – беспорядки на этнической почве в городе Сумгаите Азербайджанской ССР 27–29 февраля 1988 г., сопровождавшиеся массовым насилием в отношении армянского населения, грабежами, убийствами, поджогами и уничтожением имущества. Погромы и убийства армян в Сумгаите стали реакцией на законное волеизъявление народа Нагорного Карабаха о его воссоединении с Арменией, неотъемлемой частью которой он был в течение многотысячелетней истории. Межнациональный конфликт между азербайджанцами и ар-

мянами после Сумгаита приобрёл катастрофический характер. Последовали погромы и депортации армян Баку, Кировабада, Нахичевани, Мингечауре, Ханларе, Казахе, Шеки и др. районов Азербайджана. Целью организованной в Азербайджанской ССР бойни и массовых погромов было запугивание как армян, так и союзного центра и тем самым – попыткой заставить армян отказаться от борьбы за Карабах, а союзные власти – от рассмотрения и справедливого решения Карабахского вопроса. Сумгаит стал в одном ряду с Харбердом, Билтисом, Ваном, Дэйр-эз-Зором – это случилось на исходе XX века, когда чудовищные преступления Геноцида 1915 г. в Западной Армении стали уже казаться немыслимыми...

Т

ТАЛААТ-ПАША (1874–1921) – министр внутренних дел Османской империи (1913–1917), великий визирь Османской империи (1917–1918), один из главных организаторов массовой депортации и Геноцида армян, военный преступник. Имея далеко идущие замыслы насчет Кавказа, Крыма и Туркестана, Талаат участвовал в разработке военно-политического проекта «Дорога в Туран». В своих мемуарах (опубликованных в 1946 году) он признавал факт насильственной депортации и уничтожения армян, но мотивировал это исключительно защитой «национальных интересов» турок и стремлением помешать «созданию Армянского государства в приграничных с Россией вилайетах». Признав крах политики младотурок, бежал в Германию. Чрезвычайный полевой трибунал, состоявшийся в 1919 г. в Константинополе (**Процесс младотурок**), заочно приговорил Талаата к смертной казни за военные преступления и за «уничтожение армянского населения империи». Талаат был застрелен армянским патриотом Согомоном Тейлиряном в Берлине 15 марта 1921 г. в рамках операции «**Немезис**». Берлинский суд оправдал Тейлиряна как лицо, действовавшее в состоянии аффекта.

ТАРОН – историческая область Великой Армении, входившая в состав более крупного административного образования, ашхара Туруберак, к западу от озера Ван. Главный город – Муш. По легенде древние армяне называли край Тароном в честь одного из

ТУРЕЦКО-АРМЯНСКАЯ ВОЙНА 1920 г. – захватническая война кемалистской Турции против Республики Армении. Весной 1920 г. Турция готова была начать войну с Арменией, но позиция Советской России – быть посредником и достичь соглашения между сторонами – на время отвратила войну. Турция настаивала на необходимости похода против Армении, мотивируя это тем, что если за короткий срок не будет установлена связь через Нахичевань с Азербайджаном и находившейся там Красной армией, то гибель национального движения в Турции якобы неизбежна. В августе советское правительство дало согласие на поход при условии, что турки не продвинутся дальше Сарыкамыша и Хахтахи. Соотношение сил было полностью в пользу Турции. После Геноцида в Западной Армении Восточная Армения была переполнена беженцами. Упадническим настроениям в армии и среди населения весьма способствовало осознание покинутости Армении. В сентябре правительство Республики Армении обратилось к державам Антанты с просьбой о помощи. 8 октября правительство Армении обратилось ко всему цивилизованному человечеству, призывая не оставлять армянский народ в этот роковой момент в одиночестве. Но цивилизованная Европа и на этот раз была глуха к стенам армянского народа. Советская Россия не предприняла серьёзных попыток вмешаться в события, и после выхода на линию Сарыкамыш–Шахтахти турецкие войска, начав общее наступление, 30 октября овладели Карсом и стали приближаться к Арпачаю (Ахурян). Правительство Армении вынужденно было предложить турецкой стороне перемирие – 7 ноября соглашение было достигнуто, и огонь был прекращён. По условиям перемирия армянские войска должны были быть отведены от западного берега Арпачая, турки занимали станцию и крепость Александрополь. Но после выполнения этих условий 9 ноября в Ереване были получены новые, более тяжёлые условия турецкой стороны, равносильные требованию капитуляции. Армения отвергла эти требования. 11 ноября военные действия возобновились, но исход войны был предрешён. 15 ноября правительство Армении решило согласиться на эти условия. 2 декабря был подписан Александропольский договор. По нему Турция освобождалась от возмещения убытков,

нанесённых населению Западной Армении. Парижская мирная конференция определила, что этот ущерб составлял около 19 млрд франков. Правительство Советской Армении аннулировало Александропольский договор. Позднее, 13 октября 1921 г. в Карсе был заключён новый договор с Турцией – Карсский договор.

ТУРЕЦКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1921 г., или Анкарский договор, заключённый 20 октября 1921 г. в Анкаре. Соглашение предусматривало прекращение состояния войны между сторонами и вывод французских войск из Киликии. Турция передавала Франции концессии на отрезок Багдадской железной дороги. Также Турция обещала концессии на рудники, железные дороги, порты и реки страны. Соглашение явилось крупным дипломатическим успехом кемалистов и Франции, но имело тяжёлые последствия для христианского населения Киликии, в особенности для 150 тыс. армян, которые, несмотря на турецко-французские заверения относительно их безопасности, вынуждены были после ухода французских войск навсегда покинуть свою родину и искать убежища в других странах.

У

УРФА, в древности Эдесса. В начале XIX в. число жителей-армян достигало 35 тыс. В городе имелись армянские школы и церкви. Основным занятием армян было ремесло, торговля, земледелие. С началом весны 1915 г. в турецкую армию было призвано из Урфы 1500 армян, которые вскоре были поголовно уничтожены. В середине лета начались аресты более влиятельных армян и интеллигенции, а затем власти потребовали, чтобы армяне в течение 48 часов сдали всё имевшееся у них оружие. После периодических нападков и погромов со стороны мусульманских толп армяне приняли решение организовать самооборону. Населённая армянами часть, находившаяся на возвышенности, была быстро опоясана укреплениями. Одновременно были сформированы боевые отряды. Созданы службы продовольствия, врачебной помощи, мастерская по изготовлению и ремонту оружия. Встретив упорное сопротивление, турецкое правительство направило в Урфу регулярные войска (12 тыс.

грабежами со стороны этих племён почти из 10 сёл. Тем не менее накануне резни 1915 г. армяне Хавудзора составляли 80% населения. Благодаря вооруженной самообороне армяне Хавудзора избежали полного уничтожения, а многие приняли участие в Ванской и Шатахской самообороне.

ХАРБЕРД, Харпут – город в Западной Армении. В настоящее время находится в Турции, носит название Элязы г. До 1867 г. являлся центром Харбердского вилайета. Османское владычество имело тяжёлые последствия для армянского населения Харбердского вилайета. Ещё в XVI–XVIII вв. тысячи армян Акна, Арабкира и Дерсима были насильственно обращены в магометанство. Во время погромов 1894–1896 гг. в Акне было истреблено 4000, в Арабкире – 2800, в Малатии – 3000 армян. До основания были разрушены сотни населённых пунктов, часть которых лишилась своего армянского населения. В результате всего этого в 1912 г. число армян в Харбердском вилайете, по данным Константинопольского армянского патриаршества, составило 204 тыс. человек (в 1880-х гг. – 270 тыс.). В годы Геноцида 1915 г. подавляющее большинство армян Харберда было депортировано и истреблено. В 1921 г. здесь оставалось всего около 35 тыс. армян, которые впоследствии, не выдержав продолжавшихся гонений, в большинстве своём покинули родные места.

Ш

ШАТАХСКАЯ САМООБОРОНА 1915 г. – вооружённое сопротивление армянского населения Шатаха и Шатахского гавара Ванского вилайета турецким погромщикам в апреле – мае 1915 г. Когда младотурецкое правительство в условиях начавшейся Первой мировой войны отдало тайный приказ об истреблении армян, наместник Вана Джевдет решил нанести первый удар по армянскому населению Шатаха. Он направил к центру гавара Тагу, где имелось 200 домов армянского населения, войска и пушки, увеличил численность полицейских отрядов в сёлах. Одновременно из курдских племён были сформированы вооружённые банды, которые должны были осуществить погромы армян. По приказу Джевдета уже с февраля производились убийства и аресты армянского населения гавара. Армяне поняли, что начинается

массовая резня, и приняли решение сопротивляться. Был образован военный орган. Центр Шатаха – Таг состоял из кварталов Верин, Неркин и Джрагац. Армяне сосредоточились в первых двух из них, а турки в третьем. 4 апреля турки открыли огонь по армянам. Начались бои, продолжавшиеся до начала мая. В начале мая 1915 г. к Шатаху приблизились русские войска, и турки были вынуждены снять осаду. Армяне Шатаха были спасены от неминуемой смерти. 42-дневная самооборона Шатаха – пример стойкости и самоотверженности западных армян.

Э

ЭНВЕР-ПАША (1881–1922) – османский военный и политический деятель и один из руководителей басмаческого движения; идеолог и практик пантюркизма, активный участник Младотурецкой революции 1908 г., один из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», военный преступник, один из участников и идеологов Геноцида армян в 1915 г. Вместе с **Талаат-пашой** и **Джемаль-пашой** образовал неофициальный триумvirат, фактически захвативший всю власть в Турции. Заняв пост военного министра, Энвер продвигал идеологию пантюркизма и панисламизма. В 1914 г. выступал за военный союз Турции с Германией и вовлечение Турции в Первую мировую войну. Чрезвычайный полевой трибунал, состоявшийся в 1919 г. в Константинополе (см. **Процесс младотурок**), заочно приговорил Энвера к смертной казни за военные преступления и за «уничтожение армянского населения империи». Энвер-паша был убит 4 августа 1922 г. в бою с частями Красной армии в кишлаке Чагана в 25 км от г. Бальджуана на территории бухарского государства (сегодня территория Таджикистана).

ЭРЗУРУМ, Эрзерум, Карин – город и гавар в одноимённом вилайете на территории Западной Армении. С древнейших времён Эрзерум являлся одной из самых густонаселённых армянами областей Армении. Во второй половине XV в. Эрзерум был захвачен турками-османами. В начале XIX в. здесь проживало 68 тыс. армян из них 41 тыс. в 128 сёлах. В течение XIX и начале XX вв. вследствие погромов, насильственного обращения в магометанство, вынужденной миграции, землетрясения 1859 г. армянское население оставшихся 48 сёл и Эрзурума вместе взятых уменьшилось

до 55 тыс. человек. В 1881 г. в Эрзуруме была создана организация «Паштпан Айрениц» (Защита Отечества); в 1891 – организация партии Дашнакцутюн и партия Гнчак, к которым примкнули группы, борющиеся за национальное освобождение. В октябре 1895 г. Эрзурумская область перенесла жестокие погромы со стороны мусульман, отрядов аканджи. Погибло 316 человек, полностью вырезано село Кес. Участники погромов имели при себе особые разрешения. Армянское учебное заведение и монастырь Кармир с. Хиндэк стали центрами подпольной борьбы гайдуцких отрядов, которыми руководили Никол Думан, Сепух, Кайцак Аракел. В июле 1914 г. в Эрзуруме состоялся 8-й съезд партии Дашнакцутюн, который отклонил требование младотурецких властей относительно военных действий против России. Турецкие власти, обозлённые отказом, в массовом порядке вооружили мусульманское население и освободили из тюрем уголовников, из которых сформировали отряды чётников. Под предлогом военной необходимости население нескольких сёл восточной части Эрзурумской равнины было выселено, а 5 мая был получен секретный приказ младотурецких властей о депортации и истреблении всего армянского населения Эрзурумского вилайета. 13 мая сёла Эрзурумской равнины были блокированы турецкими войсками. Население депортировали пятью караванами. В августе 1915 г. в Эрзуруме оставалось всего 50 армян, часть которых была оставлена турками в качестве квалифицированных мастеров, остальные избежали депортации как католики благодаря ходатайству посла союзницы Турции – Австро-Венгрии. В феврале 1916 г. в Эрзурум вошли русские войска. Летом того же года здесь был создан Комитет по оказанию помощи беженцам и возвращению спасшихся от резни Эрзурумцев в родные края. На средства состоятельных армян Москвы в Эрзуруме была основана больница, сиротские приюты-школы. В начале 1918 г. турецкие войска, воспользовавшись развалом Кавказского фронта и нарушив русско-турецкое перемирие (от 5 декабря 1917 г.), перешли в наступление. Немногочисленный отряд Андраника не мог противостоять 25-тысячной армии Вехиб-паши. Тем не менее под прикрытием отряда Андраника тысячи Эрзурумцев перешли в Закавказье. В 1930 г. в Эрзуруме проживало 250 армян, большей частью тюркоязычных.

Я

ЯНЫЧАРЫ (тур. – новое войско) набирались в принудительном порядке из христианских мальчиков (армян, греков, грузин, сербов, русских, болгар). В 8–14 лет их насильно отречивали и воспитывали в духе всепоглощающей ненависти к своим соотечественникам, превращая в чудовищ, способных убить собственных родителей. Вплоть до середины XVI в. янычарам было запрещено жениться. Однако в 1566 г. султан Селим II, рассчитывая, что дети от сильных и мужественных янычар будут способствовать развитию земледелия и укреплению населения империи, предоставил всем янычарам право жениться. Современники подчёркивали, что дети янычар выгодно отличались от «чистокровных» турок физической силой и умом.

Использованная литература

1. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX веках. Кавказский этнографический сборник, IV часть, Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М.: Наука, 1969.
2. История Востока. Т. 2. Восток в средние века. 2002.
3. Даврижеци А. Книга историй, гл. 17.
4. Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху её присоединения к Российской Империи. Императорская Академия наук. 1852 г. С. 635–638.
5. <http://www.pukmedia.com/EN/img/puk-logo.png>
6. Газета «Ноев ковчег»: январь 2009, май 2014, июнь 2014 – <http://noev-kovcheg.ru>
7. Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван. Главная редакция армянской энциклопедии, 1991.
8. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под редакцией М.Г. Нерсисяна. Второе, дополненное издание. – Ереван: Айастан, 1983.
9. <http://novostink.ru/armenia/67722-premer-turcii-lzhet-direktor-muzeya-institutu-genocida-armyan-ayk-demoyan-osvezhil-pamyat-erdogana.html#ixzz3BsXOryWu>
10. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. Академия гуманитарных исследований. – М., 2002.
11. Гуарч Г.Э. Армянское древо. – М.: ЮниПресс СК, 2008.
12. Проблемы и перспективы внешней политики Республики Армения и Спюрка. Материалы международной научной конференции / Под общей редакцией д.и.н., академика РАЕН О.А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2009.
13. Армения в диалоге цивилизаций. Материалы международной научной конференции, 28 апреля 2011 г. / Под общей редакцией проф., академика РАЕН О.А. Колобова. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2011.
14. Арлен М.-мл. Путешествие к Арарату. Перевод с англ. А. Оганяна. – Рязань. Узорочье. 2003.
15. Бакиш К. Замороженное время. – Ирись, 2006.
16. Гуайта Д. Крик с Арарата. Армин Вегнер и Геноцид армян. – М., 2005.
17. Бекгулянци Р. По турецкой Армении. – Ростов-на-Дону, 1914.
18. Армения, Армения... Ред.-составитель В. Кривоусков. Изд. 3-е, переработанное, дополненное. – М.: Голос-Пресс, 2007.
19. Нансен Ф. Армения и Ближний Восток. 1927.
20. Брайс Д. Положение армян в османской империи в 1915–1916 гг. – Лондон, 1916.
21. Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914–1918).
22. Армянский вопрос и геноцид армян. Библиография на русском языке (1998–2007 гг.) / Составитель Э. Бабаян. Ереванский госуниверситет, Институт арменоведческих исследований. – Ереван: Издательство ЕГУ, 2009. – 282 с.
23. РИА Новости. – <http://ria.ru/analytics/20070124/59635843.html#ixzz3C3q0hQox>
25. Нейман М. Армяне. Краткий очерк их истории и современного положения. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1899. – 304 с. (Репринтная копия. М., 2005).
24. Архиепископ Магакия Орманян. Армянская церковь. – Ереван: Анкюнакар, 2006.
25. Айвазян С. Судьба Армянская. – М.: ЮниПресс СК, 2008.
26. Оганесян Э. Век борьбы. – Мюнхен–М.: Феникс, 1991. – 365 с.
27. Общеармянский фонд «Хайазг» / Глава V. Западные Армяне под пятой младотурок (1908–1914 гг.) // Армянская электронная энциклопедия: <http://hayazg.info>. Сокр. перевод с армянского языка монографии Дж. Киракосяна «Младотурки перед судом истории». – Ереван: Айастан, 1986.
28. Огаджанян А. 1915 год. Неоспоримые свидетельства. Австрийские документы о Геноциде армян. – СПб., 2005.
29. Карнацевич В. Все величайшие исторические события. – М.–Харьков: АСТ Фолио.
30. Манасян А. Карабахский конфликт. Минимальная папка политико-правовых фактов и аргументов. – Ереван, 2009. – С. 9
31. Сагателян Г. Жизнь как жизнь. – Н. Новгород: Курьер-медиа, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лидия Григорян. Век парадоксов и взросления. Вместо предисловия</i> . . . 9	<i>Сусанна Арутюнян. Их вырастили односельчане</i> 87
<i>Силвард Акопян. Пришёл Зулум</i> 13	<i>Екатерина Саканян. Они думали, что вернуться</i> 91
<i>Агаси Алекян. Время быстротечно</i> 15	<i>Мкртич Аракелян. Невысказанная боль</i> 93
<i>Нарине Мнацаканян (Давтян). Память повязала нас всех</i> 19	<i>Арарат Асатрян. Век Геноцида</i> 96
<i>Манушак Абраамян. Наши дети должны знать правду</i> 27	<i>Регина Сафарян. Одиночество в сто лет</i> 98
<i>Артур Хачатрян. О теме геноцида</i> 30	<i>Виктор Коноплёв. Матушки Алмаст армянского народа</i> 101
<i>Александр Корнилов. Несколько дискуссионных моментов</i> 35	<i>Лёва Маргарян. Будем достойны памяти предков</i> 103
<i>Елизавета Лиганова. Войны придумали алчные люди</i> 39	<i>Асмик Маргарян. Мшеци Шушо</i> 109
<i>Ася Геворгян. Реальная история</i> 41	<i>Вагаршак Худагулян. Увидел своими глазами</i> 113
<i>Александр Меликсетян. Воистину воскрес!</i> 44	<i>Артур Айрпетын. Родину нельзя отнимать у человека</i> 117
<i>Лариса Мазманян. Его предки были из Эрзурума</i> 47	<i>Микаел Карташян. Хорошее само собой не приходит</i> 126
<i>Ирина Андреасян. Моя бабушка Сандухт</i> 52	<i>Самвел Казарян. Деяния, не вписывающиеся в нормы бытия</i> 132
<i>Нарине Сардарян. Право на память</i> 55	<i>Шохакат Мхчян. Почему люди не могут жить в мире и согласии?</i> 138
<i>Лидия Самкович-Погосян. Несвоевременные мысли</i> 62	<i>Фёдор Маргарян. Мы дети одной земли</i> 144
<i>Татьяна Свадьбина. Раны Армении</i> 69	<i>Альвина Егиазарян. Дочь возрождённого народа</i> 149
<i>Павел Акопян. Решать только в диалоге</i> 74	<i>Нелли и Наринэ Иванян. Наши предки были армянскими греками</i> 152
<i>Давид Степанян. Он очень хотел есть</i> 78	<i>Саркис Рубинян. Они познакомились в церкви</i> 156
<i>Александр Саратян. Своего отца я не любил</i> 79	<i>Гегецик Андреасян. Как мало надо человеку для счастья</i> 158
<i>Мкртич Еремян. Канули во тьму миллионы миров</i> 86	<i>Месроп Атоян. Ожидание трёх поколений</i> 166
	<i>Артём Григорян. О молчании на тему Геноцида армян</i> 168
	<i>Акоп Гаспарян. Воскресшие многократно</i> 172
	<i>Эрна Санян. Тегеран – Армения – Баку – Ташкент – Нижний Новгород</i> . . 182
	<i>Петрос Саакян. Большой души человек</i> 186
	<i>Сероп Варажъян. Карусель армянских имён</i> 188

<i>Завен Дарпинян. Ты уходи, уходи из страны...</i>	192	<i>Аспрам Мкртчян. Помню и требую</i>	274
<i>Гена Амирджанян. Знаберд</i>	196	<i>Мэри Аванесян. Та невыцветшая зарисовка...</i>	576
<i>Карине Кочарян. Нам идти дальше</i>	201	<i>Эльмира Саркисян. Мне говорят, что я злопамятная</i>	281
<i>Мариам Саргсян. Как можно жить с таким грузом греха?</i>	204	<i>Армине Нерсесян. Переплетение судеб народов</i>	282
<i>Гарник Саргсян. Славные защитники народа</i>	205	<i>Нарине Багдасарян. Бог дал, бог взял</i>	285
<i>Тамара Даниелян-Мурадян. Место под солнцем</i>	207	<i>Вруйр Малхасян. Имена, не подлежащие забвению</i>	287
<i>Алексан Алеков. Я армянин</i>	213	<i>Мехак Закарян. Мер еркир...</i>	288
<i>Аркадий Гюльгазарян. Чужое нам зачем?</i>	215	<i>Кристина Навасардян. А казалось, что всё было так давно</i>	290
<i>Маник Мурадян. История ее жизни – это история страны</i>	220	<i>Грануш Мкртчян. Мы не думали, что Карс отдадут...</i>	293
<i>Арман Григорян. Велик Бог армян</i>	226	<i>Юрий Змрухтян. Благодарение за прожитый день</i>	295
<i>Ашот Тоноян. Наша память – это живая книга</i>	228	<i>Валерий Карапетян. Рвущее душу письмо</i>	299
<i>Валерий Айрапетян. Я буду всегда со своим народом</i>	231	<i>Осанна Торомян. Бабушкина исповедь</i>	303
<i>Мартин Шамоян. Велик тот народ, который сплачивается в беде</i>	234	<i>Карина Лисова (Айвазян). Я родилась и выросла в России</i>	307
<i>Анаит Наргизян. Вот такая история</i>	236	<i>Вместо заключения</i>	
<i>Мариам Гукасян. Брошенные на произвол судьбы...</i>	239	<i>Адам Григорян. «Оставьте смерть чтиться в памяти, на устах же глагольте о героях...»</i>	309
<i>Гурген Мартиросов. Привести в порядок свой собственный дом</i>	241		
<i>Эдмон Егиазарян. Нижний Новгород – Ереван</i>	244	<i>Лидия Григорян. Нубар</i>	319
<i>Аршалуйс Варжапетян. Прогулка по Стамбулу</i>	246	<i>Лидия Григорян. Возвращение</i>	331
<i>Цахик Косян. Жизненный круговорот не без проблем</i>	255		
<i>Асмик Арутюнян. Товарищ Чугурия</i>	258	<i>Приложение</i>	
<i>Азадуи Овакимян. Пустословие убило время</i>	262	<i>Кратко о главном от А до Я</i>	342
<i>Тигран Тер-Карапетян. Мои предки были священнослужителями</i>	267	<i>Использованная литература</i>	434
<i>Левик Татевосян. От одного малого инцидента в школе</i>	269		
<i>Варужан Тер-Мартиросян. К чему берeditь незатягивающиеся раны?</i>	271		

Лидия Сергеевна Григорян

СТО ПЕРВАЯ ВЕСНА

Лауреат премии Нижнего Новгорода издательство «Кварц»
Нижний Новгород, ул. Бетанкура, 29
телефон/факс: (831) 299-87-45
e-mail: izdbook@mail.ru

Генеральный директор ГК «Кварц» Д.В. Кузин
Координатор издательских проектов Т.А. Кузьмина
Главный редактор О.И. Наумова
Исполнительный директор Д.А. Иванов
Редактор И.Г. Дементьева
Корректор Л.А. Зелексон
Дизайн Е.А. Плотников
Верстка Е.А. Плотников, Е.А. Дементьева

Отпечатано в типографии